

805831 ~~077~~

Н. А. Карфин

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

V.M. KARAZIN KURDIN NATIONAL UNIVERSITY

0 006500 3 0

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Н. А. ХАЛФИН

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

(60—90-е годы XIX в.)

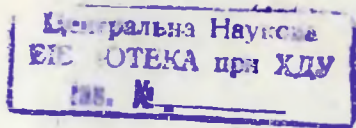
805831

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

Нафтула Аронович Халфин

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ
(60—90-е годы XIX в.)**

*Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *З. Д. Кагельская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *В. И. Гаспаров и В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 3/IV 1935 г. Подписано к печати 21 VII 1935 г. А17381.
Формат 84×178¹/₃₂. Печ. л. 14,625. Усл. п. л. 23,93. Уч.-изд. л. 25,64.
Тираж 1750 экз. Изд. № 1386. Зак. № 701. БЗ 1935, № 8, п. 53. Цена 1 р. 64 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер.,

ВВЕДЕНИЕ

В «Трудах Морского института Соединенных Штатов» не так давно появилась статья профессора Джорджтаунского университета, подполковника резерва армии США Л. Добрянского, посвященная истории СССР. Автор настойчиво пытался доказать, будто нашей стране «исконно присущ» принцип «русской империалистической экспансии и колониализма»¹.

За два года до появления статьи Л. Добрянского шведская буржуазная газета «Дагенс нюхетер», занимавшая в период второй мировой войны прогитлеровскую позицию, а ныне охотно обслуживающая реакционную американскую пропаганду, поместила обширную статью «Причесанный русский колониализм». Ее автор — доктор философии Юрий Борис, сотрудник Русского института Стокгольмского университета². Искажая и передергивая факты, этот «специалист по России» пытался заверить своих читателей в том, что советские историки обеляют царизм и его захватническую деятельность.

Почему же Морской институт США и «знатоки вопроса» в Швеции проявляют повышенный интерес к политике царской России?

Велика притягательная сила идей социализма, мира и дружбы между народами. Знаменосцем этих идей выступает великий Советский Союз. Страна Советов завоевала огромную популярность в сердцах миллионов честных людей на всех континентах. Именно поэтому буржуазная пропаганда старается выискать любую возмож-

---

¹ См. «United States Naval institute proceedings», Annapolis, 1963, № 4, pp. 40—58.

² «Dagens nyheter», 16.III.1961.

ность, сфабриковать любой «довод», чтобы очернить миролюбивую политику СССР, его научные достижения и успехи в создании нового общества, борющегося против эксплуатации человека человеком, одного народа другим.

Отсюда стремление приписать нашей стране некую «извечную агрессивность», преемственность в отношении политики царского самодержавия. Буржуазные фальсификаторы умышленно закрывают глаза на то, что именно наш народ поднялся на великую социальную революцию, которая смела с лица земли царизм вместе с поддерживавшими его капиталистами и помещиками, уничтожила созданную в России «тюрьму народов». Они пытаются затушевать коренное, принципиальное отличие советского социалистического государства от царского военно-феодалного империализма, грабительская деятельность которого мало чем отличалась от продолжающейся до сих пор агрессивной политики США, Англии, Франции и других империалистических держав.

Все это заставляет с особым вниманием относиться к изучению прошлого нашей Родины, со всей непримиримостью разоблачать бесчестные приемы фальсификаторов истории. Трудящиеся многих республик Советского Союза — Украины, Киргизии, Азербайджана и др. — торжественно отмечают вхождение своих земель в прошлом в состав России, страны, куда перемещался центр мирового революционного движения, страны, демократические круги которой призывали все народы к штурму системы эксплуатации, созданной пмущими классами разных национальностей.

Важное значение имеет освещение присоединения Средней Азии к России — процесса, растянувшегося на три десятилетия и оказавшего большое влияние на исторические судьбы узбекского, таджикского, туркменского, киргизского и других среднеазиатских народов. Царские генералы выпускали многотомные труды, в которых расписывали кровавые действия своих войск в Средней Азии. Они говорили о «завоевании». Они искали «героических сражений», «молодецких дел». Они огорчались, когда не встречали сопротивления, и полчас замалчивали подсобные факты.

А такие факты были. Измученное бесчеловечной феодальной эксплуатацией трудящееся население Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств в ряде случаев ока-

зывало содействие наступающим войскам, высылало к ним делегации, приглашало к себе. Оно не знало, естественно, что царские сатрапы не лучше «своих» эмиров и беков. Тем не менее подобное отношение — а изложенные в книге материалы свидетельствуют, что оно проявлялось чаще, чем о том писали, — дает возможность говорить не о завоевании, а о присоединении Средней Азии — более сложном процессе, сочетающем как элементы принуждения, так и элементы доброй воли. Все определялось конкретной обстановкой, исторической действительностью, объективной реальностью, но отнюдь не «коварными замыслами» советских историков, как пытается изобразить суть вещей шведский профессор Юрий Борис.

Включение Средней Азии в состав России приходится на вторую половину XIX в. Оно было тесно связано с поражением царизма в Крымской войне 1853—1856 гг., серьезно ослабившим Российскую империю и способствовавшим падению ее роли «жандарма Европы», перешедшей к более сильным и развитым в капиталистическом отношении державам. Царское правительство было вынуждено временно отказаться от активной политики на Балканах и Ближнем Востоке и уделить больше внимания укреплению своих позиций в Средней Азии. Первостепенный интерес вызывали у правящих кругов России Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства, которые поддерживали с ней тесные и взаимовыгодные торговые отношения. Этому благоприятствовала их территориальная близость, а также экономическая обстановка, сложившаяся в Российской империи и среднеазиатских ханствах того периода. Россия все более твердо и бесповоротно становилась на рельсы капитализма, тогда как Средняя Азия представляла собой экономически отсталый район, который был выгодным рынком сбыта промышленной продукции и перспективным источником сырьевых ресурсов. Поэтому укрепление своих позиций в Средней Азии приобретало очень важное значение для господствующих кругов Российской империи.

Узость внутреннего рынка, обусловленная господством крепостного права, а после его отмены — наличием серьезнейших пережитков феодально-крепостнической системы, увеличивала ценность приобретения новых рынков сбыта и сырья. Встречая существенные трудности

для развития «вглубь», российский капитализм распространялся «вширь», т. е. по линии захвата новых земель, в частности Средней Азии.

Однако на пути к ее приобретению царизм столкнулся с сильным и опасным соперником — Британской империей. В середине XIX в. Англия завершила подчинение Индии, превратив ее в базу своей широкой экономической и военно-политической экспансии в Азии и Африке. Британская агентура вела активную подрывную деятельность в Бухаре, Хиве, Коканде, Туркмении, на Памире. Правящие же круги Великобритании и английская печать прикрывали, маскировали эти действия демагогической шумихой о «русской угрозе» Индии.

Торговая, военная и политическая экспансия Англии на Среднем Востоке обусловила активизацию Российской империи в Средней Азии. В 1857—1862 гг. царское правительство внимательно изучало положение в ней, в 1863—1868 гг. распространило свое господство на Южный Казахстан, Северную Киргизию, на Ташкентский и Самаркандский оазисы, заставило крупнейшие среднеазиатские ханства — Бухарское и Кокандское — признать вассальную зависимость от Российской империи.

Не довольствуясь этим, правящие круги России в 1869 г. утвердились на восточном побережье Каспийского моря, подготовив тем самым плацдарм для проникновения в Туркмению. В 1873 г. они установили суверенитет над Хивинским ханством, а затем (1875—1876) ликвидировали самостоятельность Кокандского ханства, превратив его в Ферганскую область созданного в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства.

К 1877 г., когда особенно обострились международные отношения на Ближнем Востоке и началась русско-турецкая война, большая часть территории Средней Азии уже вошла в состав Российской империи или стала ее сферой влияния. Очередь была за «фланговыми» землями: Туркменией на западе и Памиром на юго-востоке Средней Азии. Их присоединение произошло в 80-х — первой половине 90-х годов XIX в.

Хронологические рамки работы, таким образом, определяются периодом присоединения всей Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.)

С внутривнутриполитической точки зрения это был период серьезных сдвигов в социально-экономической жизни

России, период буржуазных реформ, в результате которых буржуазия хотя и не добилась преобладающего положения в стране, но серьезно усилила свои позиции и расширила влияние в государственном аппарате. Ее требования об улучшении условий капиталистического развития страны, приобретении новых рынков сбыта и источников сырья становились все более настойчивыми и встречали все большее понимание в правительственных сферах. Таков общий круг вопросов, затрагиваемых в данном исследовании.

При подготовке настоящей книги автор ставил своей задачей рассмотреть особенности внешней политики царского правительства в Средней Азии в тесной связи с внутренней обстановкой в Российской империи (и прежде всего — экономической).

Другая цель автора — более глубокое и всестороннее, чем это было сделано до сих пор, изучение проблем англо-русского соперничества в Центральной Азии. Прежде всего доказательство чрезвычайно важного не только с научной, но и с политической стороны тезиса о том, что при всем агрессивном характере действий царского правительства в Средней Азии оно в силу определенных экономических, военных и политических условий ни в коей мере не собиралось «захватывать Индию».

Неоднократные «предостережения» английских государственных деятелей и официозных публицистов по этому поводу имели исключительно демагогический, провокационный характер. Они были призваны подвести «морально-политическую базу» под активную экспансионистскую деятельность Британской империи в Центральной Азии, направленную и против среднеазиатских ханств.

Если Индия не находилась под какой-либо угрозой захвата со стороны России, не пытавшейся даже использовать для политических интриг прибытие в русский Туркестан представителей индийских княжеств, то, как свидетельствуют изложенные в работе документы, Средней Азии угрожала несомненная опасность стать английской колонией или полуколонией (через зависевшие от Британской империи феодальные государства — Иран или Афганистан).

Автор старался также выявить отношение различных кругов Средней Азии и соседних стран к политике Рос-

сийской империи. К сожалению, недостаточная изученность восточных источников в нашей литературе не позволяет детально и всесторонне осветить этот вопрос. Однако привлеченные к исследованию материалы, как и аналогичные данные, использованные в трудах Б. Г. Гафурова, Е. Б. Бекмаханова, А. В. Пяковского, Б. Д. Джамгерчинова и др.³, свидетельствуют о том, что широкие слои населения стран Востока (как ремесленники и дехкане, так и торговцы) были кровно заинтересованы в уничтожении существовавшего там жестокого феодального гнета. Это ярко проявилось, например, во время борьбы России с Кокандским и Бухарским ханствами и облегчило ей успех в этой борьбе.

Основная задача исследования — помочь разработке недостаточно изученных в советской литературе проблем международных отношений на Среднем Востоке в XIX в. Объективное и всестороннее исследование этой темы тем более необходимо, что идеологи «холодной войны», по выражению акад. Е. В. Тарле, часто используют в своих выступлениях «русскую историю в том кривом зеркале, в котором она показана нынешней американской, английской и американизированной французской буржуазной историографией»⁴.

Важнейший ключ к трактовке исторических документов и пониманию подлинной сущности событий, а также определяющих мотивов в международных отношениях на Востоке дают произведения основоположников марксизма-ленинизма.

Известные статьи К. Маркса и Ф. Энгельса об Индии, о «Восточном вопросе» помогают лучше уяснить политическую и социально-экономическую обстановку в странах Востока в рассматриваемый период. Труды Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» освещают важнейшие проблемы развития капиталистических отношений соответственно в Англии и Российской импе-

---

³ См. библиографию.

⁴ Е. В. Тарле, *Вторая мировая война...*, стр. 60.

рии, основные предпосылки колониальной политики этих держав.

Труды К. Маркса и Ф. Энгельса наряду с работами В. И. Ленина («Империализм, как высшая стадия капитализма», «О сепаратном мире», «Тетради по империализму» и др.) помогают определить место и значение англо-русского соперничества в странах Востока в общем комплексе противоречий между капиталистическими державами в их борьбе за рынки сбыта и источники сырья, особенно обострившихся по мере развития в этих странах основных черт империализма.

Исследование внешнеполитических проблем, рассматриваемых в данной работе, как и вопросов внутренней истории, невозможно без тщательного изучения трудов основоположников марксизма-ленинизма.

ИСТОЧНИКИ

Документальной базой настоящей работы послужили материалы государственных и ведомственных архивов СССР, а также публикации документов, периодическая печать, мемуарная литература.

Среди привлеченных источников следует прежде всего выделить материалы военного ведомства Российской империи — Департамента Генерального штаба, Главного штаба, Военно-ученого комитета, коллекцию «Военные действия в Средней Азии» и др., хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА, Москва).

До присоединения Средней Азии к России практическое осуществление замыслов царского правительства в этой области поручалось руководителям соседних с ней генерал-губернаторств — Оренбургского и Западносибирского. Местные генерал-губернаторы совмещали административные обязанности с командованием войсками в этих районах и значительно теснее были связаны с военным министерством, чем с каким-либо другим центральным органом царского правительства. Туркестанский край после его образования (1867 г.) был подчинен не министерству внутренних дел, а военному ведомству, которое неизменно играло очень важную роль в среднеазиатской политике.

Все указанные обстоятельства придают особое значение исследованию документов военного аппарата царского самодержавия. К тому же материалы эти содержат разнообразные сообщения о военно-политической угрозе Средней Азии со стороны соперника России — Британской империи, о подрывной деятельности английской агентуры в соседних странах — Иране, Афганистане, Китае (особенно на его западной окраине — в Илийском крае и Кашгарии).

Документы ЦГВИА СССР свидетельствуют, что военное министерство было сторонником решительных и энергичных действий в Средней Азии, тогда как представители царской дипломатии, как правило, призывали к более осторожной политике.

Использование данных военного ведомства позволило уделить меньше времени работе над фондами Архива внешней политики России (АВПР), ибо бумаги дипломатических органов царского правительства неизменно пересылались для сведения и согласования высшим военным руководителям Российской империи. В АВПР была рассмотрена документация Главного архива министерства иностранных дел, политического архива, различных посольств и миссий и прежде всего такие источники первостепенной важности, как материалы «особых совещаний», «всеподданнейшие доклады» и т. п. (в копиях, а нередко и в подлинниках они встречаются также в бумагах некоторых других архивов).

Среди дел Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА, Ленинград) — основного хранилища документов по экономической истории дореволюционной России — автор ознакомился с материалами министерства торговли, Особого комитета для рассмотрения предположений о торговых сношениях России с Азией, коллекцией «Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности и торговые договоры с иностранными государствами» и другими фондами, что дало возможность лучше уяснить экономическую сторону вопроса.

В Центральном государственном историческом архиве УзССР (ЦГИА УзССР, Ташкент) сосредоточены материалы всего Туркестанского края, охватывавшего большую часть нынешних среднеазиатских республик и ряд областей Казахстана. С 1865 г., когда Ташкент стал

административным центром Туркестанской области, а затем — Туркестанского генерал-губернаторства, ни один мало-мальски серьезный вопрос из истории Средней Азии в колониальный период не может быть изучен с достаточной полнотой без привлечения фондов ЦГИА УзССР (в настоящее время — Исторический отдел Центрального госархива УзССР).

В данной работе использованы дела канцелярии туркестанского генерал-губернатора (особенно ее дипломатической части), дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, российского политического агентства в Бухаре и др. Специфической особенностью этих материалов по сравнению с бумагами центральных правительственных учреждений является большая насыщенность конкретными деталями, характеризующими местную обстановку. Многие из этих данных либо вообще не достигали Петербурга, либо доходили до него в урезанном и «обобщенном» виде.

Среди фондов архива стоит особняком коллекция «Подготовительные материалы к публикации документов А. Г. Серебrenникова „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания“» — 70 объемистых томов содержательной, но малоизвестной публикации, составленной военным инженером А. Г. Серебrenниковым в первом десятилетии XX в. по поручению туркестанского генерал-губернатора и военного министерства.

В этот сборник вошли копии архивных материалов Петербурга, Москвы, Оренбурга, Тифлиса, Омска и Ташкента, т. е. всех городов, где находились государственные учреждения, связанные с политикой царского правительства в Средней Азии. Часть этой публикации была издана ограниченным тиражом в Ташкенте, причем из общего числа подготовленных томов в 1912—1915 гг. вышло в свет лишь 14.

Несмотря на некоторые существенные недостатки в подборе и археографической обработке документов, уже отмечавшиеся в литературе⁵, эта коллекция очень важна для исследования истории Средней Азии за период 1839—1876 гг. Отмечая пробелы сборника и промахи его

⁵ См. Е. И. Кушева, *Об одной дореволюционной публикации...*, стр. 409—421.

составителя, нельзя вместе с тем не относиться с глубоким уважением к огромному труду, вложенному в подготовку публикации А. Г. Серебренниковым, которому помогали фактически всего один-два офицера, прикомандированных в качестве переписчиков. Его работа (как опубликованные тома, так и оставшиеся в рукописи) уже принесла много пользы исследователям, в частности таким историкам Средней Азии, как Е. Б. Бекмаханов, Б. Д. Джемгерчинов и др. Для большей достоверности документы коллекции, которые широко использованы в данной работе, как правило, проверялись по подлинникам.

Автор ознакомился также с фондами Главного штаба Кавказской армии, Дипломатической канцелярии кавказского наместника, Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа, Кавказской археографической комиссии и др., хранящимися в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (Тбилиси).

Содержащиеся в них сведения освещают политику царского правительства в западной части Средней Азии (в отношении восточного побережья Каспийского моря и Хивинского ханства), которая одно время осуществлялась через Кавказское наместничество. Документы Исторического архива Грузии сообщают об экспедициях Н. В. Ханыкова (1858) и В. Д. Дандевиля (1859), а главное, что важно для нашей темы, о занятии побережья Красноводского залива (1869).

С материалами этого архива перекликаются использованные в работе дела инспекторского департамента и канцелярии морского министерства, хранящиеся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота СССР (Ленинград), которые дополнили и расширили представление об участии капитан-лейтенанта А. И. Бутакова в посольстве Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г., о проектах продвижения царских войск в Среднюю Азию со стороны Каспийского моря.

Особое значение для исследователя имеют так называемые личные фонды — документальные материалы, «отложившиеся» в архиве того или иного государственного, военного или общественного деятеля, какой-нибудь «династии» помещиков, предпринимателей, торговцев либо отдельных представителей этих социальных слоев.

Документы участников исторических событий дополняют материалы государственных учреждений и организаций, проливая зачастую новый свет на истинную подоплеку различных событий и помогая глубже раскрыть их смысл.

Значение привлеченных нами личных фондов определяется местом, занимаемым их владельцами в военно-политической, экономической и общественной жизни страны; среди них — Д. А. Милютин, военный министр Российской империи на протяжении всего периода, который освещает данная работа; глава дипломатической миссии в Хиву и Бухару, а затем директор Азиатского департамента и посол России в Стамбуле Н. П. Игнатьев; туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман; руководители и активные участники военных походов в Среднюю Азию А. Л. Данзас, М. Г. Черняев, Г. А. Колпаковский, Н. И. Гродеков и др.; крупнейший предприниматель В. А. Кокорев; видные востоковеды Н. В. Ханыков, В. В. Григорьев и др. Автор настоящего труда старался уделить больше внимания личным архивам, которые, к сожалению, мало использованы для изучения внешней политики царского правительства в Средней Азии. В работе над личными фондами встречаются серьезные трудности, прежде всего связанные с тем, что эти материалы разбросаны по разным учреждениям.

Для выявления соответствующих документов автор обследовал также Центральный государственный исторический архив СССР в Москве, Архив Академии наук СССР, Архив Всесоюзного географического общества, Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Большой интерес представляют публикации в периодической печати того времени, которая широко освещала вопросы торговли и политики царского правительства в Средней Азии. Для изучения материалов прессы второй половины XIX в., посвященных среднеазиатским проблемам, неоценимую помощь оказывает уникальный «Туркестанский сборник», который хранится в Государственной публичной библиотеке УзССР им. А. Навои (Ташкент). Этот богатейший сборник (в единственном экземпляре), составленный основоположником русской научной библиографии В. И. Межовым и дополненный известным востоковедом А. А. Семеновым, насчитывает свыше 600

гомов, содержащих важнейшие заметки, статьи и даже книги по различным вопросам жизни народов Средней Азии и соседних стран, экономическим и политическим отношениям России и других государств со среднеазиатскими ханствами.

Из числа использованных публикаций документов следует в первую очередь указать на «Синие книги» английского правительства, известную серию хансардовых «Парламентских дебатов», официальную публикацию министерства иностранных дел России «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1885 гг.» и др.

Наконец к изучению была привлечена многочисленная мемуарная литература, воспоминания и заметки участников военных походов и дипломатических миссий, описания научных экспедиций и путешествий, поездок с торговой и предпринимательской целью. При всем субъективизме, присущем этому роду исторических источников, они подчас содержат интереснейшие сведения, которые позволяют лучше уяснить сложившуюся обстановку в России, ханствах Средней Азии и соседних с ними странах Востока, позицию и взгляды того или иного политического или военного деятеля, ученого, дипломата, предпринимателя.

Таковы, например, мемуары Н. П. Игнатьева и Н. Г. Залесова об их поездке в Хивинское и Бухарское ханства, И. Ф. Бабкова о его службе в Западной Сибири, Л. Ф. Костенко и А. А. Татаринова о посольстве в Бухару, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, Н. А. Северцова, А. П. Федченко, Н. В. Ханыкова и др. о совершенных ими научных путешествиях по Средней Азии и соседним областям.

Ко всем перечисленным источникам необходим, конечно, критический подход. В особенности это относится к материалам военно-политических деятелей и представителей торгово-буржуазных кругов Российской империи и Англии, в которых обосновывалась «необходимость» тех или иных завоевательных действий на Востоке. Рапорты и донесения «с мест» нередко содержат искаженную картину обстановки, о чем можно судить, сопоставив материалы различного происхождения. Подтасовкой фактов не гнушались и высшие правительственные круги (изданная в Англии, например, в 1839 г. «Синяя кни-

га» представляла собой грубую подделку документов, вызвавшую скандал в парламенте). Учитывая все это, автор старался, не фетишизируя документов, в том числе архивных, извлечь из них «рациональное зерно».

Среди мемуарной литературы следует особо выделить свидетельства среднеазиатских ученых, мыслителей, историков и просто очевидцев. Эти материалы имеют первостепенную ценность, ибо позволяют взглянуть на происходившие события, так сказать, «изнутри», глазами тех, чьи жизненные судьбы решались в процессе присоединения Средней Азии к России. Они подчас играют незаменимую роль, раскрывая такие факты, которыми пренебрегала официальная документация либо уделяла им мало внимания.

С этой точки зрения необходимо отметить очень содержательную публикацию работ Ахмади Донниша, подготовленную Отделом востоковедения и письменного наследия АН Таджикской ССР под общим названием «Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное». Писатель-просветитель Донниш, выдающийся представитель среднеазиатской мысли XIX в., с большой силой и мастерством обличает всестороннюю отсталость Бухарского ханства, косность, невежество и произвол его правящей верхушки.

Весьма любопытен также «Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае», изданный в переводе на русский язык известным дореволюционным востоковедом Н. И. Веселовским; в нем описывается внутренняя борьба в Ташкенте, под стенами которого стояли в то время царские войска.

Некоторые детали общей обстановки в Кокандском ханстве можно почерпнуть из напечатанных в «Записках Восточного отдела Русского археологического общества» (т. XI, 1897—1898 гг.) «Рассказов Мирза-Ахмеда о себе самом и о кокандских событиях». Интересен также исторический труд Мирзы Абдал Азима Сами «Тарих-и салатин-и мангитийа» («История мангытских государей»), вышедший в свет в 1962 г. в переводе на русский язык

Нет необходимости добавлять, что и эти материалы, как и отмеченные ранее категории источников, также нуждались в критическом анализе.

Дворянско-буржуазная историография дореволюционной России уделяла много внимания политике царского правительства в Средней Азии и англо-русскому соперничеству в странах Востока. Однако представители этой историографии в основном рассматривали военную сторону вопроса, а также дипломатические отношения. Значительно реже и более поверхностно привлекались к изучению социально-политические и экономические проблемы. Им были посвящены лишь отдельные работы М. А. Терентьева, В. В. Григорьева, Ю. А. Гагемейстера, в которых освещалось развитие русской торговли со странами Азии. Но и в этих работах проводилась слабая связь между экономической жизнью Российской империи и ее внешней политикой на Востоке. Даже крупные специалисты в области международных отношений в Центральной Азии, как правило, не шли в своих работах дальше простого изложения собранного фактического материала.

Дворянско-буржуазная историография не разработала общей концепции политики царизма в XIX в. Попытки же создать такую концепцию оказались неудачными из-за классовой ограниченности их авторов. «Актуальность тематики содействовала также тому, — справедливо отмечал в специальном исследовании по этому вопросу советский ученый А. Л. Попов, — что буржуазно-дворянские историки, работавшие над вопросами внешней политики самодержавия XIX в., культивировали в своих трудах официальные легенды или ограничивались публицистическим подходом»⁶.

Вопросы внешней политики царского самодержавия в XIX — начале XX в. освещались дореволюционными историками меньше, чем внутриполитические проблемы Российской империи. Это обстоятельство, как и «публицистический подход», в значительной степени объясняется сугубой секретностью документов по вопросам международных отношений. В государственные архивы получали доступ лишь единичные исследователи, которые пользовались особым доверием правительства. Но и они могли

⁶ А. Л. Попов, *Внешняя политика русского царизма...*, стр. 210—211.

публиковать свои труды только в том случае, если их точка зрения вполне совпадала с официальной. Так, трехтомная «История завоевания Средней Азии» М. А. Терентьева, использовавшего архивные материалы учреждений Туркестанского генерал-губернаторства, пролежала без движения почти три десятилетия и увидела свет лишь в 1906 г., когда первая буржуазно-демократическая революция в России заставила царское правительство ослабить на некоторое время цензурный надзор. Такая долгая задержка с выходом в свет книги объясняется несколько критическим отношением ее автора к действиям царских чиновников и военных деятелей в Средней Азии. И хотя критика эта не затрагивала принципиальных основ политики правящих кругов Российской империи на Востоке, тем не менее это отразилось на сроках выхода книги Терентьева.

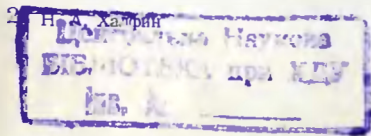
Если доступ к документам государственных учреждений был крайне ограничен, то материалы предпринимателей, торговцев, путешественников, личные архивы политических и общественных деятелей были совершенно закрыты для изучения и использования в научных целях.

Основной недостаток дореволюционной исторической литературы, посвященной проблемам международных отношений (как и другим вопросам), заключается в идеалистическом подходе к исследованию тех или иных проблем, нередко в обосновании и поддержании «официальной легенды». Так, в основу многих статей и книг, посвященных среднеазиатской политике самодержавия, легла, например, «концепция», выраженная в «циркулярной ноте» (1864 г.) министра иностранных дел Российской империи А. М. Горчакова о «непреодолимом стремлении правильно организованного государства» распространять свое господство на соседние территории, где, по мнению царских чиновников, не существовало «твердого порядка».

Вот, к примеру, как примитивно и крайне упрощенно рисовал сложный процесс включения Средней Азии в состав Российской империи М. А. Терентьев, один из наиболее компетентных в дореволюционное время авторов по этому вопросу:

«Зачем мы забрались в Азию?»

...Наше движение на Восток не зависело от далеких

805831

планов — мы преследовали только ближайшие цели: дикие номады, не признающие никаких прав, кроме права силы, нападают на наши границы, захватывают «полон» и продают русских тысячами на рынках Средней Азии. Ответные набеги наших отрядов только запутывали счеты и разжигали взаимную ненависть.

Испробовали другой способ: степные укрепления. Дело пошло лучше, но форты надобно было связать друг с другом. Образовались линии. Стремление связать линию Оренбургскую с Сибирской повело к занятию позиций на реках Сыр-Дарье и Чу, а это вызвало вражду со стороны Кокана, Бухары и Хивы. Ряд войн с этими ханствами привел нас на теперешние стоянки.

Смело утверждаем, что при всем этом об Индии и не помышляли: „Наших бьют, значит, надо выручать“ — вот самая короткая формула, непонятная только дипломату»⁷.

Мы намеренно привели такую длинную цитату, ибо в ней в основном нашли выражение взгляды подавляющего большинства дореволюционных исследователей политики царского правительства в Средней Азии. При всей сумбурности и ненаучности этой трактовки следует отметить и правильное положение, высказанное Терентьевым: об Индии царские генералы, продвигаясь в Среднюю Азию, действительно не помышляли. Как и правительственные круги, буржуазная и военно-феодальная верхушка Российской империи ставила перед собой в Центральной Азии ограниченные цели: овладеть среднеазиатскими ханствами и превратить их в той или иной форме в районы своего влияния — рынки сбыта фабрично-заводских изделий России, источники соответствующего сырья, т. е. сделать Среднюю Азию своей колонией.

Дворянско-буржуазная историография дореволюционной России подходила к оценке исторических событий, происходивших в Средней Азии, со своих классовых позиций. Она обеляла хищнические действия капиталистических держав на Востоке, оправдывала политику грабежей и захватов «неполноценностью» местного населения.

---

⁷ М. А. Терентьев, *Россия и Англия в Средней Азии*, стр. 271—272.

Учитывая острое соперничество в Азии между двумя капиталистическими агрессорами — Российской империей и Великобританией, представители этой историографии призывали к любовной сделке с конкурентами за счет народов Востока.

Так, основная идея книги «Россия и Англия в Средней Азии», принадлежавшей перу авторитетнейшего в дипломатических кругах царизма специалиста по международному праву Ф. Ф. Мартенса (он, кстати говоря, почти совершенно не знал русского языка и писал только по-французски или по-немецки), заключалась в признании «солидарности» интересов России и Англии в Центральной Азии. Мартенс лживо заявлял, что на этих державах лежит «просветительная миссия» по отношению к «полудиким народам», ради осуществления которой необходимо англо-русское сотрудничество на Востоке⁸. Эта точка зрения, которую разделяли Терентьев и многие другие дореволюционные историки и публицисты (М. Н. Катков, например), как и некоторые военно-политические деятели (М. Д. Скобелев), по сути дела была официозной, что совершенно обоснованно отметил советский исследователь А. Л. Нарочницкий⁹.

Неправильная методология, отсутствие всестороннего и глубокого экономического и политического анализа серьезно обесценивали даже и те работы, в которых был собран большой фактический материал. Для примера могут быть названы книги и статьи М. А. Терентьева, М. И. Венюкова, Н. И. Веселовского, В. В. Григорьева¹⁰ и других дореволюционных востоковедов. Это не значит, конечно, что советские исследователи должны отказываться от использования дореволюционных публикаций по внешнеполитическим (и другим) вопросам. Эти работы свидетельствуют о наличии различных расхождений в трактовке политической обстановки, методах и целях действий, т. е. дают дополнительный материал для более правильного понимания исторических источников. Так,

⁸ Ф. Ф. Мартенс, *Россия и Англия в Средней Азии*, стр. 90—91.

⁹ А. Л. Нарочницкий, *Колониальная политика...*, стр. 220.

¹⁰ М. А. Терентьев, *Россия и Англия в Средней Азии; Россия и Англия в борьбе за рынки; История завоевания Средней Азии*; и др.; М. И. Венюков, *Поступательное движение России...* и др. работы; Н. И. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений...* и др.; В. В. Григорьев, *Русская политика...* и др.

работы Герентьева или М. Грулева¹¹ укрепляли позиции военного министерства в его внутренней полемике с министерством иностранных дел, отстаивавшим более сдержанную политику в Средней Азии

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Среди зарубежных историков в основном английские занимались изучением внешней политики Российской империи в Средней Азии и англо-русским соперничеством в Центральной Азии. Ученые других капиталистических стран посвятили этой теме крайне ограниченное число работ, написанных преимущественно по английским материалам. В буржуазной историографии Англии эта тема занимает особое место в связи со значением колониальной политики в странах Востока в жизни Британской империи. Ее разработка всецело подчинена политическим целям: обосновать, оправдать завоевательные действия английских правящих кругов в странах Азии, противопоставив им деятельность капиталистических конкурентов. Преследуя пропагандистские цели, реакционные английские историки обосновывали свою концепцию фальшивым тезисом об особой «агрессивности» России и «оборонительном характере» политики Англии на Востоке.

После второй мировой войны, в обстановке «холодной войны», пропагандистскую деятельность британских авторов, не имеющую ничего общего с наукой, поддерживали американские историки, которые наряду со своими английскими коллегами выдвинули демагогический, лживый тезис о продолжении Советским Союзом наступательной политики царской России.

Положение об особой агрессивности Российской империи в странах Востока стало отправным пунктом многих западных буржуазных исследователей. Они ссылаются при этом на «завещание Петра I» — фальшивку, впервые появившуюся во Франции во второй половине XVIII в., в которой Петру I приписывались фантастические планы захвата всей Европы, Османской империи, Ирана, Индии и других стран.

---

¹¹ М. Грулев, *Соперничество России и Англии в Средней Азии*.

В периоды обострения взаимоотношений между западными державами и Российской империей это «завещание» широко использовалось для пропаганды против русского государства и обоснования тезиса о «сверхагрессивности России». Этим сомнительным оружием часто оперировали апологеты и проповедники британской экспансии в странах Востока: Д. Уркварт, Г. Роулинсон, Дж. Керзон, П. Сайкс¹² и многие другие. После вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР в 1941 г. эта фальшивка распространялась и органами фашистской пропаганды.

Советские историки убедительно доказали научную несостоятельность мифа о «завещании Петра I», вскрыли его антирусскую направленность и политическую подоплеку спекуляций вокруг этого вопроса¹³. Однако эта легенда продолжает периодически появляться на страницах английской и американской печати, в книгах историков, в речах государственных деятелей. Именно стремлением всячески подчеркнуть «особую агрессивность» России и одновременно оклеветать советскую внешнюю политику вызвано утверждение американского автора А. Лилиентала, что со времен Петра I Россия, а затем СССР «неуклонно стремились» к захвату портов Персидского залива и Средиземноморья¹⁴.

На сфабрикованных материалах типа «завещания Петра I» английская дипломатия и ее официальная историография 20—30-х годов XIX в. построили тезис о «русской угрозе» Индии и другим странам Востока, которой противопоставлялся «чисто оборонительный» характер внешней политики Англии в этом районе. Подобные взгляды, не имеющие ничего общего с действительностью, лежат в основе почти всех английских исторических трудов XIX—XX вв. по вопросам международных отношений на Востоке. Наиболее крупными представителями этой надуманной концепции являются уже упомянутые

¹² D. Urquhart, *England, France, Russia and Turkey; Progress of Russia...; The portfolio; or a collection of state papers...*, vol. 1—6; *The portfolio, new series*, vol. 1—6; H. Rawlinson, *England and Russia in the East*; G. N. Curzon, *Persia and the Persian question*; P. Sykes, *A history of Persia*, 3 ed.; *A history of Afghanistan*.

¹³ См. Яковлев, *О так называемом «завещании» Петра Великого*, стр. 123, 133; Е. Н. Данилова, *«Завещание» Петра Великого*, стр. 103—270.

¹⁴ A. Lilienthal, *There goes the Middle East*.

нами Г. Роулинсон, Дж. Керзон, П. Сайкс и др. Излагавшиеся ими в свое время взгляды на исторические события в Центральной Азии не претерпели почти никаких изменений до наших дней. Так, В. К. Фрэзер-Тайтлер вслед за апологетами британской захватнической политики XIX — начала XX в. обосновывает агрессивную деятельность Англии с начала нового времени экспансией России. Там, где он не может обосновать тезис о прямой «угрозе» английским владениям со стороны России, он выдвигает новое понятие «потенциальной угрозы»¹⁵.

Прикрываясь этой лживой теорией, Фрэзер-Тайтлер изображает грабительские действия британских колонизаторов в Азии (захват Синда в 1843 г., Пенджаба в 1846—1849 гг., Кветты и Читрала в 1876 г., припамирских княжеств Хунзы и Нагара в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в., а также агрессивные войны против Афганистана в 1838—1842, 1878—1880 и 1919 гг.) в виде своеобразных «превентивных операций» Англии для обеспечения своих колониальных территорий в Индии «от опасности с севера»¹⁶. Фрэзер-Тайтлер и другие английские буржуазные историки, настойчиво твердившие об «угрозе Индии», умалчивали о том, что эта страна уже была захвачена силой и превращена в британскую колонию, а ее население подвергалось беспощадной эксплуатации и ограблению. Все эти авторы, как правило, искажают подлинный ход исторических событий в странах Азии, обеляют активную экономическую и военно-политическую экспансию Англии на Востоке. Хотя прогрессивными, объективными исследователями написаны многие сотни статей и книг, в которых перед читателями встает картина тяжелой трагедии народов Индии, представители реакционной историографии никак не хотят признать, что английская буржуазия не «защищала» Индию и другие страны Востока, а завоевывала их и беспощадно грабила.

Как в книгах британских военных и политических авторов XIX — начала XX в., так и в изданиях многих современных исследователей международных отношений подлинный всесторонний анализ событий подменяется рассказом об интригах какого-либо дипломата, или

¹⁵ W. K. Fraser-Tytler, *Afghanistan...*, pp. 80—81.

¹⁶ *Ibid.*, pp. 121—123, 129—130, 144—145.

закулисной деятельности тайного агента, или описанием «молодецкого налета» полка «легких гусар» и т. д., и т. п. Типичным образцом подобного рода работ может служить «ралеевская лекция по истории» Г. Дэвиса под названием «Большая игра в Азии»¹⁷ или объемистая книга плодovitого публициста Ч. Марвина «Разведывание Средней Азии»¹⁸.

Характерная деталь: среди многих десятков книг зарубежных авторов, посвященных политике Великобритании (как и других колониальных держав) на Востоке и связанным с этим различным проблемам международных отношений, нельзя назвать почти ни одного издания, в котором бы глубоко, добросовестно и всесторонне изучалась экономическая основа политики. Простое перечисление фактов, к тому же сплошь и рядом тенденциозно подобранных, подогнанных и освещенных, лишает серьезной научной ценности подавляющее большинство произведений буржуазной историографии Запада. Буржуазные историки предпочитают обходить молчанием важнейшие проблемы экономического развития Англии (и других капиталистических стран), которые одни только и могут дать важнейший материал для ответа на многие вопросы, относящиеся к британской политике в странах Азии (как и в других районах).

Но ведь, может высказать недоумение читатель, трудно допустить, чтобы за многие годы не появилось ни одного труда, посвященного «базису политики» — экономике. Появлялись, конечно. Одна из таких работ вышла в свет совсем недавно — в 1958 г. Имеется в виду книга Альберта Имлаха «Экономические элементы в Британской империи. Исследования в области британской внешней торговли в XIX веке»¹⁹.

Поскольку это едва ли не самое последнее издание на интересующую нас тему, а ее автор далеко не новичок в исторической науке²⁰, остановимся на труде Им-

¹⁷ H. W. C. Davis, *The great game in Asia...*, pp. 227—256.

¹⁸ Ch. Marvin, *Reconnoitring Central Asia*.

¹⁹ Albert H. Imlah, *Economic elements...*

²⁰ А. Г. Имлах — профессор английской и американской истории в Университете Тафта и истории дипломатии во Флетчерской дипломатической и юридической школе и внештатный преподаватель экономики Гарвардского университета, автор исторических исследований, в частности книги «Lord Ellenborough». Cambridge (Mass.), 1939.

лаха несколько подробнее. При беглом ознакомлении работа производит очень благоприятное впечатление: огромный фактический и цифровой материал, десятки таблиц и диаграмм, обилие использованных источников, великолепный индекс. Однако стоит начать читать работу Имлаха более или менее внимательно, как появляется, а затем и все возрастает недоумение по поводу концепций и взглядов автора. Уже во введении к книге автор утверждает, что на протяжении всего XIX в. Англия только и делала, что использовала свою экономическую мощь для... утверждения мира в Европе. За этим совершенно неожиданным и опровергаемым всем ходом истории взглядом следует столь же мало обоснованное «наблюдение»: вторая мировая война возникла, по Имлаху, потому, что Соединенным Штатам Америки не удалось провести в жизнь свои «миролюбивые идеи» после 1918 г. и они «самоустраились» от обеспечения «международной безопасности». Так «американский профессор английской истории» ставит с ног на голову все представления о событиях XIX—XX вв., приукрашивает британскую политику разжигания вражды и войн между различными европейскими странами, поддержку реакционными кругами США германского фашизма и т. д., и т. п. Красной нитью по всей книге проходит надуманная идея о «миролюбивом посредничестве» Англии в «европейском концерте держав».

Но история Англии в XIX в., а особенно история экономического развития Британской империи — в то же время и история разорения, обнищания, вымирания сотен тысяч и миллионов индийцев, бирманцев, малайцев, народов африканских колоний Великобритании. И скрыть ее невозможно: это отчетливо видно и сейчас — в экономической отсталости бывших британских колониальных владений. Но Имлах старательно замалчивает тот факт, что экономика Англии выросла и развилась на костях и крови ограбленных английскими господствующими классами народов Азии и Африки.

В результате мы находим, например, что Индия, на всесторонней эксплуатации которой создавалась и окрепла Британская колониальная империя, упоминается в книге лишь как район английских капиталовложений для развития железных дорог и т. п. Здесь нет ни слова о других факторах, способствовавших экономическому

подъему Англии: о вывозе колоссальных материальных средств из британских колоний в метрополию — в виде «дани», налогов, процентов с вложенного капитала или просто захваченных в различных войнах и грабительских экспедициях ценностей, о захвате местных рынков и удушении местной промышленности, о физическом вымирании ремесленников и крестьян стран Востока.

А ведь это и были «экономические элементы в Британской империи»! Изложенное свидетельствует, что реальная ценность всевозможных статистических выкладок, собранных автором в результате двадцатилетних изысканий (как говорится в книге), невелика.

Нежелание А. Имлаха увидеть очевидные вещи и его стремление исказить исторический процесс вполне характеризуют тулик, в который зашла буржуазная историография, основывающаяся на порочной методологии. К тому же Имлах отнюдь не одинок в своем желании скрыть разнузданный грабеж колониальных и зависимых территорий британскими захватчиками. Аналогичная «фигура умолчания» характерна и для издания, считающегося образцом классики в буржуазной историографии, — «Кембриджской истории Британской империи»²¹. Насыщенная огромным количеством самых разнообразных сведений по различным темам, призванная возвеличить деятельность колониальной администрации (как, например, борьба с работорговлей, ставшей на определенном этапе помехой в «правильной эксплуатации» оккупированных земель), эта книга старательно обходит щекотливые проблемы, и среди них — прежде всего насильственную выкачку колоссальных материальных средств из «восточных владений» Англии на нужды метрополии.

Тантвенное молчание по этому вопросу старательно хранят и идеологи так называемой рабочей, лейбористской партии Англии. Более того, они пытаются убедить мир в огромной пользе, которую якобы принесло народам Азии и Африки их порабощение Британской империей, пользе, уравновешивавшей, по их словам, если не превосходившей отрицательные стороны этого события²².

Несмотря на то что в настоящее время, спустя уже

²¹ См. вышедший в 1959 г. третий том этого издания, стр. 190.

²² J. Strachey, *The end of empire*, p. 13, и др. См. о нем: Е. Б. Черняк, *Историография против истории*, М., 1962, стр. 340—342.

десятилетия после освобождения ряда народов от британского колониального ига, многие из них не могут оправиться от нищеты и разорения, связанных с чужеземным господством, английские буржуазные авторы упорно продолжают творить легенды «из жизни Британской империи». Такие пропагандистские измышления, мало связанные с наукой, призваны оказать воздействие на историков других стран. В этой связи целесообразно остановить внимание на индийской историографии международных проблем XIX в.

ИНДИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Современные индийские историки уделяют много внимания изучению международных отношений на Среднем Востоке в XIX в., особенно во второй его половине. Этому вопросу посвящено немало специальных исследований²³. В той или иной степени он затрагивается также в общих трудах по истории Индии²⁴. Интерес к этой теме не случаен. История Индии тесно переплетается с историей британской колониальной политики и международных отношений на Востоке. Английские колонизаторы в политических целях освещали эти вопросы с фальсификаторских позиций. «...Работы англичан по истории Индии, особенно относящиеся к так называемому английскому периоду, вызывают резкое негодование индийцев... Истина скрывается где-то на дне глубокого колодца, а надо всем царит ложь, открытая и бесстыдная»²⁵, — так характеризовал Джавахарлал Неру труды английских авторов по истории Индии.

Аналогичную оценку давал им и индийский ученый Н. Кастури в своей «Истории британского захвата Индии», изданной в Калькутте еще во время господства

---

²³ См., напр.: B. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*; A. Ch. Capur, *Disraeli's forward policy...*; M. Chaudhuri, *Power-politics in Afghanistan...*, pp. 137—140; K. M. Panikkar, *The Himalayas and Indian defence*, pp. 127—135. и др.

²⁴ См., напр.: N. Kasturi, *History...*; K. M. Panikkar, *A survey of Indian history; Asia and Western dominance...*; Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*; В. Кумар, *Англо-американский заговор против Кашмира* и др.

²⁵ Дж. Неру. *Открытие Индии*, стр. 306.

колонизаторов. Он писал, что нельзя ожидать от английских специалистов создания полной и правдивой истории Индии, ибо они склонны делать выгоду «мерилом правды» и «обычно распространяют ошибочные взгляды и прелестную полуправду; таким образом, индийцы должны отсеивать истину от массы предвзятых описаний... Британские писатели публикуют много фальшивок». Н. Кастури добавлял, что большая часть опубликованных английскими буржуазными историографами источников извращена и фальсифицирована, а неопубликованные документальные материалы хранятся под замком²⁶.

Исследования ученых Республики Индии, перед которыми стоят задачи подлинно научного освещения прошлого своей родины, приобретают в связи с этим особенно важное значение.

После завоевания Индией независимости ее историки подготовили и опубликовали много содержательных работ, использующих и вводящих в научный оборот не привлекавшиеся ранее источники²⁷, доступ к которым в условиях колониального режима был затруднен. Ценность того или иного исследования, естественно, возрастает в зависимости от того, насколько новы и обоснованны выдвинутые в нем положения. С этой точки зрения труды индийских ученых по интересующей нас теме — международным отношениям на Востоке во второй половине XIX в. — можно разбить на две группы: в одних продолжают господствовать некоторые традиционные мотивы британской буржуазной историографии; другие выдвигают концепцию, отличающуюся от «канонических» положений этой историографии.

Относящиеся к первой группе исследователи некритически восприняли тезис о «русской угрозе» Индии, которым британские буржуазные политики и историки стремились обосновать агрессивную деятельность Англии на Среднем Востоке, затушевать подлинные экспансионистские цели Британской империи, приписать ее действиям оборонительный характер.

В современной индийской историографии эту «оборонительную концепцию» английской политики на Востоке

---

²⁶ N. Kasturi, *History...*, pp. 1—2.

²⁷ См. работы Б. Прасада, К. М. Панпккара, К. С. Менона, А. Ч. Капура и др.

почти всецело разделяет, например, Бишешвар Прасад в книге «Основы внешней политики Индии»²⁸, прямо связанной с нашей темой. Эта работа рассматривает события 1860—1882 гг. и является первым томом из серии, которая должна охватить период 1860—1947 гг.²⁹ Все эти исследования подготавливаются для Индийского совета международных отношений, что придает изданию особо ответственный характер. В предисловии к книге Б. Прасад указывает, что независимой Республике Индии необходимо четко определить свою внешнюю политику, для чего чрезвычайно важно изучить историю Индии, а также взаимоотношения ее с соседними странами в прошлом³⁰. Это положение свидетельствует о том, что данной работе придается не только научное, но и практическое значение.

Эта книга, однако, никакого отношения к внешней политике Индии не имеет. Речь в ней идет исключительно о внешней политике Англии, установившей свое колониальное господство над индийскими народами. Автор отождествляет интересы и цели британских колонизаторов с нуждами Индии и ее народов. Так, описывая грубый нажим вице-короля Индии лорда Литтона (1876—1880) на Афганистан, Б. Прасад пишет, что литтоновские «методы и образ действий были плохо задуманными и вредными для индийских интересов»³¹. Автор при этом совершенно абстрагируется от того, что Литтон стоял на защите интересов Англии, а не Индии и его действия в отношении Афганистана были направлены на полное подчинение этой страны английскому владычеству, т. е. во вред индийскому и афганскому народам. Лишь на самой последней странице книги д-р Прасад говорит, что «внешняя политика Индии, полностью контролируемая правительством ее величества и целиком подчиненная Уайт-холлу, была направлена на осуществление британских интересов»³². Но это правильное положение, к сожалению, не легло в основу его работы.

Нельзя не напомнить в данном случае высказывания

---

²⁸ B. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*.

²⁹ Сведениями о выходе в свет последующих томов серии мы не располагаем.

³⁰ B. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*, p. IX.

³¹ Ibid., p. 171.

³² Ibid., p. 263.

одного из крупных индийских историков и политических деятелей, К. М. Паниккара, о так называемом британском периоде истории Индии и «тождественности» интересов метрополии и колонии. «Законно говорить о британском периоде, — подчеркивал он, — как о периоде, когда политика, относящаяся к Индии, решалась интересами другой страны, расположенной далеко; но даже это будет правильно только отчасти, ибо подлинная история Индии в течение всего этого периода делалась не в Уайтхолле и даже не генерал-губернаторами либо вице-королями в Калькутте и Дели или бюрократией, управлявшей страной, а народом Индии, который спокойно и ненавязчиво преобразовал себя и черпал из своего древнего наследия новые источники и силы, придававшие ему бодрость духа и позволившие в конце концов восстановить свою независимость.

...Существует несомненно история англичан в Индии, начиная с момента возникновения первых факторий до ухода последнего британского солдата с индийской земли. Она связана с Индией, поскольку это происходило на территории Индии, но это не более часть индийской истории, чем, скажем, макартурова оккупация Японии в японской истории. Это важный раздел британской истории и, как таковой, заслуживает изучения теми, кто интересуется британскими заморскими подвигами... — продолжает иронически К. М. Паниккар. — Важное значение, приписываемое британскому периоду, и несоразмерно большое место, которое он занимает в наших учебниках, совершенно необоснованны и могут рассматриваться лишь как пережиток английской пропаганды»³³.

Подобные же мысли неоднократно высказывал Джавахарлал Неру. Это понятно, ибо отождествление целей и интересов британских колонизаторов с нуждами и целями народов Индии, проводимое Б. Прасадом, искажает историю.

Описывая обстановку, сложившуюся в Средней Азии во второй половине XIX в., этот автор показывает действия там царского правительства как своеобразный исторический фон для обрисовки английской политики на Востоке. Он привлек к исследованию документы иност-

---

³³ К. М. Panikkar, *A survey of Indian history*, p. IX

ранного и политического департаментов британских властей в Индии, сосредоточенные в национальных архивах республики. Многие из них вводятся в научный оборот впервые. Хорошо представлена основная английская литература об англо-русском соперничестве в Азии, а также такой сравнительно мало изученный источник, как сборники парламентских публикаций. Но вне поля зрения Б. Прасада остались обширнейшие материалы русского происхождения, из которых (судя по приводимой библиографии) было привлечено лишь крайне ограниченное число случайно подобранных сочинений, оказавшихся переведенными с русского языка на английский (подчас в пересказе или в сжатом изложении). Не использованы и русские источники.

Эта односторонность в привлечении документов и научных трудов наложила отпечаток на работу Б. Прасада. Весь смысл и задачи британской политики на Востоке он совершенно неосновательно свел к сопротивлению экспансии царской России. Именно этим и ничем иным объясняется стремление Британской империи утвердить свое господство в Мекране, Сеистане и Кашгаре³⁴, а также тактика создания «буферных государств»³⁵, которые находились бы под полным контролем Англии и «охраняли бы» ее бесправную колонию Индию от «русского вторжения с севера».

Мы потому так подробно остановились на книге Б. Прасада, что в ней наиболее ярко выражены именно английские тенденции в изображении международных отношений на Востоке.

Версия о необходимости «обороны от опасности с севера» как важнейшем стимуле и определяющем моменте политики Англии на Среднем Востоке в XIX в. составила основу и некоторых других работ, как, например, статьи Маноранджана Чоудхури «Прошлая и настоящая политика держав в Афганистане»³⁶. Этой версии отдали дань, хотя и в меньшей степени, авторы содержательного и полезного пособия по истории Индии — Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. Они считают, что агрессивная политика консервативного кабинета Дизраэли, пришедшего к вла-

---

³⁴ B. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*, pp. 65—82.

³⁵ Ibid., pp. 41—51.

³⁶ «The Modern review». Calcutta. February 1949, pp. 137—140.

сти в 1874 г., «была вызвана глубоким недоверием к России»³⁷.

Этих авторов не интересует вопрос о реальности «русской угрозы» с точки зрения военно-политического положения, экономических и транспортных возможностей Российской империи. Они принимают на веру тенденциозные, умышленно фальсифицированные построения апологетов британского колониализма, не подвергая этот очень сложный вопрос научному анализу, которого он несомненно заслуживает.

При чтении книги Б. Прасада, статьи М. Чоудхури и работ некоторых других индийских исследователей создается впечатление, что на этих ученых давил груз воззрений, пропагандировавшихся официальной британской буржуазной историографией. Если бы Б. Прасад, например, смог вырваться из цепей сковывавшей его концепции, он сделал бы интересные выводы из впервые приводимых им же важных документов национальных архивов Индии. Эти документы свидетельствуют об откровенно экспансионистских планах Англии в отношении народов Средней Азии.

Вот характерный образец. Б. Прасад цитирует телеграмму вице-короля Индии статс-секретарю по делам Индии от 30 мая 1877 г. Ее текст извлечен из секретного делопроизводства иностранного департамента английского правительства в Индии. Содержание этой телеграммы раскрывает стремление британских правящих кругов использовать туркменские племена в качестве «пушечного мяса» и при удобном случае утвердить над ними свое господство — прямо или через посредство Афганистана, находившегося в тот период под влиянием Англии. Все это маскировалось выражением желания «помочь» туркменам. «Единственный другой путь помочь туркменам, с которыми я ныне в состоянии открыть безопасные сношения, — это через Мешхед и Кветты, — писал вице-король. — Наша информация дает возможность убедиться, что, тайно организованные и подстрекаемые нами, они могут оказать мощное сопротивление любым русским силам, а поскольку они не прочь быть присоединенными к Афганистану, полученное теперь над ними влияние может в конечном итоге явить-

---

³⁷ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. *История Индии*, стр. 381.

ся ценной основой для переговоров об этом с Кабулом»³⁸.

Автор приводит не менее интересный документ из парламентских публикаций по Средней Азии. Это — донесения английского посла в Тегеране от 26 июля и 6 августа 1877 г. Они посвящены британским планам «спасения» Мерва, все варианты которых предусматривали установление над ним английского контроля³⁹.

Число таких примеров можно было бы увеличить. Они дают право утверждать, что британское правительство широко и более или менее искусно использовало поднятую им же самым шумиху о «русской угрозе» Индии для прикрытия собственных агрессивных замыслов. Вряд ли есть какие-либо основания рассматривать английскую политику на Востоке как оборонительную. Однако Б. Прасад даже вторую агрессивную войну Англии против афганского народа объясняет стремлением противодействовать продвижению Российской империи на территорию Туркмении, а также осложнениями на Балканах, хотя сам же приводит достаточно большой материал о провокационной деятельности британских империалистов по отношению к Афганистану.

В главе, посвященной положению в районе Персидского залива и Аравийского побережья, он пишет, что здесь «напряженное положение имело своими источниками не русскую враждебность, а возможное торговое соперничество европейских держав или аналогичные претензии Турции или Персии на господство над небольшими владениями, находившимися под британским влиянием»⁴⁰.

Как видим, концепция «оборонительного» характера английской внешней политики и в данном случае не терпела никаких изменений, хотя она опровергается приводимыми самим автором документами об агрессивных действиях Англии против арабских племен и государств, о насильственных мерах, применявшихся британской буржуазией для обеспечения своего господства на «имперских» морских и торговых путях.

Таково в общих чертах одно из направлений совре-

---

³⁸ B. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*, p. 106.

³⁹ Ibid., p. 107.

⁴⁰ Ibid., p. 233.

меньшой индийской историографии по рассматриваемому вопросу.

Другое направление может быть связано с именем К. М. Паниккара. В отличие от «традиционных» положений этот ученый в своих трудах исходит из того, что британская экспансия на Востоке имела вполне «самостоятельный» характер, а не являлась «ответной», «оборонительной» мерой. В частности, в монографии «Азия и западное господство» К. М. Паниккар подчеркивает, что Индия в XIX в. превратилась в страну, «откуда британское владычество распространялось во все части Азии». Английские политики понимали, продолжает автор, что, используя Индию как опорную базу, поставив себе на службу ее ресурсы и применяя в собственных агрессивных целях «туземные» сипайские войска, Англия может приобрести «решающий голос в азиатских делах»⁴¹.

Доктор Паниккар справедливо отмечает, что Британская империя проводила захватническую деятельность за счет народов Индии и во вред им⁴².

Взгляды Паниккара на агрессивную сущность английской политики в странах Востока разделяют К. С. Менон, Анул Чанд Капур и другие исследователи. Очень интересна небольшая, но содержательная работа К. С. Менона «„Русское пугало“ и британская агрессия в Индии и за ее пределами». На основании английских документов Форейн оффис К. С. Менон убедительно доказывает, что шумиха о «русской угрозе» в течение длительного времени была блефом и служила ширмой, под прикрытием которой велась активная британская экспансия на обширных территориях Азии⁴³.

Переключаясь с К. М. Паниккаром и К. С. Меноном, А. Ч. Капур в статье «„Форвард полиси“ Дизраэли на северо-западе Индии, 1874—1877» разоблачает захватническую политику Британской империи на конкретном частном примере. Он широко привлекает неисследованную документацию государственных архивов Индии, про-

⁴¹ К. М. Panikkar, *Asia and the Western dominance...*, p. 158.

⁴² Ibid., p. 160.

⁴³ См. К. S. Menon, *The «Russian bogey»...* Точку зрения К. С. Менона разделяют Д. К. Гхос (D. K. Ghose, *England and Afghanistan...*) и Бимла Прасад (Bimla Prasad, *The origins of Indian foreign policy*, Calcutta, 1960).

слеживая агрессивные замыслы Дизраэли в отношении Средней Азии, подготовку и провоцирование английскими правящими кругами войны против Афганистана и роль в этом ставленника Дизраэли — вице-короля Индии лорда Литтона.

Статья Капура вскрывает «кухню» подготовки этой войны и дает яркое представление о применявшихся при этом империалистами методах и приемах. Вместе с тем она свидетельствует о том, как много еще предстоит сделать для изучения международных отношений на Востоке в XIX в., освещение которых, как отмечалось, доныне широко используется реакционной пропагандой в антисоветских целях. Для характеристики последнего уместно остановиться на откликах буржуазной печати на книгу Б. Прасада «Основы внешней политики Индии».

В конце 1956 г. газета «Таймс» поздравила д-ра Прасада и Индийский совет международных отношений с выходом этой книги, считая, что она «вполне может заложить основы научного изучения проблем, которые постоянно обуславливают внешнюю политику Индии». Чем же именно были вызваны поздравления «Таймса» и что в работе понравилось газете? Достоинство книги «Таймс» видит прежде всего в том, что это «первое публичное признание того, что приобретение политической независимости не изменило существенно проблем, которые выдвигали перед Индией ее географическое положение на азиатском материке и характеристика стран, лежащих на ее границах». Далее следуют рассуждения, что национальное, т. е. нынешнее, правительство Индии также должно учитывать интересы безопасности страны и «придерживаться во внешней политике преемственности, которая имеет намного более существенное значение, чем какое-либо из поверхностных явлений в политике, привлекающих сегодня столько внимания»⁴⁴.

Иными словами, по мнению «Таймса», внешняя политика Индии должна основываться не на нынешнем («поверхностном», по выражению газеты) миролюбивом курсе укрепления самостоятельности и дружбы со всеми странами, а на опасениях за свою безопасность перед

---

⁴⁴ «India and her neighbours», — «The Times. Literary supplement», 7.IX.1956, p. 520 (рецензия без подписи).

угрозой «вторжения». Если связать эти рекомендации с текстом книги Б. Прасада о событиях 1860—1880 гг., то под угрозой «вторжения» можно разуть лишь «нападение с севера», «из России», а в наши дни — мифическую «коммунистическую опасность».

В рецензии подчеркивается, что Б. Прасад говорит во введении о «передаче» Англией ответственности за «безопасность и территориальную целостность» Индии национальному правительству, и выражается надежда, что в последующих томах автор разовьет тезис о «заинтересованности его страны в сохранении безопасности». Газета отмечает как положительные явления «чисто научное, непартийное, отрешенное» отношение Б. Прасада к описываемым событиям, а также то, что он в своей исследовательской работе почти не подвергся влиянию «со стороны политических взглядов, господствующих в настоящее время в его стране», т. е., переводя это туманное высказывание на более понятный язык, игнорирование Б. Прасадом глубокого возмущения в Индии колониальной политикой английских империалистов. Все же рецензент находит возможным упрекнуть ученого в том, что он «слишком много значения придает экономическим интересам» и «распространению британского господства» в районе Персидского залива по сравнению с более основательным, на взгляд «Таймса», фактором политики — «обеспечением безопасности Индийского океана».

Таким образом, автора хвалят за слабые стороны работы и критикуют за правильные положения, к сожалению, не развитые в его труде. Объективистское, поверхностное изучение такого острого вопроса, как английская политика на Востоке, вполне устраивает «Таймс». Всячески пытаясь провести параллель между «вчера» и «сегодня», этот орган реакционных кругов Великобритании старается обелить британскую империалистическую деятельность в прошлом, подчеркивая, что ее целью были всего лишь «поиски безопасности», вызванные «угрозой для Индии с севера».

Английский журнал «Интернешнл афферс» также откликнулся на книгу Б. Прасада реферативной заметкой⁴⁵. Ее автор, Эрик Стоукс, отметил, что название

⁴⁵ «International affairs», vol. 33, January 1957, № 1, p. 127.

книги вызвало много возражений в Индии, что индийцы ведут «свою внешнюю политику целиком с позиций высоких моральных принципов „ланча шила“ и не желают иметь ничего общего с проклятой наследственностью империализма Симлы», т. е. военно-политического центра колониальной Британской Индии. Эти замечания Стоукса имеют иронический, насмешливый характер. Положительными чертами работы рецензент считает «намеки на то, что в настоящее время необходима более реалистическая внешняя политика, выраженная в условиях безопасности Индии», а также мнение о необходимости «использовать основную часть опыта и сведений, приобретенных иностранным департаментом в британский период».

«Если автор преуспее в привлечении внимания к прошлому, к традиционным проблемам политики в дни Британского раджа (колониального господства Англии в Индии. — Н. Х.) — обеспечения безопасности северных границ Индии от приближения какой-либо первоклассной державы, он внесет ценный корректирующий импульс», — отмечает Э. Стоукс, в провокационных целях намекая на все ту же мифическую «угрозу» Республике Индии со стороны Советского Союза. Не все, однако, нравится Стоуксу в исследовании, подготовленном Б. Прасадам, в частности и главным образом то, что, по выражению журналиста, «широкий анализ вытеснен утомительными выдержками из документов». Рецензента в данном случае можно легко понять: «утомительные выдержки из документов» очень хорошо изобличают подлинную захватническую сущность британской внешней политики на Востоке.

Как видим, «Интернешнл афферс» полностью солидаризируется с газетой «Таймс». И там и здесь сквозит желание обелить колониальную политику Англии на Востоке; и там и здесь между строк можно уловить один и тот же мотив: желание, чтобы Индия покончила «наконец» с миролюбивой политикой, «позаботилась о своей безопасности» и вступила для этого в какой-либо агрессивный военный блок, руководимый империалистами. Так история теснейшим образом переплетается с политикой.

Подлинно научное изучение внешней политики Российской империи и ее отношений с другими государствами, в том числе со странами Востока, фактически начали советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией и получившие возможность использовать богатейшие архивные фонды. Однако вплоть до периода после второй мировой войны внешнеполитические проблемы разрабатывались менее интенсивно, чем, скажем, вопросы внутренней жизни царской России. Один из специалистов в области дипломатии и внешней политики, А. Л. Попов, с полным основанием писал в 1939—1940 гг., что «именно данная область истории царской России отличается сугубым отставанием в деле мобилизации исторических источников и вместе с тем сугубым отставанием в деле разработок отдельных частных проблем...»⁴⁶.

Одним из первых к исследованию этих тем приступил выдающийся советский историк М. Н. Покровский. В его трудах, красочно написанных, остро разоблачалась грабительская сущность внешнеполитической деятельности царизма. М. Н. Покровский бичевал и клеймил позором самодержавие, феодально-помещичью и капиталистическую Российскую империю, угнетавшую миллионы своих подданных и превратившую окраины страны в колонии. Ученый справедливо отмечал два лица России: одно — с которым она выступала на Западе, и другое — с которым она представляла перед Востоком⁴⁷. Он писал, что завоевание Индии не входило «в область реальных целей русской политики... Но так как англо-индийским военным кругам угроза русского нашествия была выгодна — она оправдывала английский милитаризм и создавала видимость какой-то крупной национальной задачи для британской армии в Индии, играющей в сущности чисто полицейскую роль, — то время от времени этот призрак вызывали на сцену, и английская дипломатия, подстрекаемая англо-индийскими офицерами, начинала тревожиться, требовать от русской дипломатии гарантий и уступок, а на периферии среднеазиатских владений по-

⁴⁶ А. Л. Попов, *Внешняя политика русского царизма...*, стр. 210.

⁴⁷ М. Н. Покровский, *Дипломатия...*, стр. 320—322.

являлись английские экспедиции и отдельные эмиссары»⁴⁸.

К сожалению, работы М. Н. Покровского, посвященные конкретным вопросам среднеазиатской политики, не лишены серьезных недостатков. Они, естественно, не заслуживают той уничтожающей критики, какой были подвергнуты в период культа личности Сталина и не без его указаний, но существенные недочеты мешают их научному использованию. Так, Покровский почти совершенно отрицает прямую угрозу британской агрессии в Средней Азии, находившей неоднократно проявления в очень активной деятельности отнюдь не эпизодических английских экспедиций и отдельных эмиссаров.

В последние десятилетия советская историческая литература обогатилась значительным количеством содержательных исследований в области внешней политики, посвященных общим проблемам дипломатии (В. М. Хвостов и др.), международным отношениям на Ближнем Востоке (Е. В. Тарле, А. В. Фадеев, А. Ф. Миллер и др.), Дальнем Востоке (А. Л. Нарочницкий, А. Л. Гальперин, Б. Н. Романов и др.), внешнеполитической деятельности западноевропейских держав и США (А. С. Ерусалимский, А. З. Манфред, Л. И. Зубок, А. В. Ефимов, В. М. Трухановский, Н. Н. Иноземцев и др.). Политика же капиталистических держав и международные отношения на Среднем Востоке, особенно в Средней Азии в XIX в., как и непосредственно политика царской России в этом районе, освещены значительно слабее. Среди имеющихся работ видное место принадлежит изысканиям А. Л. Попова. Он опубликовал две статьи: «Борьба за среднеазиатский плацдарм»⁴⁹, освещающая соперничество капиталистических держав на Среднем Востоке в 30-х годах XIX в., и «Из истории завоевания Средней Азии»⁵⁰, в которой рассматривается весь период присоединения Средней Азии к России. Ограниченный размер последней статьи, А. Л. Попов, разумеется, не мог детально осветить различные стороны длительного и сложного процесса включения Средней Азии в состав России, растянувшегося более чем на тридцать лет и до-

---

⁴⁸ Там же. стр. 335—336.

⁴⁹ «Исторические записки», т. 7, 1940.

⁵⁰ «Исторические записки», т. 9, 1940.

пускал фрагментарность, упрощение в изложении событий, но сделанные им наблюдения в общем заслуживают безусловного внимания и не вызывают особых возражений. Следует отметить лишь, что автор ставил перед собой задачи исследования преимущественно внешнеполитических вопросов, меньше уделяя внимания разработке экономических и социально-экономических сторон, изменению статуса Средней Азии.

Вопросы среднеазиатской политики Российской империи рассматриваются А. Л. Поповым также и в работе «Внешняя политика русского царизма в XIX веке в „кривом зеркале“ М. Н. Покровского», в которой освещаются преимущественно историографические проблемы, связанные с внешнеполитической деятельностью самодержавия.

Статьи А. Л. Попова были одними из первых исследований в советской историографии, заложившими основы серьезного и вдумчивого изучения международных отношений Средней Азии в XIX в. К сожалению, скончавшийся в расцвете творческих сил проф. А. Л. Попов не успел довести до конца проделанную им большую, плодотворную работу.

Среди изданий, в какой-то мере примыкающих к нашей теме, следует отметить монографию М. К. Рожковой «Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия» (М.—Л., 1949) и статью того же автора «Из истории торговли России со Средней Азией в 60-х годах XIX века»⁵¹. В 1963 г. М. К. Рожкова издала труд «Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века», в котором использовала большой документальный материал. Отмечая сложное переплетение политических и экономических мотивов в действиях царизма в Средней Азии, автор этой большой и полезной работы, на наш взгляд, преуменьшает значение экономики.

Среди других исследований, посвященных очень важным экономическим сторонам проблемы, необходимо выделить содержательную монографию узбекского ученого А. М. Аминова «Экономическое развитие Средней Азии (колоннальный период)», изданную в Ташкенте в

---

⁵¹ «Исторические записки», т. 67, 1960. Изложенные автором взгляды в общем совпадают с выводами нашей работы.

1959 г.; статьи Е. В. Бунакова «К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в.»⁵² и «Тенденции развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения ее к России»⁵³; Е. Н. Кушевой «Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века»⁵⁴. Упомянутые работы и аналогичные публикации дали возможность автору этих строк уделить меньше внимания вопросам экономических связей Российской империи со среднеазиатскими ханствами, внутриэкономического развития Средней Азии после присоединения и больше сосредоточиться на освещении некоторых более слабо разработанных политических сторон темы.

В реакционной буржуазной историографии после второй мировой войны широко распространилась версия о том, что советская историческая наука отошла от своих прежних позиций разоблачения агрессивной политики царизма на Востоке и стала «обелять» ее. При этом делались ссылки на работы отдельных советских авторов, допускавших некоторые ошибки в изучении исторического процесса. И хотя эти ошибочные положения подвергались резкой принципиальной критике в нашей литературе и являются пройденным этапом советской историографии, буржуазные «критики» марксизма настойчиво ищут «противоречия» в советской исторической науке и приписывают всей советской историографии «изменение позиций». Как же обстоит дело в действительности?

В трудах советских историков 20—30-х годов XX в. присоединение Средней Азии к России освещалось одно-сторонне. Справедливо отмечая захватнический характер политики царского правительства и установленный им в Средней Азии режим колониального угнетения, эти авторы почти не упоминали об объективно положительном значении включения народов Туркестана в состав Российской империи.

Советские историки уделяли мало внимания вопросам экономических и политических связей народов нашей страны до XIX в. В советской исторической литературе

⁵² «Советское востоковедение», М.—Л., т. 2, 1941.

⁵³ «Проблемы востоковедения», 1960, № 6.

⁵⁴ «Исторический сборник», М.—Л., вып. III, 1934.

подчас недооценивали крупнейшие социально-экономические изменения, происшедшие в Средней Азии в результате присоединения ее к России, и влияние передовой русской культуры на культуру народов Средней Азии.

Главным недостатком этих исторических работ является недооценка тесного союза, который складывался между трудящимися массами Средней Азии и пролетариатом России. Создание этого союза имело огромное значение для народов нашей страны.

В конце 40-х — начале 50-х годов текущего века, а особенно после XX съезда КПСС советские историки, накопив обширный документальный материал, приступили к всестороннему изучению переломного этапа в жизни среднеазиатских народов — включения их в состав России. Этому вопросу посвящены следующие исследования: Б. Г. Гафуров «История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.»; новые издания «Истории Казахской ССР. С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции» и «Истории Узбекской ССР»; впервые изданные «История Туркменской ССР. С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции» и «История Киргизии».

Одновременно с указанными общими работами по истории узбекского, таджикского, казахского и туркменского народов были изданы специальные исследования М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России», Е. Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России», Б. Д. Джамгерчинова «Присоединение Киргизии к России», З. Ш. Раджабова «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв.», И. М. Муминова «Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века» и др.

Эти труды — результат многолетних исследований научных коллективов и отдельных ученых. Авторы на основе большого фактического материала осветили сложившиеся социально-экономические отношения и государственное устройство среднеазиатских ханств накануне их присоединения к России; отметили экспансию царизма и агрессивные устремления Англии, направленные

ные на использование ханств для борьбы против Российской империи в Азии, интриги и провокации британской агентуры среди местного населения.

Советские ученые (в отличие от буржуазных авторов, исходящих из идеалистических концепций о решающей роли личности в истории) обращают основное внимание на историю народных масс — подлинных ее творцов и создателей материальных благ. Поэтому, разоблачая колонизаторскую политику царского правительства и грабительскую, захватническую деятельность империалистов Запада в странах Востока, советские исследователи детально освещают корни развития дружбы народов Российской империи, возникшей и крепнувшей вопреки колонизаторским стремлениям и действиям царских властей, дворянско-помещичьей знати, буржуазных кругов России. Они подчеркивают, что царское самодержавие и эксплуататорские слои империи были злейшими врагами всех этих народов, в том числе и русского народа.

Советские исследователи раскрывают объективно-положительное значение присоединения Средней Азии к России, отмечают, что именно с этих позиций расценивали происходившие события наиболее дальновидные и мудрые представители общественно-политической мысли среднеазиатских народов, как, например, Ахмади Дониш, Саид Ахмат Аджи и др. Одной из первых работ, наметивших путь всестороннего освещения этой сложной и недостаточно изученной проблемы, была появившаяся в годы Великой Отечественной войны книга Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана». Ее авторы, не умаляя всей мерзости и грязи колониальной политики царизма, вполне обоснованно подчеркивали, что Средняя Азия «была предметом захватнических воцелений не одной только царской России, но и других империалистических государств. Вхождение в состав любого из них исключало в последнем возможность объединения усилий трудящихся Таджикистана с усилиями великого русского народа в борьбе против царизма, против социального и национального гнета. В этом случае для них была бы исключена возможность воспользоваться завоеваниями Великой Октябрьской социалистической революции и с

помощью великого русского народа прийти к социализму, минуя мучительную капиталистическую стадию»⁵⁵.

Одной из работ, четко определивших эти положения, была статья И. С. Брагинского, С. Раджабова, В. А. Ромодина «К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России». Она интересна не только приводимым в ней большим фактическим материалом, но прежде всего — постановкой вопроса. Авторы обоснованно подчеркивают давность экономических и политических связей между Средней Азией и Россией, значение «соединения территории как существенного условия для непосредственного сближения народа с народом, на основе чего судьбы присоединенных народов сплелись с судьбами русского народа», а также значение развития революционного движения в России в конце XIX в. и приобретения трудящимися массами Средней Азии союзника и руководителя в борьбе против эксплуататоров в лице русского пролетариата⁵⁶.

За последние годы ученые Средней Азии опубликовали ряд новых книг и статей, в которых в той или иной степени рассматриваются интересующие нас вопросы. Среди них следует отметить труды М. Г. Вахабова, Ф. Азадаева, Х. Зияева⁵⁷ и др. Ф. Азадаев, например, рассматривает присоединение к России крупнейшего города Ташкента и его развитие во второй половине XIX в., а работа Х. Зияева освещает слабо изученные страницы русско-среднеазиатских связей через Сибирь. Эти и многие другие исследования наносят сокрушительный удар по измышлениям буржуазных националистов и лжеученых.

Фальсификаторские приемы представителей реакционной буржуазной историографии не могут скрыть или затушевать принципиальную разницу между позициями советской и буржуазной историографии. Так, советские историки, всесторонне изучая международные отношения на Востоке, пришли к выводу о тенденциозности и необоснованности версии буржуазных авторов (в первую очередь английских) об «оборонительном» характере британской политики в Азии. «Положение было вовсе не

⁵⁵ Б. Гафуров и Н. Проходов. *Таджикский народ...*, стр. 164.

⁵⁶ «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 21—40.

⁵⁷ М. Г. Вахабов, *Формирование узбекской социалистической нации*; Ф. Азадаев, *Ташкент во второй половине XIX века...*; Х. Зияев, *Урта Осиё ва Сибирь...*

таково, будто бы Россия только наступала, а Англия только оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга»⁵⁸. В. И. Ленин, характеризуя острое соперничество между британскими империалистами и русским самодержавием, писал: «...Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»⁵⁹.

В советской историографии были более или менее подробно освещены основные аспекты вопроса о «русской угрозе Индии» и установлено, что авторитетные британские круги использовали эту версию для оправдания и маскировки своей экспансии в странах Востока⁶⁰. Анализ экономического, политического и военного положения Российской империи в течение XIX в. убедительно свидетельствует, что русское правительство и не помышляло о подобной операции. Об этом были хорошо осведомлены правящие круги Британской империи. Английские империалисты опасались не столько захвата их колоний Российской империей, сколько того, что приближение к границам Индии соперничавшей с Англией державы могло активизировать антиамериканское освободительное движение народов Востока, о чем писал Ф. Энгельс⁶¹.

Британские империалисты, неоднократно выступавшие с резкими протестами против продвижения Российской империи в Азии и организовывавшие демагогические кампании по поводу «угрозы Индии», фактически мало внимания уделяли подготовке к обороне против «русского вторжения». Вдоль северной границы Индии, казалось наиболее уязвимой, не было построено почти никаких укреплений. Даже реакционный американский автор У. Б. Уолш отмечает, что «конфиденциальные донесения русского генерального штаба... не обнаруживают каких-либо русских планов захвата Индии»⁶². Впрочем,

⁵⁸ «История дипломатии», т. II, 1963, стр. 260.

⁵⁹ В. И. Ленин, *О сепаратном мире*, стр. 186.

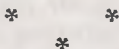
⁶⁰ См., напр.: Е. Л. Штейнберг, *Английская версия...: История британской агрессии на Среднем Востоке*; Н. А. Халфин, *Английская колониальная политика...*

⁶¹ Ф. Энгельс, *Внешняя политика русского царизма*, стр. 45.

⁶² См. W. B. Walsh, *Russia and the Soviet Union...*

об отсутствии у царского правительства агрессивных замыслов против Индии еще за 35 лет до Уолша писал в изданной в Нью-Йорке книге один белоэмигрант: «страхи британских империалистов [были] очень преувеличены и раздуты. Россия не могла, даже если бы она очень хотела, осуществить подобную агрессию в сердце Азии: она была слишком слаба внутренне... Ответственные русские политики никогда серьезно не рассматривали такие планы. Они сами были бы испуганы, если бы им пришлось проводить их»⁶³.

Зарубежные авторы обычно крайне редко пользовались источниками и литературой на русском языке (до 50-х годов XX в., по крайней мере), когда они изучали историю нашей страны⁶⁴. Но игнорирование доводов об отсутствии у Российской империи завоевательных замыслов против Индии, изложенных и в английских работах⁶⁵, свидетельствует о научной недобросовестности и умышленной фальсификации исторических событий некоторыми западными учеными, как, например, автором вышедшей несколько лет назад книги «Бисмарк, Гладстон и европейский концерт» У. Х. Меддикоттом, который сводит колониальную политику Англии в Индии, на Ближнем и Среднем Востоке к... защите путей в Индию и тому подобным «миролюбивым действиям»⁶⁶.

Интереснейшие проблемы политики России и других держав на Среднем Востоке, международные отношения в этой части земного шара в период так называемого свободного капитализма и империалистической стадии еще ждут своих исследователей. Важная и ответственная задача советских историков — разработка частных вопросов и создание обобщающих трудов, в которых была

⁶³ S. A. Korff, *Russia's foreign relations...*, p. 29.

⁶⁴ Английский историк Б. Сэмнер пишет, что был поражен, обнаружив, насколько слабо западные авторы изучили русскоязычные материалы по ближневосточному кризису 70-х годов XIX в. (В. Н. Сутнер, *Russia and the Balkans*, Oxford, 1937, p. V). Это справедливо и в отношении других тем.

⁶⁵ Ibid., pp. 39—43.

⁶⁶ См. рец. И. А. Никитиной в журн. «Новая и новейшая история», 1958, № 5, стр. 155.

бы показана общая картина политики и взаимоотношений различных государств.

В обстановке распада колониальной системы и неуклонного роста авторитета СССР фальсификаторская концепция о «сверхагрессивности России» получила новое значение. Широкая морально-политическая поддержка Советским Союзом антиколониального движения сыграла важную роль в его успехах. Народы Азии и Африки, по достоинству оценивая политику Страны Советов, видят в СССР верного друга в борьбе против империализма и колониализма. Мировая реакция стремится помешать развитию и укреплению дружественных связей между Советским Союзом и странами Востока. По мере сил этому помогает и реакционная буржуазная историография.

Идеологи «холодной войны» выдвинули фальшивый тезис о «советском колониализме», подняли шумиху о «коммунистической агрессии», о «преемственности» политики царского самодержавия и рабоче-крестьянского Советского правительства.

Особые нападки зарубежных клеветников вызывает ленинская национальная политика КПСС, в корне преобразовавшая республики Советского Востока. Характеризуя причины этой яркой неприязни, акад. И. И. Минц отмечает: «Остервенение, с каким фальсификаторы нападают на советскую национальную политику, свидетельствует против воли их авторов о том значении, какое имеет эта политика. Народы мира видят в ней образец разрешения национального вопроса, пример ликвидации отжившего строя и создания общества, не знающего ни эксплуатации человека человеком, ни насилия одного народа над другим»⁶⁷.

Если версия некоторых западных авторов о том, что политика Англии на Востоке определялась «русской угрозой» Индии или аналогичными «причинами», является искажением фактов, в лучшем случае вызванным плохим знанием соответствующих источников и материалов, то утверждения о «преемственности» политики царского самодержавия и социалистического государства представляют собой злостные извращения исторических со-

---

⁶⁷ И. И. Минц, *Международное значение победы социализма...*, стр. 20

бытий. Несмотря на попытки подобных псевдоученых придать своим «изысканиям» научный вид, их злобные клеветнические пасквилы не могут скрыть ни их глубокомысленные «теоретические» рассуждения, ни подтасованный статистический материал, ни «подогнанный» аппарат сносок и ссылок.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим вышедшую не так давно в Соединенных Штатах книгу Р. А. Пирса «Русская Средняя Азия. 1867—1917»⁶⁸. Ее автор, пользовавшийся субсидией «Проекта для изучения истории КПСС» Колумбийского университета и «консультациями» белоэмигрантского, пантюркистского и панисламистского отребья, сплошь и рядом подменяет научное исследование пустой демагогией и пропагандистскими измышлениями. Ему не нравится, что советские историки пишут о «присоединении Средней Азии к России», а не о «завоевании»⁶⁹. Между тем совершенно ясно, что первый термин более широк, исторически правилен и включает в себя понятие как завоевания, так и мирного включения в состав России ряда районов и областей. Результаты этого исторического события столь велики и значительны, что термин «завоевание» не отражает всей его специфики. Стало быть, в научном отношении правильно говорить именно о присоединении.

Пирсу явно не по душе борьба советских историков против шовинистического, националистического подхода к трактовке событий⁷⁰. С его точки зрения, жесточайший феодальный гнет, которому подвергались народные массы Бухарского, Кокандского, Хивинского ханств, «облегчался» тем, что там были «свои ханы и беки», что это была «мусульманская тирания», которую, мол, народ «понимал, ибо она осуществлялась людьми их расы и веры»⁷¹. Автору, видимо, не приходит в голову, что трудящимся Средней Азии было ненавистно любое угнетение как со стороны «своих», так и «чужих» грабителей.

Пирс обвиняет советских историков в том, что они «приписывают» добрые дела (в Средней Азии. — Н. Х.) «русскому народу», а ошибки и упущения — «царизму», хотя именно представители царского режима, по Пирсу,

⁶⁸ Richard A. Pierce, *Russian Central Asia...*

⁶⁹ *Ibid.*, p. 4.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 3.

⁷¹ *Ibid.*, p. 78.

были инициаторами многих преобразований⁷². Он забывает при этом, что все административные «преобразования» в дореволюционную эпоху преследовали в сущности одну цель: улучшить условия буржуазно-помещичьей эксплуатации природных ресурсов Средней Азии и ее населения, тогда как сближение с русским и другими народами России способствовало созданию единого фронта в последующей борьбе за ликвидацию классового и национального гнета в стране.

Огромные успехи в области экономического, политического и культурного развития среднеазиатских народов после Октябрьской революции достаточно широко известны и получили мировое признание. Не будучи в состоянии умалить их значение, американский автор с беспримерной развязностью утверждает, что эти успехи были бы достигнуты и «без советского режима» или «если бы Средняя Азия... стала мандатом другой державы»⁷³. Вот в чем дело, оказывается! Но ведь не секрет, что темпы всестороннего развития республик Советского Востока намного превышают темпы развития самых богатых и «передовых» капиталистических держав, включая США, что педагогов, врачей, инженеров, агрономов и т. д., а особенно учащихся на душу населения, скажем, в Узбекистане или Таджикистане намного больше, чем во Франции или Италии, не говоря уж о том, что народы Средней Азии шагнули вперед через целую историческую эпоху, перейдя от феодализма к социализму. Что же уже говорить о мандатных территориях или колониях капиталистических государств, которые еще долгое время будут ощущать на себе плоды чужеземного господства.

Но Пирс хочет уверить, что «многое в культурном развитии... было сделано по принуждению»⁷⁴ — парадокс, достойный пера юмориста! Национальное размежевание, в результате которого были созданы суверенные среднеазиатские республики, возрождение в каждой из них национального языка, он именует «установлением искусственных границ и поощрением лингвистических различий, которые мешают унификации туземных народов»⁷⁵. Иными словами, Пирс говорит об отсутствии узбекской

---

⁷² Ibid., p. 303.

⁷³ Ibid., p. 305.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

и казахской, таджикской и киргизской, туркменской и каракалпакской национальностей, как и их языков; он говорит о наличии некоего «тюркского» языка, некоего «тюркского» народа, «унификации» которого мешает злокозненная советская власть.

Для чего же нужно было выдвигать подобные «теории», претендующие на научность? На такой вопрос Пирс довольно откровенно отвечает: чтобы предостеречь «народы в других частях мира, которые еще остаются под колониальным господством, или тех, кто недавно стал свободным и выбирает путь, по которому будет идти»⁷⁶.

В этом вся суть. Наукообразные построения нужны были автору для клеветнического «связывания» политики царизма и Советского правительства, для запугивания народов Востока мифической «советской угрозой». Они нужны были для того, чтобы помешать освободившимся от империалистической кабалы народам Азии и Африки выбрать правильный путь, путь к социализму и коммунизму. Не случайно изыскания Пирса оплачены «Колумбийским проектом для изучения истории КПСС»! Но эти потуги тщетны, ибо социалистические идеи завоевывают умы и сердца миллионов людей.

Представители современной буржуазной историографии любят подчеркивать свою «независимость» от политики. Книга Пирса убеждает в том, что некоторые из них «освобождают» свои труды не от «политики», а от науки.

Нельзя обойти и изыскания шведского специалиста — г-на Юрия Бориса. Он противопоставляет точку зрения М. Н. Покровского, который, по выражению Ю. Бориса, «дает весьма отрицательную оценку русской экспансии в Средней Азии», взглядам современных советских историков, якобы положительно оценивающих завоевательную политику царизма. Но где, когда, какой советский историк оправдывал кровавую деятельность царей, душивших и порабощавших трудящийся люд Российской империи, не заботясь о его национальной принадлежности?! Где, кем, когда обелялась жестокость царских сатрапов?!

Юрий Борис утверждает, что в 1951 г. в нашей историографии была «введена новая линия», санкциониро-

---

⁷⁶ Ibid., p. 306

ванная научной конференцией 1954 г. в Ташкенте, согласно которой русская аннексия была признана имеющей огромное прогрессивное значение для развития Средней Азии. Он приписывает советским историкам стремление «представить старый русский империализм в выгодном свете, чтобы нынешняя советская политика по колониальному вопросу могла быть исторически выводима из нее»⁷⁷.

Но, во-первых, представители советской исторической науки всегда с гневом и осуждением писали о действиях российских, британских, французских, американских, немецких и прочих захватчиков. Во-вторых, Советский Союз с момента своего создания не вел и не ведет колониальной политики; его взаимоотношения со странами Востока неизменно основываются на принципах полного и глубокого уважения их суверенитета, оказания им максимальной экономической и политической поддержки. Эта позиция столь широко известна, что, пожалуй, нет необходимости приводить доказательства и факты: они содержатся в достаточном количестве в любом номере любой газеты подавляющего большинства государств Азии и Африки. В-третьих, политика Советского государства не имеет и не может иметь ничего общего с политикой буржуазно-помещичьего государства.

Естественно, что г-н Юрий Борис не смог понять и несколько более сложный вопрос: советские историки действительно считают, что присоединение Средней Азии к России обусловило существенные положительные последствия для среднеазиатских народов, несмотря на мрачные, кровавые стороны царского военно-феодального империализма и вопреки им. Такими последствиями являются сближение и сплочение эксплуатируемых трудящихся страны для совместной борьбы против эксплуататоров различных национальностей.

Мы решительно выступаем против термина «русская экспансия». Простой русский народ не получал ни малейшей пользы от завоевательных походов царских генералов; все выгоды приходились на долю помещиков, дворян, фабрикантов и заводчиков, и не только русских, но и их собратьев других национальностей.

Русские рабочие и крестьяне, как и рабочие и кре-

---

⁷⁷ «Dagens nyheter», 16.III.1961.

стьяне других народов нашей страны, не имели ничего общего с этими эксплуататорами. Они не поддерживали грабительской политики правивших классов и вели с ней борьбу.

Пропагандистская антисоветская кампания, не имеющая под собой ничего, кроме провокационных, демагогических измышлений ее организаторов, используется прежде всего для «обоснования» захватнической деятельности на Востоке империалистических держав, и в первую очередь США, и прямого вмешательства колонизаторов во внутренние дела независимых государств Азии и Африки, для вовлечения их в военные блоки и установления над ними своего господства.

ГЛАВА I

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ С НАЧАЛА XIX в. ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С давних времен в Средней Азии существовали два ханства: Бухарское, в бассейне р. Зеравшан, и Хивинское, в нижнем течении Аму-Дарьи. В конце XVIII в. в Ферганской долине консолидировалось третье ханство — Кокандское. Ему удалось в начале XIX в. овладеть важным торгово-политическим центром — Ташкентом, в то время самостоятельным городом-государством. Для подчинения кочевых казахских и киргизских племен кокандские власти создали цепь укреплений на Сыр-Дарье и в междуречье Сыр-Дарьи, Чу и Или. Твердо определенных границ среднеазиатские ханства не имели.

В начале XIX в. в Средней Азии проживало 4 млн. человек; к середине века население увеличилось до 5 млн.: в Бухарском ханстве — около 3 млн., в Хивинском — около 0,5 млн., в Кокандском — около 1,5 млн. Наиболее густо были заселены небольшие по площади районы — оазисы и речные долины, особенно Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, Зеравшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи. В долинах рек находились крупные города: Ташкент (60—80 тыс. жителей), Бухара (около 70 тыс.), Коканд (30—40 тыс.), Самарканд (30 тыс.) и др.

Большая часть Средней Азии — полупустыни, пустыни и горы, где кочевали скотоводческие племена.

Национальный состав населения Средней Азии весьма разнообразен.

В Бухарском ханстве жили в основном узбеки, таджики, туркмены; в Кокандском — узбеки, таджики, казахи и киргизы; в Хивинском — узбеки, туркмены, каза-

хи и каракалпаки; в городах жили также персы, евреи, арабы, цыгане, выходцы из Индии и Китая.

Все три ханства были экономически отсталыми феодальными государствами с пережитками рабовладельческого уклада (велась торговля невольниками — захваченными в плен персами, русскими солдатами и поселенцами пограничных районов). В общественной жизни кочевников — туркменов, казахов, киргизов — были сильны пережитки родо-племенного уклада.

Основными занятиями населения были скотоводство, земледелие, садоводство, огородничество. Выращивался местный коротковолокнистый хлопок (гуза), годившийся для выработки грубых тканей.

Среднеазиатские города были центрами ремесленного производства (особенно ткачества) и торговли. Хлопчатобумажные и шелковые ткани, изготовленные ремесленниками Бухары, Коканды, Ташкента, Самарканды, Карши, Шахрисябза, находили сбыт в странах Востока и в Российской империи.

Средняя Азия богата природными ресурсами. Издавна здесь добывали золото, серебро, медь, железную руду, свинец, нефть (в основном для лекарственных нужд). В Шахрисябзе, Катта-Кургане, Гиссаре, Чусте, Намангане, Андижане лили чугун и медь, изготавливали изделия из железа и серебра. Однако разработка полезных ископаемых велась кустарным способом, выплавленных из руд металлов не хватало, и изделия из них стоили гораздо дороже привозных, преимущественно из России.

Экономическое развитие Средней Азии встречало на своем пути серьезные трудности. Тяжесть налогов, которые взимались почти всегда натурой, обуславливала узость внутреннего рынка, задерживала процесс развития товарно-денежных отношений. Присвоение феодалами не только прибавочного, но зачастую и необходимого продукта дехканского труда, дополнявшееся эксплуатацией дехкан ростовщицким капиталом, крайне тяжело отражалось на состоянии сельского хозяйства — основы экономики Средней Азии. В таком же плачевном состоянии находилось и ремесленное производство.

Тяжелый феодальный гнет, засилье ростовщиков препятствовали росту ремесленного производства, его совершенствованию.

Оторванность от мирового рынка, господство феодаль-

но-патриархальных отношений, феодальная раздробленность — все это мешало развитию экономики среднеазиатских ханств.

Кроме этих основных причин развитие производительных сил Средней Азии тормозилось и другими факторами: длительными кровопролитными войнами между Бухарой и Хивой, особенно между Бухарой и Кокандом; внутрисполитическими раздорами в ханствах, например, в Бухаре эмиры упорно пытались восстановить бывшее влияние на левобережье Аму-Дарьи и силой подавить сепаратистские тенденции феодалов Шахрисябзского оазиса; в Коканде велась кровопролитная борьба различных группировок за власть; Ташкент стремился вернуть бывшую самостоятельность. Не меньшее значение имело и ожесточенное соперничество между узбекскими и туркменскими феодалами в Хиве, между узбекскими ханами и киргизской родо-племенной верхушкой в Коканде.

Для Средней Азии XVIII—XIX вв. характерно обострение классовой борьбы дехкан всех национальностей против суровой эксплуатации эмиров, ханов, беков, баев, биев и т. д. Антифеодальные народные восстания в ханствах не прекращались в течение всего этого периода.

Среди многих выступлений трудящихся Средней Азии против феодалов наиболее мощными были движение китаикипчаков, одного из узбекских племен Бухарского ханства, в 1821—1825 гг. и массовое восстание самаркандских ремесленников в 1826 г. Острый характер имели также антифеодальные выступления дехкан и городской бедноты в Хивинском ханстве в 1827, 1855—1856 гг.; в Кокандском ханстве в 1814 г. (восстание в Ташкенте), в 1856—1858 гг. (в Южном Казахстане) и др.¹

В апреле 1858 г. кокандскими солдатами был взят в плен известный ученый-путешественник Н. А. Северцов. Когда его привезли в г. Туркестан (Южный Казахстан), там бушевало народное восстание. Восставшие казахские племена осадили Туркестан и Яны-Курган и длительное время успешно противостояли войскам Кокандского ханства². Непосредственной причиной восстания, как писал Северцов, послужили «беззаконные поборы и

---

¹ П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии...*, стр. 135—139, 167, 200, 212.

² Н. А. Северцов, *Месяц плена у коканцев*, стр. 290—292.

грабительство коканских чиновников, особенно ташкентского бека»³.

Несмотря на свирепую расправу, народные массы снова и снова брались за оружие, принуждаемые к этому исключительно тяжелым экономическим и политическим гнетом⁴.

Дореволюционные русские авторы, привлекая внимание общественности к событиям в Средней Азии, писали о том, как «под влиянием кровавого деспотизма, суеверия... некогда считавшаяся колыбелью человечества великолепная Трансоксания обратилась в тот жалкий обломок, который представляет собой современное Бухарское ханство»⁵. Хивинское правительство «слишком угнетательно, чтобы извлечь из щедрой природы те сокровища, которые она доставить может»⁶, — писал побывавший в Хиве в 1819—1820 гг. Н. Муравьев. Посетивший это же государство через 40 лет М. Г. Черняев отмечал: «Положение каракалпаков весьма бедственно, о чем можно заключить по их одежде, состоящей буквально из одних рубищ, а некоторые из них не имеют, чем прикрыть от палящего зноя верхние части тела. Дети почти все нагие... Определенной подати у них нет... Хивинцы берут с них все, что только могут»⁷.

Не лучше обстояло дело и в других ханствах. «Дурному управлению в Коканде не предвидится конца»⁸, — писал русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов, общая о «пагубной системе администрации», об экономической и политической деградации этого государства. Примерно то же писал о положении в Бухарском ханстве один из членов приехавшего туда в 1858 г. русского посольства⁹.

Наряду с выплатой разнообразных налогов, размеры

³ ЦГВИА. ф. 67, л. 112, л. 3.

⁴ Подробно об этом см.: Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа...*, стр. 404—408; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 2, стр. 9—78.

⁵ П. П. Шубинский. *Очерки Бухары*, стр. 123.

⁶ [Н. Муравьев]. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах...*, стр. 101.

⁷ А. [Черняев], М. Г. Черняев в *Средней Азии...*, стр. 844.

⁸ В. В. Вельяминов-Зернов, *Сведения о Коканском ханстве*, стр. 113—115.

⁹ [Н. Г. Залесов]. *Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году*, стр. 56.

которых при отсутствии фиксированной системы налоговых обложений во много раз увеличивали сборщики податей, народные массы Средней Азии были вынуждены нести различные натуральные повинности: строить дворцы для феодальной знати и военные укрепления, чистить арыки, прокладывать дороги и т. п. Эти повинности зачастую совпадали с периодом сельскохозяйственных работ. Хивинские чиновники насильственно сгоняли дехкан, «забивая палками до смерти» не выполнявших дневного задания¹⁰. Налоговый сбор всегда сопровождался «злоупотреблениями, которых не чужд и сам правитель»¹¹.

Эмиры и беки вершили суд и расправу «по произволу и всегда в пользу ханской казны»¹². За незначительный проступок виновный мог лишиться всего имущества, которое конфисковывалось ханом или эмиром. Широко применялась смертная казнь, а также пожизненное заключение в подземных тюрьмах (зиндонах). Так, бухарский эмир Мухаммед Рахим во время карательного похода в Гиссарскую долину в 1756—1758 гг. сложил в окрестностях Денау «минарет из голов» казненных им людей¹³. Известный русский путешественник Филипп Назаров, побывавший в Средней Азии в начале XIX в., сообщал, что в 1814 г., после очередной попытки жителей Ташкента сбросить кокандское господство, в городе 10 дней продолжались массовые казни¹⁴.

Феодальный гнет и произвол тормозили развитие экономики Средней Азии, но не могли помешать росту производительных сил. В первой половине XIX в. здесь намечается расширение товарно-денежных отношений, переход от натуральных податей к денежным налогам, увеличение товарности дехканского хозяйства, рост торговли¹⁵.

Средняя Азия вела торговлю с Россией и с соседними странами: Ираном, Афганистаном (а через него с Индией) и Китаем.

¹⁰ М. И. Иванин, *Хива и река Аму-Дарья*, стр. 169.

¹¹ «Наши соседи в Средней Азии: Хива и Туркмения», стр. 130.

¹² Там же.

¹³ П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии...*, стр. 103.

¹⁴ [Ф. Назаров], *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии*, стр. 87—88.

¹⁵ Содержательный очерк экономики Средней Азии накануне присоединения к России см. в кн.: А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии...*, стр. 21—58. •

Среднеазиатские купцы часто и охотно посещали ярмарки в Нижнем Новгороде и в более близких городах — Троицке и Петропавловске. Долгое время Российская империя была важнейшим поставщиком промышленных товаров в Среднюю Азию, откуда в свою очередь в Россию шли кроме изделий местного экспорта также транзитные товары из Афганистана, Индии и других стран. Первое место по товарообороту с Российской империей занимало Бухарское ханство. Несмотря на оживленный и все более возрастающий товарообмен между Российской империей и Средней Азией, их экономические и политические взаимоотношения не имели правовой основы, не были определены соответствующими договорами. Развитию торговли мешали различия денежных систем и мер веса, обилие таможенных пошлин, взимавшихся по пути следования караванов, а также дополнительные обложения, которым подвергались купцы-немусульмане. Кроме того, расширению торговли с Российской империей препятствовали бесконечные феодальные раздоры, междоусобицы и войны.

Сложившаяся здесь обстановка как нельзя лучше иллюстрировала известный вывод Ф. Энгельса: «... восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»¹⁶.

Подавляющее большинство русских путешественников, посетивших в этот период среднеазиатские государства, отмечали резко отрицательное влияние на торговлю произвола эмиров, ханов и беков.

14 ноября 1850 г. П. И. Небольсин, изучавший экономические связи России с ханствами Средней Азии, писал из Оренбурга руководителем Русского географического общества, что вся торговля ханства с Российской империей сосредоточена «в руках нескольких капиталистов, преимущественно лиц, имеющих участие в правлении, тогда как самый народ находится в крайнем угнетении и бедности»¹⁷. Небольсин подчеркивал, что зажиточные

¹⁶ Ф. Энгельс, *Внешняя политика русского царизма*, стр. 33.

¹⁷ АВГО, ф. 1, 1850, оп. 1, д. 17, лл. 79—80.

люди Бухары, Хивы и Коканда, занимающиеся торговлей, «скрывают достатки свои от владельцев, чтобы не затронуть их алчности и, в недобрый час, не быть ими ограбленными, потому что владельцы эти, нося громкие названия ханов и эмиров, суть деспоты, которые ничем себя не ограничивают и без всякого зазрения совести самопроизвольно располагают достоянием своих подвластных: там первый богач не может быть уверен, что он без всякой со своей стороны вины, без всякого суда и расправы не лишится завтра всего своего имущества и не сделается буквально нищим». Автор призывал предпринимателей Российской империи «дать толчок нашей коммерции и распространить круг наших промышленных оборотов с народами Средней Азии».

Эти же взгляды П. И. Небольсин подробно развивал в книге «Очерки торговли России с Средней Азией». Чиновники эмира, собирая подати с недвижимого имущества и товаров, «производят поборы с купцов, с отдельных правителей, с богатых людей и вообще со всех тех, кого эмир захочет освободить от излишних, ненужных для простого подданного капиталов. Боязнь каждого капиталиста обнаружить настоящее состояние своих сундуков заставляет каждого благоразумного бухарца жаться, прикидываться бедняком, обращать произведения своей земли в наличный капитал», не торговать на большие суммы и дробить выделенные для торговли средства «на самые мелочные куши»¹⁸.

О том же свидетельствовал и автор интересной статьи «О путях сообщения России с Средней Азией» В. Долгинский: «Достаточный азиатец скрывает свое имущество, прикидывается нищим, прячет даже порядочную одежду... из опасения, что его оберет владетель для удовлетворения каких-либо собственных своих политических целей или для прихотей. Малейшее возражение грозит виселицей»¹⁹.

«Прежде в Кокане,—отмечал находившийся там свыше месяца Д. Долгорукой,—как и в Бухаре, достаточно было прослыть богачом, чтобы подвергнуться смертной казни, причем имущество казненного отбиралось без

---

¹⁸ П. И. Небольсин. *Очерки торговли России с Средней Азией*, стр. 15.

¹⁹ Журн. «Экономист», кн. 2, 1859, стр. 102—103.

всяких разговоров в пользу хана или эмира... По отсутствию ли капиталов или вследствие их сокрытия, больших операций и на наличные, при покупке заграничных товаров, в Кокане и не делается»²⁰.

Не случайно в записке «О Каспийских путях сообщения, в видах развития среднеазиатской торговли учреждением укрепленных факторий на восточном берегу моря», составленной в 1856 г. представителями торгово-промышленных кругов Российской империи, подчеркивалось: «С такими народами торговые сделки требуют особых условий и мер. Где нет ни закона, ни права, там нет собственности; поэтому в ханствах этих есть только торгаши, баришники, которые скупают и продают, что попадает под руку, только бы зашибить скорее копейку; этой системы держатся ханы, они даже главные торгаши и вредные монополисты; перебивая выгодные сделки у своих подданных, они не довольствуются поборами и часто отнимают у них все состояние; это заставляет всех бояться расширять свою деятельность и зарывать в землю каждый рубль, нищенствовать, терпеть нужду и коснеть в вековых привычках ничтожества, ограничивая свою жизнь только необходимыми физическими потребностями»²¹.

Господствующие классы Российской империи стремились добиться более выгодных условий для торговли со среднеазиатскими ханствами. Царское правительство пыталось решить эту задачу политическим путем, в результате переговоров с их правителями.

1 Между Россией и среднеазиатскими ханствами не существовало налаженных дипломатических связей. В Средней Азии не было русских посольств или консульств, а в Российской империи — постоянных представителей среднеазиатских государств. Время от времени происходил лишь обмен миссиями. Так, в 1841 г. Хиву посетил капитан Никифоров, а в Бухаре побывала миссия во главе с К. Ф. Бутеневым. В 1842 г. в Хиву был послан полковник Г. И. Данилевский. В эти же годы в Российскую империю приезжали хивинские послы Ваиз Нияз и Ишбай Бабаев, Мухаммед Эмин, представитель Бухары Худояр Клычбаев и др. Эти визиты, как правило,

²⁰ Дм. Долгорукой, *Пять недель в Кокане*, стр. 317.

²¹ ЦГИАМ. ф. 959, «В. А. Кокорев», д. 53, л. 6.

не приводили к подписанию каких-либо договоров или соглашений ²².

Русско-бухарские и русско-хивинские взаимоотношения в первой половине XIX в. имели в общем мирный характер, если не считать мелких нападений на торговые караваны, инспирированных хивинскими властями, и неудачного военного похода В. А. Перовского на Хиву в 1839 г.

1 (По-иному сложились взаимоотношения между Российской империей и Кокандским ханством. Попытки кокандского хана подчинить казахские племена противоречили интересам царского самодержавия, принявшего в русское подданство значительную часть казахского населения. В течение первой половины XIX в. между Российской империей и Кокандским ханством шла упорная борьба из-за Казахстана. Войска Коканда были сосредоточены в Ташкенте и укрепленных пунктах: Туркестане, Чимкенте, Аулие-Ата, Пишпеке, Токмаке, Мерке и др. Вооруженные силы Российской империи наступали от Оренбурга к Аральскому морю и Сыр-Дарье и от Семипалатинска к оз. Балхаш и р. Или.

В продвижении в глубь Средней Азии важное значение для царского правительства имел захват низовьев Сыр-Дарьи. Здесь в 1847 г. было создано Раимское укрепление, впоследствии переименованное в Аральское. Войска оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского заняли крупную крепость на Сыр-Дарье Ак-Мечеть (1853 г.), ставшую административным и военным центром Сыр-Дарьинской линии и переименованную в форт Перовский (ныне г. Кызыл-Орда).

В эти же годы отряды Российской империи продвинулись в глубь Казахстана и со стороны Западной Сибири. В 1847 г. часть Большой Орды, сохранявшая до того независимость, приняла подданство России. Среди кочевьев этой орды, у Семиреченского Улутау, было основано укрепление Копал. В начале 50-х годов XIX в. царские войска в Семиречье перешли р. Или и заняли почти весь Заилийский край. Здесь, у сел. Алма-Ата, в 1854 г. возникло укрепление Верное (ныне Алма-Ата). Оно стало

²² Лишь Данилевскому удалось добиться подписания договора об установлении добрососедских отношений между Россией и Хивой, почти все пункты которого «остались мертвой буквой» (С. В. Жуковский. *Сношения России с Бухарой и Хивой...*, стр. 140).

опорным пунктом военных операций против Кокандского ханства. От Семипалатинска до Верного, почти параллельно Сыр-Дарьинской линии, протянулась цепь укрепленных постов на подступах к Средней Азии—Сибирская линия. В 1854 г. в Петербурге на заседании Особого комитета, в котором приняли участие высшие сановники, а также оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы, было принято решение соединить эти линии.

Однако дальнейшее продвижение русских войск было прервано Крымской войной. Эти линии не были соединены; их разделяло около тысячи километров территории, на которой кочевали казахские племена. Пользуясь отсутствием определенной охраняемой границы, кокандские отряды вторгались в кочевья этих племен, собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против Российской империи. Царские войска в свою очередь предпринимали эпизодические походы против кокандских укреплений, разрушали их и возвращались снова на свои базы — укрепление Верное и форт Перовский.

Общая экономическая отсталость и политическая раздробленность среднеазиатских ханств обусловили и военную их слабость. В. В. Вельяминов-Зернов, например, писал, что кокандский хан фактически не имел войска: «Регулярной армии в Кокане не существует... Артиллерия у коканцев есть; но она так дурна, что едва ли можно назвать ее этим именем»²³. То же можно было сказать и о бухарской и хивинской армиях, которые состояли из плохо обученных и плохо вооруженных солдат в возрасте от 15 до 60 лет. В военное время обычно собирались народные ополчения: дехкан и ремесленников сгоняли на войну палками. Понятно, что эти ополчения без всякого энтузиазма сражались за чуждые им интересы ханов, эмиров, беков и других местных деспотов. Роковое значение для среднеазиатских государств имела междоусобная борьба, ослаблявшая силы ханств перед лицом внешней угрозы. Ахмади Дониш с осуждением и негодованием описывает действия бухарского эмира Музаффера, который вместо помощи Кокандскому ханству, отстаивавшему Ташкент против царских войск в

²³ В. В. Вельяминов-Зернов, *Сведения о Коканском ханстве*, стр. 115.

середине 60-х годов XIX в., сам нанес удар по Коканду. «Он двинулся на Коканд и завоевал его, — пишет выдающийся среднеазиатский мыслитель. — Потом продвинулся до Узганда, разорив город и захватив в плен большое число мусульман. Эмир и его войско совершили столько насилий, что жители этих областей возненавидели его. Одни бежали, покинув родные края, другие лишь ждали удобного случая. После возвращения эмира с войском в Бухару, завоеванные области до самого Ташкента отмежевались от эмирата и вошли в состав России. А отмежевались они потому, что воины эмира из-за отсутствия порядка при завоевании грабили и забирали все, что ни попадалось под руку, и чинили насилия над женщинами и детьми»²⁴.

Само собой разумеется, что все это не способствовало военно-политическому укреплению среднеазиатских ханств. Слаборазвитая экономика, отсталый феодально-патриархальный строй, кровавые зверства эмиров, ханов и беков, вызывавшие резкое недовольство и возмущение трудовых слоев населения, — все это делало государства Средней Азии сравнительно легкой добычей капиталистических хищников.

*   *
*

Не менее острая обстановка сложилась к середине XIX в. в соседнем со Средней Азией Синьцзяне.

Непосредственное соседство Синьцзяна с ханствами Средней Азии и одинаковый уровень социально-политического, экономического и культурного развития народов этих стран способствовали установлению между ними тесных торговых взаимоотношений.

Долгое время при посредничестве мусульманских купцов поддерживалась также торговля между Синьцзяном и Российской империей, приносившая взаимную выгоду обеим сторонам. Синьцзян ввозил изделия металлургической и текстильной промышленности, а вывозил продукты скотоводства и грубую ткань (даба), находившую широкий сбыт среди казахов — подданных Российской империи. Однако нормальному развитию торгов-

---

²⁴ Ахмад Донш. *Путешествие из Бухары в Петербург...*, стр. 47.

ли между Россией и Синьцзяном препятствовали отсутствию договоров, определявших условия экономических взаимоотношений, произвол местных властей и, особенно, острая классовая и политическая борьба, происходившая в Синьцзяне в конце XVIII — первой половине XIX в.

Режим суровой эксплуатации и угнетения, установленный феодальной кликой, вызывал острое недовольство народных масс Синьцзяна.

Местное население грабили и ростовщики и чиновники. «Беки любят наживаться насиллем, — писал известный русский ученый Н. Я. Бичурин, характеризуя тяжелый гнет синьцзянской администрации, — теснят слабых. Если бедный скопит сколько-нибудь имущества, то и стараются высосать оное, почему в стране достаточных домов нет»²⁵. Чиновники, опиравшиеся на местную знать, облагали трудящиеся массы Синьцзяна всевозможными налогами, заставляли их выполнять различные феодальные повинности.

Н. Ф. Петровский, проводивший много лет в Кашгаре на посту русского генерального консула, писал в «Записке о современном положении в Восточном Туркестане», что чиновники, не брезгая никакими средствами, произвольно облагали население чрезмерно высокими податями. В отдаленном Синьцзяне они грабили население, не боясь ни контроля, ни ответственности. Государственная казна получала не более 20% того, что взималось с населения²⁶. В конце XVIII — начале XIX в. в Синьцзяне неоднократно вспыхивали народные волнения и восстания, охватывавшие обширные территории.

Как в ханствах Средней Азии, так и в Синьцзяне классовая и межфеодальная борьба препятствовала развитию их экономических связей с соседними странами, и прежде всего с Российской империей.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

В первой половине XIX в. процесс разложения феодально-крепостнического хозяйства Российской империи

---

²⁵ Иакинф (Н. Я. Бичурин), *Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана*, стр. 136.

²⁶ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 675, л. 253.

являлся одновременно и процессом складывания новых, капиталистических отношений. Расширялось мелкое товарное производство, кустарная крестьянская промышленность постепенно заменялась капиталистической мануфактурой, которая в свою очередь уступала место фабрике, крупной машинной индустрии.

С 1804 по 1825 г. число промышленных предприятий увеличилось с 2402 до 5261, а к 1860 г. возросло уже до 15 388. Соответственно расширялось и число занятых в промышленности рабочих: в 1804 г. — 95,2 тыс., в 1825 г. — 210,6 тыс., в 1860 г. — 565,1 тыс. человек ²⁷.

Быстрее всего развивалась хлопчатобумажная промышленность, распространенная главным образом в центральных районах Европейской России; слабее — тяжелая промышленность, особенно металлургия. В ее развитии Россия серьезно отставала от передовых стран Западной Европы (и в первую очередь от Англии). Поэтому Российская империя на мировом рынке выступала по отношению к Европе в основном как поставщик сельскохозяйственного сырья.

В период интенсивного развития капитализма для России чрезвычайно важное значение приобретала проблема рынков сбыта, так как узкий внутренний рынок не удовлетворял полностью потребности промышленности.

В. И. Ленин указывал на две стороны процесса образования рынка для капитализма: развитие капитализма вглубь и вширь, т. е. распространение его господства на новые территории; «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран...», — отмечал он. «Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах» ²⁸.

Царское правительство и ведущие торгово-промышленные круги Российской империи внимательно изучали вопрос о рынках сбыта и источниках сырья. Эта проблема всесторонне разрабатывалась виднейшими экономистами и представителями деловых кругов России.

---

²⁷ П. И. Лященко, *История народного хозяйства СССР*, т. I, стр. 535. Подробно об этом см.: П. А. Хромов, *Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917*.

²⁸ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, стр. 595, 593

Авторы подавляющего большинства работ, посвященных внешней торговле, сходились на мысли, что Российской империи трудно конкурировать с более развитой промышленностью капиталистических государств Запада; соседние же страны Востока, более отсталые, чем царская Россия, могут стать рынками сбыта русских товаров. Многочисленные данные, подтверждавшие это положение, собраны в работе А. А. Семенова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г.». Этот объемистый труд, содержащий огромный фактический материал, — своеобразная энциклопедия торговли и промышленности Российской империи за сто лет.

С 30-х годов XIX в. резко сократился экспорт из России многих товаров (холста, льняной пряжи, полотна, металлических изделий и пр.)²⁹.

А. А. Семенов видел выход из этого угрожающего для русской торговли и промышленности положения в максимальном удешевлении производства, расширении внутреннего потребления, а также в использовании в качестве внешнего рынка сбыта Средней Азии! «Несомненно, товары наши до сих пор не могут соперничать с изящными иностранными изделиями, — писал он, — но мы имеем в отечестве нашем при населении 60 млн. жителей и в Средней Азии обширный рынок для сбыта наших льняных, бумажных, шелковых, металлических и других изделий, а сукна и шерстяные ткани удовлетворяют требованию людей и высшего класса; следовательно, можно надеяться, что при умеренно охранительной системе нового тарифа, если наши фабриканты будут стараться вводить на своих фабриках усовершенствованные способы производства по примеру иностранных, то мы в состоянии будем продолжать и на будущее время с успехом нашу фабричную деятельность»³⁰.

Если на европейских рынках Российская империя выступала преимущественно как поставщик сельскохозяйственного сырья, то на рынках Азии она была экспортером металла, металлических и текстильных изделий, вы-

---

²⁹ А. Семенов, *Изучение исторических сведений...*, ч. III, стр. 90, 93, 97—99.

³⁰ Там же, стр. 72.

деланных кож и т. п. В середине XIX в. в Азию, главным образом в Среднюю Азию, вывозилось до 60% всего металла, который экспортировался Российской империей³¹.

Еще в 1836 г. был учрежден Особый комитет для рассмотрения предложений о торговых сношениях Российской империи с Азией. В него вошли члены Государственного совета, военный министр, министры иностранных дел и финансов, главноначальствующий путями сообщения и ответственные сотрудники департамента экономики. На заседаниях Особого комитета изучались проблемы расширения экономических связей с Ираном, Азиатской Турцией и другими соседними странами Востока³².

В том же году специалист по торговле с Азией А. И. Веригин требовал развивать беспрепятственные экономические связи со среднеазиатскими ханствами, где России не пришлось бы испытывать конкуренции с державами Европы. «Приведя в безопасность торговлю нашу в Средней Азии, мы приобретаем со временем легчайший способ вознаграждать те потери, которые вынуждены сносить по европейской торговле...», — утверждал он³³.

В 1843 г. орган торгово-промышленных кругов — «Журнал мануфактур и торговли» — подчеркивал заинтересованность России и среднеазиатских ханств в развитии тесных экономических связей, а также зависимость хозяйственной жизни Средней Азии от поставок из Российской империи металла, юфти и других товаров. «С умножением населения потребность этих материалов год от году будет увеличиваться, следовательно, будет увеличиваться и зависимость Хивы и вообще оседлых народов Средней Азии от России. Чугун и железо доселе, по крайней мере, могли быть доставляемы в Среднюю Азию только из России.

Свои же произведения, как то: хлопчатую бумагу, хлопчатые изделия, разного рода плоды и пр. хивинцы могут сбывать только нам; не могут сбывать их ни в Персии, ни в Бухаре, ни афганцам, и для покупки необходимых им материалов из России нуждаются в сем сбыте;

³¹ Г. П. Неболсин, *Статистическое обозрение внешней торговли России*, ч. 2, стр. 438—439.

³² ЦГИАЛ, ф. 1173, д. 2, Журн. «Особого комитета», 15.III. 8.IV.1836.

³³ «Туркестанский край...», т. 2, стр. 7.

посему в торговом отношении хивинцы в совершенной зависимости от России»³⁴.

Эти взгляды разделял и Г. И. Данилевский, который в 1842 г. посетил Хиву с дипломатической миссией³⁵.

В 1849 г. видный географ и путешественник П. А. Чихачев отмечал важное значение для Российской империи среднеазиатской торговли, подчеркивал, что она в отличие от торговли с другими странами Востока не находится под угрозой «англо-американского сотрудничества», т. е. соперничества.

Чихачев предвидел, что проникновение Англии и Соединенных Штатов Америки на Дальний Восток ослабит там позиции русских торговых кругов. Поэтому он настаивал на детальном изучении «взаимных коммерческих потребностей» России и Средней Азии, «способов доставки» и «путей движения предметов среднеазиатской торговли»³⁶.

Благоприятную для России экономическую обстановку в Средней Азии отмечали многие современники Чихачева. Известный востоковед Я. В. Ханыков в «Пояснительной записке к карте Аральского моря и Хивинского ханства...» подчеркивал, что торговые отношения Российской империи со среднеазиатскими ханствами «принадлежат к числу тех редких в нашем отечестве заграничных оборотов, в коих отпуск выделанных товаров слишком вдвое превосходит привоз таковых изделий, тогда как, напротив, по европейской торговле привозится обработанных товаров в четыре раза больше, чем отпускается из России...»³⁷. Среднеазиатская торговля, отмечал Ханыков, за истекшие 75 лет увеличилась в 13 раз. Поскольку экономические отношения со Средней Азией имеют первостепенную государственную важность, их необходимо расширять.

Г. П. Неболсин, автор опубликованного в 1850 г. двухтомного «Статистического обозрения внешней торговли России», на основании многочисленных конкретных данных убедительно показал прогрессирувавшее

³⁴ «Журнал мануфактур и торговли», 1843, № 4, стр. 162.

³⁵ [Г. И. Данилевский], *Описание Хивинского ханства*, стр. 129, 132 и др.

³⁶ П. Чихачев, *О исследовании вершин...*, стр. 26—28.

³⁷ [Я. В. Ханыков], *Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства...*, стр. 288.

отставание России от передовых в техническом отношении стран Европы и Америки. Он советовал русским промышленникам глубоко и всесторонне изучить вкусы и нужды потребителей в Средней Азии, что должно было способствовать расширению экспорта товаров из Российской империи³⁸. «Разделение внешней торговли России на европейскую и азиатскую, — писал Г. П. Неболсин, — не должно принимать за одно только географическое распределение главных ее отраслей. Этим разделением резко обозначается различие торговых отношений России к Западу и Востоку, различие, выражающее собой потребности и состояние ее внутренней промышленности, отличительные свойства ее внешней торговли...

(Пропорция вывоза хлеба, разных сырых продуктов и полуобработанных материалов доходит по европейской торговле до 96 процентов, а на долю изделий приходится только 4 процента, тогда как в азиатском торге изделия составляют почти три пятых, или 60 процентов, всей суммы отпуска.

Итак, в своей отпускной торговле Россия является земледельческим государством в отношении к Западу и мануфактурным в отношении к Востоку, но превосходство нашей европейской торговли над азиатской показывает, как велик в России перевес земледельческой промышленности над мануфактурной.

Нынешнее состояние нашей внешней торговли обнаруживает, с одной стороны, что в России земледельческие промыслы служат главным источником народного богатства, а с другой, что Россия уже подвигается на поприще мануфактурной промышленности, и сбыт сырых продуктов на Западе доставляет взамен их необходимые ей материалы, между тем как потребление ее изделий на Востоке поддерживает нашу азиатскую торговлю»³⁹. И наконец «в Средней Азии еще поддерживается сбыт наших мануфактурных товаров, но в Северной Персии и в Азиатской Турции русские изделия встречают соперничество европейских товаров...»⁴⁰.

---

³⁸ Г. П. Неболсин, *Статистическое обозрение внешней торговли России*, ч. 2, стр. 438—439.

³⁹ Там же, стр. 453—455.

⁴⁰ Там же, стр. 456.

Видный дореволюционный экономист Ф. Г. Тернер в своей книге «Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г.» писал, что сбыт российских промышленных изделий сокращается на Западе, но растет на Востоке⁴¹.

Программа развития экономических связей Российской империи со странами Средней Азии была сформулирована уже упоминавшимся выше действительным членом Русского географического общества П. И. Небольсиным, который в 1850 г. по поручению общества совершил поездку в Оренбургский край и прикаспийские области «для собирания разных сведений по торговле». В письме из Оренбурга от 22 мая М. Н. Муравьеву, одному из руководителей общества, он высказывался за проведение активной политики в Средней Азии⁴². В ноябре того же года П. И. Небольсин представил проект развития русской торговли со Средней Азией, предусматривавший поворот рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Каспийское море⁴³. Естественно, что подобный проект в тот период был абсолютно нереален⁴⁴. Однако появление такого проекта свидетельствовало о настойчивых поисках самых разнообразных способов и методов расширения торгово-экономических связей между Российской империей и среднеазиатскими ханствами.

В дальнейшем, обработав материалы, собранные во время поездки в Оренбург и прикаспийские районы, П. И. Небольсин подготовил капитальный труд — «Очерки торговли России со Средней Азией», отмеченный Демидовской премией Русского географического общества. «Мы шлем в Среднюю Азию такого рода товары, — писал автор, — которые в целом Туране составляют предметы первых, самых необходимых потребностей всего народонаселения. Именно от нас идут туда золото, серебро, медь, чугун, железо, разного рода металлические поделки, кожи, краски, сахар, сукна, ситцы, всякие бу-

---

⁴¹ Ф. Г. Тернер, *Движение внешней торговли России...*, стр. 287—288.

⁴² АВГО, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 21.

⁴³ Там же, лл. 78—88.

⁴⁴ Читавший этот документ Я. В. Ханыков оставил на нем следующую пометку: «Обсуживать эту записку столь же невозможно, как фантастический план проложения дороги на Луну» (там же, л. 79).

мажные, а частью шелковые изделия... Наших товаров, каковы металлы, юфть, сукна и ситцы, Средней Азии трудно получить по нашим ценам от какой-либо другой страны.

Что касается до товаров, получаемых в обмен из Средней Азии, то естественные богатства центрального рынка Средней Азии, Бухары, состоят теперь пока только в хлопчатой бумаге, в шелке, в марене, в садах и богатых виноградниках и, наконец, в произведениях скотоводства и звероловства»⁴⁵.

Хотя доля торговли со Средней Азией (включая и Казахстан) в 50-х годах XIX в. в общем обороте русской внешней торговли была сравнительно невелика (немногом более 2,5%)⁴⁶, она могла быть, по мнению правительственных и деловых кругов Российской империи, значительно увеличена.

Но реализация этих стремлений была затруднена тем, что в этом районе с начала XIX в. все более активно действовал сильный соперник России — Британская империя.

БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В середине XIX в. после захвата последних крупных самостоятельных государств Индии (Синда и Пенджаба) британская буржуазия активизировала свою экспансию на Востоке, и в особенности в Афганистане и Средней Азии.

Для подрыва русской торговли британские предприниматели широко практиковали в среднеазиатских ханствах продажу своих товаров по заниженным ценам. Интересные данные об этих методах борьбы за торговое преобладание приводятся в уже цитировавшейся книге П. И. Небольсина «Очерки торговли России с Средней Азией». Автор рассказывает, ссылаясь на свои беседы с бухарскими купцами, что «англичане в желании совер-

---

⁴⁵ П. И. Небольсин, *Очерки торговли России с Средней Азией*, стр. 22—23.

⁴⁶ Проф. С. А. Покровский исчисляет цифру товарооборота со Средней Азией на 1851—1853 гг. в 6,7 млн. руб., а общую цифру внешнеторгового оборота России в 263 млн. руб. (см. его кн. «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России», стр. 242, 251).

шенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 г. и особенно в 1842 годах в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (как говорят, в явный даже себе убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. Удалив таким образом наших торговцев... англичане через год или два разом подняли цену на свои товары более чем вдвое... К этому присовокупилось еще то довольно замечательное обстоятельство, что бухарцы, успевшие во-время произвести оптовый закуп, целыми кипами, английских товаров, открыли в них, не говоря уже про маломерность и недостаточную ширину, дурные линючие краски, гнилую, не державшуюся на нитке пряжу, дырья и все качества, делающие товар никуда не годным хламом»⁴⁷.

Аналогичные приемы применялись британскими предпринимателями в разное время и в других районах Средней Азии.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали «наступление английской торговли на внутреннюю Азию» после захватнических войн в Индии в 40-х годах XIX в. «Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю, — писал Энгельс. — Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость непрерывного расширения торговли — этот *fatum*, который словно привидение преследует современную Англию... эта немолчалимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. И хотя мы очень мало знаем о размерах русского экспорта в эту часть света, мы все же из факта увеличения английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно сократилась»⁴⁸.

Эти предположения о сокращении русской торговли в Средней Азии полностью подтверждаются документальными материалами. Департамент внешней торговли России указывал на сокращение русского вывоза в Среднюю Азию в 1845 г. в связи с «усилившимся привозом на

⁴⁷ П. И. Небольсин. *Очерки торговли России с Средней Азией*, стр. 216—217.

⁴⁸ Ф. Энгельс, *Действительно спорный пункт в Турции*, стр. 12—13.

бухарский рынок ост-индских и английских товаров, которых цены далеко ниже наших». В отчете этого департамента за 1847 г. сказано: «Совместничество английских товаров по бухарским и хивинским рынкам препятствовало выгодному сбыту русских бумажных изделий и некоторых других товаров»⁴⁹.

В 1848 г. в «Северной пчеле» была опубликована заметка крупного русского купца Ф. Пичугина, писавшего, что «англичане, не жалея своих капиталов... приближаются к Средней Азии, и на этих рынках мы много встречаем английских товаров»⁵⁰.

Глубокой тревогой за судьбы русской торговли в Средней Азии проникнуто, например, «Описание Кокандского ханства», составленное побывавшим там купцом Ключаревым. «Товары российские в нынешнем 1852 г., — писал он. — во всей Средней Азии, как в Кокании, Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так, что противу прежних цен выручали 80 коп. из рубля из самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают — в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных мануфактурных товаров; ихние комиссионеры — персиане, ширванцы и афганцы — продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты и краски более линючие, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе».

Ключарев подчеркивал, что англичане продают свои товары по более дешевым ценам. «Поэтому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, — сетовал он, — из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как-то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное...»⁵¹.

В первом томе начавшего выходить в 1859 г. авторитетного органа торгово-промышленных кругов «Вестника

⁴⁹ Цит. по кн.: М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке...*, стр. 311.

⁵⁰ Там же, стр. 314.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 67, д. 48, лл. 18—19.

промышленности» появилась обширная «корреспонденция из Лондона» Гавриила Каменского под характерным заглавием: «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности». «Почти до последнего времени Россия производила значительную торговлю с Средней Азией не только своими произведениями, но также вообще европейскими товарами, преимущественно покупаемыми на немецких ярмарках и отправляемыми по Волге на южный берег Каспийского моря», — писал Каменский. Отсюда караваны перевозили их различными путями в Герат, Кабул, Хиву и Бухару, а затем — в северные районы Персии и Белуджистана, в Коканд и Кашгар, вплоть до западной китайской границы, а из Кабула — до центра Пенджаба — Лахора. «В последнее время однако же эта цветущая торговля обнаруживает упадок, который мы не останавливаемся приписать деятельному соперничеству Англии. Дорога через Трапезунд, Эрзерум и Табриз к северным частям Азиатской Турции и Персии открыла в них, через посредство греческих домов, доступ английским произведениям; английское железо еще в 1831 году совершенно вытеснило на трапезундском рынке железо русское; с другой стороны, с завоеванием Спиндии (Синда. — Н. Х.) восстановлен древний торговый путь по реке Инду... [что] открывает таким образом для английской промышленности свободный и удобный доступ в Среднюю Азию... Нашему отечеству, — предупреждал Каменский, — таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке»⁵².

Хемен.
Рынок
1831
↓

Правда, британским предпринимателям, несмотря на применявшиеся ими разнообразные меры (вплоть до демининга), не удалось овладеть среднеазиатскими рынками и вытеснить оттуда русских купцов. К тому же воинный путь по Инду в дальнейшем не оправдал возлагавшихся на него Англией надежд. Однако британская конкуренция несомненно очень мешала русской торговле в Средней Азии и вообще на Среднем Востоке⁵³.

Рус.
↓

⁵² Г. Каменский, *Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности*, стр. 151—153. Интересно отметить, что высказывания Каменского почти дословно были включены А. Семеновым (без ссылки на источник) в его кн. «Изучение исторических сведений...», ч. III, стр. 194—196.

⁵³ Подробно об этом см.: М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке...*

В борьбе с Россией за господство в Средней Азии Англия использовала Османскую империю. Турецкая правящая верхушка, идя на поводу у Великобритании, активно содействовала английской политике, но не забывала и о собственных интересах, рассчитывая распространить свое влияние на мусульманском Востоке. При поддержке британских властей в среднеазиатские ханства отправлялись турецкие посольства с целью наладить связи местных правителей с турецким султаном, «халифом всех правоверных», за спиной которого в данном случае действовали британские экспансионисты.

Еще до начала Крымской войны английское правительство с помощью Турции стремилось организовать подрывную деятельность на территории, населенной мусульманскими народами и частично входившей в состав Российской империи, — в Крыму, на Кавказе, а также в ханствах Средней Азии. Хивинское посольство, которое вело в 1852 г. переговоры в Оренбурге с генерал-губернатором В. А. Перовским, угрожало уступить территорию в районе нижнего течения Сыр-Дарьи «турецкому султану или англичанам» для создания там англо-турецкого опорного пункта. Посол проговорился, что еще в 1851 г. специальный хивинский сановник был послан для обсуждения этого вопроса в Тегеран, где находился «именитый турок от лица султана»⁵⁴.

Особенно активно действовали турецкие эмиссары в годы Крымской войны. Агенты Османской империи по английскому заданию под лозунгом «священной войны» старались вовлечь в борьбу против Российской империи возможно больше стран⁵⁵. В конце 1853 г. в различных районах Средней Азии появились эмиссары Османской империи. Они привезли воззвания турецкого султана, который призывал Бухару, Хиву и Коканд к нападению на Российскую империю⁵⁶. Не случайно именно в это время двенадцатитысячный отряд кокандских войск предпринял наступление на форт Перовский. Кокандские войска были отброшены, и царские власти считали это неудачей не только Коканда, но также Англии и Османской империи. Перовский сообщал в министерство ино-

⁵⁴ «Туркестанский край...», т. 8, стр. 144.

⁵⁵ Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа...*, стр. 410.

⁵⁶ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 15, док. 5. Письмо Перовского — Сенявину от 8 января 1854 г.

странных дел в Петербург, что молва, которая разойдется по Средней Азии в связи с поражением кокандцев, будет «содействовать ослаблению враждебных для нас расположений, возбуждаемых агентами турецкого и английского правительств в Бухаре и Хиве»⁵⁷. Отмечая дружественные взаимоотношения с Бухарой, Перовский продолжал: «На прочность этого дружельюбия полагаться нельзя, если только турки действуют в Бухаре столь же ревностно, как и в Хиве. Здесь... стараются они внушить доверие к англичанам... против русских же возбудить недоверие». Он писал, что в результате поездки хивинского посольства в Стамбул в 1853 г. оттуда приехали в ханство пушечные мастера, которые отлили для хивинской армии несколько орудий.

Британские и турецкие агенты стремились воспользоваться борьбой Российской империи с Кокандским ханством за захваченные кокандцами казахские земли. Среди казахских племен усиленно распространялись слухи об отправке султаном в Среднюю Азию многочисленного войска для борьбы против России, о его призыве к созданию бухаро-кокандского военного блока, чтобы, «соединив свои головы, идти войной до Кызыл-Яра, на русских»⁵⁸. Вскоре из Стамбула возвратился бухарский посланник, который привез сообщение о присвоении эмиру Бухары почетного звания «ревнителя веры»⁵⁹.

Деятельность британской и турецкой агентуры обостряла обстановку в Средней Азии. Царские власти учитывали возможность совместного выступления Британской империи, Турции и среднеазиатских ханств⁶⁰.

Для иллюстрации приемов, применявшихся британской агентурой в Турции и среднеазиатских ханствах, интересен следующий эпизод, о котором сообщал в Петербург Перовский: «Между прочими средствами к возбуждению в народе религиозного фанатизма кокандские мullahы пустили в ход древнее мусульманское поверье, заключающееся в том, что в Софийской мечети в Константи-

⁵⁷ ЦГИА УзССР. ф. 715, д. 15, док. 22. Письмо Перовского — Сенявину от 26 января 1854 г.

⁵⁸ Там же, приложение к док. 47. Донесение пристава при киргизах Большой Орды (март 1854 г.).

⁵⁹ Там же, док. 78. Письмо В. А. Перовского начальнику штаба Сибирского корпуса от 16 мая 1854 г.

⁶⁰ Там же, док. 108.

Турки
Бухаре
1854
Англии

нополе хранится меч Али, зятя Мухаммеда, и что когда настанет время восстать всем правоверным против гяуров, то меч этот сам должен выйти до половины из ножен. Теперь чудо это совершилось, проповедуют фанатики, обрекая проклятию всех, кто не послушается такого очевидного знака воли божией. Ту же идею стараются распространить в Бухаре турецкие послы, подтверждая справедливость сказанного чуда»⁶¹.

Активные действия англо-турецких эмиссаров в Средней Азии заставили царское правительство опасаться прямого вторжения британских или турецких войск в районы Средней Азии. Так, русский пристав при «киргизах Большой Орды» сообщал 23 января 1855 г. командиру Сибирского корпуса Гасфорду, что в конце 1854 г. к бухарскому эмиру приехал английский посол. Этот посол потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе. Эмир якобы сначала отверг это требование, но «когда английский посланник привез ему фирман турецкого султана, то он и разрешил». Указывая на эти обстоятельства, Гасфорд в письме военному министру подчеркивал реальную угрозу того, что при «согласии бухарского хана и афганских владетелей англичане как союзники турецкого султана под предлогом поддержания прав магометан пришлют кокандскому хану своих или турецких инструкторов и оружие и тем, конечно, смогут усилить и направить действия необразованных и неустроенных кокандских ополчений»⁶². Гасфорд серьезно беспокоился, получив достоверные известия о появлении британских агентов вблизи русского укрепления Актау. «Легко может быть, — отмечал он, — что пронырство и подкупы англичан действительно доставят случай их агентам проникнуть в нашу степь с целью осмотреть расположение отрядов и укреплений, а может быть, и поколебать доверенность к нам киргизов»⁶³.

Летом 1855 г. «пронырство и подкупы англичан», а также деятельность представителей Османской империи дали свои плоды. Среди русских подданных — казахов Большой Орды — кокандские власти распространяли ре-

⁶¹ Там же, док. 111. Письмо Перовского от 22 сентября 1854 г.

⁶² ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 16, док. 11.

⁶³ Там же, док. 15. Здесь и в других документах царских чиновников киргизами именуются казахи.

лигиозные воззвания с призывом к вооруженному нападению на русские города и села. Кокандские войска готовились к походу на укрепление Верное. Гасфорд доносил военному министру, что среди кокандцев «есть иностранцы и присланные от турецкого султана начальники и что в войсках этих замечено более правильное устройство, чем прежде у них видели»⁶⁴.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что Англия и Османская империя уделяли много внимания не только экономической, но также идеологической и военно-политической экспансии в Средней Азии. Им, однако, не удалось добиться открытого наступления всех среднеазиатских ханств против Российской империи или создания антирусского блока. Предложения о сближении с Великобританией были встречены здесь в большинстве случаев враждебно.

Среди казахов проповедь вражды к русским никогда не пользовалась успехом. Казахское население долго и много терпело от произвола кокандских феодалов и было настроено резко против них. Общеизвестны многочисленные восстания казахских племен против кокандского гнета и активная поддержка казахами русских войск в войне с Кокандом⁶⁵.

Крупнейшее из среднеазиатских ханств — Бухарское — было заинтересовано в развитии тесных экономических связей с Российской империей, издавна сложившихся и приносивших выгоду обеим сторонам. Бухарские купцы с большой прибылью сбывали на русских рынках сельскохозяйственную продукцию. Немало извлекал из этих торговых операций и крупнейший феодал и торговец Бухары — сам эмир. Бухарское ханство постоянно нуждалось в металлических и текстильных изделиях, которые оно получало из Российской империи.

Кроме того, у правителя Бухары вызывала глубокое беспокойство двойственная политика британских правящих кругов, заигрывавших с Бухарским ханством и в то же время поддерживавших наступление афганских феодалов на бекства Южного Туркестана, населенные узбеками и таджиками и входившие ранее в состав Бухар-

---

⁶⁴ Там же, док. 32.

⁶⁵ См. об этом подробно: Е. Б. Бекмаханов, *Присоединение Казахстана к России*.

ского ханства. Дело дошло до того, что бухарское правительство в дальнейшем было вынуждено обратиться к Российской империи с ходатайством о помощи в борьбе против английского домогательства.

Позиция правящих кругов Бухарского ханства, не желавших сближения с британскими экспансионистами, сыграла решающую роль. Это ханство, расположенное в самом центре Средней Азии, было экономически наиболее развито и играло ведущую роль в политическом отношении. Его отказ примкнуть к сколачивавшейся британскими и турецкими эмиссарами антирусской коалиции способствовал провалу этих планов.

Британские владения на Востоке были территориально отделены от Средней Азии Афганистаном, дипломатические отношения с которым у Англии после войны 1838—1842 гг. были фактически прерваны. Чтобы создать условия для более успешного проникновения в среднеазиатские ханства, английские правящие круги пошли на сближение с Афганистаном. В годы Крымской войны эти действия Британской империи приняли особенно настойчивый характер. «Тревожное состояние европейской политики побуждало нас установить более дружественные отношения с Афганистаном»⁶⁶, — писал Робертс.

Правительство афганского эмира Дост Мухаммед-хана, стремившееся к объединению страны, было заинтересовано в мире и охотно приняло предложения об урегулировании англо-афганских отношений. В марте 1855 г. в Пешаваре эмир Дост Мухаммед-хан и верховный комиссар Пенджаба Джон Лоуренс подписали договор «о мире между обоими государствами и о взаимном уважении владений». В нем эмир признавал «друзей и врагов британского правительства друзьями и врагами Кабула»⁶⁷.

Это не было равноправным соглашением. Договор возлагал на Афганистан определенные обязанности, не распространявшиеся, однако, на Британскую империю. Выразительную оценку этому договору дал крупный английский политический деятель герцог Аргайл, бывший в 1868—1874 гг. статс-секретарем по делам Индии. «Это был трактат, — утверждал он, — заставлявший эмира,

⁶⁶ Робертс Кандагарский, *Сорок один год в Индии...*, стр. 34.

⁶⁷ C. U. Aitchison, *A collection of treaties...*, pp. 206—207.

вступать в неприязненные отношения со всеми, кому мы объявляли войну, но не возлагавший на нас ничего подобного такому же обязательству. Со стороны Дост Мухаммед-хана это был в полном смысле слова наступательный и оборонительный союз, но с нашей стороны он не имел этого значения. Он клонился, следовательно, исключительно в нашу пользу»⁶⁸.

Условия договора давали Великобритании возможность оказывать влияние на внешнюю политику Афганистана. Дост Мухаммед-хану была предоставлена материальная помощь в борьбе против мелких узбекских и таджикских ханств и бекств левобережья Аму-Дарьи, находившихся под покровительством бухарского эмира.

Оренбургский торговец Багиджан Джангильдин, посетивший в 1856 г. Бухарское ханство, информировал русские власти о походе Дост Мухаммед-хана с крупным войском на север с целью захвата «бухарских городов» Южного Туркестана. По словам Джангильдина, афганский эмир при подготовке к этому наступлению «был снабжен англичанами всем необходимым: оружием, военными снарядами и деньгами»⁶⁹.

Так при содействии британских экспансионистов началось подчинение левобережья Аму-Дарьи Афганистаном, что расширяло сферу влияния Великобритании и ухудшало афгано-бухарские отношения, а также отвлекало в какой-то мере внимание афганских правящих кругов от захватнической деятельности английских колонизаторов в Пешаварском округе и других районах, заселенных восточноафганскими племенами.

В среднеазиатские ханства систематически засылались английские агенты, прошедшие специальную школу разведчиков в Индии. Так, в 1856 г. через Бадахшан и Кундуз в Бухарское и Хивинское ханства проник Файз-Бахш⁷⁰.

Экономическая экспансия в Средней Азии привлекала внимание высших правительственных учреждений Анг-

⁶⁸ Цит. по ст.: Р., *История сношений Англии с Афганистаном*, рассказанная англичанином, стр. 262—263.

⁶⁹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 17, док. 77. Письмо оренбургского генерал-губернатора товарищу министра иностранных дел от 26 августа 1856 г.

⁷⁰ И. В. Мушкетов, *Туркестан*, стр. 295—296. Майор Уокер и капитан Монтгомери возглавляли эту «школу» (она получила название «Тригонометрической службы Индии»).

лии. В частности, в начале 1858 г. британский парламент обсудил планы захвата среднеазиатских рынков. 16 марта 1858 г. член палаты общин Уильям Юарт предложил создать специальный комитет для изучения проблем развития английской торговли в Средней Азии⁷¹.

Поддерживавший Юарта депутат парламента Денби Сеймур заявил: «Ничего не может быть более важного для нашего политического господства, чем развитие нашей торговли со Средней Азией, и ничего нет легче, чем расширить ее почти безгранично. Осуществляя это, мы обогатимся сами и цивилизуем Среднюю Азию...» Денби Сеймур отмечал, что расширение торговли укрепит позиции Великобритании в Средней Азии и «увеличит возможности отправки вооруженных сил в эту страну»⁷².

На заседании палаты общин 22 марта того же года был утвержден состав специального комитета⁷³. В него вошли лица, связанные с торгово-промышленными и финансовыми кругами (например, представитель Ланкаширского округа А. Д. Кохрен-Бэйли, тесно связанный с фабрикантами текстиля, А. Ф. Киннэйр, доверенный банкирского дома «Рэнсом и К°», и др.). В результате энергичной деятельности комитета британское правительство получило обширные сведения о среднеазиатской торговле.

Потопив в крови народно-освободительное движение 1857—1859 гг. в Индии, навязав Ирану кабальный Парижский договор (1857 г.) и заручившись нейтралитетом правящих феодальных кругов Афганистана (англо-афганские договора 1855 и 1857 гг.), британская буржуазия подготавливала дальнейшее наступление в Средней Азии.

Активные действия британских конкурентов вызывали серьезное беспокойство в правительственных кругах Российской империи⁷⁴ и наряду с первостепенными экономическими факторами придали среднеазиатской политике особо важное значение в государственных планах царского самодержавия.

---

⁷¹ «Hansard's parliamentary debates», vol. CXLIX, p. 276.

⁷² Ibid., pp. 290—291.

⁷³ Ibid., p. 555.

⁷⁴ См. об этом, в частности: ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 177. «Записка командира Оренбургского корпуса о средствах для развития нашей среднеазиатской торговли» от 29 сентября 1861 г.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА ЦАРСКОЙ РОССИИ К ЭКСПАНСИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1857—1862)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЕЕ ПОЛИТИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Исход Крымской войны не был вызван одной лишь военной слабостью царской России. Мировой экономический кризис 1857 г. в отличие от предшествующих серьезно затронул экономику Российской империи.

В стране сократилось промышленное производство, на 11% уменьшился объем внешней торговли (в первую очередь экспорт), острый кризис переживала биржа¹. Экономические трудности Российской империи вызывали беспокойство в правительственных и торгово-промышленных кругах.

Отправленный за границу со специальной целью — изучить экономическую обстановку и положение в различных европейских странах — будущий министр финансов статс-секретарь М. Х. Рейтерн в конце 1857 г. писал из Парижа Александру II: «Положение наших финансов заслуживает полного внимания нашего правительства. Недостаточно сказать, что оно затруднительно. Мы находимся в настоящее время на поворотном пункте. Теперь еще зависит от правительства выбрать дорогу, по которой оно намерено идти. Через несколько лет будет невозможно оставаться на прежней дороге и слишком поздно, чтобы перейти на другую». Рейтерн предлагал срочно сократить расходы и добиться увеличения доходов «но-

---

¹ Л. А. Мендельсон, *Экономические кризисы и циклы XIX века*, стр. 355—356.

вым и податями и улучшением существующих», а также укрепить денежную систему внутренними займами и выпуском кредитных билетов².

В различных кругах русского общества вызревала мысль о необходимости проведения коренных государственных преобразований. Не только буржуазные, но и некоторые представители помещичьих слоев высказывались за ликвидацию крепостного строя «сверху», опасаясь, что он будет сметен «снизу».

Большинство русских предпринимателей и многие представители правящих кругов видели определенный выход из создавшегося положения в максимальном развитии внешней торговли, в приобретении новых рынков сбыта, ибо крепостная зависимость многомиллионных крестьянских масс до предела суживала внутренний рынок Российской империи.

Поражение царской России в Крымской войне 1853—1856 гг. привело к необходимости переключить центр тяжести внешней политики Российской империи с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток, и в первую очередь — в Среднюю Азию.

Анализируя результаты Крымской войны, К. Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина „Государственность и анархия“» писал: «Итак, для всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт... Но если закрыт путь *северо-западный*, то остается *южный* и *юго-восточный*, *Бухара*, *Персия*, *Афганистан*, *Ост-Индия*, наконец, *Константинополь*»³.

Экспансия в Среднюю Азию, развитие экономических связей с другими странами Востока, с точки зрения правящих кругов Российской империи, давали возможность восстановить свой пошатнувшийся военно-политический престиж и создать предпосылки для нажима на основного соперника — Великобританию.

Этот взгляд нашел, в частности, проявление в инструкции министра иностранных дел Горчакова барону Бруннову, который был переведен в начале 1858 г. посланником России из Берлина в Лондон. Здесь подчеркивалось стремление Российской империи к полной сво-

² ЦГИАЛ, ф. 1072, д. 8; лл. 13—31.

³ К. Маркс, Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», стр. 600.

бодe действий на Востоке, ее намерение «усилить в Азии влияние своей промышленности, своей культуры и своей торговли». Англия опередила Российскую империю в этом отношении, гласил далее документ, но настало время «и нам свободно войти в эту область».

В случае английских протестов по данному поводу Бруннову предлагалось твердо и непреклонно отвергать их: «Мы требуем нашего участия в культурной работе той части света, которая примыкает к нашим границам».

Инструкция содержала недвусмысленный намек на то, что, если англичане «желают жить в мире с Россией», они должны учитывать и ее интересы. «Англия в своих отношениях с другими государствами слишком часто забывала эту истину, — писал Горчаков. — Пришло время ей это напомнить, без упреков, без горечи, но твердо»⁴.

Проблемы внешней политики и торговли, завоевание и освоение новых рынков для развивавшейся капиталистической промышленности вызывали большой интерес в России. Мотивы «среднеазиатского направления» политики звучали все громче и занимали все более самостоятельное место в планах и проектах господствующих кругов империи. Отошел в прошлое период одиноких «трубадуров» восточной торговли типа П. Голубкова или Ф. Пичугина — крупных предпринимателей второй четверти XIX в., упорно, но часто малоуспешно пытавшихся привлечь внимание правительства и промышленников страны к Средней Азии и соседним с ней государствам⁵. После Крымской войны реальная деятельность гораздо лучше всяких «голубковских изданий»⁶ убеждала купцов и фабрикантов, как и правительство Российской империи, в необходимости глубокого, всестороннего, а главное — безотлагательного изучения, а затем и захвата рынков сбыта и источников сырья в странах Востока.

«Не в Европе будущее России: к Азии должна она

---

⁴ Б. Э. Нольде, *Петербургская миссия Бисмарка...*, стр. 64—65 (со ссылкой на архив российского посольства в Париже).

⁵ См. Е. Н. Кушева, *Среднеазиатский вопрос...*, стр. 133—162.

⁶ В 40-х годах XIX в. П. В. Голубков издал большую серию книг (преимущественно переводных) о политическом и экономическом положении стран Востока и английской колониальной политике, чтобы заинтересовать деловой мир Российской империи выгодами торговли с Азией.

обратить свои взоры, — с достаточной категоричностью утверждал генерал-майор генерального штаба Бларамберг в январе 1856 г. — Блистательное развитие (особенно в последние 30 лет) и постоянное с году на год увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения, требуют новых путей сбыту; а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств этой части света, то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»⁷.

Среди различных высказываний о значении развития русской торговли с соседними странами Востока вызывает особое внимание опубликованная в 1857 г. статья крупного экономиста буржуазно-либерального направления Ю. А. Гегемейстера «Взгляд на промышленность и торговлю России»⁸. Автор участвовал в разработке и проведении экономической политики царского самодержавия⁹.

В конце 50 — начале 60-х годов XIX в. он был директором общей канцелярии министерства финансов, а одно время возглавлял кредитную канцелярию этого министерства. Гегемейстер, внимательно следя за экономической жизнью страны и отдельных ее районов, составил обширное описание Сибири, долго и много работал над проблемами расширения и развития русской торговли.

Министр финансов Княжевич был другом Гегемейстера и прислушивался к его советам; по настоянию Гегемейстера в министерстве были образованы комиссия поземельного кредита и комиссия по преобразованию податной системы. Председателем первой из них был назначен близкий к Гегемейстеру директор мануфактурного департамента В. П. Безобразов, председателем второй — сам Гегемейстер. «От этих комиссий ожидали очень многого — писал видный деятель министерства финансов, управляющий делами податной комиссии

---

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18293, лл. 1—2.

⁸ Ю. А. Гегемейстер, *Взгляд на промышленность и торговлю России*, стр. 6—52.

⁹ См. о нем вводную статью А. А. Погребинского к публикации «Государственные финансы России накануне 1861 года», стр. 100—102.

Ф. Г. Тернер, — и некоторые лица смотрели на них, как на зачатки будущих конституционных порядков»¹⁰.

В своей статье Гагемейстер указывал, что темпы развития «азиатской» торговли значительно выше, чем «европейской». Он подчеркивал, что «половина всего отпуща в Азию состоит из товаров обработанных, которых по европейской границе отпускается самое ничтожное количество»¹¹.

Гагемейстер отмечал большую экономическую перспективность освоения Средней Азии (в частности, для разведения хлопчатника) и возможность организации русского судоходства вверх по Сыр-Дарье до Ташкента и Коканда. Вместе с тем он считал, что «ханства Средней Азии «могли бы размениваться с Россией многими предметами» только при «лучшем внутреннем устройстве» этих стран. Изменения же настоящего варварского их управления Россия не может достигнуть, не покорив этих государств»¹².

Фундаментальный трехтомный труд А. Семенова о внешней торговле и промышленности Российской империи с середины XVIII в. до середины XIX в. перекликался с работами авторитетных и высокопоставленных сотрудников министерства финансов (Ф. Г. Тернера, Ю. А. Гагемейстера), со статьями и книгами заводчика и крупного торговца А. Шипова, востоковедов И. Березина и В. Григорьева, публицистов, экономистов и путешественников М. Иванова, Н. Тарасенко-Отрешкова и др. Еженедельник «Экономический указатель», который выпускал и редактировал известный буржуазный экономист И. В. Вернадский¹³, столь же охотно предоставлял свои страницы для освещения различных военно-политических и торговых дел Российской империи на Востоке, как и катковский «Русский вестник» и «Морской сборник».

Какие же идеи преобладали в этих материалах? Видный ученый, корреспондент Академии наук В. В. Григорьев, бывший в 1852—1863 гг. председателем Орен-

¹⁰ [Ф. Г. Тернер], *Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера*, ч. 1, стр. 187.

¹¹ Ю. А. Гагемейстер, *Взгляд на промышленность и торговлю России*, стр. 38—39.

¹² Там же, стр. 50.

¹³ См. о И. В. Вернадском: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2, стр. 441—454.

бургской пограничной комиссии, сделал очень важные выводы в своем «Разборе сочинения „Очерки торговли России со Среднею Азиею“ П. Небольсина».

Не Россия торгует с «Внутренней Азией», писал Григорьев, а «Внутренняя Азия» торгует с Россией, ибо покупают и продают товары и в Азии, и в Российской империи, как правило, «азиатские торговцы, почему им почти без раздела достаются и купеческие барыши этой торговли». Причина этого в препятствиях, «противопоставляемых торговле русских (и вообще христианских) купцов общезвестным неустройством и еще более правительствам среднеазиатских владений, тогда как наше покровительствоует торговле азиатцев в России».

Торговля со Средней Азией может расти и при данном общественно-политическом положении в ханствах, но «пока над Внутренней Азией будут тяготеть теперешние там беспорядки и варварская дикость, естественно, порождающие бедность и апатию, — значительное развитие торговли с ней положительно невозможно.

Чтобы покупать и потреблять, надо иметь чем платить за покупаемое, а для этого надо производить, и Внутренняя Азия могла бы... производить весьма много, но кто же станет заботиться об усилении производства, о разработке естественных богатств, об улучшении путей и средств сообщения, когда не только богатство, но даже достаток влекут за собой для обладателя их притеснения и насильственную смерть, а бедность представляется единственным условием сохранения жизни гражданина в некоторой безопасности». Внутриполитическое положение в ханствах мешает и транзитной торговле.

Единственный выход для «Внутренней Азии» Григорьев видел в переходе ее «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может прийти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии; до тех пор, т. е. пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть, — всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней»¹⁴.

---

¹⁴ В. В. Григорьев, *Разбор сочинения...*, стр. 178—181.

Григорьев подчеркивал, что рост торговли со Средней Азией «связан с развитием фабричного и заводского производства в Московской и околomosковских губерниях»¹⁵.

К расширению торговли со Средней Азией призывал и видный общественный деятель петрашевец Р. Черносвитов. Он указывал на необходимость соединения судоходными каналами Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей, чтобы облегчить русским товарам доступ в Среднюю Азию¹⁶.

Полемизируя с Черносвитовым по вопросу о проведении железнодорожной линии в Среднюю Азию, В. Долгинский соглашался с ним в главном: в признании крупных выгод от развития русской торговли в этом районе. Долгинский отмечал «былое изобилие среднеазиатских земель» и подчеркивал, что «возвратить им прежнее, цветущее благосостояние, развить земледелие и промышленность, одним словом, возратить их к жизни может только цивилизация, проведенная путем торговли»¹⁷.

Русских фабрикантов интересовали среднеазиатские ханства как рынки сырья. Крупный текстильный фабрикант А. Шипов указывал на важное значение хлопчатобумажной промышленности в экономической жизни Российской империи и на роль Средней Азии как потенциального источника сырья. По мнению Шипова, эта промышленность наиболее способствует «созиданию новых капиталов», что важно «в государстве, где ощущается недостаток в капиталах, например в России».

«Ни одна промышленность по ценности ее и по количеству рабочих рук, полезно занимаемых, особенно по содействию в успехах естественных наук и практического их применения, далеко не может равняться с хлопчатобумажной», — отмечал Шипов и указывал на необходимость оградить русских фабрикантов «внутри своей страны от опасного соперничества чужеземных фабрик», а главное, обеспечить бесперебойное снабжение предприятий хлопком. «О снабжении сим основным материалом бумажных мануфактур, дабы не остановить оные надол-

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ Р. Черносвитов, *Мысль об устройстве водных путей в Среднюю Азию*, стр. 1053—1059.

¹⁷ В. Долгинский, *О путях сообщения России с Средней Азией*, стр. 94.

го, необходимо заботиться во всякой стране и стараться всеми способами отвратить все те неблагоприятные обстоятельства, которые могут произвести столь длительную остановку мануфактуры», — писал он¹⁸.

Шипов приводил в пример Великобританию, начавшую выращивать хлопчатник в Индии и в Австралии, чтобы ослабить зависимость от ввоза американского хлопка. Российская империя «может употребить свои усилия чрез искусные коммерческие или иные сношения к водворению и усовершенствованию... возделывания хлопка в Средней Азии, ибо из того должны произойти весьма важные для развития производительных сил России последствия»¹⁹.

Итак, в различных кругах царской России складывалось единое мнение: Средняя Азия — выгодный и перспективный рынок сбыта для русских товаров и источник сырья, чрезвычайно важный для наиболее развитой отрасли промышленности Российской империи — текстильной. Использование Средней Азии осложняется, однако, плохими путями сообщения (их надо изучить и улучшить), а главное — внутренними неурядицами в ханствах, «необеспеченностью жизни и имущества предпринимателей».

Широкая кампания русской прессы за необходимость включения Средней Азии в состав Российской империи вызвала благожелательный отклик в правительственных кругах, особенно у тех представителей государственного аппарата, которые были связаны с русской буржуазией. Еще в июле 1856 г. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказской армией А. И. Барятинский представил Александру II проект постройки железной дороги по Устюрту, от берегов Каспия до Аральского моря. Замысел был смел. Всего лишь за пять лет до того, в 1851 г., было завершено строительство первой в России крупной железной дороги между Москвой и Петербургом (644 км — самый длинный в то время железнодорожный путь в мире).

Проект Барятинского был любопытен не столько своими техническими планами, сколько политико-экономиче-

---

¹⁸ А. П. Шипов, *Хлопчатобумажная промышленность...*, стр. 49—50.

¹⁹ Там же, стр. 42.

скими обоснованиями. Создание железной дороги между Каспием и Аралом, по мнению Барятинского, могло заменить караванные пути, «сосредоточило бы всю торговлю сопредельных стран, доставило бы нашим товарам самый отдаленный сбыт, могло бы даже обогатиться годами кратчайшего и удобнейшего транзита». К тому же этот путь всецело контролировался бы Российской империей и был свободен «от всякого совместничества и постороннего вмешательства». Проведение этой дороги должно было укрепить и политическое влияние Российской империи в странах Востока. Автор проекта приходил к выводу, что Россия, «пользуясь одними преимуществами, дарованными ей природой, беспрепятственно упрочила бы свое влияние на местах, не доступных другим европейским державам, но предлагающих ей новые источники богатства и силы»²⁰.

Через несколько месяцев Барятинский направил в Петербург новое письмо. В связи с захватом британскими войсками важнейшего иранского порта Бушира наместник Кавказа полагал, что Великобритания, опираясь на этот пункт, подчинит в дальнейшем весь Иран, в том числе и его прикаспийские провинции, граничащие с Россией. Барятинский опасался, что английский правительство, «подняв британский флаг на Каспийском море, поставит нас в крайне критическое положение и в Дагестане, и в Закавказье, и в степях Закаспийских»²¹.

Барятинский предлагал усилить военную флотилию на Каспийском море, укрепить Бакинский и Петровский порты и содействовать развитию торгового мореплавания. Он призывал занять какой-либо пункт на восточном берегу Каспийского моря, чтобы открыть путь к Аральскому морю и создать тем самым предпосылки для организации в будущем судоходства по Сыр-Дарье. Барятинский снова выдвигал идею прокладки железной дороги через Устюрт и настаивал на снаряжении экспедиции для исследования путей от залива Мертвый Култук на Каспийском море до берегов Аральского моря.

Александр II нашел предложения об изучении Устюрта и прокладке через него железной дороги «весьма важ-

²⁰ [А. Гейнс]. *Железные дороги в Среднюю Азию...*, стр. 4—7.

²¹ Мнение А. И. Барятинского изложено по записке начальника штаба Кавказской армии и ближайшего в те годы сотрудника наместника — Д. А. Милютина (БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 4, л. 10).

ными и полезными» и распорядился, чтобы этому делу «были даны все нужные пособия»²². Главноуправляющий путей сообщения К. В. Чевкин передал представленный Барятинским проект на отзыв оренбургскому генерал-губернатору Перовскому и специалисту по Средней Азии проф. Гельмерсену. Они нашли планы Барятинского малообоснованными не только с технической, но и с политической и экономической точки зрения.

27 января 1857 г. состоялось заседание Особого комитета, созванного для рассмотрения предложений Барятинского. В нем приняли участие А. М. Горчаков, Н. О. Сухозанет, К. В. Чевкин, В. К. Ливен, Ф. П. Врангель и Ег. П. Ковалевский. Горчаков резко протестовал против каких-либо активных действий на восточном побережье Каспийского моря. Министерство иностранных дел не желало международных осложнений, и министр, ссылаясь на донесения российского посла в Лондоне, объявил опасным любой шаг на Востоке, сколько-нибудь задевающий интересы Англии или даже могущий подать предлог к придиркам со стороны британского кабинета²³.

Горчакова поддержал Перовский, сославшись на волнения среди казахских племен в районе Устьурта. Особый комитет в принципе высказался в пользу прямого сообщения от восточного побережья Каспийского моря к Аралу и далее к берегам Аму- и Сыр-Дарьи, но отметил полную неподготовленность к отправке научной экспедиции на Устьурт. Комитет решил отложить «до более благоприятных обстоятельств» снаряжение экспедиции «для обследования пространства между Каспийским и Аральским морями, по случаю взволнованного состояния степных племен и общего сомнительного политического положения на Востоке и недостатка времени изготовления ее (экспедиции. — Н. Х.) в значительном составе»²⁴.

Таким образом, несмотря на возражения Горчакова и Перовского, предложение Барятинского не отклонялось полностью и окончательно; его осуществление было лишь отсрочено до более подходящего момента. Сама идея

---

²² См. его резолюцию на докладной записке А. И. Барятинского. ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 1893, л. 13.

²³ БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 4, лл. 14—15.

²⁴ [А. Гейнс]. *Железные дороги в Среднюю Азию...*, стр. 18—19.

постройки железной дороги, по мнению комитета, заслуживала большого внимания и всяческой поддержки.

Еще до Крымской войны в Российской империи возникали всевозможные торговые и промышленные фирмы и компании, транспортные организации капиталистического типа, деятельность которых была тесно связана с торговлей в соседних странах Востока. Царское правительство поощряло тех предпринимателей, которые основывали торгово-промышленные компании для торговли с Востоком. В 1849—1850 гг. было учреждено «высочайше утвержденное» парходное общество «Меркурий», которое в 1857 г. объединилось с созданным в 1856 г. аналогичным обществом «Русалка». На этой базе в дальнейшем образовалась транспортная компания «Кавказ и Меркурий»²⁵. В деятельности этого общества принимали участие видные предприниматели Новосельский, Кокорев, Нобель, Брылкин, Трубников, Аленников и др. Пароходы компании перевозили товары по Волге и Каспийскому морю, связывали русские порты с городами Северного Ирана, с туркменскими селениями на юго-восточных берегах Каспийского моря.

В 1845 г. «по высочайшему повелению» был учрежден торговый дом «Н. Баранов, Елизаров, Ремезов и компания»²⁶. Эта фирма (в дальнейшем переименованная в «Московский для торговли с Азией дом почетного гражданина Елизарова») длительное время присылала председателю московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов отчеты о ходе торговли с Азией для представления их министру финансов, который в свою очередь докладывал их царю²⁷. Правительство предоставило этому торговому дому право получать с казенных горных заводов металл (железо, медь, сталь) по себестоимости на сумму до 45 тыс. руб. в год с доставкой его за счет государства в Астраханский порт. В августе 1856 г. был утвержден устав Российского общества парходства и торговли²⁸, сыгравшего большую роль в развитии торговых связей России.

²⁵ См. ЦГИАЛ, ф. 101, д. 2, л. 6.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 14, л. 394. Подробно о деятельности этого торгового дома см.: М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке...*, стр. 331—335.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 14, л. 394.

²⁸ Там же, лл. 37—66.

В середине 50-х годов XIX в. деятели торговых и промышленных кругов Москвы и Петербурга пытались создать представительную организацию русской буржуазии. Собираясь в доме крупного заводчика и фабриканта И. С. Мальцева, они обсуждали планы организации общества, «в среде которого могли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы и которое имело бы право ходатайствовать перед правительством о нуждах русской торговли и промышленности». Был подготовлен проект устава такого общества, но «вследствие неблагоприятных обстоятельств дело не могло осуществиться».

Источники, к сожалению, не указывают, в чем заключались отмеченные «неблагоприятные обстоятельства». Можно, однако, думать, что в стране еще не было условий для появления такой общественной организации: проект ее создания был неблагожелательно встречен в дворянско-помещичьих кругах. Это предположение подтверждается, в частности, в мемуарах видного общественного деятеля и публициста К. Скальковского, тесно связанного с предпринимателями Москвы и Петербурга. Он писал, что идея образования «Общества для частного обсуждения государственных вопросов казалась тогда слишком либеральной»²⁹. Однако попытка создания такой организации русской буржуазии, которая отстаивала бы ее классовые интересы, была весьма показательна.

Особый интерес с точки зрения нашей темы вызывает позиция одного из крупнейших капиталистов середины XIX в., В. А. Кокорева. Разбогатевший откупщик винных лавок, состояние которого «в наличных деньгах, акциях, имениях, делах и долгах» на 1860—1861 гг. исчислялось в 7,4 млн. руб.³⁰ Кокорев был тесно связан с наместником Кавказа А. И. Барятинским (прочившим его на пост министра финансов)³¹, с министрами финансов Ф. П. Вронченко и А. Броком, дружил с реакционным историком, публицистом и писателем панславистом М. П. Погодиным, выступавшим за активную политику на Востоке.

Будучи типичным представителем развивавшейся рус-

---

²⁹ См. «Отчет о деятельности высочайше утвержденногo Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г.», стр. 2; К. Скальковский, *Воспоминания молодости*, стр. 292.

³⁰ ЦГИАМ. ф. 959, «В. А. Кокорев», д. 11, лл. 5—8.

³¹ См. А. Л. Знссермай, *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский...*, т. 3, стр. 172—179.

ской буржуазии, Кокорев пытался найти компромиссные решения, удовлетворяющие и буржуазию, и помещиков, и крестьян. Он составил «Записку» об образовании частного банка для выкупа крестьян из крепостной зависимости, поданную в 1858 г. министру внутренних дел³².

Кокорев считал, что отмена крепостного права и наделение крестьян землей резко расширят внутренний рынок, будут стимулировать торговлю, что в свою очередь предоставит большие возможности для обогащения предпринимателей. Он был участником многих капиталистических предприятий: «Российского общества пароходства и торговли», «Волжско-Камского коммерческого банка», «Бакинского нефтяного общества», Северного телеграфного агентства, Уральской горнозаводской железной дороги и др.³³.

Наряду со взглядами В. А. Кокорева большой интерес представляют взгляды на эти проблемы генерал-лейтенанта С. А. Хрулева. Герой Севастопольской обороны генерал Хрулев с 1856 г. находился в распоряжении А. И. Барятинского. Хрулев серьезно интересовался проблемами внешней и внутренней политики, внимательно следил за экономическим развитием Российской империи и непосредственно участвовал во многих торгово-промышленных предприятиях. В 1856 г. его адъютант П. Степанов по разработанной Хрулевым программе составил подробную записку «О каспийских путях сообщения»³⁴.

Степанов указывал на особое значение торговли с ханствами Средней Азии и предлагал создать торговые фактории в г. Туркестане, в различных районах восточного побережья Каспийского моря и на границах Хивинского ханства. В записке подчеркивалась необходимость улучшения дорог, ведущих в Среднюю Азию, учреждения постоянного пароходства на Каспийском море и даже

³² ЦГИАМ, ф. 959, д. 178, лл. 1—2; д. 180, лл. 1—20.

³³ См. о В. А. Кокореве: К. А. Скальковский, *Наши государственные и общественные деятели*, стр. 164—178. Марксистский анализ взглядов В. А. Кокорева дан в кн. «История русской экономической мысли», т. I. «Эпоха феодализма», ч. 2, стр. 425—432. См. также И. Ф. Гиндин, *К вопросу об экономической политике царского правительства...*, стр. 75.

³⁴ ЦГИАМ, ф. 959, д. 53, лл. 1—78.

прокладки железнодорожного пути в направлении Хивы³⁵.

Для практического осуществления этих предложений генерал Хрулев и Кокорев осенью 1857 г. обратились к Барятинскому с просьбой содействовать созданию общества для организации пароходства на Каспийском море и расширения торговли с соседними странами Востока. Общество должно было основать укрепленные фактории в пограничных районах и проложить железную дорогу между Каспийским и Аральским морями. Кокорев и Хрулев ходатайствовали о предоставлении обществу тех же прав, какие имела Российско-американская компания³⁶: право монопольной разработки полезных ископаемых на соответствующей территории, торговли с соседними странами, организации исследовательских экспедиций.

Правительственные круги поддерживали предложения Кокорева и Хрулева. Барятинский в специальном письме к вел. кн. Константину Николаевичу³⁷ писал, что он всецело «разделяет мнение о возможности устройства железной дороги между Каспийским и Аральским морями». Он подчеркивал огромное значение сделанных предложений «с правительственной точки зрения», заявляя, что ими нужно воспользоваться как можно скорее, и заверял, что Кокорев «принадлежит, бесспорно, к благомыслящим и достойнейшим слугам государя»³⁸.

Министр финансов Брок, получив на заключение это ходатайство, передал его на рассмотрение в Кавказский комитет³⁹. Вел. кн. Константин Николаевич обещал Барятинскому «употребить зависящее... содействие, чтобы убедить членов комитета одобрить предложения В. А. Кокорева и С. А. Хрулева»⁴⁰.

Тем временем Кокорев, Н. Е. Торнау и Н. Новосельский основали акционерное «Закаспийское торговое товарищество» с капиталом в 2 млн. руб. для «сбыта российских изделий в Персию и Среднюю Азию и для выво-

---

³⁵ Там же, лл. 20, 22, 39, 44 и др.

³⁶ ЦГИАМ, ф. 959, д. 83, л. 1. Представление министра финансов Брока — вел. кн. Константину Николаевичу от 31 августа 1857 г.

³⁷ Там же, л. 3.

³⁸ Там же, л. 4.

³⁹ Кавказским комитетом называлось специальное учреждение, ведавшее делами Кавказа.

⁴⁰ ЦГИАМ, ф. 959, д. 83, л. 2.

за оттуда всего того, что надобность и польза укажет». Проект устава общества был представлен в комитет.

По поручению Барятинского начальник штаба Кавказского корпуса Д. А. Милютин 22 октября 1857 г. во время доклада царю о положении на Кавказе изложил мнение Барятинского «о компании Каспийского пароходства, о компании Азиатской торговли, о предприятиях насчет железной дороги». Александр II одобрил предложения Барятинского о поддержке этих предприятий⁴¹.

Судя по отрывочным данным и косвенным сообщениям некоторых источников (достаточно полных и исчерпывающих сведений не удалось обнаружить), к созданию компании отрицательно отнеслось британское правительство и его агентура в Петербурге. Управляющий делами Кавказского комитета В. П. Бутков в письме к Барятинскому сообщал об «очень хорошем деле» — «учреждении Кокоревым компании для торговли с Астрабадом... Горчаков и Брок, боясь англичан, спешили его кончить (закончить организацию компании. — Н. Х.) до отъезда государя»⁴².

Это свидетельство перекликалось с корреспонденцией Г. Каменского из Лондона, в которой указывалось на огромное внимание, уделявшееся в Англии русской торговле в Средней Азии: «Английскому купечеству не нравится распространение пароходства на Каспийском море и образование Закаспийской компании»⁴³.

Устав Закаспийского торгового товарищества был утвержден. Товарищество получило право создавать «заводы и фабрики для выделки изделий из произведений, как получаемых из Азии, так равно и отправляемых туда»⁴⁴. Это общество закупало в Иране и Средней Азии хлопок, шерсть, марену, бакалейные товары и сбывало туда железо, сталь, медь и мануфактурные изделия. На него распространялась привилегия, которой пользовался переставший к тому времени существовать Московский торговый дом, — получать по казенной цене метал-

---

⁴¹ «Русский архив», кн. 2, 1889, стр. 299—300. Письмо Милютина — Барятинскому от 22.X.1857.

⁴² А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский...*, т. 2, стр. 234.

⁴³ «Вестник промышленности», т. I, 1859, № 2, стр. 151.

⁴⁴ «Полное собрание законов Российской империи», Собр. II, т. 32, отд. II, 1857, дополн., стр. 4—5; № 31, 941-а.

лы с государственных заводов на 45 тыс. руб. в год. В дальнейшем царское правительство неизменно поддерживало деятельность Закаспийского товарищества.

В том же 1858 г. было оказано содействие предпринимателю Бенардаки. Он обратился в министерство государственных имуществ с ходатайством о разрешении организовать постоянное рыболовство в Красноводском заливе и открыть меновую торговлю с туркменскими племенами на побережье этого залива. Оренбургский генерал-губернатор счел предложение «в высшей степени полезным». Он даже предлагал выделить для охраны склада товаров и «рыболовных заведений» военный отряд в 250 человек, с тем чтобы его содержал Бенардаки.

Министр государственных имуществ Муравьев, как и департамент Генерального штаба, тоже нашел предложение Бенардаки «весьма полезным для Прикаспийского края»⁴⁵. Однако провести в жизнь проект Бенардаки в тот период не удалось. Как свидетельствует письмо департамента Генерального штаба министерству государственных имуществ от 13 мая 1859 г., «вопрос об устройстве укрепления, которое для охраны фактории признается необходимым тесно связать с другими предприятиями, требует предварительного разъяснения многих других обстоятельств»⁴⁶.

Поддержка правительственными органами частных предпринимателей свидетельствует о политическом и экономическом интересе царского самодержавия к Средней Азии. Окончание Крымской войны и подписание мирного договора не изменило активной антирусской деятельности британской буржуазии: «...враждебные происки Пальмерстона против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в других местах»⁴⁷.

Агрессивные действия Великобритании специально обсуждались царским правительством на заседании Особого комитета в январе 1857 г. Многие государственные и общественные деятели предлагали проекты широкой экспансии Российской империи в Азии. Некоторые из них делали основной упор на вопрос о походе в Индию с целью ослабления позиций Великобритании на Востоке.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 886, л. 13, лл. 6—9. Письмо Муравьева — военному министру Сухозанету.

⁴⁶ Там же, л. 17.

⁴⁷ «История дипломатии», т. I, 1959, стр. 693.

Несмотря на решение не делать опасных шагов, задевающих Англию, Барятинский продолжал настаивать на проведении более активной «восточной политики». 16 февраля 1857 г. он отправил военному министру обстоятельное письмо⁴⁸, в котором, ссылаясь на донесение военного агента в Лондоне Н. П. Игнатьева и на сообщения печати и частных корреспондентов, подчеркивал, что «англичане деятельно готовятся к войне и ведут атаку с двух сторон: с юга — от берегов Персидского залива, и с востока — через Афганистан»⁴⁹. Барятинский выражал особое беспокойство по поводу «несомненного стремления» Британской империи утвердиться на берегах Каспийского моря. «Появление британского флага на Каспийском море, — писал он, — будет смертельным ударом не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей торговле внешней, но ударом для политической самостоятельности империи»⁵⁰.

По указанию царя военное министерство изучило соображения наместника Кавказа и подготовило доклад «О возможности неприяженного столкновения России с Англией в Средней Азии»⁵¹.

Всевозможные наступательные планы, химерические проекты «завоевания Индии» были отвергнуты военным министерством, не встретили они также никакой поддержки и в дипломатическом ведомстве. Министерство иностранных дел, традиционно придерживавшееся более осторожной политики по сравнению с военными кругами, полностью одобрило доклад военного министра.

В письме военному министру от 24 марта 1857 г. министр иностранных дел выражал согласие с политической стороной доклада и подчеркивал, что даже только разговоры о походе на Индию могут ускорить столкновение с Великобританией, одна мысль о котором «мне кажется так несовместна с положением наших финансов, с изнурившей нас войной, с политическим состоянием Европы, что убеждения мои не допускают даже возможности на оной остановиться»⁵². Горчаков указывал, что господство в Индии имеет для Англии исключительно важное зна-

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 3, лл. 1—12.

⁴⁹ Там же, л. 9.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 2-с, д. 3, л. 10.

⁵¹ Там же, лл. 78—99.

⁵² Там же, л. 75.

чении и попытки ниспровергнуть его вызовут чрезвычайно бурную реакцию британского правительства, которое в союзе с другими государствами выступит против Российской империи, тогда как последняя вряд ли может рассчитывать на приобретение союзников.

Все доводы — политические, военные и экономические — говорили о необходимости для господствующих кругов Российской империи не распылять своих сил в погоне за фантастическими, малореальными целями (Горчаков, например, заявлял о своем резко отрицательном отношении к каким бы то ни было планам всевозможных авантюристических походов на Индию), а сосредоточить их на осуществлении практически достижимой конкретной задачи — укреплении позиций в странах Востока и захвате Средней Азии.

Непосредственным организатором всестороннего изучения соседних стран Среднего Востока, главным образом как рынков сбыта и источников сырья, стал Азиатский департамент министерства иностранных дел. К этому времени в значительной степени изменился личный состав министерства. На смену К. В. Нессельроде, по меткой характеристике А. С. Грибоедова превратившему свое ведомство в «сонное министерство иностранных и престранных дел», пришел один из крупнейших дипломатов XIX в. — А. М. Горчаков.

В июне 1856 г. Горчаков поручил управление Азиатским департаментом, приобретавшим в силу сложившихся условий первостепенное значение, Ег. П. Ковалевскому. Получивший хорошее образование (он окончил философское отделение Харьковского университета), с большим жизненным опытом, Ег. П. Ковалевский зарекомендовал себя как энергичный человек, талантливый дипломат, хорошо понимавший общую обстановку, которая складывалась к тому времени в стране. По приглашению своего старшего брата Ев. П. Ковалевского, главного начальника алтайских горных заводов, он до 1837 г. работал в Сибири горным инженером, а затем был приглашен черноморским правителем Петром Негошем в Черноморию для изучения ее природных богатств.

Ег. П. Ковалевский участвовал в Хивинской экспедиции Перовского (1839 г.), геологических изысканиях в Египте, Судане и Эфиопии (1847 г.); в 1849 г. побывал с русской духовной миссией в Пекине.

Незадолго до назначения на должность директора Азиатского департамента, в 1853 г., Ег. П. Ковалевский был отправлен в Черногорию в качестве русского комиссара для расследования вопроса о нападении Турции на Черногорию. Во время осады Севастополя он находился в штабе М. Д. Горчакова, выполняя обязанности историографа героической борьбы русских солдат и моряков против англо-французских интервентов. «В трудное время стал Ковалевский директором Азиатского департамента, — писали его биографы, — несчастная Крымская кампания и Парижский мир сильно подорвали влияние и вес, каким пользовалась доселе Россия на Востоке... Ковалевскому принадлежит несомненная заслуга, что в это тяжелое время он сумел поддержать престиж русского имени среди восточных и западных племен и тем значительно ослабил моральное значение Парижского мира в международных отношениях»⁵³. Ковалевский оказывал содействие научным экспедициям, отправлявшимся на Восток. В течение 1856—1862 гг. он был помощником председателя Русского географического общества, сыгравшего большую роль в изучении соседних стран Азии.

Виднейший политический и культурный деятель П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тянь-Шанский) давал любопытную характеристику связи научных изысканий с практическими потребностями господствующих классов Российской империи: «Начало рассматриваемого периода было для России эпохой ее возрождения после Крымской кампании. Русское общество стремилось к оживлению наших торговых сношений с Передней Азией и очень заботилось о распространении с этой стороны сферы нашего влияния. В то самое время, как наше влияние так успешно проникало на северо-западную окраину Нагорной Азии—в Джунгарию и Северный Туркестан, весьма естественно было заботиться о распрост-

⁵³ О Ег. П. Ковалевском см.: «Русский биографический словарь», СПб., 1903, стр. 25—27; Е. П. Ковалевский, *Собрание сочинений*, т. 3, стр. 1—17; [П. В. Анненков], *Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова, 1849—1868 гг.*, СПб., 1877, стр. 329—343; Б. А. Вальская, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*. Особенно высоко оценивал важную роль Ковалевского в разработке политической линии Российской империи в странах Востока в этот период М. И. Венюков, крупный специалист в области географии, ученый и путешественник (см. [М. И. Венюков], *Из воспоминаний М. И. Венюкова*, т. I, стр. 247).

ранении наших географических сведений, а также об оживлении наших торговых сношений и со стороны Каспийского бассейна»⁵⁴.

Это «оживление» торгово-политических связей» привлекало внимание самых высокопоставленных правительственных кругов Российской империи, не говоря уже о русской буржуазии. Расширением таких связей живо интересовался царь и непосредственно окружавшие его придворные круги. Члены царской семьи — великие князья, занимавшие ответственные государственные посты (как, например, «генерал-адмирал» Константин Николаевич, возглавлявший морское министерство), внимательно следили за разработкой конкретных планов развития внешней торговли.

Министерства — иностранных дел, финансов, военное — изучали возможности укрепления экономического и политического влияния Российской империи в Азии, увеличения и расширения выгодного товарообмена с государствами Востока. Эта деятельность должна была подготовить почву к прямой вооруженной экспансии царизма в Средней Азии.

Учитывая интересы и запросы российских капиталистов, царское правительство резко активизировало свою деятельность в соседних государствах Среднего Востока и посылало туда торгово-политические миссии. В 1858 г. в Иран, ханства Средней Азии и Кашгар были отправлены миссии Н. В. Ханыкова, Н. П. Игнатьева и Ч. Ч. Валиханова. Н. В. Ханыков возглавил большую «научную» экспедицию; полковник Н. П. Игнатьев — официальное дипломатическое посольство, а поручик Ч. Ч. Валиханов ехал под видом мусульманского купца. Однако все три миссии, различные по форме, по существу ставили перед собой одни и те же задачи: глубокое изучение политического и экономического состояния соседних стран Азии и возможности использования их в качестве источников сырья и рынков сбыта для развивавшегося капитализма в Российской империи⁵⁵.

⁵⁴ [П. П. Семенов], *История полувековой деятельности Русского географического общества...*, ч. 1, стр. 307.

⁵⁵ Подробно о деятельности Н. В. Ханыкова, Н. П. Игнатьева и Ч. Ч. Валиханова см.: Н. А. Халфин, *Три русские миссии*, Ташкент, 1956; *Политика России в Средней Азии (1857—1868)*, М., 1960, стр. 78—113.

Большие опасения господствующих кругов царской России вызывала неуклонно возрастающая английская торговая экспансия в странах Востока. В течение 1858—1859 гг. Ханыков, Игнатьев и Валиханов занимались изучением обстановки в соседних государствах и стремились укрепить там влияние России.

Из этих двух задач фактически была разрешена лишь первая: миссии Н. В. Ханыкова, Н. П. Игнатьева и Ч. Ч. Валиханова собрали и привезли ценные и важные сведения о жизни народов Хорасана и Восточного Ирана, среднеазиатских ханств и Западного Китая, а также о проникновении в эти страны Англии, закрепить же в указанных районах влияние Российской империи дипломатическим путем не удалось.

В связи с этим в последующий период царское правительство начинает более активно применять военные методы, дополняя ими дипломатическое воздействие, переходить к военной разведке, а затем и к широкому военнополитическому наступлению на основные интересовавшие его территории — ханства Средней Азии.

БРИТАНСКИЕ ПРОИСКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Британские правящие круги уже в начале XIX в. стремились закрепиться на побережье Каспийского моря. Командующий русскими войсками в Грузии Тормасов в 1810 г. сообщал в Петербург, что английский посланник в Тегеране требовал у шаха Ирана разрешения на проезд в Энзели, Астрабад и другие пункты южного побережья Каспийского моря, чтобы выбрать место для строительства военных судов⁵⁶. Это требование было отклонено. В 30-х годах XIX в. английское правительство возобновило свои притязания на открытие консульств в прикаспийских портах Ирана, о чем Николай I с тревогой информировал А. О. Дюгамеля, назначенного русским послом в Тегеран. «У англичан нет никаких торговых интересов на Каспийском море, — говорил Николай I, — и заведение их консульств в этой стране не имело бы иной цели, кроме заведения интриг»⁵⁷. В конце

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, Главный штаб, 1810, д. 422. лл. 92—93.

⁵⁷ [А. О. Дюгамель], *Автобиография А. О. Дюгамеля*, стр. 84.

50-х годов XIX в. британские правящие круги снова стали проявлять стремление к укреплению своих позиций на берегах Каспийского моря. Эти тенденции ярко иллюстрирует важное донесение британского консула в Реште и Энзели Маккензи статс-секретарю по иностранным делам. Ссылаясь на создание русского акционерного общества «Кавказ», он настаивал на немедленных превентивных действиях в Средней Азии. Маккензи призвал «любой ценой» взять под английский контроль «Решт-Энзелийский порт». Занятие этого порта позволило бы Британской империи утвердиться на всем Каспийском море. «Обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии», — писал Маккензи.

Британский консул указывал на особую важность открытия торгово-политического агентства в Астрахани: «Присутствие британского ока в Астрахани будет необходимым условием перевеса торгового баланса в нашу пользу» и «существенным шагом нашей торговли и политики на Востоке»⁵⁸.

Детально разработанный план «приобретения у Персии Решт-Энзелийского порта» Маккензи направил в морское министерство Англии. Донесение Маккензи, опубликованное летом 1859 г. газетой «Таймс», вызвало серьезное беспокойство царского правительства. Но если с бассейном Каспийского моря были связаны пока лишь «замыслы» (хотя и очень серьезные и симптоматичные), то в Средней Азии английские агрессивные планы постепенно все более и более активно проводились в жизнь.

В сентябре 1859 г. царским властям в Оренбурге стало известно, что Дост Мухаммад-хан, опираясь на поддержку англичан, выступил против Кундузского и Мейменинского ханств. После первой неудачной попытки овладеть Меймене афганский эмир отвел войска к Кабулу и приступил к новым военным приготовлениям. В то же время из Афганистана в Бухару были отправлены послы для переговоров об установлении между обоими государствами мирных отношений, нарушенных военным походом Дост Мухаммада.

Однако это «мирное посольство» потребовало от бухарского правительства передачи Афганистану г. Карши. По полученным в Оренбурге сведениям, активную роль

⁵⁸ См. ЦГВИА, ф. 67, д. 92, лл. 8—10.

в посольстве играли англичане, настаивавшие также на уступке Афганистану важных пограничных городов Каракуль и Чарджоу, обещая за это содействовать «примирению» Афганистана с Бухарой. «Эмир таким требованием поставлен в самое затруднительное положение, не знает, что ответить послам... — писал в Петербург Катенин. — Можно предполагать, что англичане решились образовать в Средней Азии сильное ханство»⁵⁹.

Укрепленные города Чарджоу и Каракуль, которые привлекли внимание британских представителей, прикрывали западные подступы к Бухарскому ханству. Особенно важное значение имел Чарджоу, расположенный несколько в стороне от основных крепостей ханства, на левом берегу Аму-Дарьи. Английские правящие круги еще со времени посещения Бухары А. Бернсом строили планы использования Аму-Дарьи для торгового и военно-политического проникновения в Среднюю Азию. Чарджоу можно было легко превратить в военную базу. Британские власти надеялись на успех, ибо в ряде районов Южного Туркестана афганские отряды вышли к побережью Аму-Дарьи. Британские колонизаторы рассчитывали наладить на этой реке судоходство. Опираясь на Чарджоу и Каракуль, Англия могла бы не только подчинить Бухарское ханство, но и активно вмешиваться в дела Хивы и туркменских племен, т. е. добиться господствующего положения на значительной территории Средней Азии.

Несмотря на угрозы и посулы, правительство Бухары отклонило притязания британского посольства. Послы вернулись ни с чем.

Однако через некоторое время в Бухарское ханство была отправлена новая миссия, которая выдвинула еще более провокационные требования:

1. Выделить из состава ханства Шахрисабзский округ и предоставить ему «самостоятельность» (под англо-афганским контролем, разумеется).

2. Передать Кокандскому ханству г. Ура-Тюбе, а Афганистану — важнейшие крепости на Аму-Дарье: Керки и Чарджоу.

Как стало известно в Оренбурге, члены посольства даже не пытались скрыть, что эти крепости нужны «для

⁵⁹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 241.

склада военных и продовольственных припасов» в подготавливавшейся британскими кругами войне против Российской империи в Средней Азии⁶⁰. Удовлетворение подобных требований привело бы по сути дела к частичному расчленению Бухарского ханства. Стремясь положить конец враждебным провокациям, эмир Насрулла отправил двенадцатитысячную армию в Ахчинский округ Южного Туркестана. Однако отряды Дост Мухаммада оттеснили бухарские войска, заняли г. Ахча и выступили против ханства Кундуз.

Между Афганистаном и Бухарой назревала серьезная борьба. Готовясь к ней, Насрулла пытался заручиться поддержкой кокандского хана, который обещал прислать ему несколько отрядов солдат. Продолжал укреплять свои позиции и Афганистан. По дошедшим до Оренбурга сведениям, британские власти в Индии отправили в Кабул «свыше двадцати офицеров, много оружия и до 14 орудий»⁶¹.

Афганские войска летом 1859 г. заняли Кундузское ханство, правитель которого бежал в Бухару — просить помощи у эмира⁶². Насрулла послал к Дост Мухаммаду специальную миссию, предлагая ему вывести войска из Кундуза, признавшего вассальную зависимость от Бухары. Это предложение было отвергнуто, и в начале 1860 г. Насрулла направил армию в Южный Туркестан.

Весной 1860 г. бухарские отряды форсировали Аму-Дарью у крепости Керки. Крупных столкновений, однако, не произошло. В бухарской армии, состоявшей из разрозненных ополчений, вскоре после перехода через Аму-Дарью началось разложение. Хисарский бек увел свой шеститысячный отряд за Аму-Дарью. В это время обострились отношения между Бухарским и Кокандским ханствами, что заставило эмира Насруллу отозвать и остальные войска из Южного Туркестана. Кундуз перешел под власть Дост Мухаммада. Отвлеченное борьбой с Кокандом, Бухарское ханство не смогло поддержать мелкие узбекские и таджикские бекства Южного Туркестана в их борьбе против афганской армии. В дальней-

⁶⁰ Там же, док. 305.

⁶¹ ЦГАЛ УзССР, ф. 715, д. 23, док. 40. Письмо Катенина — Сухожанету от 9 марта 1860 г.

⁶² Там же, док. 20. Донесение управляющего «Областью киргизов Оренбургского ведомства» Григорьева — Катенину.

шем значительная часть левобережья Аму-Дарьи, населенная узбеками, таджиками и туркменами, перешла к Афганистану⁶³.

Однако, несмотря на все эти тревожные сведения, царское правительство, учитывая общую международную обстановку, вновь отнеслось отрицательно к предложениям об активизации политики в Средней Азии.

Военный министр Сухожанет в директивном письме Гасфорду подчеркивал особую настороженность западных держав в отношении деятельности Российской империи в странах Востока. Он отмечал, что правительство «в отвращение возбуждаемого на западе мнения о завоевательных намерениях наших в центральной части Азии... в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах»⁶⁴. Сухожанет запретил Гасфорду атаковать Пишпек до особого распоряжения. Единственной оговоркой было разрешение выступить только в случае неспровоцированного нападения кокандских войск.

Содействуя дальнейшему развитию торговли со Средней Азией, царское правительство в 1859 г. отменило пошлину на вывозимые в Бухару товары. Русский экспорт, по данным одной лишь оренбургской таможни, увеличился за год почти на 377 тыс. руб.

Успешный рост торговли со Средней Азией и сокращение экспорта промышленного сырья в страны Западной Европы и Соединенные Штаты Америки заставляли представителей капиталистических кругов Российской империи все чаще обращаться к мысли об активных действиях на Востоке. Журнал «Вестник промышленности», отражавший взгляды русских торговцев и промышленников (редакторы: крупный предприниматель Ф. Чижев и видный экономист либерально-буржуазного толка И. К. Бабст⁶⁵), опубликовал статью востоковеда И. Березина «Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия»⁶⁶.

⁶³ См. об этом: П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии...*, стр. 142—143.

⁶⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 296.

⁶⁵ См. о нем: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2, стр. 455—461.

⁶⁶ «Вестник промышленности», т. X. 1860. № 10, стр. 153—184.

В этой статье, посвященной, казалось бы, историческим событиям полuveковой давности, высказывались соображения, непосредственно относившиеся к обстановке 50—60-х годов XIX в. «Русская промышленность с давней поры обратила свою деятельность преимущественно на Азию. Это и понятно, потому что цивилизовавшиеся гораздо раньше нас на Западе народы заперли нашей деятельности выход с этой стороны», — писал Березин⁶⁷, переключаясь со многими глашатаями «восточного» направления торговли и политики Российской империи.

Отвлекаясь от своей темы, Березин значительную часть работы посвятил насущным проблемам развития торговли со Средней Азией, обнаружив при этом неплюхое понимание характерных для феодализма черт: внутренних раздоров и межфеодальной борьбы, отсутствия обеспеченности личности купца и его собственности. И. Березин, как и Н. П. Игнатьев, высказывал сомнение в прочности политических взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами. «Кроме путевых стеснений, — отмечал он, — торговля с Средней Азией терпит разные прижимки от самих правительств в городах, и весьма ошибаются те, которые возлагают большие надежды на политические сношения и разные трактаты с среднеазиатскими владетелями... Вообще трактаты с Хивой, Бухарой или Кокандом — более громкая, нежели действительно важная вещь»⁶⁸.

Для торговли в Азии И. Березин предлагал создать компанию, но предостерегал от превращения ее в монопольную организацию и отрицал необходимость правительственной поддержки. «Дух предприимчивости, столь необходимый для успеха компании, весьма ослабевает, как скоро предлагается невидимое содействие свыше», — отмечал И. Березин⁶⁹.

Аналогичные вопросы рассматривали и другие публицисты, в частности предприниматель Н. И. Тарасенко-Отрешков. Он призывал развивать потребление хлопчатобумажных тканей внутри Российской империи и вместе с тем увеличивать их экспорт, «если не в европейские государства, которые могут покупать те изделия в других

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 169.

⁶⁹ Там же, стр. 182—183.

государствах дешевле, чем у нас, то хотя бы в азиатские государства». Он указал, что, несмотря на непосредственное соседство Российской империи со странами Востока, она «более и более теряет возможность продавать им свои хлопчатобумажные ткани и что англичане, австрийцы и даже американцы... сильно вытесняют из Азии те русские ткани»⁷⁰.

РАЗРАБОТКА ПЛАНОВ ВОЕННОГО НАСТУПЛЕНИЯ ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

После возвращения миссии Н. П. Игнатьева из поездки в Хивинское и Бухарское ханства царское правительство начало подготовку к прямой экспансии в Средней Азии, в частности к «соединению линий» — Оренбургской и Западносибирской — и выходу на рубеж Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата. Не только Н. П. Игнатьев и некоторые его спутники, но и командир Оренбургского корпуса и оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин настаивали на проведении «твердой политики». Катенин недоумевал по поводу «векового забвения, которому были преданы интересы наши в Средней Азии вследствие исключительного обращения русской политики к делам Западной Европы, а из азиатских — к турецким и персидским». Его поражало также «совершенное отсутствие определенных государственных видов в действиях наших относительно этой части Азии»⁷¹.

Во время инспекционной поездки по Оренбургскому краю (1858 г.) и после нее Катенин отправил в Петербург множество документов с предложениями о дальнейших действиях в Средней Азии. В Главном штабе было составлено «извлечение из донесений командира Оренбургского корпуса о произведенном им осмотре степи и Сыр-Дарьинской линии»⁷². Среди этих материалов особый интерес вызывает записка Катенина «Общий взгляд на настоящее положение Сыр-Дарьинской линии». Автор подчеркивал слабость политического влияния Рос-

⁷⁰ Н. И. Тарасенко-Отрешков, *Обзор внешней торговли России...*, стр. 35—38.

⁷¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 188. «Всепоподданнейшее допесение» А. А. Катенина от 22 сентября 1858 г.

⁷² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 886, д. 4-а, лл. 168—208.

сийской империи в среднеазиатских ханствах, наглядно проявившуюся при переговорах в Хиве. «Не только путешественники, но даже торговцы наши не могут показаться в эти владения, не опасаясь насилия и даже смерти; самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием», — писал он ⁷³.

Оренбургский генерал-губернатор считал основным недостатком политики Российской империи в Средней Азии непоследовательность и отсутствие определенного плана действий. Создание Аральской флотилии и Кос-Аральского форта должно было способствовать развитию судоходства в Аральском море и по Аму-Дарье, но этому не уделяли должного внимания. Царское правительство решило построить Сыр-Дарьинскую линию укреплений, но идея не была доведена до логического завершения: Сыр-Дарьинскую линию не сомкнули с Сибирской. Катенин сетовал, что русские войска заняли бесплодную пустыню, тогда как между фортом Перовским и укреплением Верным «находится плодородием и прекрасным климатом». Он в первую очередь предлагал принять в подданство туркмен восточного побережья Каспийского моря с целью использования их для нажима на Хиву; захватить кокандские крепости Джулек, Яны-Курган, Туркестан и Ташкент — «средоточие всей торговли Средней Азии». Затем подчинить и Бухарское ханство. Для этого намечал два пути: военный (наступление царских войск из Ташкента на Бухару) и экономический (полное прекращение русской торговли с ханством). Все расходы на эти мероприятия окупятся налоговым обложением населения занятых областей, увеличением таможенных сборов, сокращением издержек на снабжение войск Сыр-Дарьинской линии (продукты питания будут заготавливаться на месте, в плодородных оазисах Средней Азии) ⁷⁴.

В письме от 6 декабря 1858 г. Катенин предложил конкретную программу экспансии Российской империи в Средней Азии. Пунктом первым этой программы был Коканл. Катенин настаивал на завоевании Джулека (Сыр-Дарьинская линия), создании здесь форта для подготовки к выходу на рубеж Туркестан — Чимкент —

---

⁷³ Там же, л. 193.

⁷⁴ Там же, лл. 194—199.

Аулие-Ата (с последующим движением к Ташкенту) и соединении пограничных линий; он призывал также усилить Аральскую флотилию и построить форт на р. Эмбе (хивинское направление)⁷⁵.

Предложения Катенина основывались на выводах специальной комиссии, созданной им в Оренбурге для разработки общей внешнеполитической программы генерал-губернаторства. В ее состав вошли военные и гражданские лица, непосредственно связанные со «среднеазиатскими делами»: начальник штаба войск округа генерал А. Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев, начальник Аму-Дарьинской флотилии капитан первого ранга А. И. Бутаков, участники миссии Н. П. Игнатьева — Н. Г. Залесов и М. Н. Галкин, подполковники В. Д. Дандевиль, М. Г. Черняев и др.

Члены комиссии, основываясь на материалах, собранных ими при посещении различных районов Средней Азии, высказывали самые разнообразные мнения. Например, Черняев и Залесов призывали к захвату низовьев Аму-Дарьи. Бутаков и поручик Старков настаивали на овладении Хивинским ханством. Остальные предлагали наступать в южном направлении, соединить Сыр-Дарьинскую и Сибирскую линии и тем самым обеспечить благоприятные условия для русской торговли в Средней Азии.

Обобщая высказанные мнения, чиновник для особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе Арцимович подчеркивал, что политика Российской империи по отношению к Средней Азии должна сводиться к следующему:

«1. Установить в этой области более прочную государственную границу. 2. Устранить влияние других европейских государств на среднеазиатские владения, вредное для наших интересов. 3. Распространить и обеспечить нашу торговлю в этих владениях»⁷⁶.

Согласно мнению большинства участников комиссии, призывавших к быстрейшему соединению Оренбургской и Сибирской линий, было решено уделить основное внимание ташкентскому направлению. Первым этапом на

⁷⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, док. 188.

⁷⁶ ЦГИА, УзССР, ф. 715, д. 22, док. 310. Журнал совещательного заседания от 2 и 9 января 1859 г.

пути к овладению Ташкентом должна была стать постройка укрепления Джулек⁷⁷. Материалы работ комиссии Катенин повез в Петербург, где добивался предоставления ему широких полномочий и материальных средств для проведения в жизнь намеченной программы.

Для обсуждения всех вопросов, связанных с посольством Н. П. Игнатьева и касавшихся Оренбургского края, в том числе программы Катенина, в начале января 1859 г. в Петербурге было созвано «совещательное заседание». На нем присутствовали высшие государственные деятели (А. М. Горчаков, Н. О. Сухозанет, Г. Х. Гасфорд, А. А. Катенин, А. Ф. Княжевич, В. К. Ливен, Ег. П. Ковалевский, Н. П. Игнатьев).

Совещание нашло полезным создание торговой фактории на восточном берегу Каспийского моря, но отнеслось отрицательно к предложению о принятии в русское подданство туркменов. Для укрепления позиций Российской империи на Аральском море было решено усилить Аральскую флотилию новыми судами. Были также рассмотрены предложения Катенина о постройке трех укреплений: Джулек на Сыр-Дарье, Эмбенское на Эмбе и Яны-Курган на р. Яны-Дарья. Сославшись на проектируемое усиление Аральской флотилии, участники совещания решили, что эта мера больше, чем строительство всевозможных фортов, «подчинит нашему влиянию Хиву, Коканд и распространит наши торговые сношения в Средней Азии»⁷⁸. Исключение было сделано лишь для укрепления на Яны-Дарье, создание которого связывалось с намеченной совещанием специальной рекогносцировкой.

Вместе с тем совещание единодушно выступило против активной политики в Средней Азии, найдя преждевременным даже обсуждение «соображений Катенина о Коканде, Туркестане и Ташкенте». В мотивировке указывалось, что правительство «в настоящее время не имеет в виду завоевательных действий для этой части Азии»⁷⁹.

Катенин не согласился с принятым решением. В «особом мнении» он продолжал настаивать на строи-

⁷⁷ [Н. Г. Залесов]. *Записки Н. Г. Залесова*, стр. 28.

⁷⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 2. Письмо Катенина начальнику Главного штаба от 6 января 1859 г.

⁷⁹ Там же.

тельстве всех трех укреплений и заявил о необходимости разработки четкой правительственной программы действий в Средней Азии⁸⁰.

К этому времени такая программа была уже подготовлена. Она, правда, еще не носила официального характера, но исходила от авторитетного в вопросах среднеазиатской политики Н. П. Игнатьева. Предложения Н. П. Игнатьева предусматривали всемерное развитие русского судоходства по Аму-Дарье; укрепление дружественных связей с «самым надежным и сильным владельцем Средней Азии» — бухарским эмиром, чтобы всеми средствами «предупредить вмешательство английской политики» в дела Средней Азии; использование внутренних раздоров в Хиве, а также вражды между Хивинским и Бухарским ханствами; принятие казахов и каракалпаков Хивинского ханства в русское подданство; занятие г. Кунграда и утверждение там русской администрации; ликвидацию власти Коканда над городами Туркестаном и Ташкентом. И наконец Игнатьев планировал максимальное развитие русской торговли со Средней Азией и Афганистаном, установление господства Российской империи на среднеазиатских рынках и «отстранение от этой торговли, по возможности совершенно, англичан».

Н. П. Игнатьев считал необходимым не позже весны 1860 г. занять низовья Аму-Дарьи и организовать русское судоходство вплоть до Балха и Бадахшана; направить в Бухару торгового агента, чтобы впоследствии создать в этом ханстве постоянное консульство; убавить пошлину с ввозимых из Средней Азии в Российскую империю сельскохозяйственных продуктов. Военные операции против Кокандского ханства Игнатьев предлагал отложить до «того времени, когда представится возможность продолжить Сыр-Дарьинскую линию без борьбы с соединенными силами Коканда и Бухары и особенной огласки нашего наступательного движения».

Для развития среднеазиатской торговли Игнатьев призывал «поставить купечество в известность о преимуществах, приобретенных и ожидаемых для торговли с Бухарой и вообще с Средней Азией, пригласить купцов принять деятельное участие в торговле с этими странами,

⁸⁰ Там же, док. 8.

а также содействовать составлению торгового общества, которое несравненно лучше отдельных торговцев может приобрести и сохранить первенство на всех тамошних рынках»⁸¹.

В 1861 г., когда Игнатъев занял пост директора Азиатского департамента в министерстве иностранных дел, большая часть намеченных мер стала уже проводиться в жизнь. Между тем обсуждение проблем среднеазиатской политики продолжалось. 24 января 1859 г. произошло новое «совещательное заседание», где присутствовали все участники предшествовавшего совещания. Подтвердив свои решения относительно Оренбургского края, они рассмотрели предложение генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда о занятии верховьев р. Чу (т. е. района Пишпека) в качестве «опорного пункта для будущих границ».

Гасфорд считал необходимым защитить казахов Большой Орды от нападения кокандских войск и укрепить влияние Российской империи среди «дикокаменных киргизов»⁸². Предложение Гасфорда было признано заслуживающим внимания; однако его осуществление отложили из-за отсутствия точных сведений о данной местности до рекогносцировок, намеченных на лето 1859 г.⁸³

Крайняя осторожность царского правительства в проведении среднеазиатской политики объяснялась в данном случае назревшим в Европе серьезным конфликтом между Францией и ближайшим соседом Российской империи — Австрией. «В начале 1859 г. уже было несомненным предстоявшее столкновение Пьемонта с Австрией, — характеризовал сложившуюся обстановку историк А. Л. Зиссерман. — Столкновение это могло грозить серьезными политическими осложнениями и вызвать общую европейскую войну с неизбежным участием России»⁸⁴.

Этот конфликт через несколько месяцев (в апреле 1859 г.) действительно разросся в открытую войну Фран-

---

⁸¹ Там же, док. 7. «Записка полк. Н. П. Игнатъева о политике нашей в Средней Азии» от 5 января 1859 г. См. также ЦГВИА, ф. 67, д. 131, лл. 1—3.

⁸² Там же, док. 16. Записка Гасфорда от 19 января 1859 г.

⁸³ Там же, док. 22.

⁸⁴ А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский...*, т. 3, стр. 451.

ции и Сардинии против Австрии. Царское правительство прилагало много усилий к дальнейшему сближению с Францией, наметившемуся чуть ли не на следующий день после окончания Крымской войны. Стремясь к развитию дружественных отношений с этой страной, царское правительство по соглашению с Наполеоном III обязалось выставить на русско-австрийскую границу четыре армейских корпуса. Поэтому пришлось временно отказаться от слишком широких планов в Средней Азии. «В Петербурге были очень озабочены опасением, что мы могли быть втянуты в войну. Отсюда возникли опять толки о необходимости усилить войска на западной границе», — писал в своих воспоминаниях Д. А. Милютин⁸⁵. Приближавшаяся к концу борьба против Шамнля на Кавказе также отвлекала силы царского правительства. Не случайно почти через год после январского обсуждения Гасфорд обнадеживал Катенина, что его предложения не были совершенно отвергнуты, а только «отложены по случаю смут на Западе»⁸⁶.

Весной 1859 г. в Оренбургском крае и в Западной Сибири начали проводиться в жизнь постановления петербургских совещаний. Ober-квартирмейстеру Оренбургского корпуса Дандевилю было поручено изучить восточное побережье Каспийского моря и найти удобное место для якорной стоянки и постройки торговой фактории⁸⁷.

Начальник Аральской флотилии А. И. Бутаков получил задание отвезти на родину возвращавшегося из Российской империи бухарского посла Неджметдина-ходжу. В случае, если хивинское правительство помешает движению пароходов вверх по Аму-Дарье⁸⁸, Бутаков должен был пробиваться силой. Катенин рассчитывал также использовать вспыхнувшее в Кунграде восстание туркмен и каракалпаков для захвата этого города русскими войсками. Поэтому А. И. Бутакова сопровождал подполковник М. Г. Черняев⁸⁹ с отрядом в 125 солдат.

⁸⁵ БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 11, лл. 272—273.

⁸⁶ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 274.

⁸⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 47. Распоряжение Катенина от 21 февраля 1859 г.

⁸⁸ Там же, док. 71.

⁸⁹ Там же, док. 82. Письмо Катенина — Горчакову от 9 апреля 1859 г.

В это время штабс-капитан М. И. Венюков отправился на рекогносцировку «правого берега р. Чу против Пишпека и местности на 100—200 верст далее вниз по реке»⁹⁰. Ему предписывалось хранить в строжайшей тайне конечную цель экспедиции — завоевание Пишпека.

Экспедиция Дандевилья работала все лето 1859 г. Обследовав восточное побережье Каспия, Дандевиль решил, что единственное место, пригодное для создания русской торговой фактории, — Красноводский залив. Во время плавания по морю произошло вооруженное столкновение с туркменским населением близ Чикишляра.

31 октября 1859 г. было созвано специальное совещание, в котором участвовали генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич, А. М. Горчаков и Н. О. Сухозанет. Устройство фактории решили отложить до получения согласия на это туркменского населения и восстановления миролюбивых отношений с ним. Применение силы, отмечали участники совещания, «восстановило бы его (население. — Н. Х.) еще более против нас и дало бы повод к подозрению о завоевательных намерениях наших на восточном берегу Каспия».

На совещании было решено наградить всех участников экспедиции, кроме ее руководителя Дандевилья⁹¹, который якобы упустил из виду основную возложенную на него задачу — «упрочить... торговые сношения наши с туркменами».

Экспедиция Бутакова с самого начала лишилась важнейшего козыря: бухарский посол Неджметдин-ходжа отказался вернуться в Бухару на русском пароходе. Тем не менее Катенин приказал Бутакову отправиться в составший Кунград, а оттуда вверх по Аму-Дарье с целью «исследовать Аму и определить пункт, удобный для будущих наших торговых сношений в пределах Бухарии»⁹².

Министерство иностранных дел поддержало замысел Катенина направить пароход и две барки Аральской флотилии в глубь Бухарского ханства и выразило пожелание,

---

⁹⁰ Там же, док. 87. Предписание начальника штаба Сибирского корпуса генерал-майора Гинтовта — штабс-капитану Венюкову от 11 апреля 1859 г.

⁹¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 263. «Постановление по делам туркменским» от 31 октября 1859 г.

⁹² ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 21, док. 138. Предписание Катенина — Бутакову от 27 мая 1859 г.

чтобы оренбургские купцы воспользовались этим обстоятельством для развития торговых связей, «составляющих, — как писал Горчаков Катенину, — главный предмет наших сношений с среднеазиатскими ханствами»⁹³.

Бутакову удалось достичь Кунграда и отогнать осаждавшие город хивинские войска, но плыть дальше, в Бухару, он не смог из-за резкого обмеления дельты. В Кунграде царила анархия и процветала торговля рабами. Туркменская феодальная знать, захватив власть в городе, стремилась использовать русский экспедиционный отряд для утверждения собственного господства в низовьях Аму-Дарьи. Когда же Бутаков заявил, что «грабежи и торговля людьми совершенно противны духу русского правительства»⁹⁴, ему пришлось встретиться с откровенно враждебным отношением своих союзников, на помощь которым он прибыл.

Во избежание назревавшего столкновения русская флотилия оставила Кунград и вернулась на свою базу. Известие о неудаче Бутакова вызвало горестную резолюцию Катенина: «Вопрос о возможности верного плаванья по Аму-Дарье остается в прежнем неопределенном положении»⁹⁵.

Вскоре после отъезда Бутакова, 1 августа 1859 г. население Кунграда, возмущенное произволом Мухаммед Фана, утвердившегося в городе при поддержке туркменских феодалов, восстало. Мухаммед Фана убили, и вскоре в Кунграде была восстановлена власть хивинского хана⁹⁶. Снова низовья Аму-Дарьи оказались под контролем Хивы, отношения с которой у Российской империи оставались чрезвычайно натянутыми.

Более удачно действовал Венюков. Его рекогносцировочный отряд в течение июня—июля 1859 г. прошел свыше 600 верст от укрепления Верного по кокандским владениям. Участники экспедиции провели съемки местности, сняли планы укреплений Токмака и Пишпека и

---

⁹³ Там же, док. 157.

⁹⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 22, док. 191. Донесение Бутакова инспекторскому департаменту морского министерства от 28 июля 1859 г.

⁹⁵ Там же, док. 187.

⁹⁶ Там же, док. 215. Записка А. И. Бутакова «О принятии Мухаммедом Фана управления Кунградом и об умерщвлении его». См. об этом: А. Бутаков, *Эпизод из современной истории Средней Азии*, стр. 103—112.

собрали обширный материал о бассейне р. Чу и положении южноказахских и киргизских племен⁹⁷.

После окончания разведывательной экспедиции оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы опять поставили перед правительством вопрос о продвижении вперед. Гасфорд сообщал о намеченном им походе в верховья Чу и подготовке к захвату Пишпека. Катенин снова предлагал соединить Оренбургскую и Сибирскую линии южнее Ташкента, завоевать этот город и включить его в состав Российской империи; занять дельту Аму-Дарьи и юго-восточное побережье Каспийского моря, чтобы создать укрепление в Красноводском заливе. Для обоснования последнего Катенин указывал на необходимость «положить конец замыслам англичан», создавших Российской империи «затруднения на Востоке»⁹⁸.

МЕСТО КОКАНДСКОГО ХАНСТВА В ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ЦАРИЗМА

В 1860 г. в Бухару прибыло несколько представителей Великобритании, чтобы добиться от эмира Насруллы согласия на организацию английского судоходства по Аму-Дарье. Одновременно с этим через Каратегин и Дарваз проник в Коканд специальный разведчик англо-индийского правительства Абдул Маджид, которому поручалось установить контакт с правителем Коканда Маллябеком и передать ему подарки и письмо с предложением поддерживать связь с Британской Индией⁹⁹.

Абдул Маджид собрал важные сведения об экономическом и политическом положении Кокандского ханства и ведущих туда из Индии путях и доставил их в Калькутту¹⁰⁰. В связи с этим новый оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак, сменивший умершего в 1861 г. А. А. Катенина, получил срочные указания из Петербурга внимательно наблюдать за дальнейшими шагами Британской империи в Средней Азии.

Из Коканда непрерывно поступали сведения о развернувшейся там подготовке к военным действиям против

⁹⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, л. 22, док. 197. Допесение Гасфорда военному министру от 5 августа 1859 г.

⁹⁸ Там же, док. 271.

⁹⁹ А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан*, т. I, ч. 2, стр. 11.

¹⁰⁰ Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина...*, стр. 100.

Российской империи весной 1860 г. В г. Туркестан прибыл из Афганистана специалист по ружейному делу, предложивший местному беку помощь в изготовлении пушек, мортир и артиллерийских снарядов европейского образца¹⁰¹. Военные власти Оренбурга не без оснований полагали, что этот мастер был прислан из Британской Индии. О подготовке Кокандского ханства к войне сообщал в Петербург также и генерал-губернатор Западной Сибири. Кокандские чиновники, разъезжая по казахским и киргизским селениям, под страхом смертной казни отбирали скот и лошадей для своей армии. Пунктом сосредоточения кокандской армии был назначен Ташкент. Одновременно укреплялись аванпосты Кокандского ханства в казахских и киргизских землях — в Пишпеке, Мерке, Аулие-Ата и др.¹⁰²

Приказчик торгового каравана, посетивший различные города Кокандского ханства, сообщал о запрете хана Маллябека «резать в пищу лошадей», годных для кавалерийской службы, и о неудавшейся попытке хана вступить в союз с бухарским эмиром для совместного нападения на русские владения. Этот приказчик подтверждал, что в Коканде находятся несколько англичан, которые «занимаются литьем пушек по образцу европейских». Он заявил даже, что видел в Ташкенте уже около 20 медных орудий, поставленных на лафеты. Донося об этом в Петербург, Г. Х. Гасфорд подчеркивал, что аналогичные сведения получены и оренбургскими властями¹⁰³.

Для изучения складывавшейся обстановки царское правительство отправило разведывательные отряды к Иссык-Кулю и в район Пишпека. Руководителю рекогносцировки у Иссык-Куля капитану Венюкову было предписано уклониться от каких-либо военных действий. В переданной ему инструкции Гасфорд подчеркивал, что эта экспедиция «не должна иметь враждебного характера... подтверждаю строго, не допускать солдат и особенно казаков ни к каким насилиям, бесплатным поборам и обидам дикокаменных киргиз»¹⁰⁴. Начальнику Алатавско-

¹⁰¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 23, док. 40. — Донесение Дандевилля (февраль 1860 г.).

¹⁰² Там же, док. 27. Донесение Гасфорда — Сухозанету от 13 февраля 1860 г.

¹⁰³ Там же, док. 44.

¹⁰⁴ Там же, док. 57.

го округа было дано специальное указание, что отряд должен находиться «на мирном положении, ибо он не посылается для враждования», а его участники должны быть снабжены не только провиантом, но и приварочными деньгами, «которые на месяц похода должны быть выданы непременно серебром, чтобы люди могли рассчитывать с киргизами» при покупке продовольствия, в частности скота¹⁰⁵. Подобное «миролюбие» царских властей, несвойственная им «щедрость» по отношению к коренному населению Средней Азии были лишь маневром для укрепления влияния Российской империи среди киргизских племен.

В июне 1860 г. рекогносцировка побережья оз. Иссык-Куль была завершена без каких-либо происшествий, но в районе Токмак — Пишпек начались столкновения между царскими и кокандскими войсками. Воспользовавшись нападением кокандских отрядов на сел. Кастек, небольшой отряд полковника Циммермана в сентябре 1860 г. захватил Пишпек и Токмак, разрушил находившиеся там укрепления и вернулся в Верное¹⁰⁶. Гасфорд прислал в Петербург рапорт, в котором писал: «Важные результаты этой славной для нашего оружия экспедиции следующие: уничтожение влияния вероломных кокандцев на племена дикокаменных киргизов, живущих в верховьях реки Чу и на озере Иссык-Куль, успокоение киргизов Большой Орды, окончательное утверждение нашего владычества в Заилийском крае и совершенное обеспечение в том крае наших казачьих водворений»¹⁰⁷.

31 января 1861 г. участник военных походов в Среднюю Азию генерал-майор Циммерман представил записку «О положении дел на кокандской границе», которая, как отмечал А. Л. Попов, наделала «немало шума в Военном министерстве»¹⁰⁸. Циммерман выражал недоумение по поводу русско-кокандских отношений, которые сводились к неопределенному состоянию: не мир и не война. Он призывал нанести удар по ханству, не опасаясь

---

¹⁰⁵ Там же, док. 58. Предписание Гасфорда — Колпаковскому от 10 апреля 1860 г.

¹⁰⁶ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 24, док. 162. Донесение Гасфорда — Сухозанету от 9 сентября 1860 г. На документе пометка царя: «Весьма хороший результат».

¹⁰⁷ Там же, док. 169.

¹⁰⁸ А. Л. Попов, *Из истории завоевания Средней Азии*, стр. 208.

«гнева Англии», и продолжал: «Кокандское ханство, а может быть и Бухара с Хивой признают над собой власть русского государя» (против этого места записки любопытная пометка Сухозанета: «Какая от этого польза?»). Циммерман видел в таких действиях и еще одну положительную сторону: «Приобретая преобладающее влияние в Средней Азии, мы тем самым приближаемся к пределам английских владений в Индии и в случае войны с Англией можем угрожать ей со стороны, самой для нее чувствительной» (запись военного министра и в данном случае была краткой и выразительной: «Это химера») ¹⁰⁹. Однако предложение Циммермана об усилении нажима на Кокандское ханство с целью проложить дорогу русским товарам в Центральную Азию нашло полное понимание.

РАЗНОГЛАСИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ НА ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Серьезные расхождения во взглядах различных военно-политических деятелей царского правительства по вопросу о дальнейших планах и действиях Российской империи в Средней Азии особенно проявились к началу 60-х годов XIX в. В феврале 1861 г. Г. Х. Гасфорд был переведен в Государственный совет, а на должность генерал-губернатора Западной Сибири и командира Сибирского корпуса был назначен генерал-лейтенант Дюгамель, которого Д. А. Милютин впоследствии охарактеризовал как «воплощение инерции» (т. е. инертности, пассивности. — Н. Х.) ¹¹⁰. Новый правитель Западной Сибири был убежденным противником каких-либо дальнейших территориальных приобретений. Он направил в Петербург докладную записку начальника своего штаба полковника Кройеруса, который призывал занять долину р. Чу, где находились кокандские укрепления Пишпек, Токмак, Мерке и др., а затем ожидать указаний правительства «об общей цели действий на южной границе Западной Сибири» ¹¹¹. В сопроводительном письме Дюга-

¹⁰⁹ ЦГВИА. ф. 38, оп. 31/287, л. 9, лл. 34—55.

¹¹⁰ БЛ ОР, ф. 169, карт. 9, № 13, л. 627.

¹¹¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, л. 25, док. 90 (приложение).

мель заявил, что полностью расходится с Кройерусом по вопросу о мерах «для приведения нашей южной границы в лучшее оборонительное состояние»¹¹².

Дюгамель подчеркивал, что «бесплодная борьба» за кокандские крепости вынудит проводить военные экспедиции во все более широких размерах и может «против нашего желания окончиться покорением всего Кокандского ханства. Вот отчего я всякий шаг за Чу считаю опасным по своим последствиям». Он решительно настаивал на отказе от новых завоеваний, «лишь ослабляющих» позиции Российской империи, и предлагал укрепить Верное, превратив его в прочный оплот против любых нападений кокандских войск и уделив больше внимания освоению уже занятой территории. Интересен общий вывод, которым заканчивалось письмо Дюгамеля: «для успокоения тревожного состояния умов и для вящего преуспевания Заилийского края, содержащего в себе столько источников богатства, нужно еще одно, а именно—прочный мир.

Тогда только вновь водворенные казачьи поселения окрепнут и достигнут желаемого благосостояния, и потому весьма желательно, чтобы наши отношения к Коканду были определены путем мирных переговоров».

Принятие всех предложений Дюгамеля, предусматривавших стабилизацию границы между Российской империей и ханствами Средней Азии, не входило в планы наиболее влиятельных кругов империи. Присланные Дюгамелем материалы рассматривались на совместном заседании двух министерств — военного и иностранных дел. Участники совещания отметили, что проведение пограничной черты по р. Чу «невыгодно во всех отношениях»; эта река не является крупным естественным рубежом, ее свободно переходят кочевые казахские племена, «находящиеся под влиянием Коканда», к тому же левобережье верховьев Чу значительно плодороднее, чем земли на правом берегу. Таким образом, мнение Дюгамеля о нецелесообразности создания укрепления на левобережье Чу было поддержано. Вместе с тем было признано «несвоевременным» проводить пограничную линию южнее, ибо это могло «невольно и нечувствительно вовлечь в большие издержки и заботы». Участники совещания соглашались с точкой зрения Дюгамеля о необходимости «мирным

¹¹² Там же.

путем» ликвидировать вражду с Кокандским ханством и «заняться исключительно улучшением и усилением нашего положения в занятом уже крае», но подчеркивали наличие существенных расхождений во взглядах западносибирского генерал-губернатора и правительственных кругов.

В Петербурге считали, что мирные переговоры с Кокандским ханством не должны связывать царское правительство «в видах на будущее»; следует думать лишь о перемирии, а не о том, чтобы граница была твердо установлена по р. Чу. Если правительство Коканда стремится к установлению дружественных отношений с Российской империей, гласил разработанный департаментом Генерального штаба в июне 1861 г. доклад «О плане будущих действий в Заилийском крае», то следует заключить соответствующее соглашение, предусмотрев «существенные преимущества в том крае, как, например, открытие фактории нашей в самом Коканде» и обеспечение безопасности торговых караванов. Иными словами, царское правительство отнюдь не собиралось связывать себе руки прежними отношениями с Кокандским ханством, обуславливая поэтому заключение русско-кокандского договора и установление определенной пограничной линии, хотя бы и временной, получением важных торговых льгот в Кокандском ханстве. 29 июня 1861 г. на заседании Особого комитета под председательством Александра II был обсужден доклад департамента Генерального штаба. Через 10 дней, 8 июля, доклад был окончательно утвержден царем¹¹³.

Сообщая о решении Дюгамелю, Милютин предложил ему при установлении мирных соглашений с Кокандским ханством держать наготове военный отряд, чтобы в случае нарушения мирного договора отвлечь внимание ханства от Сыр-Дарьинской линии. Министерство иностранных дел послало генерал-губернатору Западной Сибири специальную инструкцию о взаимоотношениях с Кокандом в связи с ожидавшимся прибытием посольства из Кокандского ханства. Горчаков выступал за мирные сношения с кокандским правительством, но поручал Дюгамелю принять в Омске посла и вступить с ним в переговоры лишь при наличии доказательств «дружелюбных на-

¹¹³ Там же, док. 118.

мерений хана». Вопрос о приеме посла в Петербурге должно было решить министерство. В инструкции подтверждалось нежелание царского правительства устанавливать твердую русско-кокандскую границу и «связывать себя на будущее время» ¹¹⁴.

Руководители Оренбургского генерал-губернаторства в отличие от Дюгамеля отрицали необходимость даже временных переговоров о мире с Кокандским ханством, считая целесообразным немедленно начать военные действия против этого ханства. А. П. Безак послал в столицу программную записку «О средствах для развития нашей среднеазиатской торговли». Она почти дословно повторяла выводы совещания от 31 августа 1861 г. в форте Перовском, на котором выдвигались планы совместного наступления войск Сибирского и Оренбургского корпусов на Ташкент. К уже изложенным доводам о целесообразности и необходимости этих действий было добавлено, что овладение Ташкентом предоставит возможность военно-политического давления не только на Кокандское ханство, но и на Бухару. Занятие плодородных оазисов в районе Ташкента, Туркестана и других кокандских городов создаст необходимые условия для продовольственного снабжения русских войск Сыр-Дарьинской линии, расположенных в полупустынных районах. Участники совещания указывали также на богатство верховьев Сыр-Дарьи полезными ископаемыми ¹¹⁵. Так в военно-чиновничьих кругах Оренбурга постепенно вызревала мысль о военном походе на Ташкент, приобретающая все более реальные перспективы по мере продвижения царизма в Среднюю Азию. Ташкент, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата—эти названия все чаще встречались в различных записках, докладах, проектах царских администраторов. С захватом этих городов тесно увязывался и план «соединения линий» — Сыр-Дарьинской и Западносибирской, вопрос, который все более настойчиво выдвигался и обсуждался в правительственных кругах Российской империи.

Оренбургские власти первыми начали наступление. 23 сентября 1861 г. русские войска разрушили коканд-

¹¹⁴ Там же, док. 166.

¹¹⁵ Там же, док. 147. Записка о возведении укрепления на Ближнем Мазаре от 29 сентября 1861 (составлена Данзасом).

скую крепость Яны-Курган и, разоружив, распустили солдат ее гарнизона по домам¹¹⁶. Вскоре после этого Сыр-Дарьинскую линию посетил оренбургский генерал-губернатор Безак. Обследовав вновь приобретенные позиции и вернувшись в Оренбург, он послал военному министру обширное донесение, в котором настаивал на том, что активные действия Российской империи в Средней Азии должны быть направлены не на «приобретения в Хиве, стране бедной и ничего не представляющей в торговом отношении», а на «скорейшее соединение линий Оренбургской и Сибирской». Он заявлял, что достижение «прочной границы» возможно лишь в результате продвижения «вверх по Сыру, до мест более плодородных, с оседлым туземным населением, где существует изобильная хлебная производительность и где есть леса, столь необходимые для поддержания наших построек на Сыре».

Понимая, что перед широким наступлением следует детально изучить течение Сыр-Дарьи — основной магистралю в этом районе, Безак предлагал поручить эту рекогносцировку флотилии А. И. Бутакова. Он ссылаясь при этом на то, что еще в 1851 г. Николай I считал соединение Оренбургской и Сибирской линий первостепенным делом. Оренбургский генерал-губернатор называл соединение линий «неотложной потребностью».

«Если бы с движением нашим от моря Аральского вверх по Сыру и с устройством на нем новых фортов не имелось в виду такое же встречное движение со стороны Сибирского корпуса, — писал Безак, — то не стоило бы проникать до берегов Аральского моря и утверждаться на устье Сыра, а также делать экспедицию к Ак-Мечети и возводить Джулек»¹¹⁷.

Безак отрицал целесообразность соединения линий в г. Туркестане и по-прежнему настаивал на захвате Ташкента. «От него через укрепление Аулие-Ата идет удобная прямая дорога на Кульджу и Чугучак, и я полагаю, что Сибирскому корпусу весьма легко в первый год построить укрепление в Пишпеке, а на следующее лето овладеть крепостью Аулие-Ата и пройти к Ташкенту на

¹¹⁶ Там же, док. 146. Донесение командира Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенанта Дебу — Безаку от 23 сентября 1861 г.

¹¹⁷ Там же, док. 179.

соединение с войсками Оренбургского корпуса, которые, устроив на Сыре, смотря по удобству и по ближайшей линии к Ташкенту, укрепление как для прикрытия флотилии, так и для соединения в нем продовольственных и боевых припасов, могут совокупно с Сибирским корпусом приступить к овладению Ташкентом»¹¹⁸.

Осуществление этого плана, по представлению Безака, давало Российской империи «отличную государственную границу, обеспечивало снабжение сыр-дарьинских фортов продовольствием и лесом, Сыр-Дарьинскую флотилию — топливом, а отечественную промышленность ценными полезными ископаемыми, давало возможность добиться ликвидации раздоров между казахскими племенами русского и кокандского подданства и увеличить „кибиточный сбор“». Вновь возвращаясь к роли Ташкента, Безак писал, что «к городу, находящемуся в 150 верстах от Коканда, сходятся все торговые пути из Бухары, Китая и России». Доходы с Ташкентского оазиса вместе с увеличенным кибиточным сбором должны были, по мнению Безака, покрыть издержки на содержание Сыр-Дарьинской линии, «обременяющие ныне государственное казначейство».

Особо Безак останавливался на опасениях министерства иностранных дел, что «слишком активная» политика Российской империи в Средней Азии вызовет недовольство Британской империи. Он даже ссылаясь на то, что движение вверх по Сыр-Дарье менее встревожит правящие круги Великобритании, чем движение по Аму-Дарье, «приближающее нас к Индии». « Не думаю, однако, чтобы англичане серьезно боялись нашего похода в Индию; по моему мнению, это химера», — добавлял Безак, обнаруживая таким суждением неплохое понимание многих выступлений английских военно-политических и торгово-промышленных деятелей и публицистов, маскировавших разговорами об опасности русского похода на Индию британские интриги и провокации в среднеазиатских ханствах. Безак призывал не оттягивать активные действия против Коканда, ибо кокандские войска могут быть оснащены английским оружием. Безак надеялся, что Дюгамель, ознакомившись более глубоко и всесторонне с положением в Средней Азии, откажется от своих пред-

¹¹⁸ Там же.

положений о мирных взаимоотношениях с Кокандским ханством. Донесение Безака было представлено царю, который согласился с его основными положениями и распорядился обсудить их в Особом комитете. Однако совместить принципиально различные точки зрения Безака и Дюгамеля было невозможно. Разногласия между руководителями двух соседних генерал-губернаторств имели тем большее значение, что даже в правительственных кругах Петербурга не существовало единого мнения, общего плана, программы действий в Средней Азии. Отсутствовала и определенная договоренность между военным министерством и министерством иностранных дел, которые зачастую расходились между собой не только в вопросе о методах и приемах достижения тех или иных политических целей, но и в определении этих целей.

В 1860 г. товарищем военного министра, а в 1861 г. военным министром был назначен Д. А. Милютин. В отличие от своего предшественника Сухозанета Милютин был энергичным человеком, более тесно связанным с деловыми кругами Российской империи. Он прекрасно понимал нужды капиталистического развития Российской империи и был сторонником захвата новых рынков сбыта и источников сырья для русской промышленности. При Милютине военное министерство более настойчиво и последовательно проводило свою линию в решении государственных дел. Все более склонялись военные круги к овладению среднеазиатскими ханствами, тогда как министерство иностранных дел предпочитало добиваться предоставления Российской империи политических и экономических привилегий в этом районе при помощи дипломатических переговоров.

В дальнейшем нам придется сталкиваться с осторожным отношением министерства иностранных дел к активной наступательной политике в Средней Азии.

Нет сомнения, что важную роль при этом играла для дипломатического ведомства, больше чем для других государственных учреждений Российской империи, необходимость учитывать международную реакцию на те или иные действия правительства, расценивать определенные политические и военные шаги с точки зрения международной обстановки, которая в течение всего рассматриваемого периода была очень сложной и напряженной. Несмотря на заверения руководителей внешней политики

с 1860
Д. А. Милютин

Российской империи о том, что они намерены почти полностью отстраниться от европейских дел, заверения, на которые их толкали печальные для царизма результаты Крымской войны, Петербург продолжал относиться к положению в Европе с несоизмеримо большим интересом и вниманием, чем к ситуации на всех остальных континентах, взятых вместе. И это было естественно. Именно в Европе лежали жизненно важные центры империи, и, естественно, европейские проблемы чрезвычайно волновали правящие круги России. Причин для волнения было немало. На западных границах страны менялось соотношение политических сил. В 60-х годах XIX в. особую активность проявляла Пруссия, «железом и кровью» объединявшая «сверху» германские государства. Создавался определенный противовес Франции — одной из главных противниц России на полях крымских сражений. Сложность политической линии французского императора Луи-Наполеона, или «маленького Наполеона», как его метко прозвал К. Маркс, не могла скрыть того факта, что авторитет и влияние Франции катастрофически и неуклонно снижаются, падают.

Последнее обстоятельство могло создать предпосылки для пересмотра или отмены отдельных униженных для России статей Парижского мира, что, как известно, и было осуществлено в 1870—1871 гг. Все это и многое другое вынуждало царских дипломатов с особой осторожностью подходить к таким мероприятиям, которые ослабляли внешнеполитические позиции России, вызывали недовольство и сопротивление других держав, особенно крупнейшей и сильнейшей из них в то время — Британской империи. Продвижение же в Среднюю Азию (как и на Ближнем Востоке) порождало наиболее враждебную реакцию английских правящих кругов, поскольку сужало их собственные экспансионистские возможности, нарушало их агрессивные замыслы. Поэтому представители царской дипломатии сдержанно относились к планам широких военных действий в Средней Азии, настаивали на прекращении военных походов, на применении тактики «мирного» установления господства Российской империи в Средней Азии — экономическими и политическими методами.

Но, на наш взгляд, была и другая, более спорная сторона вопроса. Как представляется, спецификой диплома-

тического ведомства являлось то, что оно по сравнению с другими государственными учреждениями стояло более в стороне от проблем внутреннего развития страны и менее учитывало (в частности, из-за особой кастовой замкнутости) насущные потребности ее экономики.

Небольшая, но типичная деталь. Известно, что французский язык был очень в ходу среди высшей петербургской дворянской и чиновной знати. Это никого не удивляло. Однако даже крайних реакционеров и консерваторов, как, например, кн. В. П. Мещерского и Е. М. Феоктистова, поражало то, что в министерстве иностранных дел вообще «забывали, что есть русский язык в России»¹¹⁹, что составленные там депеши для публикации в печати нужно было переводить на русский язык, а в дипломатическом ведомстве «для этой-то нехитрой, по-видимому, задачи не оказывалось подходящего лица»¹²⁰.

Вот яркий пример. Один из ответственных постов в заграничной службе этого министерства — пост посла Российской империи в Лондоне — много лет занимал барон Бруннов, о котором политический проходимец и авантюрист кн. В. П. Мещерский сказал одну из своих немногих правдивых фраз: «Что он сделал для России полезного, я никогда не мог узнать... Но одно было всем известно, это удивление каждого, что столько лет мог быть русским послом в Лондоне человек, который ничего не признавал, кроме заботы о своем здоровье, и столько же любил Россию, как любил ее любой англичанин»¹²¹.

Ответственные сотрудники министерства иностранных дел часто употребляли выражение: «Que dira l'Europe?» — «Что скажет Европа?» — не в ироническом, а в прямом смысле. Однажды дело дошло до того, что директор Азиатского департамента отклонил предложение начальника Главного штаба о назначении представителя России в Мешхед на том лишь основании, что это могло бы «возбудить весьма невыгодные для правительства толки в журналах и послужило бы во вред тем целям, которые мы преследуем на Востоке»¹²². Так, гипотетиче-

¹¹⁹ В. П. Мещерский, *Мои воспоминания...*, стр. 303.

¹²⁰ [Е. М. Феоктистов], *Воспоминания Е. М. Феоктистова...*, стр. 62.

¹²¹ В. П. Мещерский, *Мои воспоминания...*, стр. 394.

¹²² ЦГВИА СССР, ф. 400, Главный штаб, Азиатская часть, д. 8 за 1873 г., лл. 163—169. Письмо Стремоухова — Гейдену.

ские «толки в журналах» оказывали воздействие на политику министерства иностранных дел России.

Военное ведомство, во главе которого стояли некоторые видные деятели эпохи буржуазных реформ, было более тесно связано с развивавшейся российской буржуазией, лучше понимало нужды укреплявшейся капиталистической экономики, что в определенной степени переплеталось с интересами военного министерства. Военные круги Российской империи пытались в этот период оказывать активное влияние на проблемы внешней и внутренней политики. В своих изданиях (газета «Русский инвалид», журналы «Correspondance russe», «Военный журнал») военное ведомство широко освещало вопросы внешней политики и старалось «активизировать» дипломатов. Это вызывало неоднократные протесты А. М. Горчакова, а также соперничавшей с Д. А. Милютиным группировки шефа жандармов Д. А. Шувалова и министра внутренних дел А. Е. Тимашева. По свидетельству главы царской цензуры Е. М. Феокистова, на совещании высших сановников под председательством Александра II было принято направленное непосредственно против Милютинского решение «иметь только один правительственный орган, который отличался бы строго официальным характером» и предложить министерствам ограничиться в своих изданиях «лишь специальными вопросами, не высказываясь по вопросам внутренней и внешней политики»¹²³. Несмотря на это, военные круги Российской империи продолжали играть очень важную роль в планировании действий царского правительства на Востоке, особенно в Средней Азии, как правило отстаивая более энергичные и далеко идущие (хотя тоже не содержащие никаких замыслов против Индии) мероприятия.

Вспоминая через много лет некоторые причины расхождений во взглядах между военным и дипломатическим ведомствами, Д. А. Милютин писал, что министерство иностранных дел «с давних времен держалось в азиатской политике системы полного консерватизма». Военный министр упрекал внешнеполитическое ведомство в том, что оно оказывало сдерживающее влияние на наступление русских войск в Средней Азии, «дабы не возбу-

¹²³ [Е. М. Феокистов], *Воспоминания Е. М. Феокистова...*, стр. 335—336, 349—350.

дить дипломатических запросов лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях». Милютин считал, что Горчаков уделял недостаточно внимания азиатским делам, «не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждавшие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предприятие своеволию местных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам. Хотя в этом отношении и была, может быть, некоторая доля правды, однако же не одно мелкое честолюбие второстепенных личностей заставляло прибегать к оружию против полудиких азиатских соседей»¹²⁴.

Характеризуя позицию министерства иностранных дел, Милютин, конечно, несколько сгущал краски, так как министерство иностранных дел нередко оказывало решительный отпор домогательствам Великобритании. В приведенном отрывке Милютин, обосновывая линию военного министерства, ссытался лишь на чисто военные причины. А между тем во многих других документах он приводил не менее, если не более важные доводы экономического и политического характера. Разнообразнейшие материалы личного архива Милютина свидетельствуют о том, что возглавлявшееся им военное министерство проводило политику, значительно более соответствовавшую интересам и требованиям торгово-промышленных кругов Российской империи.

Наличие разногласий во взглядах на среднеазиатскую политику в значительной степени объяснялось отсутствием четкого государственного плана военно-политических действий. Генерал-квартирмейстер Главного штаба Вернандер в докладе военному министру следующим образом характеризовал причины расхождений во мнениях генерал-губернаторов оренбургского и западносибирского: «Система, которой правительство желает следовать в Средней Азии, до сих пор еще не была ясно высказана; неминуемым следствием этого был недостаток связи и последовательности в действиях начальников сопредельных с Азией Западной Сибири и Оренбургского края. Так, например, и в настоящее время генерал-огинфантерии Дюгамель считает необходимым войти с Ко-

¹²⁴ Д. А. Милютин, *Мои старческие воспоминания* (БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, № 17, лл. 246—247).

Безак

кандом в мирные сношения, в то время как генерал-адъютант Безак предполагает действовать против того же Коканда силой оружия.

Для устранения подобных недоразумений казалось бы необходимым *определить раз и навсегда ту общую систему*, согласно которой правительство намерено действовать относительно Туркестана; будет ли эта система приводиться в исполнение немедленно или впоследствии, при более благоприятных обстоятельствах финансовых»¹²⁵.

В это время военное министерство приобрело влиятельного единомышленника на ответственном посту в министерстве иностранных дел. После выхода в отставку в мае 1861 г. министра народного просвещения Евграфа Ковалевского, возражавшего против репрессивных мер по отношению к участникам студенческих волнений, в августе 1861 г. с должности директора Азиатского департамента министерства иностранных дел вынужден был уйти и его брат Егор Ковалевский¹²⁶. Вместо него был назначен добившийся за короткий срок крупных успехов на дипломатическом поприще Н. П. Игнатьев, что, по выражению Д. А. Милютина, «значительно облегчило дело». Отмечая молодость, честолюбие и предприимчивость нового директора Азиатского департамента, Милютин указывал на его знакомство с Азией и удачное выполнение политических поручений в среднеазиатских ханствах и в других местах. «Как офицер Генерального штаба он был со мной в самых лучших отношениях, почти товарищеских, — продолжал Д. А. Милютин, — благодаря этим личным отношениям мы входили в частные между собой соглашения по азиатским делам и общими силами успокаивали пугливого вице-канцлера (т. е. Горчакова. — Н. Х.)»¹²⁷. Однако общность точек зрения Милютин и Игнатьева была вызвана не личными отношениями, а тем, что они оба были связаны с буржуазными кругами Российской империи и хорошо понимали внутреннюю социально-экономическую и политическую обстановку. Н. П. Игнатьев сам был крупным предприни-

¹²⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, док. 187.

¹²⁶ Б. А. Вальская. *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, стр. 170. См. также [М. И. Венюков]. *Из воспоминаний М. И. Венюкова*, т. I, стр. 246—247.

¹²⁷ БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, № 17.

Мателем, владельцем фабрик, заводов и ценных бумаг в различных банках. Его поддержка усиливала позиции военного министерства на многочисленных заседаниях Особого комитета, обсуждавшего важнейшие проблемы политики царизма, в частности действия на Востоке.

Ссылаясь на полученные в Оренбурге известия о сосредоточении кокандских войск в окрестностях городов Туркестана, Ташкента и Сузака, военный министр предложил Дюгамелю учесть это в его «действиях и сношениях» с Кокандом, а также обратил его внимание на намерение кокандского правительства сочетать мирные переговоры в Омске с наступлением на Сыр-Дарьинскую линию. Генерал-губернатору Западной Сибири поручалось провести военный маневр в случае выступления кокандских войск, чтобы отвлечь часть их от Сыр-Дарьинской линии ¹²⁸.

Однако Дюгамель, получивший также и письмо Безака с просьбой о содействии, сослался на маловероятность военных операций в зимнее время и заявил, что движение крупного русского отряда к крепости Сузак «совершенно невозможно». Менее затруднительно, писал он Д. А. Милютину, направить небольшой отряд к р. Чу, к Пишпеку, но это вряд ли поможет войскам на Сыр-Дарье из-за огромного расстояния между операционными линиями Оренбургского и Сибирского корпусов. «Перейти же за р. Чу значило бы начать военные действия, к чему я не считаю себя уполномоченным, и резко противоречило бы принятой мной системе» ¹²⁹.

Он информировал военного министра о значительном сокращении расхода на содержание Сибирского корпуса и предупреждал, что снаряжение военных экспедиций не только помешает создать «предполагаемые сбережения», но и вовлечет казну в новые значительные денежные траты.

Это письмо встретило резкую отповедь военного министерства. Милютин напомнил Дюгамелю о категорическом отказе правительственных кругов Российской империи признавать р. Чу «чертой, ограничивающей круг действий вверенных вам войск». Он разъяснял далее, что при характерных для внутреннего положения Коканда

¹²⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26, док. 11.

¹²⁹ Там же, док. 13.

803-62
3002
Безак, 1862

феодалных раздорах и усилившейся враждебности его правителей к Российской империи «нельзя ожидать успеха ни от мирных с ними сношений, ни от строго оборонительного образа действий»¹³⁰. Ссылаясь на участвовавшие нападения кокандских отрядов на казахские племена русского подданства и на слухи о подготовке совместного выступления Хивинского и Кокандского ханств против России, Милютин указывал на необходимость быть наготове. Все это заставило царское правительство ускорить выработку общих принципов среднеазиатской политики, тем более что Безак продолжал призывать к осуществлению предложенных им мероприятий.

3 марта 1862 г. было созвано заседание Особого комитета. Безак изложил план совместного похода войск Оренбургского и Сибирского корпусов на Ташкент, намечая его осуществление на 1863 г. К этому времени Сибирский корпус должен был овладеть Пишпекком, а затем крепостью Аулие-Ата, а войска Оренбурга — захватить г. Туркестан и создать на Сыр-Дарье, по соседству с Ташкентом, военную базу. Особый комитет в основном одобрил эти планы. Однако их осуществление было отложено до изучения финансовой стороны дела, так как на заседании были высказаны опасения, что продление Сыр-Дарьинской линии и завоевание Ташкента потребуют больших расходов¹³¹.

Дюгамель, однако, продолжал отстаивать свою точку зрения. 26 мая 1862 г. он отправил в столицу донесение о намеченном им плане действий в Зачуйском крае «по направлению к Ташкенту». Указывая на сравнительную легкость овладения этим городом, Дюгамель в то же время требовал на это огромных ассигнований и настойчиво подчеркивал, что новые приобретения не уменьшат, а увеличат расходы на содержание Сыр-Дарьинской линии и особенно Сибирского корпуса. Он отрицал надежды «на доходы Ташкента и Туркестана как на источник, могущий со временем вознаградить издержки, сделанные для завоевания этих областей... Обложение жителей чрезмерными налогами могло бы продлить между ними общее неудовольствие и даже довести их до открытого восстания». Он признавал возможность добиться

¹³⁰ Там же, док. 25.

¹³¹ Там же, док. 29.

увеличения «нравственного влияния России в Средней Азии» в результате завоевания Ташкента, но считал, что «материальных выгод от этого приобретения ожидать нельзя ни в настоящем, ни в будущем»¹³².

По указанию Александра II Милютин предложил Дюгамелю не вести в 1862 г. подготовки к занятию Ташкента и Туркестана, но вместе с тем призывал не отказываться от мысли о необходимости сомкнуть пограничную линию. «Весьма может быть, что по ближайшем обзоре гор, разделяющих долины рек Сыр-Дарьи и Чу, соединение южных оренбургской и сибирской границ наших окажется удобным и без занятия этих областей, — писал военный министр. — До тех пор пока не будет соединена граница, не будет достигнуто единство в действиях Оренбурга и Омска, а главное — самое развитие наших торговых и политических видов в Средней Азии не может быть доступно».

Опровергая «финансовые» доводы Дюгамеля, Милютин указывал на возможность заселения Чуйской долины, на обнаруженные здесь леса, использование которых удешевит строительство укреплений, и разъяснял, что правительство предусматривает соединение границ после всестороннего изучения разделяющего их пространства. Содействие Сибирского корпуса войскам Сыр-Дарьинской линии должно было заключаться именно в изучении местности, что не требовало значительных расходов.

Военный министр обращал внимание генерал-губернатора Западной Сибири и на то, что русский военный отряд Колпаковского летом 1862 г. бесплодно простоял несколько дней в районе Пишпека, тогда как мог занять его или двинуться к Аулие-Ата, в результате чего «значительная часть предполагавшегося для Сибирского корпуса (задания. — Н. Х.) на 1863 и 1864 гг. могла бы осуществиться еще в нынешнем году без всяких затруднений»¹³³. Подобные действия не только облегчили бы рекогносцировку Туркестана, но и способствовали бы изучению «главного пути к Ташкенту и Коканду из Аулие-Ата».

В заключение Милютин запрашивал Дюгамеля, что тот намерен сделать «для осуществления высочайших

---

¹³² Там же, док. 64.

¹³³ Там же, док. 77.

указаний по соединению оренбургской и сибирской границ без особого напряжения сил и без больших расходов».

Но на Дюгамеля не подействовало и новое внушение военного министерства: вместо конкретных действий он продолжал вести переписку с Петербургом, отстаивая свою точку зрения на значительность издержек, с которыми связано «постоянное водворение» войск в «отдаленных местностях Азии», указывал на бесполезность периодических «набегов» на кокандские укрепления и предлагал дожидаться тех времен, когда «политические и финансовые обстоятельства позволят нам окончательно занять Зачуйский край»¹³⁴. Ответ Дюгамеля вызвал возмущение военного министра. Он испещрил его негодующими пометками и написал резолюцию: «Так как переписка с ген. Дюгамелем по этому предмету, очевидно, не приведет ни к каким результатам и, по-видимому, нет никакой надежды изменить его взгляд на положение наше относительно Коканда и Средней Азии, то полагаю оставить настоящий его отзыв вовсе без ответа и отложить дальнейшее разъяснение дела до других, более благоприятных обстоятельств».

Тем не менее Милютин еще раз попытался переубедить Дюгамеля и сообщал ему, что в Кокандском ханстве рассматривают «стояние» Колпаковского под Пишпеком как «полную неудачу» русских войск, тогда как войска Сибирского корпуса могут не только разрушить это кокандское укрепление, но и не допустить его восстановления. По мнению военного министра, этим достигалась важная цель: «Кокандцы, видя нашу решимость не терпеть их соседства, окончательно будут вынуждены очистить долину реки Чв»¹³⁵. В ответ на это предписание пришла телеграмма Дюгамеля, что 24 октября 1862 г. «кокандская крепость Пишпек сдалась царским войскам со всем гарнизоном и вооружением»¹³⁶.

Захват Пишпека, на который так долго и упорно толкало Дюгамеля военное министерство, был встречен в Петербурге с полным одобрением. Милютин сообщал генерал-губернатору Западной Сибири, что Александру II «было весьма приятно получить известие» о взятии Пиш-

¹³⁴ Там же. док. 87.

¹³⁵ Там же. док. 95.

¹³⁶ Там же. док. 106.

пека, но он «выражает лишь опасение», что туда вернутся кокандские войска, восстановят укрепления и по-прежнему будут «оспаривать» у Российской империи левобережье р. Чу. Военный министр намекал, что имеется полная возможность в следующем году окончательно овладеть Чуйской долиной, но рекомендовал не создавать здесь укрепленного пункта, а расположить подвижную колонну: «Новое укрепление сейчас возбудит толки о новом захвате нашем в Средней Азии; подвижная колонна не будет иметь этого вида и не свяжет нас нисколько в будущем»¹³⁷. Генерал-губернатор Западной Сибири принял это предложение и выдвинул следующий план: «подвижная колонна» должна была весной 1863 г. двинуться из Верного на кокандскую крепость Мерке, затем занять Аулие-Ату, превратив ее в свою продовольственную и транспортную базу. Дюгамель полагал, что появление сильного отряда русских войск окажет соответствующее влияние на казахские и киргизские племена этого района и «вызовет у них желание принять подданство Российской империи»¹³⁸.

Царское правительство готовилось к наступлению и со стороны Оренбурга: на весну 1863 г. предусматривалась совместная экспедиция сухопутных войск Сыр-Дарьинской линии и судов Аральской флотилии из форта Перовского и Джулека вверх по течению Сыр-Дарьи в пределы Кокандского ханства. Экспедиция должна была разведать окрестности г. Туркестана и дороги через хребет Каратау к крепости Сузак¹³⁹.

Готовясь к наступательным действиям, царское правительство учитывало внутреннюю обстановку в Коканде, где обострялась межфеодалная и межплеменная борьба. Притеснения казахских племен кокандскими властями, насилия кокандских чиновников и грабеж кочевников во время сбора податей вызывали серьезные волнения среди казахов, которые осадили Ташкент и прервали связь между ним и г. Туркестаном. В Ферганской долине восстало племя кипчаков. Хан Худояр вместе с фактическим правителем государства Шахмурадом был вы-

¹³⁷ Там же, док. 108.

¹³⁸ Там же, док. 129. Письмо Дюгамеля — министру Милютину от 24 декабря 1862 г.

¹³⁹ Там же, док. 107. Донесение командира Сыр-Дарьинской линии Веревикина — Безаку от 1 октября 1862 г.

нужден бежать в г. Маргелан. Восставшие провозгласили ханом своего ставленника — Мадали ¹⁴⁰.

В конце 1862 г. обстановка в Средней Азии серьезно беспокоила царское правительство. Известия о выходе к берегам Аму-Дарьи военных отрядов афганского эмира Дост Мухаммада, заключившего союз с Великобританией, и об интригах английской агентуры в среднеазиатских ханствах вскоре дополнились полученными Безаком сведениями о попытках англичан создать свое пароходство на Аму-Дарье и о начатых ими по этому вопросу переговорах в Бухаре. Даже Горчаков, удерживавший, как отмечалось выше, военное ведомство от слишком энергичных действий, в специальном письме Безаку отметил важность присланных им данных, «обративших на себя особенное внимание министерства иностранных дел». Он предлагал срочно сообщить о намеченных оренбургским генерал-губернатором мерах для противодействия «замыслам англичан» ¹⁴¹. Еще более резко реагировал на донесение Безака Милютин. Сообщая о серьезной тревоге, какую возбудили в Петербурге известия «о намерении английских агентов положить основание пароходству на Аму-Дарье», он категорически заявил: «Мы должны во что бы то ни стало противодействовать этому покушению» ¹⁴².

В связи с запросами из столицы Безак предлагал в первую очередь занять дельту Аму-Дарьи и построить там укрепленный пункт, который бы дал возможность оказывать влияние на Хиву и Бухару. Он отрицал необходимость похода на Хиву, опасаясь «упреков в завоевательных замыслах», и находил нужным «сколь возможно долее поддерживать ее самостоятельное существование» ¹⁴³. Вместе с тем Безак указывал на отсутствие людских резервов, денежных и транспортных средств для занятия дельты Аму-Дарьи, подчеркивая, что при появлении на этой реке английских судов «трудно предсказать все грустные последствия, которые принесет это событие для нашего влияния в Средней Азии». Это

¹⁴⁰ Там же, док. 97. Донесение Безака — Сухозанету от 1 октября 1862 г.

¹⁴¹ Там же, док. 112.

¹⁴² Там же, док. 110.

¹⁴³ Там же, док. 121. Письмо Безака — Горчакову от 10 декабря 1862 г.

письмо лишний раз указывало на необходимость координации действий различных государственных органов и выработки единого четкого плана в отношении Средней Азии.

Необходимость укрепления позиций в среднеазиатских ханствах была вызвана тем, что в пореформенной России происходили серьезные экономические сдвиги, в связи с чем борьба за рынки сбыта и источники сырья приобрела особое значение.

ГЛАВА III

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА (1863—1864)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

После реформы 1861 г. капитализм в России начал развиваться бурными темпами. Возникали новые предприятия, росли фабрики и заводы, расширялась железнодорожная сеть. «После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века», — писал В. И. Ленин¹.

Если с 1789 по 1855 г. в стране было создано и функционировало примерно 30 акционерных компаний с капиталом до 32 млн. руб., то только за вторую половину 50-х — начало 60-х годов возникло около ста новых компаний с капиталом 500 млн. руб.²

Размах деятельности российской буржуазии продолжал расти. Характеризуя его, министр финансов М. Х. Рейтерн в 70-х годах отмечал: «Последнее десятилетие ознаменовано сильным и небывалым у нас развитием частной предприимчивости и вместе с тем биржевой деятельностью, без которой в наше время невозможно такое развитие. Возникло множество частных банков, строительных и других акционерных обществ и огромное число предприятий, основанных на товариществе или устраиваемых усилиями частных лиц. Все это

¹ В. И. Ленин, *«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция*, стр. 174.

² «Обозрение промышленности и торговли», — «Вестник промышленности», т. XI, 1861, № 1—3, стр. 5.

принесло обильные финансовые и экономические плоды: огромное возвышение доходов, возрастание торговли, увеличение цен на недвижимую собственность и пр.»³.

В самом деле в период «грюндерства» (60-е годы XIX в.) в Российской империи только за 1869—1873 гг. было создано свыше 280 акционерных обществ с капиталом немногим менее 700 млн. руб. Развитие капиталистических отношений, вытеснение ручного труда машинным, увеличение выпуска промышленной продукции, расширение баиковской системы, наконец целая серия буржуазных реформ в области финансов и армии, суда и прокуратуры, городского и земского управления — все это очень укрепляло капиталистические круги. И хотя в царской России продолжала господствовать власть дворян и помещиков, буржуазия значительно усилила свое влияние в стране.

Ведущее положение в экономике Российской империи по-прежнему занимала хлопчатобумажная промышленность, однако и удельный вес металлургии и машиностроения в последние годы существенно возрос. Бурное промышленное развитие с особой остротой ставило задачу расширения рынков сбыта. Российские предприниматели подавали в министерства финансов и иностранных дел различные петиции, прошения и докладные записки, в которых ходатайствовали о расширении возможностей реализации их продукции, в частности о «создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»⁴.

Царское правительство сочувственно относилось к этим требованиям. Оно рассчитывало за счет внешнеполитической экспансии ослабить классовые противоречия в стране. Эти противоречия принимали чрезвычайно острый характер. «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать на-

³ ЦГИАЛ. ф. 1072, «Э. Э. Ухтомский», д. 8, лл. 89—90. Записка М. Х. Рейтерна (февраль 1877 г.).

⁴ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 80; А. Л. Попов, *Из истории завоевания Средней Азии*, стр. 209.

стоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку. коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной», — так описывал В. И. Ленин революционный подъем 60-х годов XIX в. в Российской империи⁵. Из разных концов России в Петербург поступали тревожные, крайне беспокоившие правительственные круги⁶ известия о крестьянских волнениях и восстаниях, о недовольстве помещиков и т. п.

Царское самодержавие пыталось активной и успешной внешней политикой отвлечь внимание народных масс от острых проблем внутренней жизни. С этой точки зрения «среднеазиатское направление» было наиболее перспективным. Продвижение в Среднюю Азию, где противник был слаб, обещало при небольших затратах обеспечить для российских промышленников выгодные рынки сбыта и источники сырья, для военных — возможность отличиться, для служилого дворянства — административные посты, для помещиков — резерв переселенческих земель и т. д.

«Среднеазиатская проблема» продолжала занимать одно из центральных мест на страницах газет и журналов, где предлагались различные варианты ее разрешения. На некоторых из них необходимо остановиться более подробно. Уже известный нам Ю. А. Гагемейстер поместил в «Русском вестнике» статью «О торговом значении Средней Азии в отношении к России».

Основные положения этой статьи несколько упрощенно могут быть сведены к следующему: среднеазиатские рынки очень важны для русской торговли, но для

---

⁵ В. И. Ленин, *Гонители земства и Аннибалы либерализма*, стр. 29—30.

⁶ См., напр.: [Ф. Г. Тернер], *Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера*, ч. 1, 1910, стр. 199—200, 211; [А. В. Никитенко], *Моя повесть о самом себе...*, т. 2, стр. 253—255; С. Неведенский, *Катков и его время*, стр. 164—166; [Н. А. Любимов], *М. Н. Катков и его историческая заслуга...*, стр. 134—135 и др.

развития этой торговли необходимо осуществить значительные военно-политические мероприятия.

Рассматривая статистические данные об экономических связях Российской империи со Средней Азией за 30—60-е годы XIX в., Гагемейстер приходил к выводу, что эта торговля «принимает оборот в том отношении выгодный для России, что сбыт туда наших мануфактурных изделий усиливается, тогда как мы оттуда запасаемся разными сырыми произведениями»⁷.

Гагемейстер считал, что Российская империя может добиться усиления своего влияния на среднеазиатские ханства даже одной угрозой разрыва торговых отношений. В то же время он предостерегал, что осуществление этой меры на деле может тяжело отразиться и на русской промышленности. «Оттого подобное мирное средство может быть гораздо тягостнее для государства, чем даже употребление военной силы», — писал он. Правда, подчеркивал он, в Среднюю Азию пока еще сбывается сравнительно мало русских товаров, но России «нельзя не обратить внимания на эту почти единственную страну, которая еще принимает ее мануфактурные товары, тем более, что сбыт их там постоянно усиливается»⁸. Однако развитие торговли нуждается еще в политическом «спокойствии», в увеличении благосостояния местного населения, подчеркивает Гагемейстер. Для осуществления всех этих мероприятий он предлагал следующую программу действий в Средней Азии:

«1. Занять верховье Сыр-Дарьи, чтобы обеспечить беспрепятственное плавание по ней русских судов и снабжение войск Сыр-Дарьинской линии и экипажей судов местной флотилии продовольствием, строевым лесом и топливом; добиться прекращения вражды между Кокандом и Бухарой с целью обезопасить перевозку товаров между Россией и этими ханствами. 2. Стать твердой ногой на Аму-Дарье для прекращения в Хивинском ханстве торговли невольниками и усмирении чрез это туркменских племен, кочующих на восточной стороне Каспийского моря. 3. Связать чрез устройство не-

---

⁷ Ю. А. Гагемейстер], *О торговом значении Средней Азии...*, стр. 713.

⁸ Там же, стр. 717, 735—736.

скольких фортов линию Сыр-Дарьинскую с Киргизо-Сибирской. 4. Перенести на эту новую линию таможенные учреждения с нынешних Оренбургской и Сибирской линий. 5. Учредить... срочное от казны (регулярное и казенное. — Н. Х.) пароходство по Сыр-Дарье. 6. Отправить консулов в те владения среднеазиатские, с которыми Россия находится или будет находиться в торговых сношениях, и содействовать учреждению там русских факторий. 7. Поощрять хлебопашество между киргизами»⁹.

Со статьей Гагемейстера перекликается анонимная «Краткая записка о невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией», опубликованная в приложении к статье Н. Г. Залесова «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.»¹⁰. Как нам удалось установить по рукописи, хранящейся в ЦГВИА СССР, автором записки был В. В. Григорьев, председатель Оренбургской пограничной комиссии (1852—1863 гг.), а затем управляющий «Областью оренбургских киргизов», т. е. казахов.

В. В. Григорьев, ссылаясь на отчеты таможен Оренбургской линии, указывал на дискриминацию русских купцов в среднеазиатских ханствах, в то время как азиатские партнеры по торговле пользовались в России равными правами и привилегиями и их товары облагались одинаковой таможенной пошлиной.

Это тем более непонятно, возмущался В. В. Григорьев, что Средняя Азия больше нуждается в русских товарах, чем Россия в среднеазиатском хлопке, составлявшем лишь незначительный процент импортного хлопка, сухофруктах неважного качества и марене, которая выращивается и в русском Закавказье. Григорьев приходил к следующему выводу: необходимо добиться уменьшения таможенных пошлин с «христиан» (т. е. с русских купцов) в Средней Азии или «ограничить права среднеазиатских торговцев»¹¹.

Оба приведенных документа связаны единством це-

⁹ Там же.

¹⁰ «Русский вестник», 1871, № 1—2, стр. 452—457.

¹¹ Кандидат исторических наук Е. К. Бетгер любезно обратил наше внимание на то, что аналогичные взгляды за 45 лет до того высказал член экспедиции Э. А. Эверсмана в Бухару [1820 г.] Г. Мейендорф (см. G. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara*, p. 244).

ли: различными средствами всемерно способствовать расширению экономических связей Российской империи со Средней Азией. И эти и многие аналогичные статьи печатались на страницах одного и того же органа — журнала «Русский вестник», издававшегося М. Н. Катковым. Катков обычно чутко прислушивался к настроениям в правительственных сферах, и его журнал в определенной степени был официозом, влиятельным рупором как помещичьих, так и торгово-промышленных кругов. Журнал Каткова имел большой вес. Как вспоминал один из его современников, «тогда с одобрительными или отрицательными отзывами Каткова соотнобразывалась вся наша высшая администрация, и стоило только Каткову выразить насчет чего-либо свое неудовольствие, как у высших наших сановников, к ведомству которых относились слова Каткова, подымался страшный переполох»¹². Выступления катковского «Русского вестника» и других журналов по проблемам среднеазиатской торговли доказывали особую актуальность этих проблем для Российской империи после Крымской войны и отмены крепостного права.

Проблема расширения экономических связей со Средней Азией широко обсуждалась на страницах и других журналов. Так, орган торгово-промышленных кругов «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли» в первом же своем номере, вышедшем в 1863 г., опубликовал составленный С. А. Хрулевым «Проект устава товарищества для развития торговли с Средней Азией». Товарищество должно было, по мнению Хрулева, организовать широкий товарообмен «со степями киргизов и туркменцев, владениями хивинскими, бухарскими и кокандскими, лежащими вверх по Аму-Дарье», а также рыбный промысел и разработку нефтяных месторождений на Каспийском море. Хрулев аргументировал целесообразность создания такой компании уже знакомыми нам доводами: русские изделия успешно могут соперничать с европейскими лишь на рынках соседних с Российской империей стран Востока; Россия может стать основным посредником для вывоза товаров азиатских государств на европейские рынки. Хрулев считал, что Российская империя крайне медленно про-

¹² [Н. Г. Залесов], *Записки Н. Г. Залесова*, стр. 332.

двигалась к среднеазиатским ханствам, тогда как Великобритания, утвердившись в Индии, решительно проложила дорогу своим товарам через Афганистан в Среднюю Азию.

«Я лично видел, — писал Хрулев, — что наши киргизы носят беспоплатно халаты с английской подкладкой. Этими путями англичане вытесняют нашу торговлю с среднеазиатских рынков и угрожают уничтожением всякого нравственного значения (т. е. политического влияния. — Н. Х.) нашего, а с ним и всякого сбыта произведений». Хрулев призывал «поспешно утвердиться в торговом отношении в Балханском заливе», продлить Саратовскую железную дорогу через Уральск — Илецк на Орск — Оренбург — Семипалатинск — Бийск до Кяхты и Читы, а также организовать специальную компанию по торговле в Средней Азии, предоставив ей на первых порах определенные таможенные льготы¹³. В 1863 г. такая компания не была создана. Но не прошло и двух лет, как подобное «товарищество» возникло при участии правительства и виднейших торгово-промышленных фирм.

В начале 60-х годов XIX в. для важнейшей отрасли русской промышленности — текстильной — возникла острая потребность в хлопке.

Развитие хлопчатобумажной промышленности в России, естественно, зависело от увеличения ввоза хлопка. В среднем за год импортировалось (в основном из США): в 1841—1845 гг. — 527 тыс. пуд., в 1846—1850 гг. — 1115 тыс., в 1851—1856 гг. — 1533 тыс. и в 1857—1860 гг. — 2421 тыс. пудов.

Однако начавшаяся в 1861 г. в Соединенных Штатах Америки гражданская война сократила импорт хлопка в Россию в 1861—1865 гг. до 1116 тыс. пудов в год¹⁴. Перебои в получении американского хлопка заставили правительство, торговцев и промышленников Российской империи по-иному взглянуть на вопрос о превращении среднеазиатских ханств в источники сырья. Хотя во время сырьевого голода цены на среднеазиатский хлопок в России резко подскочили, привоз

¹³ «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли», 1863, кн. 1, стр. 1—48.

¹⁴ Там же, стр. 274; см. также Е. В. Бунаков, *К истории сношений России...*, стр. 22.

его значительно увеличился. Так, с 1860 по 1861 г., когда поставки американского хлопка сократились вдесятеро, ввоз хлопка из Средней Азии возрос втрое, а цены его на ярмарке в Нижнем Новгороде поднялись с 4—5 руб. за пуд до 7 р. 50 к. и продолжали неуклонно и быстро увеличиваться (в 1862 г. — 12—13 руб., а в 1864 г. — 22—24 руб. за пуд) ¹⁵.

Трудности в доставке этого важнейшего сырья для русской текстильной промышленности вызывали острое беспокойство в торгово-промышленных кругах и у всех тех, кто был связан с проблемами восточной политики. Востоковед П. И. Пашино писал, например, главе Азиатского департамента Н. П. Игнатьеву, что находившийся в Петербурге «бухарец Мирза Абдулла получил из Оренбурга письмо от своего соотечественника; тот просит как можно скорее уведомить его, что слышно об американской войне и в какой цене хлопок в Петербурге». Колебания цен временно отразились на формировании караванов, «и в Бухаре ждут курьера из Оренбурга с ответом Мирзы Абдуллы». Значит, его мнение «об американской войне, — сетовал Пашино, — может остановить подвоз хлопка» ¹⁶.

Средняя Азия, рассматривавшаяся до этого русскими купцами и промышленниками преимущественно как выгодный рынок сбыта, теперь приобрела значение важного источника промышленного сырья.

Русские газеты и журналы запестрели статьями и заметками, посвященными вопросам превращения Средней Азии в хлопковую базу Российской империи. В. В. Григорьев опубликовал в «Северной пчеле» статью «О бухарском хлопке и возможности развития хлопчатника на Сыр-Дарье» ¹⁷, а затем в «Торговом сборнике» — другую статью под названием «Бухарцы и хлопок» ¹⁸.

«Вестник промышленности» в редакционном «Обозрении промышленности и торговли России» писал, что война в Соединенных Штатах Америки может способствовать увеличению на мировом рынке спроса на про-

¹⁵ А. Л. Попов, *Из истории завоевания Средней Азии*, стр. 209.

¹⁶ ЦГИАМ, ф. 730, «Н. П. Игнатьев», д. 3633, л. 5. Письмо Пашино от 20 декабря 1862 г.

¹⁷ «Северная пчела», 1862, № 110/

¹⁸ «Торговый сборник», 1864, № 20.

мышленные изделия Российской империи, в «которых Америка — наша сильная соперница», и призывал закрепить это «честностью сделок и добросовестностью продаж».

Но, отмечали авторы обзора, этому может мешать нехватка сырья для ткацких фабрик. Поэтому они выражали надежду, что в Российской империи «по-больше подумают о хлопке в тех странах Азии, которые у нас под рукой»¹⁹.

Автор «Заметок о Бухаре и ее торговле с Россией», опубликованных в «Современнике» под псевдонимом «Казенный турист», отмечал, что в результате сокращения привоза хлопка из Соединенных Штатов и увеличения доставки его из Бухарского ханства «сбор и вывоз хлопка поглотил в Бухаре всю ее прежнюю производительность, заменил почти весь ее вывозной товар: канаус, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты». «Казенный турист» призывал правительство быстрее осуществить давний план переноса таможенной черты от Оренбурга «на границу государства — Сыр-Дарью», мотивируя это тем, что Российская империя в течение долгих лет «ожидала больших выгод от торговли с Азией»²⁰.

Активизация захватнических действий царского правительства в Средней Азии была вызвана не только экономическими, но и внешнеполитическими предпосылками.

В начале 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание против русского царизма, охватившее и Литву. Западные державы, и в первую очередь Франция и Великобритания, использовали события в Польше для дипломатического нажима на Российскую империю. Британский премьер-министр Пальмерстон и министр иностранных дел Россель, в сущности совершенно не интересовавшиеся самим восстанием, направили царскому правительству провокационные ноты. Они стремились ослабить международное положение Российской империи, ухудшить налаживавшиеся франко-русские взаимоотношения (участие Франции в совместном с Великобританией

¹⁹ «Вестник промышленности», т. XI, 1861, № 1—3, стр. 89.

²⁰ «Казенный турист...», стр. 96, 115. Канаус, суса, выбойка — ткани местного производства.

демарше не могло не отразиться на взаимоотношениях между Российской империей и Францией)²¹.

Царское правительство, отлично понимавшее, что Англия играла ведущую роль в предпринятом нажиме, решило осуществить контрманевр на Востоке. Дело было, однако, не только в конфликте по «польскому вопросу». Российская империя стремилась использовать каждую возможность для реванша за поражение в Крымской войне.

В то время как министр иностранных дел Горчаков посылал ноты протеста западным державам, Милютин и Игнатьев намечали планы действий в Азии, рассчитанные, по словам военного министра, на «отвлечение сил англичан из Европы и нанесение их торговым интересам возможно большего вреда»²².

Все контрмеры сводились к наступлению на Хиву и проникновению в долину Аму-Дарьи. Однако военные операции разрешались только в том случае, если британские правящие круги от политики угроз и провокаций перейдут к открытой войне против России. Как известно, до войны дело не дошло. После нескольких месяцев шантажа западные державы были вынуждены признать свое поражение: политика запугивания обернулась против ее инициаторов. Эти события укрепили в Российской империи позиции сторонников экспансии в Средней Азии и подорвали политику «оглядки на Англию» дипломатического ведомства.

23 февраля 1863 г. состоялось заседание Особого комитета, на котором присутствовали руководители министерства, а также оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы Безак и Дюгамель. Выступавшие вновь подчеркнули необходимость и желательность быстрейшего «соединения линий», но под нажимом министра финансов (Рейтерна) комитет решил временно отсрочить это мероприятие²³.

²¹ См. об этом более подробно: «История дипломатии», т. I, 1959, стр. 702—710.

²² [Н. Г. Залесов], *Записки Н. Г. Залесова*, стр. 321.

²³ АВПР. Главный архив МИД, оп. 1—9, д. 26, за 1863 г., лл. 37—39 и сл. Рейтерн соглашался с тем, что международная обстановка складывается благоприятно для активизации политики царского правительства в этом районе, но призывал временно «задержаться от наступательных действий в Средней Азии», ссылаясь на нежелательность «отвлечения сил от сердца России к такой отдаленной окранне».

Кроме финансовых трудностей на решения Особого комитета повлияли расхождения во взглядах обоих генерал-губернаторов на задачи и цели политики России в Средней Азии. Безак предлагал занять Ташкент и включить его в состав Российской империи, а Дюгамель считал более целесообразным добиться создания в Ташкентском оазисе самостоятельного ханства «под покровительством России»²⁴.

1863 г. царем, предусматривали детальное изучение местности между передовыми укреплениями Сыр-Дарьинской и Сибирской линий. Начальнику Аральской флотилии Бутакову поручалось исследовать течение Сыр-Дарьи вверх от форта Перовского. Исполнявший должность начальника штаба Оренбургского корпуса подполковник Черняев должен был провести рекогносцировку района от Джулека до г. Туркестана и выслать «летучий отряд» к северным склонам гор Каратау до кокандской крепости Сузак.

Западносибирские войска получили задание обследовать пути к Аулие-Ата (отряд полковника Лерхе) и дороги из Заилийского края по долине р. Нарын в Кашгар (отряд штабс-капитана Проценко).

Эти операции, проводившиеся исключительно с разведывательными целями, привели к весьма неожиданному результату. Гарнизоны кокандских укреплений Куртка и Джумгала без выстрела сдались отряду Проценко. При приближении отряда Черняева к Сузаку там вспыхнуло восстание против кокандских властей. Население Сузака заставило кокандский гарнизон сложить оружие и объявило о своем желании принять русское подданство. Их примеру последовали казахи биштамгалинского рода, кочевавшие в районе Чолак-Кургана и Сузака. Однако в это же время отряд Лерхе вместо намеченного продвижения к Аулие-Ата надолго застрял у Пишпека.

Неожиданные успехи отряда Черняева (хотя он и не «занял окончательно» Сузак) вызвали беспокойство у Безака, который опасался, что министерство иностранных дел будет недовольно таким оборотом дела.

²⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26а, док. 78. Письмо Горчакова — Милютину от 16 июля 1863 г.

В донесении правительству оренбургский генерал-губернатор отмежевывался от действий Черняева²⁵. Начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин, поддерживавший связь с Черняевым во время его походов, также отрицательно отзывался о «сузакской операции», исходя, по его выражению, из соображений «большой политики». «Разрушение Сузака... было бы дело прекрасное, — писал он Черняеву, — но опасаясь я, чтобы оно не повело к каким-либо неприятным запросам из Петербурга и не подняло бы шума в политическом мире; теперь же, при натянутости наших отношений с Англией, у нас особенно бояться давать англичанам повод к опасениям и неудовольствиям»²⁶.

И Безак и Веревкин ошибались. Именно ухудшение отношений с Великобританией вызвало в Петербурге противоположную оценку действий Черняева. Близкий друг Черняева — сотрудник Главного штаба Полторацкий сообщал ему в конфиденциальном письме, что Милютин и Игнатьев довольны «сузакским делом».

Это «дело», не потребовавшее особых затрат, как и успех отряда Проценко в долине р. Нарын послужили основой для выработки министерством иностранных дел России плана компромиссного, но быстрого решения проблемы «соединения линий». Было намечено провести границу по северному склону Каратауских гор: через Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ата. Для этого, писал Горчаков Милютину, «не потребуются ни завоевания Ташкента, ни дорогостоящих экспедиций, ни даже овладения силой Туркестаном»²⁷. Министерство иностранных дел рассчитывало, что «мирные сношения с среднеазиатскими ханствами» сохранятся, а продовольственное положение Сыр-Дарьинской линии улучшится.

На основе предложений Горчакова военным министерством и министерством иностранных дел 1 августа 1863 г. были согласованы общие «Соображения относительно будущих действий в Средней Азии». Оба министерства подчеркивали необходимость «соединения линий» с точки зрения административного управления занятыми районами и для развития «торговых и полити-

²⁵ АВПР, Главный архив МИД, оп. 1—9, 1862—1864, д. 15, ч. 1, лл. 70—77.

²⁶ ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 12.

²⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26а, док. 78.

ческих выгод Российской империи в Средней Азии», а также отмечали, что действия Черняева «без особых расходов и пожертвований» создали благоприятные предпосылки для занятия линии Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ата²⁸. Министры считали политической ошибкой отвод войск с занятой позиции, но вместе с тем предлагали Безаку и Дюгамелю обходиться всецело местными военными силами и денежными средствами²⁹.

Военное ведомство, и в прошлом ратовавшее за «соединение линий», и дипломатические круги (в первую очередь директор Азиатского департамента Н. П. Игнатьев) заняли в этом вопросе единую позицию и резко выступали против очередной попытки сторонника осторожной политики Дюгамеля оттянуть осуществление намеченных мероприятий. Заявление Дюгамеля, что его войска будут заняты на различных строительных работах, а ассигнованных денежных средств недостаточно для взятия Аулие-Аты³⁰, было встречено дружной критикой обоих министерств — военного и иностранных дел.

Н. П. Игнатьев от имени министерства иностранных дел заявил, что если бы Лерхе действовал столь же решительно, как Черняев, то отряды войск Оренбургского и Западносибирского корпусов давно бы встретились. Поскольку в Средней Азии сложилась выгодная для Российской империи обстановка (внутренние раздоры в Кокандском ханстве и очередная бухаро-кокандская война), Игнатьев настаивал на безотлагательном и радикальном решении поставленной задачи. «Пропустив и это время, осуществление соединения линий представит более значительные затруднения и вызовет, может быть, борьбу с противником более сильнейшим, — писал Игнатьев, — мы потеряем плоды всех экспедиций прошедшего лета и должны будем начать дело сызнова при обстоятельствах менее благоприятных и, вероятно, с большими расходами»³¹.

---

²⁸ Там же, док. 89.

²⁹ Там же, док. 99. Письмо Милютину — Дюгамелю от 12 августа 1863 г.

³⁰ Там же, док. 111. Письмо Дюгамеля — Милютину от 20 сентября 1863 г.

³¹ Там же, док. 122.

Мнение Игнатьева о возможности соединения линий уже в 1863 г. поддержало военное министерство. На местах некоторые военачальники были склонны к немедленным действиям. Черняев прислал в Петербург новую докладную записку «о соединении границ Оренбурга и Сибири», где указывал на общегосударственное значение этой проблемы и на расхождения во мнениях генерал-губернаторов, которые никак не могут договориться между собой. Если правительство возьмет на себя инициативу, то придет конец «переговорам и со-
вещаниям, бесплодно продолжающимся 15 лет»³².

Значительно дальше Черняева шел его коллега по службе в Оренбургском корпусе капитан Мейер. Он отрицал экономическую и политическую целесообразность установления границы по северному склону Каратауских гор и считал, что русские войска могут легко занять и г. Туркестан и, главное, важный торговый центр — Ташкент. Мейер именовал установление границы по хребту Каратау «самой опасной и вредной полумерой, которую могло придумать русское правительство»³³.

То же самое предлагал и оренбургский генерал-губернатор Безак. Он считал, что намеченная пограничная черта Сузак — Чолак-Курган — Аулие-Ата будет лишь промежуточной позицией, заняв которую нужно сразу же начать подготовку к дальнейшему продвижению на юг. Безак намечал в качестве следующей задачи овладение г. Туркестаном и создание пограничной линии по р. Арыси.

Мнение оренбургского генерал-губернатора было одобрено военным министром, предложившим немедленно овладеть Сузаком, Чолак-Курганом и Аулие-Атой, «имея в виду» дальнейшее продвижение войск, чтобы занять города Туркестан и Чимкент³⁴.

Горчаков, который из дипломатических соображений обычно с большой осторожностью подходил к проектам активных наступательных действий в Средней Азии, теперь признал целесообразным сосредоточить все усилия

³² Там же, док. 132.

³³ Там же, док. 141.

³⁴ Там же, док. 145 (записка Милютинна от 10 декабря 1863 г.), док. 148 (письмо Милютинна — Безаку от 23 декабря 1863 г.).

правительства на осуществлении давно задуманных планов³⁵.

Из Средней Азии тем временем приходили сообщения о новых попытках Великобритании укрепить и расширить свои торгово-политические позиции в Коканде и в Бухаре, о прибытии туда английских агентов³⁶. В Коканде, в частности, побывали британские агенты Абдул Маджид и Мулла (условная кличка), присланные туда для переговоров с ханом³⁷. Особое беспокойство вызвали у царских чиновников известия, что англичане продолжают стремиться к освоению водных путей в Средней Азии и уделяют много внимания захвату торговых рынков стран Востока, в том числе соседних с Российской империей³⁸.

Известия эти были вполне достоверны. В самом начале 1863 г. губернатор Пенджаба Р. Монтгомери представил вице-королю Индии лорду Элгину объемистый доклад своего секретаря Девиса — «Торговля и ресурсы стран на северо-западной границе Британской Индии». В докладе подчеркивалось, что близость британских владений к основным торговым пунктам Средней Азии благоприятствует быстрой и легкой доставке английских товаров на местные рынки. Этому способствует также развитие железнодорожной сети Индии и паровозного движения по рекам Пенджаба. В дальнейшем условия доставки британских изделий, по мнению Монтгомери, должны будут еще более улучшиться в связи со строительством железнодорожной линии от Амритсара в Пешавар, Мултан и к р. Инд, а также прямого пути из Калькутты на север Индии.

Монтгомери предлагал проводить в Пешаваре ежегодную ярмарку, продолжать совершенствовать пути сообщения, уменьшить пошлины на привозимые в Индию товары и пр. Он сообщал, что ведет переговоры с махараджей Кашмира о снижении таможенного обложе-

---

³⁵ Там же, док. 144. Письмо Горчакова — Милютину от 9 декабря 1863 г.

³⁶ Там же, док. 156. Донесение Безака — Милютину от 30 декабря 1863 г.

³⁷ А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан*, т. I, ч. 2, стр. 139, 153.

³⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 26-б, док. 157. Военно-статистический отчет о состоянии Сыр-Дарьинской линии (1863 г.).

→ Носы
ЭТАП
↓
ния изделий, которые доставляются в эту страну и за ее пределы из английских владений в Индии ³⁹.

Эти и аналогичные экспансионистские планы колониальных властей, служившие интересам английской торгово-промышленной буржуазии, как правило, находили полную поддержку правительства Британской империи и претворялись в жизнь. В Англии из них не делали секрета. Доклад Монтгомери был отпечатан типографским способом. Один его экземпляр военный агент Российской империи в Лондоне полковник Новицкий переслал в Петербург ⁴⁰.

Британские замыслы на Среднем Востоке послужили дополнительным толчком, ускорившим осуществление планов царского самодержавия в Средней Азии. Стремясь ликвидировать возможность каких-либо отсрочек и отговорок со стороны отдельных ведомств и официальных лиц, а также закрепить принятое решение в документе общегосударственного значения, Милютин подготовил доклад о действиях в Средней Азии. В нем было предусмотрено, что с весны 1864 г. войска Оренбургского корпуса окончательно займут Сузак, а отряды Сибирского корпуса овладеют Г. Аулие-Атой и таким образом будет создана сплошная пограничная линия по хребту Каратау. Далее указывалось, что впоследствии эта граница должна быть перенесена на р. Арысь со включением Чимкента в состав Российской империи.

20 декабря 1863 г. этот доклад был утвержден царем и стал программой действий в Средней Азии.

Практическое осуществление этой программы возлагалось на оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов ⁴¹.

Царский указ от 20 декабря 1863 г. знаменовал собой начало нового этапа во внешней политике Российской империи в Средней Азии. К концу 1863 г. фактически был завершен этап разведывательных экспедиций, дипломатических переговоров, случайных, изолированных и разрозненных военных походов против того или иного города, той или иной крепости. В 1864 г. началось ши-

³⁹ ЦГВИА, ф. 431, д. 31, лл. 62—65.

⁴⁰ Там же, лл. 58—59.

⁴¹ «Туркестанский край...», т. 17, ч. 1, стр. 4.

рокое проникновение царских войск в глубь Средней Азии. К 1864 г. ближайшей целью военных походов было занятие линии Сузак — Аулие-Ата, а конечной и важнейшей целью — включение в состав Российской империи Чимкента и Туркестана, заключение выгодных договоров с правителями среднеазиатских ханств и укрепление в этих ханствах влияния Российской империи.

СОЗДАНИЕ НОВОКОКАНДСКОЙ ЛИНИИ

В первые месяцы 1864 г. царское правительство вело всестороннюю подготовку к походу на Сузак и Аулие-Ату. Готовилось к борьбе и Кокандское ханство. Длительные и кровопролитные междоусобицы к этому времени завершились кратковременной победой так называемой кипчакской группировки — феодальной верхушки одной из среднеазиатских народностей. Фактическим владыкой Кокандского ханства стал мулла Алимкул, принявший энергичные меры для укрепления военного и финансового положения Коканда. По его указанию правитель Ташкента парваначи Нур-Мухаммед посетил Сузак, Чолак-Курган и Аулие-Ата, чтобы ознакомиться с их укреплениями и собрать дань с кочевавших в окрестностях этих городов казахских родов⁴². Сменивший впоследствии Нур-Мухаммеда парваначи Койчи также побывал в Аулие-Ата с целью поднять против Российской империи казахские племена Зачуйской долины⁴³.

Особую активность проявил здесь правитель г. Туркестана Мирза Давлет. Он собрал двухтысячный отряд, имевший десять пушек, ввел в подвластном ему округе повышенные налоги и напал на соседних кочевников, в том числе и на казахов — русских подданных. Насилия, чинившиеся Мирзой Давлетом над жителями Туркестанского округа, вызывали здесь резкое недовольство среди населения⁴⁴.

⁴² Там же, стр. 3. Донесение командира Сибирского корпуса военному министру от 4 января 1864 г.

⁴³ Там же, стр. 53. Донесение командира Сибирского корпуса военному министру от 12 февраля 1864 г.

⁴⁴ Там же, стр. 59. Донесение командира Оренбургского корпуса военному министру от 17 февраля 1864 г.

Отмечая вред деятельности Мирзы Давлета для русской торговли в Средней Азии и указывая на опасность нападения его солдат на коммуникационные линии русских войск между фортом Перовским и Сузак, начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин поставил перед Безаком вопрос о необходимости ударить по г. Туркестану после занятия Сузак⁴⁵. Политическое положение в Туркестане давало оренбургским властям надежду на легкое овладение этим городом.

В Петербурге реакция на это предложение была очень характерна; формально предложение о занятии Туркестана было отвергнуто, но вместе с тем оренбургским властям была предоставлена полная возможность обойти этот запрет. Так, Безак получил указание не изменять намеченный на 1864 г. план и добиваться главной цели: установления связи между линиями. Но поход на Туркестан санкционировался при условии, если «представится несомненный и легкий случай занять его постоянным гарнизоном. Одна демонстрация более вредна, чем полезна»⁴⁶.

Это решение было согласовано с директором Азиатского департамента министерства иностранных дел Игнатьевым, который заявил, что «Туркестан занять можно и даже должно, если город не в состоянии выдержать ускоренной атаки, если притом готов отворить ворота, свергнуть с себя кокандское иго и принять добровольно войска наши, если, таким образом, Оренбургский отряд не будет почти задержан при движении его на соединение с Сибирским»⁴⁷. В мае 1864 г. подготовка к походу на кокандское укрепление была в основном закончена и командующий Сыр-Дарьинской линией полковник Веревкин повел отряд (около 1500 человек) на Туркестан. Со стороны Западной Сибири к Аулие-Ата выступил Зачуйский отряд (2500 человек при 22 орудиях). Его начальником по рекомендации Милютинна Дюгамель назначил полковника Черняева, специально прибывшего для этого из Петербурга. Чер-

⁴⁵ Там же, стр. 77—78.

⁴⁶ Там же, стр. 106. Телеграмма Милютинна — Безаку от 18 апреля 1864 г.

⁴⁷ Там же, стр. 105. Письмо Игнатьева — Милютину от 14 апреля 1864 г.

няева сопровождал штабс-ротмистр Ч. Ч. Валиханов⁴⁸. Заняв без боя укрепление Мерке, Черняев 4 июня 1864 г. после двухчасовой стычки овладел крепостью Аулие-Ата. Как доносил Черняев, комендант крепости «с 400 конными бежали из цитадели... Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями»⁴⁹. Потери кокандского гарнизона — несколько сот убитых и раненых, царских войск — пятеро раненых, убитых не было.

Почти в это же время, 9 июня 1864 г., отряд Веревкина подошел к Туркестану, но встретил сильный отпор кокандцев и был вынужден начать осаду. 12 июня 1864 г., отбив многочисленные вылазки противника и потеряв пять человек убитыми и 33 ранеными, царские войска фактически захватили город. Бек Туркестана Мирза Давлет вместе с 300 сарбазами отступил по ташкентской дороге, остальной гарнизон разбежался⁵⁰.

После бегства Мирзы Давлета жители Туркестана прислали в русский лагерь депутацию, заявившую о сдаче города и крепости. Купцы и духовенство Туркестана, считавшегося одним из священных городов ислама, подали Веревкину петицию, в которой, ссылаясь на притеснения кокандских властей и бека Мирзы Давлета, просили сохранить «все права и привилегии, какие только существовали у нас прежде» — шарнатский суд, движимую и недвижимую собственность; освободить от всех налогов обложений и рекрутской повинности; особый пункт содержал просьбу о сохранении за духовенством мечети Хазрета-Али всей принадлежавшей ему собственности⁵¹.

Веревкин принял депутацию, выслушал просьбы и обещал довести до сведения своего правительства петицию. В своем донесении Веревкин указывал на злоупотребления Мирзы Давлета при сборе податей, «чрез это, равно чрез задержку в торговле и промыслах, действительно, многие из жителей разорились и бедны. Система взимания налогов была такова, что сама по

---

⁴⁸ Там же, стр. 132. Донесение Черняева — Дюгамелю от 27 мая 1864 г.

⁴⁹ Там же, стр. 150. Донесение Черняева — Дюгамелю от 6 апреля 1864 г.

⁵⁰ Там же, стр. 161. Донесение Веревкина — Безаку от 13 июля 1864 г.

⁵¹ Там же, стр. 187.

себе давала повод к злоупотреблениям»⁵². Он считал целесообразным освободить население Туркестана на 3—4 года от налогов, кроме торговых пошлин и кибиточного обложения кочевников. Это предложение было поддержано Безаком и принято правительством.

Развитие событий в Средней Азии вызвало живой интерес в Петербурге. За удачно проведенные операции Черняеву и Веревкину присвоили чины генерал-майоров, а всем офицерам было объявлено «высочайшее благоволение». Начальникам отрядов было предложено представить списки наиболее отличившихся. Большое число офицеров получило различные ордена.

Осуществляя старое стремление к «соединению линий», царское правительство приняло решение о создании новой передовой линии из всех укреплений от р. Чу до крепости Яны-Курган на Сыр-Дарье. Начальником этой линии, названной Новококандской, был назначен Черняев⁵³. Упоенный легкими и быстрыми победами, Черняев немедленно начал планировать дальнейшее продвижение в глубь Средней Азии и 7 июля 1864 г. выступил из Аулие-Ата на Чимкент. В этом городе сосредоточивались кокандские войска, которые должны были отбить Туркестан и Аулие-Ата. Для руководства военными действиями в Чимкент прибыл правитель Кокандского ханства Алимкул, вступивший в предварительные переговоры с представителем Черняева Н. А. Северцовым. Алимкул требовал прекратить наступление и вывести царские войска из всех занятых ими пунктов. Черняев, руководствовавшийся в переговорах с Кокандом специальными инструкциями из Петербурга, заявил, что не правомочен решать этот вопрос, находящийся всецело в компетенции центрального правительства, и обусловил прием царским правительством кокандских послов согласием хана со всеми своими предложениями. Естественно, что на этой основе переговоры не могли вестись, чего, собственно, и добивалось царское правительство.

Попытка Черняева овладеть Чимкентом окончилась полной неудачей. Встретив упорное сопротивление, Чер-

⁵² Там же, стр. 186. Донесение Веревкина — Безаку от 27 июня 1864 г.

⁵³ Там же, стр. 253—254. Письмо Милютинна — Безаку от 18 июля 1864 г.

няев был вынужден в конце июня снять осаду. В донесениях Дюгамелю он называл свой поход «рекогносцировкой Чимкента»⁵⁴ и заявлял, что намерен через некоторое время занять этот город.

Между тем в Чимкенте развернулась борьба между приверженцами кокандской ориентации и сторонниками укрепления экономических и политических связей с Россией. В результате этой борьбы «кипчаковская партия взяла верх, зарезав шесть главнейших представителей сартовской партии, желавших мира с русскими»⁵⁵.

«Кипчакская партия», поддерживавшая военно-феодалынные круги Кокандского ханства, стремилась к сохранению за ними возможности монопольной эксплуатации народных масс ханства, а потому была наиболее решительным противником подчинения России.

«Сартовская партия» отражала интересы торгово-ремесленных кругов, получавших большую выгоду от торговли с Россией и непосредственно заинтересованных в ослаблении феодального произвола и прекращении межплеменных раздоров и войн.

После получения известий о предпринятом бухарским эмиром наступлении на Ферганскую долину мулла Алимкул с большей частью войск направился в Ташкент. В Чимкенте остался крупный гарнизон под начальством парваначи Нур-Мухаммеда⁵⁶.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой и не согласовывая вопроса ни с Петербургом, ни даже с Омском, Черняев 3 сентября 1864 г. приказал полковнику Лерхе, возглавлявшему войска в Зачуйском крае, двинуться из Аулие-Аты на Чимкент. Одновременно с этим из Туркестана выступил другой отряд, которым командовал сам Черняев.

21 сентября Чимкент был взят штурмом, царские войска потеряли 6 человек убитыми и 41 ранеными. 25 сентября Черняев сообщил Дюгамелю о захвате г. Чимкента.

Еще 20 сентября, когда участь Чимкента фактиче-

⁵⁴ Там же, ч. 2, стр. 21—27. Донесение Черняева — Дюгамелю от 8 августа 1864 г.

⁵⁵ Там же, стр. 76. Донесение Дюгамеля — Милютину от 7 сентября 1864 г. (Сартами до революции называли оседлое население городов Средней Азии, занимавшееся торговлей и ремеслами.)

⁵⁶ Там же, стр. 83—84.

ски была уже решена, Черняев отправил Полторацкому в Главный штаб письмо полуофициального характера, в котором оправдывал свой военный поход, не предусмотренный высшими властями, тем, что «овладение Чимкентом до наступления зимы не только полезно, но даже необходимо для спокойствия края», его захват, как он подчеркивал, нанесет «решительный удар Коканду, и все Ташкентское ханство поступит в наше распоряжение»⁵⁷.

Особо Черняев отмечал значительное улучшение качества кокандской артиллерии, скорость и меткость ее стрельбы и применение «настильно-рикошетно-разрывных снарядов большого калибра». Затем он сообщал о прибытии в Ташкент «европейца, пользующегося почетом и заведующего отливкой орудий», присутствием которого и объяснялось улучшение кокандской артиллерии.

В другом письме Черняев указывал на опасность недооценки сил Кокандского ханства: «У них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чего служат нарезные орудия, пехота, вооруженная штыками, а средств гораздо больше, чем у нас. Если мы их теперь не доконаем, то через несколько лет будет второй Кавказ»⁵⁸.

Этим же доводами начальник Новококандской линии хотел убедить военное министерство в необходимости безотлагательного дальнейшего наступления на кокандцев. Однако Милютин, ознакомившись с письмом Черняева, выразил серьезное беспокойство по поводу намерений последнего «не только овладеть Чимкентом, но и удержать его за собой. Такое распространение наших границ никогда не входило в наши планы; оно чрезвычайно растягивает нашу линию и требует значительного увеличения сил»⁵⁹. Опасаясь, что недостаточная подготовка царских войск в Средней Азии приведет к крупному поражению, Милютин по телеграфу предложил Дюгамелю приказать Черняеву, «чтобы отнюдь не увлекался далее того, что было предположено»⁶⁰. На попытки

⁵⁷ Там же, стр. 115. Письмо Черняева от 20 сентября 1864 г.

⁵⁸ Там же, стр. 116. Письмо Черняева от 26 сентября 1864 г.

⁵⁹ Там же, стр. 117. Резолюция Милютина от 29 сентября 1864 г.

⁶⁰ Там же, стр. 117. Телеграмма Милютина — Дюгамелю от 30 сентября 1864 г.

Полторацкого, поддерживавшего все действия Черняева, убедить Милютину в том, что овладение Чимкентом «довершит первоначальное предположение устроить пограничную черту» по р. Арыси, военный министр возразил: «Хорошо, но кто поручится, что за Чимкентом Черняев не признает необходимым взять Ташкент, а там Коканд, и конца этому не будет»⁶¹.

В связи с такой позицией военного министра Полторацкий настоятельно советовал Черняеву: «Не идите далее, ограничьтесь линией Арыси!» Однако Черняев и его ближайшие сотрудники уже подготавливали почву для наступления на Ташкент. Тот же Полторацкий передал Н. П. Игнатьеву полуофициальное письмо Н. А. Северцова. Ссылаясь на мнение начальника Новококандской линии, Северцов заявлял о необходимости продвинуть эту линию на Сыр-Дарью, вплоть до ее истоков, или «восстановить бывшее Ташкентское ханство, с которым и самая запутанная граница на востоке от истоков Арыси не опасна, ибо это ханство... без союза с нами держаться не может. Да и Коканд тогда будет достаточно слаб, чтобы жить мирно»⁶².

Черняев не дождался ответа на свои письма из столицы: уже 27 сентября 1864 г. он двинулся на Ташкент. Начальник артиллерии Новококандской линии И. Качалов считал этот поступок авантюристическим. «Самая безумнейшая мысль — с отрядом в 1000 человек овладеть Ташкентом, городом со 100 тыс. жителей и раскинутым на 50 верст в окружности», — утверждал он.

Качалов пытался даже помешать этим действиям, но на вопрос о целях похода Черняев ответил успокоительно: «Мы подойдем к Ташкенту, жители вышлют посольство, это посольство я тотчас отправлю в Петербург и, простояв день-два под Ташкентом, возвращусь назад, затем буду ожидать распоряжения, как поступить с Ташкентом»⁶³.

То же самое Черняев сообщал и военному министру (по обыкновению, лишь через две недели после окончания нового похода). В своем донесении он подчерки-

⁶¹ ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7. Письмо Полторацкого — Черняеву от 22 октября 1864 г.

⁶² ЦГИАМ, ф. 730, «Н. П. Игнатьев», д. 3823, лл. 1—3. Письмо Северцова от 16 августа 1864 г.

⁶³ ЦГВИА, ф. 67, «А. Л. Данзас», д. 290, лл. 3—4.

вал, что не собирался занимать Ташкента. Постоянно получая сведения, что в городе «население мирное, промышленное, живущее преимущественно торговлей с Россией, и сильно тяготится настоящими военными действиями, во всем обвиняет господствующих в Коканде кипчаков, желает мира, а большинство жителей — и русского подданства», — докладывал Черняев в Петербург, он решил поэтому воспользоваться моральным воздействием поражения кокандских войск под Чимкентом, чтобы изгнать их и из Ташкента. А затем, «если жители выскажутся в нашу пользу, то отправить от них депутацию в Петербург, а пока предоставить им собственное городское управление, наблюдая за устранением всякого постороннего влияния, вплоть до дальнейших распоряжений правительства»⁶⁴.

Решив, что в его донесениях правительству вполне убедительно доказаны причины необходимости этого похода, Черняев с отрядом из 1550 человек при 12 орудиях выступил из Чимкента на крупнейший город Средней Азии — Ташкент. Но расчеты начальника Новококандской линии не оправдались: Ташкент оказался хорошо укрепленным городом с большим гарнизоном кокандских сарбазов. Попытки связаться со сторонниками «русского подданства» не увенчались успехом. Посланные в город 4 человека, ранее торговавшие с ташкентскими купцами, были перехвачены кокандским разбегом и вернулись ни с чем. Несмотря на это, после осмотра оборонительных сооружений Ташкента и небольшой перестрелки Черняев решил предпринять штурм города. В крепостной стене была пробита брешь, через которую в город должны были ворваться его солдаты. Однако кокандские войска успели завалить брешь и разобрать мост через крепостной ров до наступления атаки. Поэтому штурм был отбит. Черняев, не желая ухудшать свое и без того рискованное положение, решил отступить к Чимкенту. Как и прежде, его поразили успехи кокандской артиллерии, сравнявшейся с русской по скорости и меткости стрельбы, но превосходившей по дальности огня⁶⁵. Царские войска в результате борьбы

⁶⁴ «Туркестанский край...», стр. 133. Донесение Черняева — Милютину от 14 октября 1864 г.

⁶⁵ Там же, стр. 136. (ЦГВИА, ф. 67, «А. Л. Данзас», д. 290, л. 6).

у стен Ташкента потеряли 15 солдат убитыми и 42 ранеными. После возвращения в Чимкент Черняев, называя пункты, необходимые для закрепления занятой территории, упоминал Чимкент, Аулие-Ата, Туркестан, Токмак, Мерке, Чолак-Курган, а также район устья р. Арыси, но уже не говорил о Ташкенте⁶⁶.

Поражение под этим городом вызвало среди царских сановников различную реакцию. Дюгамель, например, характеризовал его как «несчастное дело, которое все испортило и произведет весьма невыгодное впечатление в Петербурге». Он писал по этому поводу начальнику Новококандской линии, что даже рекогносцировка Ташкента была излишней и ненужной: «Успехи наши в настоящий момент были так велики, что незачем нам было гнаться за новыми лаврами, и благоразумие требовало только прочно укрепиться в занятых нами позициях». «Превращение» же рекогносцировки в штурм города Дюгамель находил «совершенно непонятным и ни с чем не сообразным» делом, подчеркивая, что овладение Ташкентом не входило в планы правительства ни в ближайшее время, ни в будущем⁶⁷.

В столице несколько по-иному реагировали на неудачу ташкентского похода. Докладывая Александру II рапорт Черняева, Милютин акцентировал внимание на мерах по укреплению Новококандской линии. Царь лишь выразил сожаление по поводу того, что Черняев «решился на ненужный штурм, стоивший нам столько людей»⁶⁸. Полторацкий слал из Петербурга успокоительные письма, сообщая, что ташкентское «дело» не произвело «особенно дурного впечатления». Интересная деталь: когда Полторацкий, стремясь выгородить своего друга, пытался заверить военного министра, что Черняев не ставил перед собой цели овладеть Ташкентом, Милютин в недоумении воскликнул: «Зачем же иначе было ходить туда?»⁶⁹.

Это замечание Милютина — ключ к пониманию многих вопросов, возникающих при анализе действий Рос-

⁶⁶ Там же, стр. 137. Донесение Черняева — Милютину от 14 октября 1864 г.

⁶⁷ ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7. Письмо Дюгамеля — Черняеву от 12 ноября 1864 г.

⁶⁸ «Туркестанский край...», т. 17. ч. 2, стр. 221—222.

⁶⁹ ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7.

сийской империи в Средней Азии в 1864 г. Внешняя сторона событий свидетельствует об особой активности, проявленной Черняевым в завоевательных операциях этого периода. Поэтому необходимо остановиться на некоторых мотивах его поступков и на отношении к ним царского правительства.

Успешные действия в Средней Азии, не требовавшие особых расходов, не отвлекавшие крупных военных соединений, вполне устраивали правительство Российской империи. «Чтобы самодержавно господствовать внутри страны, царизм должен был быть более чем непобедимым за ее пределами; ему необходимо было непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями», — указывал Ф. Энгельс⁷⁰.

Именно поэтому «превышение полномочий», допускавшееся Черняевым, т. е. открытые агрессивные действия, отнюдь не вызывали решительных возражений в Петербурге — лишь бы не было серьезных поражений или осложнений дипломатического характера. При малочисленности русских войск в Средней Азии любое поражение могло поставить их на грань катастрофы, а любая победа над численно превосходящими силами противника значительно повышала престиж Российской империи. Это вызывало неоднократные предостережения правительства местным властям «не зарываться».)

Пока присоединение к Российской империи обширной территории шло успешно, мелкие, частные и временные неудачи не вызывали особого беспокойства. С военной точки зрения первые же стычки с кокандскими отрядами показали несомненное организационное и техническое превосходство царских войск (отмеченные успехи в развитии кокандской артиллерии не имели, конечно, сколько-нибудь решающего значения). Это давало им возможность одерживать верх над армией Кокандского ханства. Несколько «исключений», когда царские войска были вынуждены отступить (первые попытки взять Чимкент и Ташкент, «мейеровское дело» и столкновение сотни есаула Серова под сел. Иканом с сарбазами Алимкула в конце 1864 г.), лишь оттеняют

---

⁷⁰ Ф. Энгельс, *Внешняя политика русского царизма*, стр. 40.

общие результаты: победу вооруженных сил Российской империи над войсками Кокандского ханства на обширной территории Южного Казахстана.

В обстановке военных действий, но без особой опасности для жизни (потери, как уже отмечалось, в подавляющем большинстве случаев были крайне незначительны) военно-служилое дворянство могло легко получать воинские отличия и чины.

Вот несколько примеров того, как поощрялись царским правительством воинские успехи. За рекогносцировку верховьев Сыр-Дарьи (речь шла, конечно, не о верховьях, а о среднем течении реки) и окрестностей г. Туркестана, как формулировалось в царском указе, Черняев в мае 1864 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, за овладение Аулие-Атой он был произведен в чин генерал-майора, за занятие Чимкента он получил орден св. Георгия 3-й степени, а «за все вообще распоряжения и действия после взятия Аулие-Аты» — орден св. Станислава 1-й степени. Иными словами, за полугодие Черняев получил повышение в чине и три ордена. Его сподвижник подполковник Лерхе в феврале 1864 г. за рекогносцировку долины р. Чу был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, а затем за участие в различных военных операциях получил чин полковника и ордена св. Станислава 2-й степени и св. Георгия 4-й степени.

Посланный Черняевым с донесением в Петербург о взятии Чимкента поручик Туманов (получивший за захват Аулие-Аты орден св. Анны 3-й степени) был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Его принимали царь, военный министр, начальник Главного штаба и вся петербургская знать. Вскоре Черняев получил восторженное письмо Туманова из столицы, в котором последний сообщал, что «у всех на устах молодецкое дело» — занятие Чимкента, что награды посыплются на туркестанские войска, как из рога изобилия. Еще не зная о неудаче Черняева под Ташкентом, Туманов выражал пожелание, чтобы имя Черняева «с присоединением Ташкента было навсегда связано с этим городом»⁷¹.

На время военных походов и рекогносцировок всем

---

⁷¹ ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 7.

офицерам выдавались подъемные деньги и дополнительные рационы. Солдаты получали «жалование по усиленным окладам» и другие льготы, а при взятии той или иной крепости им выдавалось по рублю серебром на человека. Естественно, что все это вызывало ажиотаж в войсках, особенно если учесть незначительность потерь и сравнительную слабость противника.

Вокруг армии кормилось множество подрядчиков, обкрадывавших казну и войска. В периоды военных действий число лиц, непосредственно занимающихся подобными операциями и зачастую тесно связанных с административными кругами, резко возрастало. «Движение вперед, в глубь Азии и колонизация Семиречья, проведение туда дороги и устройство путей сообщения с возникавшими поселениями вызывали многочисленные поставки и подряды, производимые Главным управлением (Западной Сибири.—Н. Х.), и давали богатую добычу членам его», — с возмущением писал о «частном прозяблении» таких тенденций П. П. Семенов⁷², посетивший еще в 50-х годах XIX в. центр Западносибирского генерал-губернаторства — Омск.

Было бы вместе с тем неправильно видеть в событиях, развернувшихся в 1864 г. в Средней Азии, исключительно военную сторону — стремление группы военных к легкой славе и наживе. Куда бы ни «зашел» с войсками Черняев, царские власти вполне могли вернуть его, хотя и много говорили о политическом престиже, «не позволявшем» покинуть захваченные земли. Всестороннюю оценку истинного положения дел в этот период дает военный министр Д. А. Милютин. В своих мемуарах «Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг.» он останавливается на так называемых своевольных действиях царских полковников и генералов в Средней Азии. Ссылаясь на то, что Черняев переписывался с директором Азиатского департамента Н. П. Игнатьевым, Милютин делал логический вывод, что начальник Новококандской линии «не мог быть в полной неизвестности о видах правительства, т. е. министерства иностранных дел, которое постоянно противилось всякому движению нашему вперед в Сред-

---

⁷² П. П. Семенов-Тянь-Шанский, *Путешествие в Тянь-Шань...*, стр. 76—77.

ней Азии. Впоследствии положительно выказалось, что Черняев не хотел знать видов правительства и действовал на свою голову, вопреки получаемым самым категорическим предписаниям своего начальства. Мне случалось слышать упреки, почему подобные самовольные действия местных второстепенных начальников проходят безнаказанно? В особенности министерство иностранных дел сетовало на то, что не только такие начальники не подвергаются ответственности, но еще награждаются и прославляются. Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако, убежден в необходимости большой осторожности в подобных случаях. Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы.

Страх ответственности за всякое уклонение от инструкций может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою собственную ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»⁷³.

Эта «необходимость» раскрывает подлинный смысл действий царизма в Средней Азии — получение экономических и политических выгод от освоения занятых районов. Это стало насущной политической необходимостью еще и потому, что давало возможность ограничить активность своих соперников — британских экспансионистов. Речь шла уже не только о торговой конкуренции. Разведывательные операции английской агентуры, посещения среднеазиатских ханств различными афганскими, турецкими и иными миссиями, а также представителями английских властей в Индии, наконец попытка прямого нажима на Бухарское ханство — все это внушало правящим кругам Российской империи серьезные опасения за свои позиции в Средней Азии. Но основную роль играл внутриаقتصادي́й фактор: тенденция русского капитализма к развитию вширь.

⁷³ БЛ ОР, ф. 169, карт. 10. № 17, 1864, лл. 260—261.

«Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете, только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны», — подчеркивал в свое время Ф. Энгельс⁷⁴. Развивающаяся российская буржуазия с большим одобрением относилась к продвижению царских войск в пределы Средней Азии и призывала не останавливаться на занятых позициях.

Характерными были выступления влиятельного органа торгово-промышленных кругов — «Биржевых ведомостей»⁷⁵. Сообщая о занятии Аулие-Аты и Чимкента, газета отмечала хорошие природные условия этого района, плодородие почвы и наличие богатых рудных месторождений. Она осуждала «медлительность» среднеазиатской политики правительства и настаивала на создании специального управления занятой территорией, не зависящего от Омска или Оренбурга, а также на более решительном содействии дальнейшему развитию российской торговли. По мнению газеты, этому должны были помочь перевод кочевников на оседлый образ жизни и «учреждение гражданской администрации» среди них.

«Биржевые ведомости» призывали не ограничиваться военным наступлением на Кокандское ханство, а расширить занятую территорию за счет других ханств. Они, в частности, старались привлечь внимание правящих кругов Российской империи к Арало-Каспийской низменности. Лишь после занятия этой области, писала газета, «может восстановиться и развиваться до огромных размеров наша торговля с Средней Азией самым кратчайшим путем — по Каспийскому морю и реке Волге»⁷⁶.

В нашем распоряжении нет сведений о реакции царских властей на выступления рупора российской буржуазии. Однако дальнейший ход событий свиде-

⁷⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1947, стр. 133.

⁷⁵ Автором этих статей был видный русский экономист и публицист 50—70-х годов XIX в. В. Долинский, который сотрудничал во многих изданиях того времени.

⁷⁶ «Биржевые ведомости», 12.VIII.1864. См. также опубликованные в газете 10.VIII.1864, 14.XI.1864 и 29.I.1865 аналогичные материалы, изданные в дальнейшем отдельной книгой: В. Долинский, *Об отношениях России...*

тельствуется, что их точки зрения совпадали: намеченная «Биржевыми ведомостями» программа действий в Средней Азии была полностью осуществлена царским правительством, шедшим навстречу пожеланиям финансистов, фабрикантов, заводчиков, торговцев. Оно помогало российским капиталистам эксплуатировать природные ресурсы занимаемых земель. Так, экономическое изучение и освоение районов Южного Казахстана началось сразу вслед за их присоединением, а подчас проводилось и в период военных действий. Пока, например, Веревкин и Черняев захватывали Аулие-Ату и Туркестан, отряд поручика Абрамова (в его составе находился горный инженер Фрезе) был отправлен для поисков месторождений полезных ископаемых, о существовании которых в этом районе правительственными кругами было ранее известно. Абрамов нашел заброшенные свинцовые рудники и каменноугольные залежи⁷⁷ и провел топографическую съемку местности. При рекогносцировке Черняевым Каратауских гор в 1863 г. также проводилось изучение находившихся здесь месторождений каменного угля⁷⁸.

По мере продвижения русских войск в глубь Средней Азии царское правительство поставило вопрос об использовании среднеазиатских земель для создания русских поселений. Так, еще не успели отряды Черняева «водвориться» на занятой ими территории, как между Петербургом и Омском началась переписка по этому вопросу. Военный министр поддержал мнение Дюгамеля о целесообразности создания русских поселений в «Зачуйском крае» и на границах с Западным Китаем, указав, что наиболее подходят для переселения казаки Сибирской линии или Оренбургского казачьего войска⁷⁹. Предполагалось, что казачьи поселения станут базой для дальнейшего наступления в глубь Средней Азии. Правящие круги Российской империи не учитывали специфику Средней Азии, и прежде всего высокую плотность населения в районах, пригодных для земледелия. В связи с этим местные власти опасались, что создание здесь русских поселений лишь уменьшит до-

---

⁷⁷ «Туркестанский край...», т. 17, ч. 2, стр. 48—53.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 400, д. 34, лл. 1—11.

⁷⁹ «Туркестанский край...», т. 17, ч. 2, стр. 88—89.

ходы от завоеванных территорий. В ответ на запрос западносибирского генерал-губернатора Черняев заявил, что все территории в Зачуйском крае, на которых возможно земледелие, уже заняты и обрабатываются местными жителями. Конфискация этих земель для создания русских поселений вызовет всеобщее недовольство «без пользы для обороны края и особенно для его производительности, которую земледельцы, не освоившиеся с местными условиями... могут скорее уменьшить, чем усилить».

В то же время Черняев признавал целесообразным переселение семейных солдат, желающих остаться в городах Средней Азии, а также торговцев и ремесленников. Он считал необходимым приобретать для них на казенный счет землю под дома и огороды, предоставлять торговые и податные льготы и освобождать на 20 лет от рекрутской повинности. В заключение начальник Новококандской линии снова подчеркивал, что приобретение поселенцами земельной собственности может быть допущено лишь на общих основаниях «посредством покупки у местных жителей, по взаимным условиям»⁸⁰. Однако позиция Черняева, главного административного лица в Средней Азии, могла только на какой-то срок задержать активную колонизацию Туркестана. Царскому правительству нужны были земли Средней Азии в качестве переселенческого фонда, и через некоторое время этот вопрос снова был поставлен на повестку дня.

Все изложенное свидетельствовало о подготовке царского правительства к широкой экономической эксплуатации завоеванных территорий.

Министерство иностранных дел вскоре разработало и согласовало с военным министерством важные документы, определившие внешнюю политику Российской империи в Средней Азии. Это были четыре «записки» о различных аспектах политики, ее исторических корнях, географических данных Туркестана, различных проектах «соединения линий», а также о дальнейших действиях. Все эти материалы 31 октября 1864 г. были представлены Горчаковым царю и утверждены Александром II.

---

⁸⁰ Там же, стр. 192—193. Допесение Черняева — Дюгамелю от 17 сентября 1864 г.

Фактически это была общая политическая программа царского самодержавия в Средней Азии.

Министерство иностранных дел отмечало якобы нежелание правительства «распространять завоеваниями свои пределы», но вместе с тем указывало, что Российская империя «под влиянием настоятельных требований нашей торговли и какго-то таинственного, но непреодолимого тяготения к Востоку постоянно продвигалась в глубь степи». Ссылаясь на захватнические действия европейцев в Азии, Африке, Америке, дипломатическое ведомство старалось подвести морально-политическую базу и под продвижение царских войск в глубь Туркестана, обосновывая его колонизаторским доводом, что «сильному государству невозможно не увлечься на путь поглощения слабых». Первоначально намеченная линия границы от Сыр-Дарьи через Сузак, Чолак-Курган по Каратаускому хребту к Аулие-Ате и Верному была отвергнута, так как, проходя по пустынной территории, она вызвала бы дополнительные расходы на содержание войск и принудила бы оставить занятые уже Туркестан и Чимкент.

Составители доклада признавали необходимым укрепить за Российской империей Чимкент (стратегически важный город, который в руках Кокандского ханства мог стать «источником тревог и неудобств для нашей новой линии») и район оз. Иссык-Куль. Наряду с этим категорически отвергалась целесообразность овладения Ташкентом, ибо это неминуемо вовлекло бы Российскую империю во все среднеазиатские «смуты» и «не положило бы предела нашему движению в глубь Средней Азии», а, наоборот, привело бы к «движению на Коканд, потом на Бухару и, наконец, далее». Занятие Ташкента привело бы и к другим нежелательным последствиям, которые превосходят выгодные стороны этой аннексии: колонизация проводилась бы с большими трудностями, чем в землях с кочевым населением; урегулирование отношений с Кокандом и Бухарой стало бы невозможным, «и потребовались бы уже не наезды, а ведение постоянной разорительной войны», которая надолго «помешала бы торговле извлечь ожидаемые выгоды из занятого края». Наконец для безопасности Ташкента «потребовалось бы покорение всех кокандских городов и укреплений, находящихся в горной стра-

не между реками Чу и Нарыном», что вызвало бы огромные финансовые расходы «и доставило бы нам страну, весьма малоспособную к заселению и представляющую множество затруднений к удержанию в зависимости»⁸¹. В докладе министерство спрашивало санкцию царя на установление новой государственной границы. Эта санкция была дана: на этом этапе царское правительство не было намерено ни оставлять Чимкент, занятый, так сказать, сверх программы, ни наступать на Ташкент.

На основании доклада от 31 октября 1864 г. военный министр и министр иностранных дел подготовили конкретный план действий в Средней Азии, который был утвержден царем.

Горчаков и Милютин считали, что успешные военные действия 1864 г. дали возможность не только сомкнуть Сибирскую и Сыр-Дарьинскую линии, но и осуществить мероприятие, «которое имело в виду исполнить лишь впоследствии», а именно: занять всю Туркестанскую область и создать передовую линию от Верного до Аулие-Ата, по южную сторону Каратауского хребта, через Чимкент и Туркестан.

Оба министра заявляли, что овладение средней и нижней частью Сыр-Дарьи неминуемо приведет к утверждению господства Российской империи и на верховьях этой реки, т. е. к занятию всего Кокандского ханства. Они отмечали, что Бухара и Хива не представляют опасности для России (Хива слаба и экономически, и военно-политически, а Бухара во многом зависит от развития тесных торговых взаимоотношений с Россией), но Коканд — «беспокойный сосед»: в ханстве нет политической стабильности, а кокандские войска непрерывно нападают на кочевников, принявших русское подданство.

Вместе с тем Горчаков и Милютин заявляли, что дальнейшее продвижение Российской империи в Среднюю Азию «не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства»; оно приведет к увеличению протяженности границ, что потребует «усиления военных средств и расходов», а это в свою очередь

---

⁸¹ Там же, стр. 165—172; см. также: АВЦР, оп. 1—9, «Азиатский департамент», № 15, ч. 1.

будет способствовать ослаблению, а не укреплению страны. Они приходили к твердому выводу, что «выгоднее остановиться на границах оседлого населения Средней Азии, нежели включить это население в число подданных империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждении их безопасности».

Это положение определяло и задачи политики. Основное внимание должно было уделяться внутреннему устройству занятых земель и удешевлению содержания в них войск. Намечалась политика невмешательства во внутренние дела среднеазиатских ханств и в развитие торговли с ними. В то же время царское правительство рассчитывало «ограждать в самих ханствах интересы и безопасность наших подданных, развить нашу азиатскую торговлю и открыть новые рынки для сбыта русских произведений». Горчаков и Милютин подчеркивали в заключение, что Россия должна решительно отказаться от дальнейшего наступления в Средней Азии, но обеспечить вместе с тем установление дружественных отношений с Кокандским ханством и особенно с Ташкентом ⁸².

Подготавливая этот документ для «внутреннего употребления», царские сановники подчеркивали необходимость отказаться от дальнейшего наступления в Средней Азии. Однако содержащиеся здесь же утверждения о «неминуемости» захвата всего Кокандского ханства сводят на нет слова о нецелесообразности «распространения владений империи».

Разработанные положения легли в основу специальной циркулярной ноты по вопросам среднеазиатской политики, разосланной Горчаковым иностранным государствам 21 ноября 1864 г. Министр иностранных дел ссылаясь в ней на действия «Соединенных Штатов в Америке, Франции в Африке, Голландии в ее колониях, Англии в Ост-Индии» и заявлял, что цели Российской империи заключаются «в обеспечении безопасности» Средней Азии, развитии в ней «общественного устройства, торговли, благосостояния и цивилизации». Именно это, утверждалось в ноте, привело к соединению

---

⁸² Там же, стр. 196—201. «Всеподданнейшая записка министров иностранных дел и военного относительно будущих наших действий в Средней Азии» от 20 ноября 1864 г.

Оренбургской и Сибирской линий в плодородной местности, чтобы «не только обеспечить ее продовольствием, но и облегчить правильное ее заселение». Циркулярная нота оканчивалась утверждением, что военно-административный центр занятых земель — Чимкент — является крайним пределом продвижения русских войск⁸³.

«Внешнеполитическое оформление» действий Российской империи в Средней Азии свидетельствовало о желании царского правительства «успокоить» другие государства, и в первую очередь Великобританию, которая в это самое время вела широкую пропагандистскую кампанию против России, стремясь отвлечь внимание от своих собственных активных захватнических действий в различных районах Востока.

Все эти документы убедительно показали, что царское правительство определило лишь общую линию политики, общую ее цель — утверждение господства Российской империи в Средней Азии. Что же касается конкретных планов действий, то они не были разработаны.

То же самое можно сказать и о политике Российской империи на восточном побережье Каспийского моря.

Еще в начале 1864 г., после занятия Южного Казахстана, не приведшего, как известно, к стабилизации положения в Средней Азии, царское правительство начало подготавливать наступление в Туркестан со стороны Каспийского моря. В связи с прекращением вооруженной борьбы на Кавказе стал доступен старый торговый путь из центральных районов России по Волге и Каспийскому морю в страны Востока.

Влиятельный журнал «Морской сборник» (фактически орган морского министерства) в сентябре 1864 г. опубликовал статью В. Бутыркина «Самый удобный путь для развития морской торговли с Средней Азией», в которой автор старался показать российским капиталистам преимущества отправки товаров по Волге и Каспийскому морю к Красноводскому заливу, а оттуда караванным путем до Аму-Дарьи. Он доказывал, что дешевизна доставки российских изделий по сравнению с английскими товарами, которые прибывали в Среднюю

---

⁸³ «Циркуляр» Горчакова см. в кн.: С. С. Татищев, *Император Александр II...*, т. 2, стр. 107—108.

Азию из Индии, облегчит конкуренцию с ними. В. Бутыркин призывал преодолеть «неестественное домоседство» русских предпринимателей, а также добиться от правительства Российской империи обеспечения безопасности торговли. Подчеркивая, что следует торопиться с использованием этого пути, он писал: «Медлить более открытием его опасно, потому что англичане уже недалеко от этой стороны наших границ. Для состязания с ними нам крайне необходимо иметь опорным пунктом хоть бедную Хиву и пароходство по Аму-Дарье. Позволив предупредить себя и на этом пункте, мы дадим большой простор их влиянию в этих местах, вредящему нам уже и теперь в отношениях с туркменами: интриги англичан в последние годы проникли и сюда; таким образом, не встречая преграды, влияние их может усилиться до того, что для нашей торговли закроются даже рынки Хивы и Туркмении»⁸⁴.

Выступление «Морского сборника» не было случайным и единичным фактом. К этому времени некоторые представители торгово-промышленных кругов Российской империи уже настойчиво выдвигали перед правительством вопрос о поддержке их планов развития торговли и промышленности на восточном побережье Каспийского моря. Так, крупный красноярский и астраханский купец П. С. Савельев, связанный с В. А. Кокоревым, в сентябре 1864 г. ходатайствовал перед министерством финансов о разрешении ему основать в Красноводском заливе торговую факторию, построить на о-ве Челекен и на побережье залива парафиновый, стекольный и нефтеперерабатывающий заводы, начать разработку полезных ископаемых и наладить рыболовный промысел.

Савельев просил у правительства предоставить ему определенные льготы: свободный вывоз из России рыболовных снастей и необходимых лесоматериалов, десятилетнюю привилегию на заводское производство и рыболовство в этом районе, беспошлинный ввоз 100 тыс. пудов соли и выработанного им парафина и фотонафтиля (осветительное масло)⁸⁵. Поскольку министерство финансов затягивало рассмотрение ходатайства Са-

⁸⁴ В. Бутыркин, *Самый удобный путь...*, стр. 40.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/282, св. 892. л. 26, л. 85.

вельева, он обратился в военное министерство, которое информировало об этом министерство иностранных дел.

Последнее приступило к непосредственному изучению вопроса об использовании волго-каспийского пути для развития торговли в Средней Азии и о разработке природных богатств юго-восточной части Каспийского моря и его побережья.

В декабре 1864 г. директор Азиатского департамента Стремоухов представил Горчакову специальную записку о юго-восточном побережье Каспийского моря. После обширного исторического экскурса, где говорилось о внимании Петра I к проблемам Каспия, Стремоухов указывал, что правительству следует в этом районе создать опорный пункт для торговли на восточном берегу моря; русские предприниматели должны иметь возможность ввозить продовольствие для местного туркменского населения и мануфактурные изделия для сбыта в Средней Азии и вывозить нефтепродукты и рыбу из Туркмении, хлопок и шелк — из Бухары и Хивы. При этом следовало уделить особое внимание укреплению дружественных отношений с Персией и тем самым «сделать безуспешными все поиски англичан»⁸⁶. Наиболее подходящим районом для создания такого пункта Стремоухов считал побережье Красноводского залива, где могли быть построены большая торговая фактория с меновым двором, складские помещения для нужд пароходства, а в гавани — стоянка для судов Каспийской военной флотилии. Стремоухов надеялся, что при содействии русского правительства торговые караваны из Бухарского и Хивинского ханств будут следовать к этой фактории, учитывая удобства и сокращение пути по Узбою — старому руслу Аму-Дарьи. Из фактории среднеазиатские товары можно будет отправлять в Астрахань и по Волге — в центральные районы России или через Баку и Закавказье — на Черноморское побережье. «Такое оживление торговли на восточном берегу имело бы неминуемым следствием значительное и быстрое расширение частного пароходства и умножение торговых судов на Каспийском море», — доказывал директор Азиатского департамента. Он предлагал также заклю-

---

⁸⁶ «Туркестанский край...», т. 17, ч. 2, стр. 218.

чить соглашение с Персией о разграничении сфер влияния в Туркмении и подчеркивал, что для Российской империи выгодно и важно существование независимой и сильной Персии.

Этот документ от имени министра иностранных дел был представлен царю, который поручил рассмотреть его в Особом комитете. 4 января 1865 г. состоялось заседание комитета при участии военного министра Милютина, управляющего морским министерством Н. Краббе, генерал-квартирмейстера Главного штаба А. Веригина, главного командира Астраханского порта С. Воеводского и директора Азиатского департамента П. Стремоухова. Учитывая, что вопрос организации укрепленной фактории в Красноводском заливе был решен комитетом еще в 1859 г. и тогда же утвержден царем, участники заседания обсуждали лишь конкретные меры для его осуществления. Комитет считал необходимым предварительно изучить условия доставки товаров от Красноводска до низовьев Аму-Дарьи, собрать сведения о перевозочных средствах Астраханской военной флотилии и компании «Кавказ и Меркурий» на Каспийском море и заручиться содействием главнокомандующего Кавказской армией для рекогносцировки и занятия восточного берега Каспийского моря. Весной 1865 г. было решено снарядить из Оренбурга специальную экспедицию для исследования южной части Устьюрга и старого русла Аму-Дарьи. Одновременно комитет решил предложить «благонадежным торговцам» отправить в Красноводск ко времени прибытия туда экспедиции свои товары, пользующиеся спросом в Средней Азии с целью завязать торговые сношения с населением городов Хивинского ханства в низовьях Аму-Дарьи⁸⁷.

В свете решений Особого комитета военное министерство рассмотрело предложения Савельева. Найдя, что любое торговое предприятие на восточном берегу Каспийского моря заслуживает всяческой правительственной поддержки, и соглашаясь на предоставление Савельеву права беспошлинного вывоза из России лесоматериалов и ввоза туда нефтепродуктов и соли, военное министерство высказалось против какой-либо тор-

⁸⁷ Там же, т. 19. ч. 1, стр. 4—6.

говой монополии. Оно считало целесообразным «открыть там доступ самой широкой конкуренции», в которой могли бы участвовать и иранские купцы⁸⁸.

Пока военное министерство выясняло мнение министерства финансов о просьбе П. С. Савельева, с аналогичным ходатайством обратились В. А. Кокорев и выдающийся ученый Д. И. Менделеев. «Докладная записка от коммерции советника Кокорева и проф. Менделеева об учреждении нефтяного промысла на восточном берегу Каспийского моря» (17 марта 1865 г.) была подана оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому. Эта записка предусматривала широкое освоение залежей нефти и озокерита в районе (в первую очередь на о-ве Челекен) на средства Кокорева и под научным руководством Менделеева⁸⁹. Компаньоны предполагали привлечь для этой цели не только отечественный, но и иностранный (английский) капитал, чтобы облегчить вырабатываемым нефтепродуктам сбыт на мировом рынке. Они просили гарантировать им 15-летнюю монополию на добычу челекенской нефти и разрешить беспошлинный ввоз ее в Россию.

Крыжановский положительно отнесся к сделанным предложениям, рассчитывая привлечь к Красноводскому заливу хивинских и бухарских купцов, восстановить торговый путь по «старому течению» Аму-Дарьи (Узбою) и создать тем самым предпосылки для развития дружественных отношений с туркменским населением. Особое значение придавал Крыжановский планам расширения добычи нефти. Он указывал, что в России условия благоприятнее, чем в Америке: «Нужны только частная предприимчивость и некоторое со стороны правительства покровительство этому ремеслу... наших промышленников привлечет преимущественно разработка нефти как предприятие более верное. На все остальные цели они указали в записках собственно для того, чтобы в глазах правительства выставить себя с более выгодной стороны». Залогом успеха задуманных предприятий, по свидетельству Крыжановского, было то, что Кокорев уже вел широкую торговлю на Каспийском побережье и разрабатывал нефтяные залежи в Баку, а Са-

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/282, св. 892. л. 26, л. 86.

⁸⁹ Там же, лл. 138--143.

вельев владел рыбными промыслами на Каспийском море⁹⁰.

В другом письме военному министру от 7 апреля 1865 г. Крыжановский предлагал не намечать военных экспедиций, требовавших огромных расходов, а попытаться изучить возможности развития торговли со Средней Азией через Каспийское море «путем частной предпринимчивости», оказав содействие Кокореву и Савельеву⁹¹.

Военный министр также считал первостепенной задачей создание русских предприятий на Челекене и «других островах, изобилующих нефтью», укрепление и развитие мирных отношений с туркменскими племенами и соседними провинциями Ирана⁹².

В конце апреля — начале мая 1865 г. состоялось несколько заседаний «Комиссии, учрежденной для рассмотрения предложений гг. Кокорева и Савельева о развитии на восточном берегу Каспийского моря торговли и промышленности». В комиссию вошли оренбургский генерал-губернатор Крыжановский (председатель), представители министерства финансов — Оболенский (директор департамента таможенных сборов), Бутовский (директор департамента торговли и мануфактур) и Тернер, сотрудники военного министерства — Дандовиль и Полторацкий, директор Азиатского департамента Стремоухов, начальник канцелярии оренбургского генерал-губернатора Гутковский и тесно связанный с деловым миром Н. Е. Торнау. Участники обсуждения единодушно одобрили мысль о восстановлении торгового пути от Красноводского залива к среднеазиатским ханствам и развитию экономических связей с местным туркменским населением. Они поддержали тезис Крыжановского о необходимости поощрения правительством инициативы предпринимателей. Как гласил журнал комиссии, ею было принято во внимание заявление Бутовского о том, что московские купцы готовы в ближайшем будущем отправить торговые караваны в Хиву при условии гарантии их жизни и имущества.

На заседании было особо отмечено значение побе-

⁹⁰ Там же, лл. 127—129. Письмо Крыжановского — Милютину от 25 марта 1865 г.

⁹¹ Там же, лл. 150—152.

⁹² Там же, лл. 154—158.

режья Красноводского залива для основания важного в торгово-промышленном и военно-политическом отношении пункта независимо от того, будет ли удобен караванный путь в Хиву. «С привлечением торговли в Красноводск и с занятием этого пункта среднеазиатские владения будут в торговых интересах соприкасаться с Россией с двух сторон: на Сыр-Дарье и в Красноводске. При известных качествах среднеазиатских правительств, отнимающих всякую надежду на правильно организованные дипломатические с ними сношения, при совершенной невозможности рассчитывать на их обещания, на трактаты, с ними немислимые, и т. п., единственные средства воздействия на них заключались доныне в различных принудительных мерах, принимаемых главным начальством Оренбургского края», — так обосновывали участники совещания колонизаторскую политику царского самодержавия⁹³.

Учитывая определенный риск для развития торговли в районах, где отсутствовала стабильная государственная власть и соответствующее законодательство, комиссия сочла обоснованным предоставить предпринимателям некоторые финансовые льготы — разрешить беспошлинный ввоз в Россию нефти и другого сырья из Средней Азии, а также санкционировала отмену пошлин на вывозимые русские товары, кроме оружия и боеприпасов, вывоз которых полностью запрещался. Для пресечения возможных злоупотреблений русских купцов предполагалось назначить в красноводскую факторию агента министерства финансов, который мог бы высылать в административном порядке недобросовестных предпринимателей. «С занятием Красноводска и ближайших островов, — гласил далее журнал заседаний комиссии, — право собственности на земли должно оставаться неприкосновенным в руках тех же туркмен, которым оно до настоящего времени принадлежало, и всякое нарушение сих прав было бы совершенно противно принятым комиссией началам, по которым предполагается достигнуть развития промышленности в туркменских землях путем мирным и посредством добровольных сделок с туземцами». Этот пункт содержал оговорку, заключавшуюся в том, что красноводский началь-

⁹³ Там же, лл. 188—189.

ник должен стать главным судьей в вопросах, принадлежит ли действительно тот или иной земельный участок определенным лицам.

На заседаниях были полностью отвергнуты предложения Кокорева и Савельева о предоставлении им монопольного права на разработку полезных ископаемых и торговлю на восточном берегу Каспийского моря⁹⁴. Было отклонено также предложение Кокорева о привлечении иностранных капиталистов как «совершенно противное русским интересам, потому что иностранцы с приобретением большего или меньшего числа паев в русском товариществе или компании получили бы возможность назначать своих агентов, поверенных и т. п., которые в короткое время несомненно завладели бы всей торговлей и промышленностью на Каспийском море и вытеснили бы оттуда как наших торговцев, так и наши произведения и таким образом уничтожили бы и существующую в незначительных размерах нашу торговлю с азиатцами»⁹⁵.

Стремясь привлечь как можно больше предпринимателей к развитию экономических связей с населением Средней Азии со стороны Каспийского моря, комиссия постановила просить министерство финансов войти «с торговыми и промышленными центрами в частные сношения о приглашении торговцев привозить в Красноводск товары для торговли на месте и мены с азиатцами»⁹⁶.

Принятые решения были одобрены министром иностранных дел и военным министром. Последний лишь зарезервировал свою позицию по вопросу о том, в чем ведении будет находиться экспедиция в Красноводский залив — оренбургского генерал-губернатора или кавказского наместника⁹⁷. В военном министерстве был разработан обобщающий доклад, в котором предусмат-

⁹⁴ Любопытные доводы против монопольных прав на предоставление которых настаивали Кокорев и Савельев, приводил посланник России в Тегеране Н. К. Гирс. Он отмечал вред, наносимый торговле монополиями, и подчеркивал, что отказ от них «открывает более свободы торговле туземцев и потому облегчит сближение сих с нашими negociантами» («Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 262).

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 58, оп. 31/282, св. 892, д. 26, л. 210.

⁹⁶ Там же, л. 219.

⁹⁷ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 170. Письмо Милюткина — Горчакову от 27 мая 1865 г.

ривалось «временное занятие» в 1866 г. Красноводского залива для развития торговли со Средней Азией по более короткому и удобному пути⁹⁸.

Этим же докладом намечалась детальная разработка экономических и военно-политических вопросов, связанных с планировавшейся экспедицией в район Красноводского залива.

Однако положение, сложившееся в Туркестане, и возможность столкновения с Бухарой вынудили царское правительство отложить «до более благоприятного времени» назначенное на 1866 г. занятие Красноводского залива и учреждение там укрепленной фактории.

---

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/282, св. 892, д. 26, лл. 296—306. Доклад по Главному управлению Генерального штаба (июль 1865 г.).

ГЛАВА IV

ЛИКВИДАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КОКАНДСКОГО И БУХАРСКОГО ХАНСТВ (1865—1868)

ЗАВОЕВАНИЕ ТАШКЕНТА

Действия царских войск летом и осенью 1864 г. ликвидировали господство Кокандского ханства в Южном Казахстане. Однако правительство Коканда не намеревалось отказаться без борьбы от этой территории и готовило военное наступление на север. Неудача Черняева осенью 1864 г. еще более усилила стремление кокандских феодалов вернуть утраченные позиции.

В конце ноября 1864 г. кокандское войско (по некоторым данным, насчитывавшее до 10 тыс. человек) под командованием Алимкула вышло к р. Арыс и перерезало дорогу между Туркестаном и Чимкентом. Кокандцы, по-видимому, рассчитывали внезапно атаковать г. Туркестан.

В начале декабря у сел. Икан они встретили казахский отряд есаула Серова, который, заняв оборонительную позицию, оказал упорное сопротивление наступавшим. Казаков поддерживали жители Икана (ранее принявшие русское подданство) и сообщили коменданту Туркестана о выступлении кокандцев¹.

После боев у Икана Алимкул уже не мог рассчитывать на внезапность нападения. Не решившись на атаку укрепленных городов, правитель Коканда разрушил Икан, перегнал всех его жителей на подвластную ханству территорию² и вернулся в Ташкент, откуда пришли

¹ «Русский Туркестан...», приложения, стр. 76—79.

² См. об этом интересное сообщение в кн.: Н. И. Веселовский, *Киргизский рассказ...*, стр. 40—44.

вести о выступлениях населения, недовольного кокандским режимом. На экономике Ташкента значительно больше, чем на хозяйстве многих других городов края, отражались пагубные последствия разрыва торговых связей, непрерывных войн и борьбы различных феодальных группировок. Население города страдало от всевозможных военных налогов, единовременных обложений и поставок на содержание ханского войска, постоев кокандских войск и т. д. Все это усиливало недовольство многочисленного населения города, особенно торговцев и ремесленников, а также и некоторых феодалов, стремившихся опереться на русские войска для укрепления собственного положения. Постепенно в Ташкенте складывалась группа сторонников русской ориентации. Ее представители пытались установить связь с командующим русскими войсками.

В конце 1864 г. в Чимкент из Ташкента бежал видный сановник Абдуррахман-бек, управлявший восточной частью города³. Он информировал Черняева о положении Ташкента и состоянии городских укреплений. В своем стремлении содействовать утверждению власти России над одним из крупнейших среднеазиатских пунктов Абдуррахман-бек не был одинок.

Советский историк Ф. Азадаев сообщает о любопытном посольстве из Ташкента в Петербург. Некоторые сведения о нем были обнаружены этим ученым в архивных документах Сыр-Дарьинского областного правления.

В начале 1865 г. в столицу Российской империи прибыл некий Тюряхан Зейбуханов, заявивший, что он является представителем 50 высокопоставленных ташкентских граждан. От их имени Зейбуханов обратился с просьбой о принятии города в состав России. Он говорил, что «русская партия в Ташкенте состоит из 50 богатейших и влиятельных лиц. Каждый из них может отвечать за 2000 человек. Им надоела вечная война, грабеж. Русские отняли теперь все хлебородные земли. Хан не может помочь им. В руки бухарцев они не хотят попасть. От шпиона, находящегося в Бухаре, они узнали, что

---

³ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 4. Донесение командующего Сыр-Дарьинской линией командующему войсками Оренбургского края от 2 января 1865 г.

эмир собирается выступить на Ташкент раннею весною, как только появится подножный корм»⁴. В беседах, которые вел с ним по поручению правительства Н. А. Серверцов, Т. Зейбуханов подтвердил, что бежавший к Черняеву Абдуррахман-бек принадлежит к родовитой семье и состоял при ханской особе, но пославшие Зейбуханова боялись «открыться» ему — по его молодости и из опасения, что это дойдет до Алимкула. Но миссия Тюряхана Зейбуханова не имела успеха. По дороге из Нижнего Новгорода в Москву Зейбуханов потерял подписанное его доверителями заявление о принятии города в русское подданство, и, хотя Петербургу вскоре стало известно отправленное им на родину горестное письмо с жалобой на то, что посланец оказался в трудном положении, потеряв с письмом и свои деньги, что его «не признают»⁵, такое косвенное подтверждение правдивости слов Зейбуханова не помогло. Хотя события в Средней Азии разворачивались в духе просьб ташкентского посланца, но независимо от них. Между тем, если даже Зейбуханов изрядно преувеличил силы и возможности сторонников русской ориентации (простой арифметический подсчет дает кругленькую цифру — 100 тыс. человек, что составляло не меньше, если не больше половины всего населения города), то не ошибался в главном. Среди жителей Ташкента не было единства, и многие из них вовсе не были расположены сражаться под знаменами кокандского хана или бухарского эмира.

В содержательном исследовании М. Вахабова приводится жалоба очевидца и участника событий Мухаммед Салиха, ревностного мусульманина; в своей «Новой истории Ташкента» Мухаммед Салих негодовал по адресу тех ташкентцев, которые не дорожили судьбой своего города, не только не воевали сами, но и не помогали тем, кто сражался. М. Вахабов приходит к обоснованному выводу: «Очевидно, это были люди, пострадавшие от ханов и их порядков и не боявшиеся прихода русских, ибо им печего было терять. Такое отношение к русскому завоеванию Средней Азии было по-

⁴ ЦГИЛ УзССР, ф. 17, л. 9081, л. 4. Цит. по кн.: Ф. Азадаев, *Ташкент во второй половине XIX века...*, стр. 73.

⁵ Ф. Азадаев, *Ташкент во второй половине XIX века...*, стр. 73-74.

давлиющим среди населения городов, и это явилось серьезным фактором, ускорившим падение среднеазиатских феодальных ханств под напором вторжения царских войск»⁶.

К этому можно добавить, что наряду с городской беднотой, которой нечего было терять, против ханских, эмирских, бекских порядков выступали торговцы, много терявшие при этих порядках.

Особую роль в подготовке условий для захвата Ташкента сыграл, например, один из богатейших его жителей Мухаммед Саатбай. Крупный торговый деятель, много лет торговавший с Россией, он содержал постоянных приказчиков в Петропавловске и Троицке, неоднократно посещал Российскую империю, был связан с торговыми домами Москвы и Нижнего Новгорода и знал русский язык.

Черняев писал, что Саатбай, один из самых влиятельных людей в Ташкенте, принадлежит к группе «цивилизованных мусульман», готовых «на уступку противу корана, если это не противоречит коренным правилам мусульманства и выгодно для торговли». Черняев подчеркивал, что Саатбай возглавлял прорусскую группировку населения Ташкента⁷. В то же время некоторая часть жителей города, преимущественно мусульманское духовенство и близкие к нему круги, стремилась установить связь с главой среднеазиатских мусульман — бухарским эмиром. Они отправили к нему посольство и, воспользовавшись продвижением войск эмира к Ташкенту, объявили о принятии бухарского подданства. Вернувшийся в это время Алимкул расправился со сторонниками бухарской ориентации; его сарбазы заставили отступить отряды эмира Музаффара⁸. Решительные действия Алимкула укрепили позиции кокандских властей в Ташкенте, но не могли ликвидировать недовольства жителей города.

В связи с обострением положения в Ташкенте Чер-

---

⁶ М. Г. Вахабов, *Формирование узбекской социалистической нации*, стр. 90.

⁷ ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 100. Репорт Черняева начальнику Главного штаба от 4 октября 1866 г.

⁸ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 15. Допосещение п. д. командующего войсками Оренбургского края военному министру от 12 января 1865 г.

няев запросил инструкции на случай, как он писал, «если в городе произойдет переворот и жители обратятся с просьбой о помощи»⁹.

В правительственных кругах Российской империи уже вплотную рассматривался вопрос об овладении Ташкентом, и генерал-квартирмейстер Главного штаба в своих замечаниях по поводу запроса Черняева писал, что завоевание Ташкента «делается почти необходимостью» для укрепления Новококандской линии, особенно после неудачного штурма 1864 г. Он оговаривался, однако, что малочисленность войск, которыми располагает начальник линии, может привести к новому поражению, и рекомендовал ограничиться наблюдением за обстановкой в городе до тех пор, пока на Новококандскую линию не прибудут дополнительные войска. Черняев получил приказ ждать прибытия подкреплений, поддерживать сношения с жителями Ташкента и «не лишать их надежды на помощь в свое время»¹⁰.

Министерство иностранных дел выступило против дальнейшего продвижения царских войск. Директор Азиатского департамента Стремоухов призывал использовать войска лишь для предупреждения нападения на русскую территорию или в случае нарушения торговых интересов Российской империи. Он резко возражал против дальнейшего расширения занятой территории и подчеркивал необходимость развития торговли и установления мирных отношений с соседними государствами.

Учитывая склонность Черняева к особой инициативности, Стремоухов указывал, что местные власти должны строго следовать предписаниям свыше и запрашивать соответствующие правительственные органы всякий раз, как возникнут ситуации, не предусмотренные инструкциями. Переходя непосредственно к проблеме Ташкента, директор Азиатского департамента считал полезным, чтобы этот город добился независимости от Кокандского ханства, но только «изнутри», в результате деятельности «довольно многочисленной и сильной партии, которая решилась бы и имела бы средства к ни-

---

⁹ Там же, стр. 30. Телеграмма и. д. командующего войсками Оренбургского края военному министру от 31 января 1865 г.

¹⁰ Там же, стр. 48—50.

спровержению владычества Коканда». Если же независимость будет предоставлена городу «извне», т. е. Российской империей, то это не даст благоприятных результатов для России: придется «после больших усилий и жертвований бросить эту область по-прежнему на произвол судьбы или завладеть ею окончательно, а оба эти исхода имели бы для нас самые неблагоприятные последствия». Стреловых полагал, что Ташкент как резиденция русского консула, как рынок и «мелкий двор» принесет больше пользы для торговли Российской империи, чем в качестве непосредственного владения. Итак, русская администрация должна уделить основное внимание внутреннему устройству уже занятых районов и «подготовлению в Ташкенте условий самостоятельности»¹¹.

Эту точку зрения полностью разделял и поддерживал Горчаков. Его инструктивное письмо новому оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, отправлявшемуся к месту своего назначения, чуть ли не дословно повторяет некоторые положения, сформулированные директором Азиатского департамента. Горчаков полагал, что сосредоточение на границах Коканда русских войск заставит ханские власти предоставить русским подданным права и привилегии, необходимые для развития торговли. Министр иностранных дел подчеркивал, что в сложившейся обстановке следует избегать какого-либо вмешательства во внутренние дела Коканда. Такое вмешательство может втянуть Российскую империю в среднеазиатские междоусобицы и беспрерывные войны, отвлечет внимание и силы от освоения занятых территорий и приведет «иногда даже и против воли» к новым завоеваниям. Горчаков допускал применение силы лишь в случае вторжения на территорию Российской империи или нарушения ее торговых интересов. При этом он считал, что «не следует делать новых поземельных приобретений и переносить далее нашу границу». Эти замечания дополнялись частными соображениями по поводу Ташкента «как самого близкого соседа нашего, которому, вероятно, суждено играть значительную для нас роль в политическом и торговом отношениях». Министр иностранных дел обра-

¹¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 892-а, д. 8, лл. 79—81.

щад внимание на то обстоятельство, что решение не включать этот город в пределы империи было вызвано мнением о более выгодном косвенном значении города. Ташкент в составе Кокандского ханства рассматривался как залог добрососедского отношения ханской власти к Российской империи. Теперь эта точка зрения подвергалась пересмотру. Горчаков предполагал, что будет выгоднее, если Ташкент восстановит свою былую независимость и станет самостоятельным. В этом случае его можно было бы использовать не только в качестве «ограды против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары», но и для нажима на эти ханства. Кроме того, с водворением русского консульства Ташкент мог бы превратиться в важнейший центр среднеазиатской торговли России.

В то же время министерство иностранных дел опасалось захвата Ташкента бухарским эмиром, считая, что там будут установлены те же ограничения для русских купцов, которые царское правительство стремилось ликвидировать в Бухаре. Горчаков поручил Крыжановскому обсудить с бухарским эмиром политические изменения, которые произошли в результате продвижения русских войск, и заявить ему о желании Российской империи сохранять и развивать торговые связи.

Горчаков указывал, что если кокандские власти будут стремиться к миру, то демаркация новых государственных границ должна предусматривать «действительное занятие нами местностей, составивших Туркестанскую область и направление нашей новой линии». Он считал нужным заявить о «решимости не распространять наших пределов, но карать всякое нарушение их со стороны кокандских подданных». Это заявление должно было, по мнению Горчакова, заменить политический трактат¹².

Оренбургский генерал-губернатор, переслав Черняеву копии полученных директив, подтвердил необходимость внимательно наблюдать за положением в Ташкенте, «содействовать морально партии, желающей отделения от враждебного нам Коканда» и добиваться

---

¹² «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 81—85. Утвержденное царем инструктивное письмо Горчакова — Крыжановскому от 23 февраля 1865 г.

превращения этого города в независимое от среднеазиатских ханств владение, но вассальное по отношению к Российской империи ¹³.

Аналогичное предписание получил Черняев и от генерал-квартирмейстера Веригина, который указывал на общность мнений военного министерства и министерства иностранных дел о желательности ослабить Кокандское ханство, отделив от него Ташкент и превратив его в самостоятельный город под покровительством России. Он оговаривался, что конкретная помощь жителям города в борьбе против кокандских властей должна быть оказана лишь при твердой гарантии «в положительном желании большинства ташкентского населения стать под нашу защиту» и при наличии у Черняева достаточных военных сил, чтобы действовать с полной уверенностью в успехе. Приняв Ташкент под защиту Российской империи, следует употребить все меры: военные, политические и торгово-экономические, чтобы не допустить там постороннего влияния — ни кокандского, ни бухарского ¹⁴.

Составной частью новой политики в Средней Азии было административное переустройство, вызванное расширением границ Российской империи. Этим вопросом занялся Особый комитет в составе военного министра Милютина и министра внутренних дел Валуева, генерал-губернаторов: Восточной Сибири — Корсакова и Западной Сибири — Дюгамеля, бывших генерал-губернаторов: Восточной Сибири — Муравьева-Амурского и Оренбургского края — Безака, генерал-квартирмейстера Веригина, директора Азиатского департамента Стремоухова, а также Тимашева, Буткова и Ег. Ковалевского. На заседании 25 января 1865 г. комитет счет целесообразным сконцентрировать в Оренбурге руководство политикой и торговлей в Средней Азии. Комитет принял решение объединить Новококандскую и Сыр-Дарьинскую линии («от западной оконечности Иссык-Куля до Аральского моря») в одну область — Туркестанскую (в составе Оренбургского генерал-губернаторства) — под управлением военного губернатора с особыми пра-

¹³ Там же, стр. 86—88. Письмо Крыжановского — Черняеву от 25 февраля 1865 г.

¹⁴ Там же, стр. 92.

вами по своему «отдаленному и самостоятельному положению»¹⁵. Первым военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал-майор М. Г. Черняев.

Политические взгляды Черняева в связи с чрезвычайными полномочиями, какими он был наделен, приобрели еще больший вес. В ответ на решения Особого комитета Черняев заявил, что при существующих отношениях между Российской империей и Кокандским ханством проведение какой-либо «условной границы» ни в настоящем, ни в будущем не даст результатов, ибо ее будут нарушать кокандские войска. Для мотивировки своих доводов Черняев ссылаясь на отсутствие географических рубежей, без чего невозможно определение «естественной границы» между Российской империей и Кокандским ханством. Кроме того, он настаивал на необходимости «утверждения прочного нашего влияния в самом ханстве», чтобы «водворить порядок» в Коканде и гарантировать стабильность границы. Русские власти должны были добиться для купцов свободного допуска на среднеазиатские рынки и гарантировать безопасность их жизни и имущества. «С достижением этого условия все остальное, что до торговли касаться может, устроится интересом самих торгующих без вмешательства администрации», — замечал Черняев. По его мнению, Ташкент более всего подходил для размещения русских факторий. В заключение Черняев снова отрицал возможность переселения русских крестьян в занятые районы, ссылаясь на то обстоятельство, что конфискация земли, «которой немного» у местного населения, будет «вредна для края»¹⁶.

Пока решался вопрос административного переустройства и шла эта переписка, положение в Средней Азии обострилось еще более. Воспользовавшись русско-кокандской войной, бухарский эмир вновь попытался захватить Ферганскую долину. В начале 1865 г. он сосредоточил свои войска в Самарканде, откуда они двинулись к Ура-Тюбе, прикрывавшему доступ в Фергану.

В Ташкенте обстановка продолжала оставаться напряженной. Влиятельные торгово-промышленные круги по-прежнему были заинтересованы в восстановлении

¹⁵ Там же, стр. 37—40.

¹⁶ Там же, стр. 138—140. Донесение Черняева командиру войсками Оренбургского края от 23 апреля 1865 г.

мира. Мира желали и сторонники русской ориентации и сторонники более многочисленной «пробухарской группировки».

Приверженцы русской ориентации отправляли к Черняеву своих гонцов. Религиозные убеждения, которыми не раз пользовались мусульманские феодально-клерикальные круги для возбуждения ненависти и вражды к «неверным», отступили на задний план перед более могущественными экономическими факторами. Простая и убедительная характеристика «ташкентских партий» была дана в штабе войск Оренбургского округа: «...все одинаково строги насчет мусульманского приличия и одинаково равнодушны к вере, когда дело идет о денежных выгодах. Самая нетерпимость иповерных торговцев (имеется в виду среднеазиатское купечество. — Н. Х.) гораздо более основана на меркантилизме, нежели на фанатизме, который более служит благовидным предлогом»¹⁷.

Царское правительство стремилось использовать создавшееся положение для дальнейшего наступления своих войск в Средней Азии. Столкновения между Бухарой и Кокандом исключали возможность их совместных действий. Внутриполитическая борьба в Ташкенте позволяла рассчитывать, что русские войска не встретят серьезного сопротивления в случае осады или штурма города. В этой обстановке Черняев предпринял действия, которые фактически полностью соответствовали замыслам как правительства и военно-феодальной аристократии Российской империи, так и торгово-промышленных кругов. Он прекрасно понимал, что неоднократные призывы дипломатического ведомства к прекращению продвижения в Средней Азии являются своеобразным маневром, дымовой завесой, вызванной опасениями нежелательных протестов Англии. Черняев пользовался тесной поддержкой экспансионистских элементов в столице и среди своих ближайших коллег; он знал, что не только не встретит осуждения за свои «самостоятельные» действия, но, наоборот, может рассчитывать на награды и служебные повышения.

Ссылаясь на существование угрозы Ташкенту со стороны Бухарского ханства, военный губернатор Турке-

---

¹⁷ Там же, стр. 178.

станской области в двадцатых числах апреля 1865 г. выступил в новый поход во главе отряда в 1300 человек при 12 пушках. Осуществление плана Черняева ускорили некоторые соображения личного порядка. Со времени неудавшейся попытки овладеть Ташкентом «с налета» осенью 1864 г. Черняев, по выражению его ближайшего помощника генерал-майора Качалова, «целую зиму бредил Ташкентом». Когда новый оренбургский генерал-губернатор Крыжановский сообщил о своем намерении отправиться в Туркестанскую область для осмотра военных укреплений, Черняев начал опасаться, как отмечал тот же Качалов, что Крыжановский «вздумает сам повести войска к Ташкенту, овладеет им, получит графа. а мы, трудящиеся (! — Н. Х.) тут, остаемся в дураках»¹⁸.

28 апреля 1865 г. отряды Черняева подошли к крепости Ниязбек на р. Чирчик, в 25 верстах к северо-востоку от Ташкента. Эта крепость контролировала снабжение города водой. После ожесточенной бомбардировки, продолжавшейся почти весь день, гарнизон Ниязбека сдался (потери русских войск — 7 раненых и 3 легко контуженных)¹⁹. Овладев крепостью, Черняев отвел два главных рукава р. Чирчик, снабжавших Ташкент водой, рассчитывая, что население, оставшись без воды, немедленно сдастся. Однако депутации о сдаче города не прибыли, и Черняев решил, что кокандский гарнизон полностью контролирует положение в Ташкенте. 7 мая царские войска заняли позицию в 8 верстах от города. Сюда прибыл из Кокандского ханства Алимкул с шеститысячным войском и 40 орудиями. 9 мая началось упорное сражение, в результате которого кокандские сарбазы были вынуждены отступить, потеряв, по данным Черняева, до 300 убитыми и 2 пушки²⁰. Потери царских войск составляли 10 раненых и 12 контуженных. В сражении 9 мая погиб правитель Кокандского ханства — Алимкул.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 67, «А. Л. Данзас», д. 270, л. 16. Письмо Качалова — Данзасу от 5 августа 1865 г. См. также ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 12. Письмо Черняева — Полторацкому от 20 декабря 1865 г.

¹⁹ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 146—149. Донесение Черняева командующему войсками Оренбургского края от 2 мая 1865 г.

²⁰ Там же, стр. 152—155. Донесение Черняева — Крыжановскому от 9 мая 1865 г.

Смерть этого видного полководца и государственно-го деятеля дала основание Черняеву поставить вопрос «о дальнейшей судьбе Кокандского ханства». Черняев предложил провести границу по Сыр-Дарье «как самую естественную» и запросил инструкций в связи с намерением бухарского эмира занять всю остальную часть Кокандского ханства — «за Дарьей»²¹.

Военное министерство указало на нежелательность утверждения бухарского эмира в Кокандском ханстве. Черняеву поручалось уведомить эмира, что любой захват кокандских земель будет рассматриваться как враждебный акт против Российской империи и приведет к «совершенному стеснению торговли бухарцев в России».

Одновременно министерство иностранных дел предложило оренбургскому генерал-губернатору поговориться с бухарскими властями о создании в ханстве твердой основы для торговли с Российской империей. Речь шла о предоставлении русским купцам в ханстве тех же прав, какими пользовались бухарские торговцы в России: обеспечение личности и имущества, право свободной торговли во всех городах, уравнивание в пошлинах и юридических правах с мусульманскими торговцами. Таких же результатов царское правительство хотело добиться и в Ташкенте, считая, что ликвидация кокандского владычества над городом послужила бы важной предпосылкой для успешного расширения торговли. Жителям Ташкента предлагалось отправить доверенных лиц в Чимкент к военному губернатору Туркестанской области «для изложения просьб и желаний»²².

Через несколько дней Горчаков отправил Крыжановскому проект обращения «к военным и гражданским начальникам Кокандского ханства» с изложением политики царского правительства. Это обращение не содержало ничего нового по сравнению с уже известными материалами; в нем говорилось, что основная цель Российской империи — развитие торговли, которой мешают нападения кокандских войск на торговые караваны, что

²¹ Там же, стр. 156. Донесение Черняева — Крыжановскому от 13 мая 1865 г.

²² Там же, стр. 192—196. Письмо Горчакова — Крыжановскому от 5 июня 1865 г. с приложением проектов обращений к бухарскому токсабе (сановник, исполняющий обязанности премьер-министра) и к жителям Ташкента.

вызывает ответные действия царских войск. Вместе с тем этот документ чрезвычайно интересен по содержанию в нем предостережению: «Как ни благоприятна цель подобного объявления, оно могло бы злонамеренно быть истолковано как воззвание (т. е. подстрекательство. — Н. Х.) подданных хана к неповиновению законным властям, а потому документ этот может быть употреблен лишь с крайнею осторожностью и только в том случае, когда успех его заранее подготовлен и не может подлежать сомнению»²³.

Эта любопытная оговорка свидетельствует о том, что царское правительство, ведя непрерывные войны с Кокандским ханством, все же твердо придерживалось «легитимистского» начала и больше всего опасалось содействовать выступлению народных масс против «законных властей».

Указания Горчакова, однако, запоздали. Гибель Алимкула, организатора обороны Ташкента, снизила стойкость кокандского гарнизона. Начались раздоры между кокандским военачальником Султан Сеид-ханом, который в донесениях Чернышева именуется «молодым кокандским ханом», начальником г. Ташкента — кушбеги Бердыбаем, связанным с местной знатью, и главой ташкентского духовенства Хаким Ходжа-казием. Нехватка продовольствия и воды вызвала народные волнения, во время которых были избиты многие представители высшего мусульманского духовенства²⁴. Ташкентская беднота добилась изгнания Султана Сеид-хана: в ночь с 9 на 10 июня он с 200 приближенными покинул город. Некоторые представители клерикальной верхушки (Хаким Ходжа-казий, ишан Махсум Гусфендуз, Карабаш-ходжа мутевали и др.) обратились за поддержкой к бухарскому эмиру, который находился в это время с большим войском в Ходженте.

Чтобы не допустить вмешательства бухарского эмира в борьбу, развернувшуюся в Ташкенте, Чернышев в начале июня выслал небольшой отряд штаб-капитана Абрамова на «бухарскую дорогу» и занял крепость Чиназ на Сыр-Дарье, окружив таким образом Ташкент с трех сторон. Царские войска, насчитывавшие в это время

²³ Там же, стр. 199.

²⁴ Н. И. Веселовский. *Киргизский рассказ...*, стр. 54—56.

1950 человек при 12 орудиях, подошли к стенам города и на подступах к нему завязали перестрелку²⁵, им противостоял 15-тысячный кокандский гарнизон²⁶. Однако плохая расстановка артиллерии и разбросанность ташкентского гарнизона по многочисленным оборонительным сооружениям облегчили прорыв укреплений. К тому же среди жителей города не было единства и часть населения была готова содействовать русским войскам.

В ночь с 14 на 15 июня 1865 г. царские войска начали штурм Ташкента. После уличных боев, продолжавшихся два дня, сопротивление защитников города было сломлено. Уже к вечеру 16 июня к Черняеву прибыли представители местных властей с просьбой принять аксакалов Ташкента. 17 июня аксакалы и «почетные жители» (городская знать) от имени всего населения «изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству»²⁷. Взятые Черняевым трофеи составили 63 орудия и множество ружей. Его отряд потерял 25 человек убитыми, 89 было ранено и 28 — контужено. Число жертв среди кокандских войск и местного населения не было установлено.

Современник событий — бухарский историк Мирза Абдал Азим Сами не без оснований считает, что агрессивным действиям Черняева косвенно способствовал бухарский эмир Музаффар. Он не только не откликнулся на просьбы о поддержке со стороны части жителей Ташкента, но и воспользовался затруднительным положением, в котором оказалось Кокандское ханство, чтобы нанести по нему удар. «Сколько жители Ташкента ни писали смиренно и униженно писем эмиру Музаффару, взывая о помощи, это не дало результатов. Больше того, выступив из Ходжента [эмир] двинулся с большим войском и грохочущими пушками на Коканд.

Распространение этого повергающего в отчаяние изве-

²⁵ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 201—204. Донесение Черняева — Крыжановскому от 11 июля 1865 г.

²⁶ После взятия Ташкента Черняев сообщал, что его гарнизон состоял из 5 тыс. сарбазов и 10 тыс. силаев, «которые большей частью убежали в момент штурма», а всех защитников города было до 30 тыс. (там же, стр. 251).

²⁷ «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 244—254. Донесение Черняева — Крыжановскому от 7 июля 1865 г. В «Истории Узбекской ССР» взятие Ташкента царскими войсками по непонятной причине датируется 17 мая (т. 1, кн. 2, стр. 88).

ствия сломало дух ташкентцев и кокандцев, и среди людей начался разброд. Каждый верил в то, что рисовал ему его страх. Из страха перед бухарским войском, [думая] о защите своих семей, особенно поколебалось войско кокандское, и, бросив Ташкент на произвол судьбы, они отправились в Коканд»²⁸.

Хотя в переписке царских властей не содержится сведений о влиянии на судьбу Ташкента вторжения эмира Бухары в Коканд, а Сами не всегда точен в изложении фактических данных, в рассматриваемом случае нет никаких оснований отрицать пагубную для защитников Ташкента роль удара в спину, нанесенного им правительством Бухары. Борьба между различными среднеазиатскими феодальными владетелями облегчала царским генералам их агрессивные действия.

Стремясь в максимально короткий срок восстановить в Ташкенте нормальную жизнь, подорвать антирусскую агитацию мусульманского духовенства и приверженцев бухарского эмира, Черняев после занятия города опубликовал обращение к его жителям, в котором провозглашал неприкосновенность их веры и обычаев и гарантировал от постоя и мобилизации в солдаты. Был сохранен старый мусульманский суд (однако уголовные преступления рассматривались по законам Российской империи); были уничтожены произвольные поборы; на годичный период ташкентцы вообще освобождались от каких-либо податей и налогов²⁹.

Все эти мероприятия в значительной степени стабилизировали положение в крупнейшем центре Средней Азии.

Взятие Ташкента оживленно комментировалось в военно-политических и деловых кругах Российской империи. В этих комментариях подчеркивалось важное значение города как торгового центра, «который может принять значение главнейшего рынка для всей Средней Азии», а также отмечалось богатство Туркестанской области полезными ископаемыми, «ожидаящими рациональной разработки»³⁰.

Продвижение русских войск в глубь Азии оказы-

²⁸ Мирза Абдал Азим Сами, *Та'рих-и...*, стр. 60—61.

²⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 15—17.

³⁰ «Общий очерк Киргизской степи...», стр. 364.

вало большое влияние на всю международную обстановку на Востоке. После занятия Ташкента царскими войсками сюда стали прибывать представители различных государств Востока, рассчитывавших установить связи с русскими властями для укрепления своего политического положения и развития торговых отношений.

24 ноября 1865 г. в Ташкент приехали послы махараджи Рамбир Сингха, правителя североиндийского княжества Кашмир, которое издавна поддерживало торгово-политические связи со среднеазиатскими ханствами. Кашмирские послы прибыли через несколько месяцев после вступления русских войск в Ташкент, проделав длительный, трудный и опасный путь. Это свидетельствовало о том, что в Индии внимательно следили за развитием событий в Средней Азии.

Посольству не удалось добраться до цели в полном составе. Из четырех человек, отправленных Рамбир Сингхом, до Ташкента добрались лишь двое. На территории, управлявшейся британскими властями (между границами Кашмира и г. Пешаваром), посольство подверглось нападению, двое его членов были убиты, а послание махараджи к русским похищено. Пропажа письма, не представлявшего ценности для случайных грабителей, заставляет думать, что организаторы нападения преследовали политические цели. Возможно, что отъезд посольства стал известен британскому резиденту в столице Кашмира — Сринагаре и что английская колониальная администрация приняла меры, чтобы посланцы не достигли цели.

Однако уцелевшие члены миссии — Абдуррахман-хан ибн Сеид Рамазан-хан и Сарафраз-хан ибн Искандер-хан, пройдя через Пешавар, Балх и Самарканд, прибыли в Ташкент. Они заявили Черняеву, что незнакомы с содержанием письма Рамбир Сингха, но на словах им поручено передать, что в Кашмире уже осведомлены об «успехах русских», что цель их миссии — «изъявление дружбы», а также изучение перспектив развития русско-кашмирских отношений.

Послы сообщили, что махараджа хотел направить в Россию еще одно посольство, через Кашгар, но они не знали, осуществлено ли это намерение. Из бесед с кашмирцами выяснилось, что народные массы Индии возмущены колонизаторской деятельностью Великобритании.

Опасаясь провокаций со стороны английских властей и не располагая достоверными сведениями о прибывших, Черняев ограничился несколькими беседами с ними и запросил инструкций у Крыжановского³¹. Однако и оренбургский генерал-губернатор не смог самостоятельно решить вопрос о развитии связей с Кашмиром, боясь осложнений с Британской империей. Он позволил послам остаться в Ташкенте до следующей весны, поскольку с наступлением зимы горные перевалы закрылись, запретил Черняеву какие-либо антанглийские заявления и рекомендовал ему воспользоваться прибытием гостей из Индии для изучения политической обстановки на Востоке³².

Одновременно Крыжановский информировал Горчакова о кашмирском посольстве и изложил ему свой взгляд на развитие отношений с Кашмиром и другими странами Азии. Крыжановский считал, что в случае получения от народов, находившихся под английским господством, письменных просьб о помощи было бы «противно интересам Российской империи резким отказом отталкивать от себя людей, могущих быть нам впоследствии полезными, особенно для торговых связей». Он в то же время отмечал, что «положительное обещание помощи без возможности подать ее населению стран, отделенных от нас Гималайскими горами, было бы бессельно и только уронило бы значение России в глазах среднеазиатских народов». Поэтому он предлагал дать представителям Кашмира и другим посланцам в случае их прибытия следующий письменный ответ: «Император всероссийский пребывает в полной дружбе с английской королевой и, пока со стороны английского правительства не будет сделано никаких враждебных заявлений, войска наши не предполагается вести к берегам Аму-Дарьи»³³. Позиция Крыжановского, изложенная в конфиденциальном письме, свидетельствовала о полном нежелании воспользоваться прибытием посольства из Индии для подрывных действий против Британской империи. Эта позиция не

³¹ «Туркестанский край...», 19, ч. 1, стр. 205—206. Донесение Черняева — Крыжановскому от 25 ноября 1865 г.

³² Там же, стр. 245. Письмо Крыжановского — Черняеву от 29 декабря 1865 г.

³³ Там же. Письмо Крыжановского — Горчакову от 30 декабря 1865 г.

встретила возражений ни царя, ни военного или дипломатического ведомства³⁴.

Несмотря на секретность, окружавшую посольство, сведения о том, что представители Кашмира добрались до Ташкента, стали известны британским властям в Индии. 19 января 1866 г. директор Азиатского департамента Стремоухов направил Милютину «выписку из индийской газеты». В ней говорилось, что вице-король Индии Д. Лоуренс «отправил в Среднюю Азию по разным направлениям трех агентов из туземцов... Им предписано отправиться в Бухару, Самарканд и Коканд, наблюдать за всем там происходящим и по возвращении донести об отношениях, существующих между различными владельцами, о движении России и о состоянии умов народонаселения»³⁵. Стремоухов писал, что хотя подобные статьи не заслуживают доверия, но эти сведения совпадают с аналогичными, полученными Крыжановским. «Выписка из индийской газеты» имела вполне определенную цель. Ясно, что сведения об отправке тайной агентуры не просачиваются в печать. Англо-индийское правительство неоднократно отправляло своих разведчиков в Среднюю Азию, не оповещая об этом через газеты. Вполне вероятно, что «сообщение индийской газеты» должно было ввести царские власти в заблуждение, заставить их подойти с недоверием к любому лицу, прибывшему из Индии с официальной или неофициальной миссией, и тем помешать установлению связей России с индийскими княжествами.

23 июня 1866 г. военный губернатор Туркестанской области Д. И. Романовский, сменивший на этом посту Черняева, сообщил Крыжановскому, что семимесячное пребывание кашмирского посольства в Ташкенте под негласным надзором убедило администрацию Туркестана в том, что кашмирцы действительно посланы махараджей. Романовский писал о них, что это «простые, но честные и умные люди, которые весьма откровенно говорят, что явились сюда, чтобы поздравить нас с нашими военными успехами». Романовский ссылаясь на вы-

³⁴ Горчаков одобрил проект ответа кашмирцам, предложив лишь Крыжановскому «не упоминать о возможности враждебных действий Англии против нас» (ЛВПр, СПб., Главный архив, 1—1, оп. 781, л. 106. «Всепопданнейший доклад» от 11 января 1866 г.).

³⁵ «Туркестанский край...», т. 21, ч. 1, стр. 24—25.

сказывания прибывших, что благожелательная позиция со стороны России, «весьма сильно возвысив политическое значение Кашмира, вместе с тем была бы весьма выгодной для них и в торговом отношении, так как ~~с~~быт их произведений очень затрудняется англичанами».

Избегая разговоров на политические темы, Романовский в беседе с ними коснулся вопросов торговли. Кашмирцы, заинтересованные в развитии торговых связей с Российской империей, заверяли его, что торговля их родины с Ташкентом через Кокандское ханство вполне возможна. Дорога же из Кашмира до Коканда полностью контролируется Рамбир Сингхом, ибо от него зависят «дунганы, овладевшие ныне Кашгаром»³⁶.

Через несколько дней после отправки Романовским этого письма кашмирское посольство двинулось в обратный путь, и дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Министерство иностранных дел продолжало придерживаться осторожной тактики в отношении политического контакта с правителями индийских княжеств. В ответ на запрос военного министерства было заявлено о нежелательности публикаций в русской прессе сообщения о пребывании в Ташкенте кашмирской миссии, ибо это могло возбудить «весьма неприятные для правительства толки в английских журналах»³⁷. Однако правительство выступало за развитие торговых отношений с княжествами Индии. Кашмирским купцам были предоставлены те же права, какими пользовались среднеазиатские купцы в торговле с русскими. Исполнявший должность товарища министра иностранных дел А. Л. Вестман 16 сентября 1866 г. писал по этому поводу в Оренбург: «Не входя в переговоры с Кашмиром о заключении какого-либо обоюдобязательного условия, можно ограничиться лишь объявлением через наше пограничное начальство о дозволении торговать с Россией на вышеупомянутых условиях»³⁸.

Эпизод, связанный с прибытием в Ташкент кашмирского посольства, был характерен для политики царского правительства. Петербург не желал давать повод Британской империи к новым нападкам на действия Рос-

³⁶ Там же, стр. 310—311.

³⁷ Там же, т. 22, ч. 2, стр. 44. Отношение Стремоухова — начальнику Главного штаба Гейдену от 20 августа 1866 г.

³⁸ Там же, стр. 70.

сии в Азии и отказывался от каких-либо шагов, которые могли быть истолкованы как поддержка освободительного движения народов Востока против английского господства. Этих позиций русское правительство придерживалось и в отношении к другим миссиям, которые прибывали в дальнейшем в Туркестан из Индии.

ПРОБЛЕМА «ТАШКЕНТСКОГО ХАНСТВА»

Завоевание Ташкента поставило перед царским правительством вопрос о его дальнейшей судьбе. Так возникла проблема «Ташкентского ханства». Как известно, первоначально намеченный план действий не предусматривал занятия города, и петербургские власти из дипломатических соображений отказались санкционировать его присоединение к России. Они считали более целесообразным превратить Ташкент и окружающие его земли в отдельное ханство, которое должно было находиться под полным контролем царизма и играть роль «нейтральной прокладки» между русскими владениями и Бухарским эмиратом. В Петербурге резко возражали против прямого включения в состав Российской империи из опасения дипломатических осложнений с Великобританией.

Так, военный министр сообщал оренбургскому генерал-губернатору, что министерство иностранных дел протестует против данного Крыжановским Черняеву разрешения занять постоянными гарнизонами крепости Ниязбек, Чиназ и укрепленный пункт близ Ташкента, а также устраивать самостоятельные военные посты на Сыр-Дарье вплоть до ее верховьев. Милютин поддерживал мнение Горчакова, что эти мероприятия равносильны включению «„Ташкентского ханства“ в состав Российской империи и превращению Сыр-Дарьи в границу наших владений»³⁹.

Однако Черняев после занятия Ташкента заявил о практическом неудобстве превращения его в «самостоятельное ханство». Он пояснял, что раньше боялся больших расходов на содержание в городе войск и полиции, но, поскольку порядок, установленный в Ташкенте самими жителями, давал возможность все управление горо-

³⁹ «Туркестанский край...», т. 9, ч. 1, стр. 291—292.

дом и сбор податей возложить на маленький административный аппарат (управляющий Ташкентом, его помощник, два чиновника для сбора налогов и таможенных пошлин, четыре переводчика и три писаря), то, по мнению Черняева, было нецелесообразно отказываться от Ташкента. Образование же самостоятельного Ташкентского ханства ликвидировало бы политическое значение овладения Россней этим городом. Поэтому Черняев настаивал на проведении границы по Сыр-Дарье вплоть до верховьев реки, чтобы отдалить пограничную черту от Ташкента, установить более тесный контакт с Кокандским ханством и открыть для торговых караванов доступ в Кашгар ⁴⁰.

Но Крыжановский, считавший более выгодным «иметь под боком слабое в военном отношении, но весьма торговое государство, нам вассальное, чем приобщать то государство к империи и сажать туда русских чиновников», не поддержал Черняева. Оренбургский генерал-губернатор предлагал не передвигать линию границы из Южного Казахстана, а образовать в Ташкентском оазисе и в остальной части Кокандского ханства два «независимых владения»; обеспечить для Российской империи возможность судоходства по всей Сыр-Дарье («если нужно — даже военными постами») и занять Ниязбек, Чиназ, а также «еще один пункт под самым Ташкентом», чтобы не допустить ничьих посторонних посягательств на его «независимость» ⁴¹.

В то же время в специальном постановлении директору Азиатского департамента Крыжановский указывал, что он не изменил своих взглядов, ранее согласованных с министерством иностранных дел, о необходимости прекратить завоевания и заняться административным устройством присоединенных земель, развитием здесь экономики и торговли. Крыжановский заявлял о своем намерении «подтянуть поводья» лицам, увлекающимся военными походами в Туркестане, и «направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России» ⁴².

⁴⁰ Там же, т. 20, ч. 2, стр. 3—7. Допесение Черняева — Крыжановскому от 6 августа 1865 г.

⁴¹ Там же, стр. 36. Письмо Крыжановского — Милютину от 26 августа 1865 г.

⁴² Там же, стр. 47.

Тем не менее министерство иностранных дел отказалось принять даже ограниченную программу Крыжановского. Оно считало занятие различных пунктов в районе Ташкента временной мерой, подлежащей безусловной отмене, когда будут полностью ликвидированы притязания бухарского эмира на господство в Ташкенте. Министр иностранных дел Горчаков призывал отказаться от размещения каких-либо войск в «Ташкентской независимой области» и ограничиться «нравственным убеждением», что Россия поможет Ташкенту в случае нападения на него⁴³.

Наиболее последовательно против новых завоеваний выступил директор Азиатского департамента Стремоухов: «Если мы будем расширять наши пределы только потому, что будем желать присоединять к себе каждое воинственное племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда-либо остановить свое движение на юг... — писал он. — Близкое соседство предполагаемой границы к Коканду вряд ли желательно и поведет только к скорому присоединению и этого города...» Общее кредо руководителя Азиатского департамента особенно отчетливо проявилось в его утверждении, что царское правительство отнюдь не ставит своей задачей «распоряжаться судьбами всей Средней Азии, проникая даже до Бухары; подобные замыслы еще не входили, да и вряд ли должны входить, в нашу политическую программу, потому, что ни в коем случае не оправдались бы ни требованиями нашей торговли, ни общим политическим соображением, а между тем вовлекли бы нас в неизбежные затруднения»⁴⁴.

Ближе других к занятой Черняевым позиции стоял Милютин. Военный министр старался согласовать точку зрения военного губернатора Туркестана и руководителей министерства иностранных дел. Милютин признавал, что независимость Ташкента вовсе не обязательно должна быть связана с утверждением во главе города нового хана: вполне можно обойтись созданием в Ташкенте «муниципального управления» под охраной царских войск.

---

⁴³ Там же, стр. 42—43. Письмо Горчакова — Милютину от 10 сентября 1865 г.

⁴⁴ Там же, стр. 69—70. Замечания Стремоухова на рапорт Черняева.

Эти войска, не занимая города, всегда были бы на страже его внутренней самостоятельности⁴⁵.

Предложение военного министра несомненно было направлено на усиление влияния и контроля царских властей над «независимым Ташкентом».

В сентябре 1865 г. оренбургский генерал-губернатор, твердо намереваясь осуществить намеченную в Петербурге программу, отправился в инспекционную поездку в Туркестанскую область. Прибыв в Ташкент, Крыжановский собрал городскую знать, объявил о создании здесь «самостоятельного ханства» и предложил выбрать хана. К его удивлению, собравшиеся, среди которых было много представителей торговых кругов⁴⁶, не только не радовались «дарованным царским милостям», а, наоборот, были явно недовольны перспективой посадить на свою шею нового хана. Черняев объяснял это тем, что ташкентцы «живо еще помнят все неудобства, сопряженные с ханской властью»⁴⁷.

Когда же Крыжановский спросил «именитых граждан» (в основном духовенство), какую они желают избрать власть, то ему ответили специальным адресом на узбекском языке, скрепленным, по обычаю Востока, вместо подписей 58 печатями. В этом адресе отклонялось предложение об избрании хана и выражалась просьба поручить контроль над духовной жизнью населения религиозному главе и верховному судье Ташкента — кази-калян, с тем, чтобы он руководствовался мусульманским правом — шариатом. Составители адреса призывали не облагать налогом их «дворовые места, находящиеся внутри города Ташкента, и земли, приобретенные с ведома и с утверждения кази-каляна»; они обязывались при этом выплачивать (по шариату) натурой и деньгами 10% с доходов от передаваемых в оброк казенных земель. Активное участие духовенства в подготовке этого документа нашло отражение (кроме пункта о роли кази-каляна) в содержащейся здесь просьбе освободить от всяких обложений вакфы (недвижимая собственность, при-

⁴⁵ Там же. стр. 63. Письмо Милютин — Горчакову от 10 сентября 1865 г.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 14. Рапорт Черняева — начальнику Главного штаба от 4 октября 1865 г.

⁴⁷ «Туркестанский край...», т. 20, ч. 2. Письмо Черняева — Милютину от 28 сентября 1865 г.

надлежащая мусульманским учреждениям) и разрешить духовенству полностью распоряжаться поступающими с них доходами⁴⁸.

Особенно противился восстановлению ханской власти уже знакомый нам Мухаммед Саатбай⁴⁹. Крыжановский вынужден был признать в письме военному министру, что «сами ташкентцы усиленно просили меня не покидать их на произвол судьбы...»⁵⁰.

Правда, оренбургский генерал-губернатор, продолжая выполнять инструкции министерства иностранных дел, все же передал Черняеву для опубликования специальное объявление, в котором провозглашал «гор. Ташкент вместе со страной, распространяющейся до р. Сыр-Дарьи» независимым государством⁵¹. Однако Крыжановский писал военному министру об огромных трудностях в практическом осуществлении этого плана и из двух форм управления — единоличной (ханская власть) и муниципальной — отдавал предпочтение «единоличному правителю», поскольку на него легче было оказывать влияние⁵².

Впрочем, Черняев так и не опубликовал это объявление, подчеркнув, что при стремлении населения Ташкента к окончательной ликвидации междоусобиц и к развитию торговли провозглашение независимости будет способствовать активизации различных политических группировок (в том числе и враждебных Российской империи) и новой вспышке всевозможных раздоров, которыми немедленно воспользуется бухарский эмир⁵³.

Разрешение проблемы окончательного политического и административного устройства Ташкента затянулось на длительное время. Оттягивая его, Крыжановский, например, заявлял о необходимости внимательно и детально изучить местную обстановку и учесть мнение жителей

⁴⁸ См. «Адрес, поданный ташкентскими жителями оренбургскому генерал-губернатору 18 сентября 1865 г.» в приложениях к кн.: Д. И. Романовский, *Заметки по среднеазиатскому вопросу*, стр. 177—179.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 55, л. 11. Рапорт Черняева — начальнику Главного штаба от 4 октября 1866 г.

⁵⁰ «Туркестанский край...», т. 20, ч. 2, стр. 150.

⁵¹ Там же, стр. 162—163.

⁵² Там же, стр. 150—152.

⁵³ Там же, стр. 241. Письмо Черняева — Крыжановскому от 20 декабря 1865 г.

самого Ташкента. Крыжановский указывал на «естественность их желания» войти в состав сильного государства, способного «защитить их от внешнего врага и избавить от вечных внутренних волнений и смут»⁵⁴.

Оренбургский генерал-губернатор опасался, что утверждение во главе Ташкента «единоличного правителя» (представителя ханского рода), посаженного сверху, вызовет серьезное недовольство некоторых слоев местного населения и приведет к непрерывным столкновениям в городе, подобно тому, что происходило в Закавказье, в частности в Абхазии и Мегрелии.

Не меньшие опасения вызывали у Крыжановского и планы создания «муниципального правления», так как власть могло захватить могущественное мусульманское духовенство. «Мы рискуем, таким образом, создать в Средней Азии нечто вроде краковской бывшей республики, теократия которой неизбежно вовлечет нас в столкновение и в распри с мусульманством, — докладывал он военному министру, — а это прямо поведет к возбуждению религиозного фанатизма и не только в подданных Ташкентской республики, но и в непосредственных русских подданных, населяющих Туркестанскую область»⁵⁵.

В связи с этим он предлагал, во-первых, ослабить позиции духовенства, отмечая, что мусульманское духовенство пользуется таким же влиянием в Средней Азии, как католическое духовенство в некоторых странах Европы. Крыжановский считал полезным в целях поднятия престижа царского правительства упростить податную систему и ввести ее в рамки фиксированного закона, уничтожить произвол ростовщиков, создать «ссудные магазины и запасные общественные капиталы».

Другая мера для укрепления влияния Российской империи заключалась в усилении торговых слоев города за счет духовенства. Необходимо было «поднять в Ташкенте значение класса коммерческого в ущерб партии политической и духовной, т. е. постараться сделать из него азиатский Гамбург и Франкфурт, к чему Ташкент имеет все элементы». Этот тезис Крыжановского еще более укреплял мнение царского правительства о максималь-

⁵⁴ Там же. Письмо Черняева — Крыжановскому от 20 декабря 1865 г.

⁵⁵ Там же, стр. 250. Донесение Крыжановского — Милютину от 31 декабря 1865 г.

ном расширении выгодных торговых связей с Ташкентом. Одной из важнейших мер, призванных расширять торговлю с этим городом и со среднеазиатскими ханствами, был перенос таможенной линии на юг. 30 апреля и 6 мая 1865 г. под председательством Крыжановского состоялись заседания специальной комиссии. В ее работах участвовали руководящие сотрудники министерства финансов Бутковский и Тернер, иностранных дел — Стремоухов и Оболенский, военного министерства — Полторацкий и Данцевиль, представитель Оренбургского генерал-губернаторства Гутковский.

На этом заседании было решено перенести в 1866 г. оренбургско-сибирскую таможенную черту, проходившую по Уралу, Гоболу, Ишиму и Иртышу, на новую границу — в Южном Казахстане. Переход торговых караванов из Средней Азии в Россию через Устьюрт был запрещен под угрозой конфискации груза. Пошлины с привозных азиатских товаров предполагалось взимать по общему тарифу Оренбургской таможни; вместе с тем министерству финансов предоставлялось право снизить эти пошлины, учитывая заинтересованность принявших русское подданство казахских племен в традиционных для них изделиях Бухары и других ханств. Русские товары освобождались от вывозных пошлин, за исключением скота, с которого устанавливался «умеренный сбор».

Комиссия признала возможным разрешить перекочевки казахских племен за границу, но указывала необходимость не допускать при этом провоза контрабанды и нелегального перехода торговых караванов⁵⁶.

Осуществление решений комиссии укрепляло позиции предпринимателей Российской империи на среднеазиатских рынках.

Параллельно с решением вопроса о переносе таможенной линии были предприняты шаги к превращению Ташкента в торговый центр Российской империи в Средней Азии. Один из ответственных сотрудников Главного штаба, В. А. Полторацкий, разработал специальную записку (от 6 сентября 1865 г.) о мерах развития русской торговли в этом районе. Горчаков полностью одобрил записку и подчеркнул, что именно стремление к разви-

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 893, д. 14, лл. 6—24.

тию торговли должно направлять политику, а не «увеличение территориальных владений. Материальное влияние наше должно быть настолько сильно, чтобы обеспечивать торговую деятельность сообразно с ее развитием, но не более того»⁵⁷.

Министерство иностранных дел поддержало мнение Полторацкого о необходимости содействовать «собственно ташкентской торговле», чтобы избавиться от посредничества Бухары в торговле России в Средней Азии. Для этого Ташкент следовало превратить в центральный торговый пункт «и тем уничтожить монополию и убыточное посредство Бухары в среднеазиатской торговле», создать здесь факторию и выработать торговые правила для решения спорных вопросов. «Трудно свыкнуться с мыслью, — гласили замечания министерства иностранных дел, — что успех нашей торговли в Ташкенте главным образом должен зависеть от присутствия в городе военной силы, и следовало бы стремиться к тому, чтобы Ташкент примкнул к нам общностью своих жизненных интересов с нами». В заключение министерство иностранных дел вновь подчеркивало из дипломатических соображений, что важной целью военно-политических действий в Средней Азии должно быть развитие торговли, ибо это лучше всего упрочит господство Российской империи в Ташкентском оазисе⁵⁸.

Проблемами расширения выгодных экономических связей с Туркестаном живо интересовался и Крыжановский. Вернувшись из поездки в Ташкент осенью 1865 г., он обратился к министру финансов М. Х. Рейтерну с просьбой максимально содействовать развитию этих связей. Несмотря на бедность подавляющего большинства кочевого населения, русские предприниматели, по мнению Крыжановского, могут найти здесь легкий рынок сбыта для своих товаров: «при сметливости и предприимчивости русский купец и мануфактурист может не только приобрести состояние, но вместе с тем и принести всему краю и отечеству своему огромную пользу»⁵⁹.

Крыжановский информировал далее Рейтерна об от-

⁵⁷ АВПР, ф. «Посольство в Лондоне», д. 103, л. 44. Письмо Горчакова — Милютину от 11 сентября 1865 г.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 31, лл. 4—7. «Замечания МИД» (сентябрь 1865 г.).

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 483, д. 91, л. 8.

правке научных экспедиций для исследования природных ресурсов края. Татаринов был отправлен, например, для поисков каменноугольных месторождений, Н. А. Северцов — для исследования флоры и фауны и группа астрономов под руководством К. В. Струве.

Указывая, что Средняя Азия может со временем занять важное место «в коммерческих и финансовых оборотах России», Крыжановский просил министра финансов «побудить» московское купечество направить в Ташкент весной 1865 г. специальную группу «предприимчивых лиц» для изучения на месте условий торговли, возможности учреждения здесь ярмарки для всей Средней Азии, «коммерческого суда из русских и азиатских членов» и т. д.⁶⁰

В аналогичном письме Милютину Крыжановский отмечал, что лишь скорейшее развитие здесь русской торговли может возместить расходы «на приобретение вновь занятого края и каковые, несомненно, еще потребуются в будущем», а также писал, что состоятельные люди смогут «увеличить здесь свой капитал» и способствовать утверждению господства Российской империи. Поскольку, с точки зрения Крыжановского, в Москве имелось много купцов, с давних времен торговавших с Туркестаном, то он просил Милютина командировать в Москву побывавшего в Средней Азии полковника Д. И. Романовского с особым заданием — «для личных объяснений с тамошними торговыми людьми и для сообщений им сведений о новом крае, для них необходимых»⁶¹.

Военный министр с готовностью поддержал просьбу оренбургского генерал-губернатора и заручился обещанием московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова о содействии Романовскому⁶². В начале декабря 1865 г. Романовский прибыл в Москву и вступил в переговоры с представителями местного купечества. Однако московские купцы с опасением отнеслись к рискованному предприятию, тем более что в эти годы потерпели крах многие предприниматели. Тем не менее при содействии Долгорукова и одного из богатейших фабрикантов

⁶⁰ Там же, т. 10.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 894, д. 31, л. 9. Письмо Крыжановского — Милютину от 23 октября 1865 г.

⁶² См. обмен письмами между ними в ноябре — декабре 1865 г. (там же, л. 18—19, 26).

и торговцев Российской империи—председателя московских отделений Коммерческого и Мануфактурного советов А. Хлудова, к которому со специальным письмом обратился министр финансов, Романовскому удалось добиться существенных результатов.

В ходе обсуждения вопроса в Коммерческом совете крупнейшие московские торгово-промышленные дома, обороты которых превышали десятки миллионов рублей, решили послать в Ташкент пробный караван с товарами на 100 тыс. рублей. Представители московских предпринимателей заявили, что «надеются совершенно вытеснить английские товары (из Туркестана. — Н. Х.), так как могут доставить подобные же произведения лучших качеств и по более сходным ценам»⁶³. Тогда же былработан проект создания специального московско-ташкентского товарищества для торговли со Средней Азией.

Ссылаясь на рискованность коммерческих операций в отдаленном крае, где еще продолжались военные действия, участники намечавшегося товарищества обратились в министерство финансов с ходатайством обеспечить им вооруженный конвой для торговых караванов и заимообразный отпуск денежных сумм из военного интендантства Туркестанской области, а также возмещение казной убытков в случае расхищения или разграбления товаров в пути⁶⁴. Однако министерство финансов, не желая дискриминировать других торговцев, склонно было отказать в удовлетворении этих просьб.

Военное министерство, поддерживая мнение министерства финансов о нежелательности гарантирования купечеству возмещения убытков в случае грабежа, вместе с тем считало возможным выделить его участникам определенный кредит и обеспечить охрану караванов. Милютин настоятельно указывал на необходимость «озаботиться, чтобы отказ в некоторых льготах московское купечество не приняло за недостаток сочувствия правительства к вызванному им самим предпрятию». Нужно, чтобы первое впечатление о торговле с Ташкентом было особенно благоприятным, подчеркивал Милютин и просил Рейтерна вновь командировать в Москву Рома-

⁶³ Там же, лл. 21—22. Письмо Романовского — Милютину от 19 декабря 1865 г.

⁶⁴ Там же, лл. 28—29. Письмо Рейтерна — Милютину от 25 декабря 1865 г.

новского для разъяснения купечеству причин неполного удовлетворения его просьб⁶⁵.

Быстрота и оперативность решения этого вопроса в царских канцеляриях сама по себе свидетельствовала о большом внимании, уделявшемся ему в правительственных кругах. Уже 8 января 1866 г. Александру II был представлен доклад министра финансов «Об учреждении в Москве товарищества для торговли с Ташкентом и Средней Азией». В нем отмечалось, что крупнейшие предприниматели второй столицы Российской империи вызвались участвовать в этом деле. Среди них упоминались торговые дома: «Ивана Хлудова сыновья», «Саввы Морозова сыновья», «М. А. Хлудов», «Вл. Третьяков», «Бр. Барановы», «Братья Ремезовы», «Братья Солодовниковы» и др. В числе концессионеров значился и Д. Н. Романовский, игравший роль своеобразного посредника между правительством и купеческим миром.

По докладу, утвержденному царем, товариществу разрешалось составить первоначальный складочный капитал в 60—100 тыс. руб., создать в Москве специальный комитет с правом непосредственного ходатайства перед министром финансов, московским и оренбургским генерал-губернаторами. Оренбургскому генерал-губернатору поручалось максимально содействовать товариществу (предоставлять конвой и транспортные средства, выделять земельные участки и помещения), а туркестанским властям предоставлять право выдачи займы до 100 тыс. руб. казенных денег. На первое время товарищество было освобождено от платежа гильдейских повинностей, а его товары — от таможенного досмотра⁶⁶.

14 января 1866 г. участники товарищества собрались на новое заседание. Здесь было выдвинуто предложение добиться разрешения получать с казенных горных заводов металл (чугун, медь, сталь) по заводской цене. Московские дельцы ходатайствовали о предоставлении им на берегах Сыр-Дарьи земель «для сельскохозяйственных заведений», пристаней. Особое место в требованиях купечества занимал вопрос о предоставлении русским купцам в Бухаре и других ханствах Средней Азии тех же

⁶⁵ Там же, лл. 30—32. Письмо Милютина — Рейтерну от 30 декабря 1865 г.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 40, «Всеподданнейшие доклады, оп. 1. д. 17, лл. 5—8.

прав, какими пользовались бухарские купцы в России. Они предлагали перенести таможенную линию в Средней Азии за Ташкент и уменьшить тем самым вывоз среднеазиатскими торговцами русского золота и серебра за таможенную черту. Обращая особое внимание на просьбу об отпуске металла и предоставлении земель на Сыр-Дарье, А. Хлудов отмечал, что «на этом праве создается надежда указать местным жителям способы улучшенного разведения хлопчатой бумаги, шелковичных червей и марены»⁶⁷.

Царское правительство, с неизменным вниманием относившееся к нуждам и запросам торгово-промышленных кругов, согласилось удовлетворить пожелания товарищества.

По докладу министра финансов «О пособии Московско-Ташкентскому товариществу», утвержденному 4 марта 1866 г. Александром II, товариществу предоставлялось до 100 тыс. руб. из казны «с тем, чтобы по этой сумме правительство имело в делах товарищества... одинаковые права с прочими вкладчиками». В связи с этим товарищество обязывалось дважды в год представлять министерству финансов подробные отчеты о ходе операций, состоянии капитала и имущества, а также причитающиеся на долю государства дивиденды. Министерству финансов разрешалось утвердить проект устава товарищества с изменениями, какие оно признает необходимым внести⁶⁸.

История создания «Московско-Ташкентского товарищества» показывает большую заинтересованность царского правительства в развитии экономических связей между Российской империей и занятыми в Средней Азии землями. Непосредственное участие его и отдельных заинтересованных лиц из административного аппарата (как, например, Д. И. Романовского) в делах товарищества придавало особое значение внешнеполитическим планам и действиям России в Туркестане.

Понятно, что образование специальной торговой компании, связанной с правительством, должно было ускорить разрешение вопроса об урегулировании положения

---

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 894. д. 31, лл. 44—47. Письмо Хлудова — Рейтерну от 16 января 1866 г.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 18, лл. 20—23.

Ташкента. Это обстоятельство и непрекращающиеся вооруженные столкновения между войсками Российской империи и Бухарского ханства вызвали быструю эволюцию во взглядах царского правительства на статус Ташкента.

Еще в январе 1866 г. военное министерство по согласованию с министерством иностранных дел представило на утверждение царя записку, по которой жители этого города должны были самостоятельно избирать органы управления, тогда как царские власти сохраняли за собой лишь верховный надзор за их деятельностью и за соблюдением политических, торговых и финансовых интересов Российской империи («в вознаграждение расходов по содержанию войск» для обороны города). Вместе с тем Милютин поддерживал высказывание Крыжановского о необходимости ослабления ташкентского духовенства и «усиления значения торгового сословия»⁶⁹. Однако уже через три месяца, в апреле 1866 г., военный министр и министр иностранных дел при участии оренбургского генерал-губернатора подвергли пересмотру вопрос о Ташкенте и других городах, занятых царскими войсками.

Мотивируя изменение своей позиции, министерство иностранных дел указывало, что враждебные действия бухарского эмира и его претензии на господство над Кокандским ханством оказывают моральное воздействие на население территорий, находящихся под контролем Российской империи. Это обусловило отказ от выжидательной тактики в отношении Ташкента. Царское правительство отбросило свой прежний план создания «нейтральной страны» между своими и бухарскими владениями, решив полностью включить Ташкент в состав Российской империи⁷⁰.

Летом 1866 г. был издан царский указ о присоединении Ташкента, и 27 августа жители крупнейшего города Средней Азии приняли русское подданство⁷¹. Таким образом, Ташкент стал важнейшим экономическим и воен-

⁶⁹ «Туркестанский край...», т. 21, ч. 1, стр. 15—20. Записка Милютина от 14 января 1866 г.

⁷⁰ Там же, стр. 303—304. Письмо Горчакова — Крыжановскому от 22 июня 1866 г.

⁷¹ ЦГВИЛ, ф. 400, л. 19, за 1866 г., лл. 54—55.

но-политическим центром владений Российской империи в этой области.

«Ташкентская проблема» официально была разрешена лишь через 14 месяцев после захвата города царскими войсками. В Ташкенте было введено Положение об управлении от 11 июля 1867 г. Оно не было утверждено в Петербурге, но применялось практически до принятия с 1 января 1887 г. «Положения об управлении Туркестанским краем», которое предусматривало создание в Ташкенте «Хозяйственного общественного управления». Это учреждение было выборным; оно делилось на управления «русской» и «туземной» частей города. В его обязанности входило управление общественным хозяйством Ташкента, раскладка и сбор различных податей. В дальнейшем здесь было введено «городовое» положение 1870 г., на основании которого были образованы городская дума и городская управа.

РУССКО-БУХАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В середине 1865 г. бухарский эмир Музаффар, воспользовавшись борьбой Российской империи с Кокандским ханством, вторгся во главе большого войска в Ферганскую долину. Он занял столицу ханства — Коканд — и посадил на престол неоднократно изгонявшегося в ходе межфеодальной борьбы Худояр-хана. Одновременно Музаффар прислал в Ташкент посольство, которое в ультимативной форме потребовало от Черняева немедленного вывода русской администрации и военных сил из пределов города. Энергичные действия эмира вызвали у царского правительства опасения, что русским отрядам в Туркестанской области угрожает совместный удар Бухары и Коканда⁷².

В связи с ухудшением русско-бухарских отношений Черняев распорядился арестовать всех бухарских купцов на подведомственной ему территории и конфисковать их товары. Он ходатайствовал перед Крыжановским о проведении подобных репрессий по отношению к бухарским купцам и в Оренбургском генерал-губернаторстве и на

---

⁷² «Туркестанский край...», т. 19, ч. 1, стр. 265—268. Письмо Крыжановского — Милютину от 13 июля 1865 г.

всей территории Российской империи. В Оренбургском крае последовали примеру Черняева. При этом, однако, был нанесен серьезный удар не только бухарским торговцам, но и тесно связанным с ними торговыми операциями русским предпринимателям, что породило большое беспокойство правящих кругов России. Горчаков заявил в связи с этим, что Российская империя не может отступить в Средней Азии, «преклониться перед эмпиром», ибо от этого зависит «наше влияние в Средней Азии», но тем не менее назвал арест бухарских купцов и конфискацию их товаров «дикой мерой»⁷³. В Петербурге эти действия были признаны вредными, «чрезмерными и опасными»⁷⁴.

Однако в отношении Бухары было решено придерживаться твердых позиций: не давать повода к столкновениям, но и не избегать при необходимости активных действий. Милютин, как и Горчаков, подчеркивал, что вся «будущность» политики Российской империи в Средней Азии зависит от того положения, в какое царское правительство поставит себя по отношению к Бухаре.

Но вскоре Крыжановский был вынужден изменить занятую позицию. Оренбургское купечество, игравшее важную роль в среднеазиатской торговле, обратилось к нему с заявлением, что Нижегородская ярмарка ожидает представителей Бухары — выгодных покупателей русских товаров, а бумагопрядильные предприятия страны крайне нуждаются в хлопке из Средней Азии. Купцы просили освободить бухарских торговцев и разрешить им отправиться на ярмарку, снять секвестр с бухарских товаров в Оренбургском крае и восстановить свободный товарообмен между Российской империей и Бухарой.

В связи с этим Крыжановский пошел на уступки. Он не разрешил бухарским купцам вернуться в ханство, но позволил им под наблюдением специально созданных в Оренбурге и Троицке комиссий по бухарским делам отправиться со своими товарами на ярмарку. Это «послабление» Крыжановский обосновывал интересами «русской торговли и фабричной промышленности и возможного

---

⁷³ Там же, стр. 283. Письмо Горчакова — Милютину от 23 июля 1865 г.

⁷⁴ Там же, стр. 288. Записка генерал-квартирмейстера от 23 июля 1865 г.

предоставления средств нашему купечеству продолжать выгодные для России торговые операции с Бухарой»⁷⁵. Таким образом, Крыжановский был отбой.

19 октября 1865 г. Комитет министров заслушал сообщение министра финансов о состоянии русско-бухарской торговли в связи с карагальными мерами, принятыми оренбургскими властями, и предложил Крыжановскому при первой возможности полностью отменить репрессии против купцов Бухары⁷⁶. Бухарским торговцам было объявлено, что царское правительство стремится к максимальному развитию торговых отношений со Средней Азией и что «меры строгости» были вызваны лишь враждебными действиями эмира. В то же время Комитет министров обязывал соответствующие органы приложить все усилия к расширению среднеазиатской торговли и к ограждению прав среднеазиатских купцов и не прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам без санкции центрального правительства⁷⁷.

В Средней Азии тем временем обстановка продолжала обостряться. К югу от Ташкента начались столкновения между царскими войсками и отрядами Рустамбека, правителя Зачирчикского района.

Борьба шла не столько за «наследство» Кокандского ханства, которое сейчас по сути дела лишилось своих владений вне Ферганской долины, а главным образом за господство в Средней Азии. Крыжановский еще во время своего визита в Ташкент в сентябре 1865 г. ставил перед Черняевым задачу — добиваться любыми средствами господствующего положения Российской империи в Туркестане⁷⁸.

После разгрома Коканда Бухарское ханство претендовало на гегемонию в этом районе и стремилось подчинить другие среднеазиатские владения⁷⁹. Но в военном отношении Бухарское ханство было чрезвычайно слабым

⁷⁵ Там же, т. 20, ч. 2, стр. 14—15. Письмо Крыжановского — Милютину от 12 августа 1865 г.

⁷⁶ П. И. Пашино, посетивший Среднюю Азию в 1866 г., отмечал, что русские купцы пострадали от этих мер вдвое больше, чем бухарские. См. [П. И. Пашино], *Туркестанский край в 1866 г.*, стр. 20.

⁷⁷ «Туркестанский край...», т. 20, ч. 2, стр. 152—153. Журнал Комитета министров от 19 октября 1865 г.

⁷⁸ А. Ш[е]ман[ский], *Туркестанские боевые юбилеи...*, стр. 110.

⁷⁹ См. об этом: А. Татариннов, *Семимесячный плен в Бухарии*, стр. 32—33.

и отсталим по сравнению с Российской империей. Это проявилось в первых же столкновениях с русскими отрядами. Плохо вооруженные и необученные сарбазы Рустамбека отступили перед отрядами подполковника Пистолькорса, который в сентябре 1865 г. занял небольшие населенные пункты Пскент и Келеучи, по дороге на Ходжент⁸⁰. Крыжановский предложил сохранить военный контроль над занятыми территориями, так как они снабжали Ташкент зерном.

Хотя между Российской империей и Бухарой уже развернулась вооруженная борьба, обе стороны делали попытки добиться своих целей дипломатическим путем. Эмир Музаффар направил в Петербург посольство во главе с Неджмеддин-ходжой, который уже бывал там в 1859 г. Однако царское правительство поручило вести переговоры оренбургскому генерал-губернатору. Посольство было задержано в Казалинске, несмотря на протесты бухарского посланника. То же самое произошло и с русским посольством. Отправленное Черняевым в октябре 1865 г. в Бухару посольство в составе астронома К. В. Струве, связанного с торгово-промышленными кругами А. И. Глуховского и горного инженера А. С. Татарнинова также было фактически арестовано местными властями. Оба посольства пытались энергично выполнить возложенные на них задачи. Так, бухарский посланник вопреки распоряжению Крыжановского прибыл из Казалинска в Оренбург, а снаряженный им специальный полномочный гонец мулла Фахретдин с письмом Неджмеддин-ходжи добрался даже до Петербурга⁸¹. Это, однако, не дало никаких результатов: письмо посланника, в котором он жаловался на нарушение дипломатических обычаев оренбургскими властями, не было принято, и мулле Фахретдину было предложено представить его Крыжановскому.

Ни к чему не привели и попытки представителей Российской империи установить нормальный дипломатический контакт с правящими кругами Бухарского ханства.

Министерство иностранных дел от имени царя уполномочило оренбургского генерал-губернатора вступить в

⁸⁰ «Туркестанский край...», т. 20, ч. 2, стр. 86—91. Донесение Черняева — Крыжановскому от 28 сентября 1865 г.

⁸¹ Там же, стр. 183—184. «Всеподданнейший доклад» Горчакова от 14 сентября 1865 г.

переговоры с посланником Бухары, предъявив главное и основное требование — «поставить торговлю и политические отношения» Российской империи в Средней Азии «в самое благоприятное положение». Директор Азиатского департамента Стремоухов указывал, что дальнейшее применение репрессий против бухарских купцов необоснованно, так как русские караваны благополучно вернулись из ханства. Главное теперь — установление прямого и тесного контакта между русскими и ташкентскими купцами и использование Ташкента в качестве базы России в Средней Азии⁸².

Сам Крыжановский выработал обширный перечень условий, которые он собирался представить на переговорах. Он требовал учреждения в Бухаре торгового агентства России, уравнивания в правах русских купцов с бухарскими, введения уменьшенного тарифа ввозных и вывозных пошлин, признания «самостоятельного» существования «Ташкентского государства» (под русским протекторатом с границами по рекам Сыр-Дарье и Нарыну) и свободного плавания русских судов по этим рекам и их притокам. В случае настойчивых претензий эмира на господство над Кокандским ханством Крыжановский считал возможным удовлетворить их.

Эти условия намечалось включить в договор, который должен был подписать эмир. Лишь после этого царские власти согласились допустить бухарское посольство в Петербург для заключения «дружественного трактата» между Российской империей и Бухарским ханством⁸³.

Программа Крыжановского была в основном поддержана военным министром. В одобренной царем записке Милютин подчеркивал необходимость придерживаться принципа равноправия в русско-бухарских отношениях и предоставить Бухаре те же привилегии в торговле, которых добивалось царское правительство. Например, ханству разрешалось держать агентов в Оренбурге, Ташкенте или в других местах, «где того требуют торговые интересы Бухары». Предоставляя эти льготы, царское правительство рассчитывало укрепить свое влияние в Бухаре.

⁸² Там же, стр. 191—192. Письмо Стремоухова — Крыжановскому от 15 ноября 1865 г.

⁸³ Там же, стр. 255. Письмо Крыжановского — Милютину от 31 декабря 1865 г.

Вместе с тем Милютин категорически отвергал притязания бухарского эмира на Коканд и вмешательство его в кокандские дела⁸⁴.

Поэтому программа Крыжановского, в которой оренбургский генерал-губернатор был готов ради торговых выгод пойти на определенные политические уступки Бухарскому ханству, именно в политической части не устраивала центральные правительственные органы. Правящие круги Российской империи стремились открыть широкий доступ русским купцам в Бухару, но не за счет политических уступок Бухарскому ханству.

Проведение в жизнь программы Крыжановского в одобренном Петербургом виде было затруднено взаимоотношениями, сложившимися между оренбургским генерал-губернатором и военным губернатором Туркестанской области. Черняев, ссылаясь на слабую осведомленность Крыжановского в местной обстановке, затягивал выполнение его указаний и добивался через Полторацкого непосредственного подчинения Туркестанской области Петербургу, минуя оренбургского генерал-губернатора. После неоднократных конфликтов Крыжановский добился санкции на замену Черняева и в конце декабря 1865 г. вызвал его в Оренбург. Это распоряжение не было передано Черняеву его начальником штаба полковником Ризенкампом. В письме Милютину и Крыжановскому Ризенкамп объяснял свой поступок сложностью ситуации, возникшей в русско-бухарских отношениях, с которой якобы мог справиться «только начальник энергичский, с полными правами, предоставленными законом, и даже лично заинтересованный в поправлении ошибки» — сам М. Г. Черняев⁸⁵.

⁸⁴ Милютин обосновал этот тезис тесными связями Кокандского ханства «с принятым под наше покровительство Ташкентом». Хотя на данном этапе военный министр считал необходимым отметить, что России «нет надобности принимать на себя опеку над Кокандом, заботиться о сохранении в нем спокойствия и т. д.», но намек на «общность интересов» этого ханства с уже занятыми землями не оставлял сомнений в намерениях царского правительства заставить его разделить участь Ташкента («Туркестанский край...», т. 21, ч. 1, стр. 20. «Записка военного министра относительно Ташкента и дальнейшей нашей политики в Средней Азии» от 14 января 1866 г.).

⁸⁵ Там же, стр. 20—22, 27—28. Донесения Ризенкампа — Крыжановскому от 14 января 1866 г. и Милютину от 21 января 1866 г. Вполне возможно, что Черняев был осведомлен о полученном распоряжении и сам «подготовил» действия своего начальника штаба

Фактическое пленение миссии Струве—Глуховского в Бухарском ханстве дало Крыжановскому повод для особых нареканий на своеволие М. Г. Черняева. Под предлогом «понуждения эмира» к освобождению послов Черняев предпринял военную демонстрацию: в начале января 1866 г. он двинулся к Чиназу во главе стрелкового батальона, а затем, подкрепившись дополнительными силами, форсировал Сыр-Дарью и направился через Голодную степь к крепости Джизак.

Но этот поход закончился неудачей. Слабые попытки штурмовать крепость были отбиты бухарскими войсками, которые также затрудняли Черняеву проведение фуражировки. В середине февраля 1866 г., исчерпав запасы снаряжения и фуража и преследуемый бухарской конницей, Черняев отступил на правый берег Сыр-Дарьи⁸⁶.

Провал Джизакской экспедиции решил окончательно участь Черняева. Получив полгода назад в знак «монаршего благоволения» золотую саблю с бриллиантами за взятие Ташкента, он в марте 1866 г. сдал должность генерал-майору Генерального штаба Д. И. Романовскому.

Эта замена, однако, не отразилась на общем ходе событий. В степи между Сыр-Дарьей и Джизаком продолжали происходить непрерывные стычки между царскими войсками и отрядами бухарского эмира. Крыжановский, еще недавно заявлявший о своем намерении положить конец военным походам, в письме военному министру от 7 апреля 1866 г. призывал к решительным действиям против Бухары и сообщил о своем намерении вновь отправиться в Ташкент для личного руководства боями⁸⁷.

Ясно, что и сам Крыжановский не был противником наступательных действий в Средней Азии; его прежняя позиция, по-видимому, объяснялась желанием самому пожать лавры, выпадавшие на долю его подчиненного — Черняева. Получив же возможность «отличиться» на военном поприще, он стал активно осуществлять завоевательные замыслы царизма.

Царское правительство одобрило планы оренбургского генерал-губернатора и вызвало его в Петербург. Еще до возвращения Крыжановского в Оренбург мелкие

---

⁸⁶ А. И. Макшеев, *Исторический обзор Туркестана...*, стр. 239—240.

⁸⁷ «Туркестанский край...», т. 21, ч. 1, стр. 155.

стычки между войсками Российской империи и Бухары переросли в крупное сражение в районе урочища Ирд-жар. В этом сражении (8 мая 1866 г.) бухарская армия во главе с эмиром была разбита и после неудачных попыток предпринять контрнаступление, понесла значительные потери, бежала в свои пределы.

Немедленно вслед за этим Романовский занял важные пункты, прикрывавшие доступ в Ферганскую долину, — г. Ходжент и крепость Нау. Его нисколько не смущало, что они принадлежали не Бухарскому ханству, с которым велась война, а Коканду, фактически прекратившему борьбу после падения Ташкента. Впрочем, уже «ирджарское дело», инициатором которого был Романовский, показало, что и сам он продолжает активную экспансионистскую политику своего предшественника Черняева и эти стремления находят полную поддержку в высших правительственных кругах⁸⁸. В Петербурге и Оренбурге закрывали глаза на противоречивый характер сообщений военного губернатора Туркестанской области, мотивировавшего свой поход на Ходжент и Нау стремлением к «точнейшему исполнению видов правительства, желающего избегать завоеваний и ограничиваться лишь такими военными действиями, которые для спокойствия края, принятого под покровительство России, и для поддержания нашего достоинства в Средней Азии крайне необходимы»⁸⁹.

Теперь Романовский настаивал на включении Нау и Ходжента в состав Российской империи, ссылаясь на «отказ» правителей Бухары и Коканда от прав на эти пункты при условии заключения мира. В Петербурге понимали вынужденный характер этих «отказов», и военный губернатор Туркестанской области делал упор на большом стратегическом и торговом значении Ходжента⁹⁰. Вместе с тем он предлагал начать мирные переговоры с ханствами, так как эмир освободил посольство Струве — Глуховского (оно в начале июня 1866 г. вернулось в Та-

---

⁸⁸ Так, Милютин сообщил Крыжановскому об «искренней радости Александра II в связи с одержанной Романовским победой при Ирджаре («Туркестанский край...», т. 21, ч. 1, стр. 240. Записки Милютина от 30 мая 1866 г.).

⁸⁹ Там же, стр. 270. Донесение Романовского — Крыжановскому от 6 июня 1866 г.

⁹⁰ Там же.

шкент) и обещал немедленно отпустить русских купцов, задержанных в Бухаре.

После Ирджарского сражения Романовский предъявил эмиру предварительные условия мира. Они предусматривали признание Бухарским ханством всех территориальных захватов Российской империи в Средней Азии и проведение границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум; уравнивание пошлин, взимавшихся с русских товаров в ханстве, с пошлинами, какими облагались бухарские товары в России; обеспечение безопасности и свободы передвижения русских купцов в Бухаре; выплата военной контрибуции.

Как подчеркивал военный губернатор Туркестанской области, он специально включил пункт с требованием контрибуции, чтобы в случае необходимости заменить его любым другим условием⁹¹.

Так как Крыжановский сохранил prerogативы ведения окончательных мирных переговоров со среднеазиатскими ханствами, то после посещения Петербурга и совещаний с высшей сановной знатью он значительно расширил программу экспансионистских действий, включив в нее военные походы на Бухару и Коканд.

«Побив эмира так, как вы его побили, — писал Крыжановский Романовскому, — надо от него всего требовать, не уступая ему ни в чем». В отношении Коканда он предлагал «принять... тон высокий, третировать Худояр-хана, как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним»⁹².

17 августа 1866 г. Крыжановский приехал в Ташкент для осуществления намеченных захватнических планов. Вскоре после его приезда было официально провозглашено включение в состав Российской империи всех занятых земель — не только Ташкента, но и зачирчикских районов, Ходжента, Нау и др.

Оренбургский генерал-губернатор потребовал от бухарского эмира присылки уполномоченного для переговоров о мире. В начале сентября посол согласился принять

⁹¹ Д. И. Романовский, *Заметки по среднеазиатскому вопросу*, стр. 76.

⁹² А. И. Макшеев, *Исторический обзор Туркестана...*, стр. 246—247.

все условия, но просил лишь исключить пункт о выплате контрибуции. Это было использовано Крыжановским в качестве предлога для начала военных действий. Еще до окончания переговоров (5 сентября 1866 г.) Крыжановский писал Милютину, что выступает в поход против Бухарского ханства⁹³. 13 сентября он предъявил послушно невыполнимый ультиматум: в десятидневный срок выплачивать крупную контрибуцию (100 тыс. бухарских тилл). 23 сентября царские войска вторглись в пределы Бухарского ханства и вскоре штурмом заняли важные крепости: Ура-Тюбе, Джизак и Яны-Курган.

Добившись успехов в борьбе с более слабым противником, Крыжановский отбыл в Оренбург. Таким образом, укрепившись во вновь занятых районах, царские войска вышли на подступы к Самарканду.

Тем временем из Индии в Россию направилось посольство полузависимого от англичан княжества Индур, расположенного в центральной части полуострова Декан. Индурская миссия, выехавшая летом 1866 г., к концу года через Лахор — Пешавар — Кабул — Бамиан — Балх добралась до бухарского города Карши. Здесь она была задержана местными властями, отобравшими почти все ее документы. Лишь главе миссии удалось сохранить письмо к русским властям. Оно было написано симпатическими чернилами на листке чистой бумаги, а потому не привлекло внимания бухарских чиновников.

В июне 1867 г. глава миссии был отправлен из Карши в Самарканд. Вместе со сгонявшимися на войну ремесленниками и дехканами индурец участвовал в столкновении под Яны-Курганом 5 июля 1867 г., а при отступлении бухарских войск перешел в русский лагерь, откуда был отправлен в Ташкент для выяснения личности. Посланец оказался сыном главного министра княжества Индур — Гаухар-султана. Он заявил, что послан правителем Индура — Мухаммед Гали-ханом (в действительности во главе Индура был Рао Холькар II), возглавляющим союз княжеств: Индур, Хайдарабад, Биканер, Джодхпур и Джайпур.

По словам исполнявшего должность военного губернатора Туркестанской области Мантейфеля, индурец произвел на него впечатление «весьма смышленного че-

---

⁹³ Там же, стр. 248.

ловека и начертил даже карту Индии и всего его пути до Ташкента»⁹⁴, сообщив при этом, что в Индии распространились слухи о занятии Россией Самарканда, Бухары и всех земель, расположенных вдоль Аму-Дарьи.

Рекомендуя посланца как особо доверенное и уполномоченное лицо, правитель княжества писал в присланном им зашифрованном письме, что посылает его для установления дружественных взаимоотношений с Россией, поручая «состоять при русском военачальнике» для поддержания связи с Индуром, который, как гласило далее письмо, «до сих пор еще не подчинился англичанам»⁹⁵.

Вместе с письмом посол представил и проект своеобразного договора между Российской империей и союзом перечисленных княжеств, правители которых обязывались по этому проекту дружелюбно принять «главнокомандующего русского со своими войсками» и не предоставлять убежища врагам России. Правительство Российской империи соответственно должно было обещать не вмешиваться во внутренние дела княжеств и возвращать бежавших оттуда преступников. «В случае надобности русских в войске и деньгах, — говорилось далее в этом проекте, — им позволяется брать у нас и то и другое, но в размере, сколько мы будем в состоянии дать им»⁹⁶.

Никаких конкретных результатов это посольство не имело. Собираясь в обратный путь, индурец просил Мантейфеля дать ему ответное письмо для передачи правителю княжества. Но осторожный Мантейфель отказался выполнить его просьбу и заявил, что находит это «совершенно лишним и неуместным» при сложившихся обстоятельствах. Послу был выдан лишь документ, удостоверявший, что он был принят в Ташкенте русскими властями и возвращается на родину. В августе 1866 г. индурец через Ходжент — Коканд и Кашмир направился в обратный путь.

Так завершилось индурское посольство в Россию. Его прибытие еще раз подтвердило стремления индийских княжеств установить контакт с Россией для противодействия английской колониальной политике.

⁹⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 35, док. 112. Донесение Мантейфеля — Крыжановскому от 23 июля 1867 г.

⁹⁵ Там же, приложение 1 к док. 112.

⁹⁶ Там же, приложение 2.

ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

К 1867 г. обширные территории Средней Азии были включены в состав Российской империи. Для обсуждения проблемы административного устройства завоеванных районов был создан комитет под председательством Милютина в составе Крыжановского, Стремоухова, начальника Главного штаба Гейдена, непосредственных участников военных действий в Средней Азии Черняева, Романовского и Воронцова-Дашкова, членов так называемой степной комиссии Гирса, Гутковского, Гейнса, Проценко и др. /

Несмотря на возражения Крыжановского, комитет решил изъять среднеазиатские владения из ведения оренбургских властей и образовать отдельное Туркестанское генерал-губернаторство, куда должны были войти две области: Сыр-Дарьинская и Семиреченская. Закон о создании новой административной единицы был принят 11 июля 1867 г.

Первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман. Он участвовал в военных действиях на Кавказе, был правителем канцелярии военного министерства, а затем занимал должность виленского генерал-губернатора. Царским манифестом от 17 июля 1867 г. Кауфману были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами»⁹⁷.

Передним была поставлена задача — открыть прежде всего «широкий и легко доступный путь нашей отечественной торговле и промышленности в глубь Средней Азии»⁹⁸.

Кауфман стал настоящим хозяином в Туркестане. Недаром местные жители дали ему прозвище «ярым-подшо» — полуцарь. Его подчиненный Н. П. Остроумов отмечал, что Кауфман своими распоряжениями «иногда

⁹⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 22, д. 409. «Грамота высочайших полномочий», лл. 10—11.

⁹⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, л. 91.

даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»⁹⁹.

Этот неограниченный властелин выехал в Ташкент, получив задание максимально облегчить колоннальное освоение занятых Российской империей среднеазиатских земель. Выполнение этого задания, отвечавшее интересам торгово-промышленных слоев империи, являлось одной из непосредственных целей царского правительства. «Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия. — по выражению В. И. Ленина, — есть самая сильная материальная зависимость...»¹⁰⁰.

Предприниматели Российской империи продолжали проявлять большую заинтересованность в расширении среднеазиатской торговли и эксплуатации природных ресурсов Туркестанского края. Еще в апреле 1866 г. в связи с присылкой Черняевым из Средней Азии на этнографическую выставку 1867 г. коллекций образцов сельскохозяйственной продукции и промышленных изделий Туркестана в Москве было созвано объединенное заседание Московского общества сельского хозяйства и Общества любителей естествознания при Московском университете, посвященное экономическим ресурсам Туркестанского края. Оно вызвало огромный интерес: на нем присутствовало свыше пятисот представителей различных отраслей промышленности и торговли, а также видные ученые. Выступивший на заседании президент Московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов в докладе о природных богатствах и экономике Средней Азии подробно остановился на значении и перспективности развития с ней всесторонней связи. Он призывал «купечество и промышленников... докончить дело, начатое русским войском... и упрочить за Россией значение» в Азии¹⁰¹.

Крупные предприниматели и ученые — Д. П. Шипов, И. К. Бабст, Т. С. Морозов, М. Я. Киттары, Г. Е. Шуровский, С. А. Маслов и др. — настаивали, чтобы правительство обеспечило безопасность торговли, и постановили выразить признательность М. Г. Черняеву «не только» за успешное руководство военными действиями, но и за

⁹⁹ [Н. Остроумов]. *Константин Петрович фон Кауфман...*, стр. 102.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, *Первые итоги политической группировки*, стр. 10.

¹⁰¹ «Современная летопись», № 10, стр. 5—8.

«участие, которое он принимает в деле развития промышленности и торговли»¹⁰².

Специальное заседание было посвящено транспортным проблемам. На нем было принято решение отправить специальную экспедицию для исследования местности между Каспийским и Аральским морями, по которой намечалось проложить торговую дорогу в Туркестан.

Расширение владений Российской империи в Средней Азии встретило одобрение у деловых кругов не только важнейшего торгового центра — Москвы, но и других городов страны. Уфимское городское собрание, например, в мае 1866 г. отправило М. Г. Черняеву благодарственный адрес, в котором отмечало значение «присоединения к России обширных и богатых природой областей... открытие новых, весьма значительных рынков для отечественной торговли» и присваивало в знак этого бывшему военному губернатору Туркестанской области звание почетного члена собрания¹⁰³.

Продвижение царских войск в Среднюю Азию вызвало положительную реакцию также у нижегородских, уральских, оренбургских предпринимателей. Особенно большой интерес проявляли все же представители центрального промышленного района — торговцы, заводчики, финансисты, текстильные и прочие фабриканты Иваново-Вознесенска, Владимира, Орехово-Зуева, Ярославля, Твери, Тулы и других городов, а главное второй столицы империи — Москвы. Среднеазиатская политика привлекала большое внимание московских публицистов и экономистов, связывавших ее успехи с общим развитием отечественной промышленности и подъемом экономики.

Крупный дореволюционный специалист в области истории международной торговли И. Янжул¹⁰⁴, например,

¹⁰² «Современная летопись», № 11, стр. 8. Современник М. Г. Черняева — реакционный политический деятель Е. М. Феоктистов свидетельствует о большой популярности «завоевателя Ташкента» среди московских купцов (*Воспоминания... За кулисами политики и литературы. 1848—1896*, стр. 332—333).

¹⁰³ А. Ч. Черняевский музей, — «Военно-исторический сборник», 1916, № 1, стр. 76.

¹⁰⁴ И. Янжул, в частности, был автором обширного труда об английском фритредерстве: «Английская свободная торговля. Исторический очерк идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства», вып. 1. «Период меркантилизма», М., 1876; вып. 2. «Период свободной торговли», М., 1882.

писал: «До тех пор, пока не разовьется наша промышленность и торговая деятельность, русский народ останется так же беден, как и теперь, на той же низкой степени образования». Ссылаясь в качестве подкрепления своих взглядов на Н. Г. Чернышевского, Янжул возражал против мнения некоторых экономистов, что Россия «чисто земледельческое государство» и должна остаться таким. Он призывал к равномерному развитию «мануфактурного» и сельскохозяйственного производства¹⁰⁵.

Само собой разумеется, что экономические законы проявлялись в России вне зависимости от точки зрения того или иного экономиста. Страна твердо шла по пути капиталистического развития, и не было сил, какие могли бы повернуть ее вспять. Высказывания Янжула приведены лишь, дабы отметить, что и он, как в свое время Ю. Гагемейстер, но уже в пореформенный период поддерживал положение: «Рынки России—в Азии, особенно в Средней Азии». Но с овладением этими рынками связаны и политические проблемы.

После подчинения Средней Азии, писал Янжул, «русские мануфактуры найдут в ней не только верный, но сравнительно с нынешним гораздо обширный рынок. За завоеванием политическим последует торговое»¹⁰⁶. Российские предприятия будут обеспечены сырьем — хлопком и шелком-сырцом — и перестанут зависеть в этом отношении от импорта.

Такие взгляды были характерными и для других экономистов и публицистов, связанных с укреплявшей свои позиции в стране буржуазией.

Много внимания уделяла развитию торговых связей со Средней Азией газета «Москва». Ее редактором-издателем был член известной семьи славянофилов И. С. Аксаков, близко стоявший к московскому купечеству. Эта газета, в первом же номере которой провозглашалось, что в ней будет отведено «почетное место интересам русской промышленности и торговли»¹⁰⁷, призывала закрепить за Россией господство на среднеазиатских рынках.

Газета, в частности, предостерегала против учреждения в Бухарском ханстве английского консульства. Вслед

---

¹⁰⁵ И. Янжул, *Исторический очерк...*, стр. 5.

¹⁰⁶ Там же, стр. 43.

¹⁰⁷ Газ. «Москва», 1867, № 1.

за консулом, отмечала «Москва», сюда приедут британские торговцы и предприниматели, «и тогда не трудно предвидеть, что станет с этим драгоценным, по невозможности встретить нам еще теперь конкуренцию, рынком»¹⁰⁸.

Использование рынков Средней Азии для русской торговли находилось также под пристальным и неослабным наблюдением финансистов и промышленников, группировавшихся вокруг петербургской биржи. Большую роль здесь играло влиятельное «Общество для содействия русской промышленности и торговле». Одним из стимулов его создания являлось стремление торгово-промышленных кругов Российской империи противодействовать пропаганде опасного для экономики страны фриттердеста, которую вели во второй половине 60-х годов XIX в. (в связи с подготавливавшимся пересмотром таможенного тарифа) английский консул в Петербурге Митчел и экономист Де-Моллини.

Инициаторами образования общества для защиты интересов отечественных предпринимателей были крупный лесопромышленник В. Ф. Громов, представитель кяхтинского купечества в Петербурге И. А. Носков, известный в свое время заводчик и общественный деятель А. П. Шипов, петербургский городской голова Н. И. Погребов. Большую роль играли в нем также финансисты, купцы, заводчики и фабриканты — Варгунин, Комаров, Золотарев, Беляев, городские головы: Рыбинска — Журавлев и Череповца — И. Милютин, юрист (впоследствии сенатор, член Государственного совета) Книрим, издатель: «Вестника промышленности» — Скуратов, «Торгового сборника» — Красильников и многие другие. Устав общества был утвержден 17 ноября 1867 г.¹⁰⁹

Его члены, среди которых находились лица, непосредственно связанные с политикой царизма в Туркестане и со среднеазиатской торговлей (Н. П. Игнатьев, ставший впоследствии, в 1883 г., почетным членом общества, Ю. А. Гагемейстер, А. И. Глуховской, А. А. Шавров и др.),

¹⁰⁸ Ф. Никитников, *Нужен ли консул в Бухаре*.

¹⁰⁹ См. «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», ч. 22, СПб., 1893, стр. 43; «Отчет о деятельности Общества за 1867—1892 гг.», стр. 2—4. а также мемуары члена-делопроизводителя общества К. Скальковского *Воспоминания молодости...*, стр. 295.

много времени и энергии уделяли изучению торговых путей в Среднюю Азию. Они детально разрабатывали проблемы, связанные с занятием побережья Красноводского залива и с созданием там русской торговой фактории. Они интересовались даже возможностью повернуть течение Аму-Дарьи из Аральского в Каспийское море для использования этой реки в качестве водной транспортной магистрали.

Особенную активность проявлял при этом А. И. Глуховской. В его лице нашел выражение типичный деятель колониальной политики, пользовавшийся плодами этой политики, сочетая пребывание на государственной службе с участием в разнообразных торгово-промышленных компаниях. Будучи офицером Генерального штаба, подполковник Глуховской, как отмечалось, выполнял дипломатические поручения в Средней Азии, а по возвращении из Бухары в Петербург настаивал на дальнейшем наступлении на это ханство и превращении его в вассала Российской империи. Он направил в правительственные учреждения специальную «Записку о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии».

В этом документе Глуховской отвергал целесообразность каких-либо «полумер» в русско-бухарских отношениях. Он увязывал «процветание торговли» России, развитие ее «мануфактурной промышленности» и утверждение ее политического влияния на Востоке с занятием господствующей позиции «на Аму-Дарье»¹¹⁰.

Единственным путем к такой цели, утверждал этот полуофицер-полупредприниматель, является полное подчинение Бухарского ханства. Но поскольку «немедленное покорение Бухары сопряжено с большими неудобствами» (к их числу Глуховской относил напряженность общей международной обстановки, финансовые затруднения России, сложность управления обширным краем и т. п.), он предлагал вначале занять крепость Джизак и ущелье Джилан-Уты, контролировавшие доступ в Зеравшанскую долину, и разместить в Бухаре отряд царских войск в качестве «телохранителей эмира».

Военное министерство отклонило предложения Глу-

---

¹¹⁰ [А. М. Глуховской], *Записка...*, стр. I—II.

ховского, мотивируя тем, что их осуществление должно привести к полному поглощению Бухарского ханства, не входившему в планы правительства, особенно в сложившейся военно-политической обстановке ¹¹¹.

Однако далеко не всегда предложения российских предпринимателей встречали отрицательное отношение в правительственных кругах. В подавляющем большинстве случаев просьбы и предложения как отдельных дельцов, так особенно Общества для содействия русской промышленности и торговле находили там полное понимание, оказывали несомненное воздействие на правительство империи, подталкивая на путь дальнейшей экспансии.

Торгово-промышленная деятельность русских купцов в Средней Азии не прекращалась даже в самый разгар боевых операций. Так, в 1866 г., во время войны между Россией и Бухарским ханством, крупный делец А. Хлудов отправил свои товары в Бухару и очень выгодно продал их ¹¹². В следующем году большая партия была направлена из Ташкента в Кокандское ханство. Торговые дома бр. Хлудовых, Кривошенна и др. готовились к посылке новых караванов в Бухару.

Освоение соседних рынков постоянно находилось в центре внимания царских властей в Туркестане. Основное положение в докладе, составленном в канцелярии туркестанского генерал-губернатора, гласило: «Проникнувшись важностью такого дела, как развитие русской торговли в Средней Азии, администрации областей (Сыр-Дарьинской и Семиреченской. — Н. Х.) должны содействовать купцам, одобрять и отмечать наиболее энергичных представителей русского купечества, быстро и безо всяких проволочек исполнять все, в чем купечество может нуждаться от властей, — одним словом, добросовестно и от души содействовать развитию нашей торговли» ¹¹³. В докладе подчеркивалось, что целью торговой политики царского правительства в Средней Азии является максимальное развитие торговых оборотов

---

¹¹¹ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 6798, лл. 57—61. Записка Главного штаба «По отчету пребывания в Бухаре нашего посольства, представленному подполк. Глуховским» от 28 июля 1867 г.

¹¹² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 32, д. 367, «О русской заграничной торговле в Средней Азии», лл. 4—5.

¹¹³ Там же, лл. 4—5. Доклад канцелярии туркестанского генерал-губернатора от 29 декабря 1867 г.

купчества Российской империи, «чтобы русские товары проникали на азиатский материк как можно южнее и восточнее».

Это нашло прямое отражение в практической деятельности Кауфмана сразу же после его приезда в Ташкент. По специальному указанию туркестанского генерал-губернатора была создана комиссия по устройству ярмарки в Ташкенте¹¹⁴. В 1868 г. Кауфман обратился с большой речью к «именитым людям» Ташкента, носившей своего рода программный характер. Он сделал исторический экскурс в недавнее прошлое торгово-политической жизни Средней Азии, особо подчеркнув, что ханы и беки отбирали у местного населения и у торговцев в свою пользу «все ценное и хорошее», с чем купцы «возвращались из Ирбита, Нижнего, Петропавловска и Троицка», «Богатые люди, — продолжал Кауфман, — подвергались по капризу высших властей опасности быть повешенными или зарезанными потому только, что они были богаты». Генерал-губернатор ссылаясь на проведенное уменьшение податей и налогов, особенно тех, которыми было обложено торговое сословие¹¹⁵. Далее он призывал к развитию экономических связей с остальной частью страны.

Прибыв в Ташкент, Кауфман отказался признать мирный договор, который Крыжановский еще до образования отдельного Туркестанского генерал-губернаторства подписал в Оренбурге с бухарским послом. По условиям этого соглашения наложенная на Бухару контрибуция отменялась, а крепость Яны-Курган (близ Самарканда) возвращалась эмиру. Кауфман возражал против отказа от контрибуции и предлагал провести русско-бухарскую границу западнее, чем это было предусмотрено договором. По его приказанию был подготовлен и отправлен эмиру Музаффару новый проект.

Царское правительство готовилось к решительной войне против Бухарского ханства. Чтобы обеспечить свой тыл и закрепить зависимое от Российской империи положение Кокандского ханства, Кауфман в январе 1868 г. добился принятия Худояр-ханом торгового договора. Этот договор предоставлял русским купцам все те

---

¹¹⁴ Эта ярмарка была открыта в конце 1870 — начале 1871 г.

¹¹⁵ А. Семенов, *Покоритель и устроитель Туркестанского края...*, стр. XVI—XIX.

льготы и привилегии, которые царское правительство долго пыталось обеспечить за собой. В частности, устанавливались фиксированные пошлины на ввозимые товары в размере 2,5% их стоимости. Так же как кокандским купцам в России, российским торговцам гарантировались свободное и безопасное пребывание в ханстве, проезд в любую его часть и организация здесь складочных пунктов (караван-сараев). В Коканде разрешалось пребывание российских торговых агентов.

Договор 1868 г. фактически превращал Кокандское ханство в контролируемый царским правительством рынок сбыта российских товаров и источник сырьевых ресурсов. Добившись осуществления своих целей в отношении Кокандского ханства, царское правительство уделяло все внимание утверждению своего господства над Бухарой.

Положение в Бухарском ханстве было очень напряженным. Уже в первой половине 1868 г. в Бухаре и Самарканде, как в свое время и в Ташкенте, определились две группировки среди господствовавших кругов ханства. Бухарское духовенство и феодальная верхушка требовали от эмира решительных действий против Российской империи. Они делали ставку на старшего сына эмира — Абдулмалика, по прозвищу Катта-тюра, обвиняя Музаффар-шаха в слабости и вялости. Опираясь на многочисленных учеников мусульманских религиозных училищ, духовенство издало фетву (указ) о «священной войне» (газавате) против русских.

Противоположную позицию занимало бухарское купечество, торговые и ремесленные слои Бухары и Самарканды. Заинтересованные в развитии экономических связей, они стремились к быстрейшему урегулированию конфликта. В борьбе этих группировок победа оказалась на стороне более могущественного духовенства и феодальной аристократии. В апреле 1868 г. возглавляемые эмиром бухарские войска вышли к р. Зеравшан, оставив в тылу у себя Самарканд. Навстречу им с востока туда же подошли царские отряды под командованием самого Кауфмана. Эмир потребовал у него возвращения Джизака и других занятых царскими войсками городов, а генерал-губернатор настаивал на принятии Бухарским ханством договора об отказе от территориальных претензий и на выплате значительной контрибуции.

Царь и военное министерство одобрили предложенный Кауфманом план наступательных действий¹¹⁶. 1 мая 1868 г., ссылаясь на то, что эмир не отвел свои войска от Зеравшана в глубь бухарской территории, туркестанский генерал-губернатор отдал приказ о форсировании реки. В тот же день сарбазы эмира отступили под напором русских войск. Хотя никаких серьезных сражений под Самаркандом не произошло, отступление бухарцев превратилось в паническое бегство, пример которому показали эмир и высшие сановники ханства.

Этот эпизод образно описан современником событий выдающимся таджикским просветителем Ахмади Донишем в его труде «Жизнеописание эмиров благородной Бухары». Дониш писал: «Сражавшиеся нашли необходимым... бежать: каждый бежал так, как мог бежать; бежали куда глаза глядят, бросали все имущество, снаряжение. Некоторые бежали в сторону русских, и последние, узнав их положение, накормив и напоив, отпускали их.

Эмир, загнув штаны... тоже убежал. Никто не хотел воевать»¹¹⁷.

Отступление эмирских отрядов из района Самарканда вызвало новое обострение противоречий между различными группировками в этом городе. Феодално-клерикальные круги пытались организовать сопротивление ремесленников и торговцев. Дело дошло до вооруженного столкновения между сарбазами бека и духовенством, с одной стороны, городской беднотой и отдельными представителями купечества — с другой. На этот раз верх одержали торгово-ремесленные слои Самарканда, не желавшие вести борьбу против русских войск.

События в Самарканде рисуют любопытную картину того, как борьба против наступавших царских войск осложнялась классовыми противоречиями. Население отдельных городов и районов Средней Азии готово было

---

¹¹⁶ Об этом свидетельствует рапорт туркестанского генерал-губернатора в Петербург от 1 мая 1868 г. (ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 79710, лл. 5—11).

¹¹⁷ Цит. по кн.: З. Ш. Раджабов, *Из истории общественно-политической мысли таджикского народа...*, стр. 175. Перевод этого отрывка, содержащийся в кн.: Ахмад Дониш, *Путешествие из Бухары в Петербург...*, стр. 52—53, мало отличается от сделанного З. Ш. Раджабовым.

«согласиться с приходом «другой власти», еще неизвестной, лишь бы избавиться от террора и произвола тех, жестокость которых оно уже испытало. Мирза Азим Сами пишет, что самаркандцы «очень страдали от гнета и притеснений Шир-Али-инака (хаким, правитель Самаркандской области. — Н. Х.) и желали его смещения».

Они обратились к эмиру «с мольбой о помощи и с просьбой отстранить» этого правителя и назначить кого-либо иного, обещая в таком случае принять активное участие в отражении «христиан».

Эмир, однако, «не принял это желание народа в преддверие своего лучезарного сердца и даже подверг наказанию несколько человек из народа». Когда Музаффар, находившийся в это время в Самарканде, отправился в свою резиденцию в Кермине, Шир-Али-инак «сурово наказал несколько уважаемых людей из самаркандских жителей в отместку за жалобы на притеснение [им] народа»¹¹⁸.

Это вызвало огромное возмущение в городе. Стычки между феодально-клерикальными кругами и торгово-ремесленными слоями Самарканда, готовыми открыть ворота войскам Кауфмана, приняли еще более ожесточенный характер. В конечном итоге, как эпически повествует Сами, «от жителей Самарканда, страдавших от гнета Шир-Али и от невнимания главы государства, русскому командующему пришло письмо, в котором они сообщали ему, что они желают, чтобы он занял Самарканд. Генерал Кауфман посчитал это небесным даром»¹¹⁹.

На совещании сторонников отказа от борьбы были выделены специальные представители для извещения генерал-губернатора Кауфмана о добровольной сдаче Самарканда¹²⁰.

Действительно, когда туркестанский генерал-губернатор подошел со своей армией к стенам города, ворота оказались открытыми. Кауфман без сопротивления овла-

¹¹⁸ Мирза Абдал Азим Сами, *Та'рих-и...*, стр. 66—67.

¹¹⁹ Там же. стр. 70.

¹²⁰ См. интересную публикацию: Л. Х. Симонова, *Рассказы очевидцев...*, стр. 844—866. Сообщение Симоновой основано на беседах с торговцем Комилбаем и другим свидетелем, которого она именует «Мухаммед Суфн-ткач, сын муллы и имама».

дел Самаркандом, откуда послал донесение в Петербург о занятии этого города ¹²¹.

Преследуя эмира, царские войска 11 мая 1868 г. овладели крупным населенным пунктом Ургутом, а через пять дней — Катта-Курганом — последним большим городом на подступах к столице ханства — Бухаре.

2 июня 1868 г. на Зирабулакских высотах, между Катта-Курганом и Бухарой, произошло решающее сражение. Плохо организованная, обученная и оснащенная армия эмира снова потерпела поражение и фактически разбежалась. Дорога на Бухару была открыта, а сам Музаффар собирался бежать в Хорезм.

Однако в планы Кауфмана вовсе не входила полная ликвидация ханской власти. Как и в отношении Хивинского ханства, царское правительство по различным соображениям внешнеполитического и внутривосточного характера предпочитало сохранить существование в Средней Азии феодальных деспотий. К тому же до войск генерал-губернатора стали доходить слухи о восстании в их тылу, в Самарканде, где Кауфман оставил раненых под защитой небольшого гарнизона. Это заставило его повернуть обратно, на выручку осажденного в городе отряда.

Чем объясняется это выступление в пункте, который лишь за месяц до того капитулировал без борьбы и по сути нисколько не пострадал от военных действий? В имеющейся литературе этот вопрос не рассматривался специально, а дореволюционные источники тенденциозно характеризуют восстание лишь как вспышку «религиозного фанатизма». Между тем очень интересные сведения о происшедших событиях сообщает очевидец многих из них — Мирзо Азим Сами. Судя по его трактовке — а в незнании или искажении фактов его трудно заподозрить, — суть дела заключалась в вспышке острейшей междоусобной борьбы различных феодальных группировок Бухарского ханства.

Старые противники централизаторской деятельности эмира — беки Шахрисябзского оазиса — воспользовались разгромом армии Музаффара для выступления против него. Они выдвинули на передний план сына эмира —

¹²¹ ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 49 710, лл. 13—14. Донесение Кауфмана от 2 мая 1868 г.

Абдалмалика-тюрю, молодого человека, именем которого стремились захватить всю власть в стране. В присутствии ему образном стиле Сами пишет: «Хакимы областей Гиссара, Ширабада, Денау и Куляба, назначенные государем (т. е. эмиром Музаффаром.— Н. Х.), потеряли власть, и никто им не повиновался. Кунграты Ширабада сместили царского (т. е. опять-таки эмирского.— Н. Х.) хакима инака Каримкул-бия и вместо него возвели правителем Астанакул-бия букаджли. В каждом владении и области смута подняла голову, и волнения мятежа привели мир в беспорядок»¹²².

В целях укрепления своего авторитета антиэмирская группировка решила провозгласить газават, или джихад, — «священную войну против неверных» — и двинула военные отряды на Самарканд. «Шахрисябзские хакимы выехали навстречу тюре и со всеми воинами и приверженцами газавата из кенегесов присоединились к войску тюре. Пройдя горы Тах-Карача, они достигли Самарканда»¹²³.

Гарнизон царских войск, укрепившись в местной цитадели, с большим трудом отбивал атаки нападавших, которых поддерживали притихшие было в мае самаркандские сторонники решительной борьбы против отрядов Кауфмана. Попытки осажденных дать знать передовым войскам о случившемся терпели неудачу: отправленные ими гонцы перехватывались по дороге. Настойчивость самаркандских повстанцев почти привела их к успеху. Но это не устраивало бухарского эмира и его ближайшее окружение. Потерпев новое поражение у Зирабулака, Музаффар особенно боялся того, что шахрисябзские и самаркандские «борцы за веру», добившись победы в важнейшем по значению городе ханства, окрепнут не только с военной, но и морально-политической точки зрения и заменят его на престоле своим ставленником Абдулмалик-тюрей.

Эмир принял свои меры, о которых лучше всего сказать словами все того же Сами. «Государь, опасаясь, что если тюря одержит победу и дело [его] удастся, то несомненно царская власть перейдет к тюре и он станет претендовать на царство, стал предпринимать меры для

¹²² Мирза Абдал Азим Сами, *Та'рих-и...*, стр. 84.

¹²³ Там же, стр. 85.

того, чтобы сокрушить достоинство [тюри] и его дерзость...

Одному из каршинских военачальников, Му'мин-бек-туксабе... человеку хитрому и лукавому, пообещав награду, милость и повышение в должности, указали, чтобы он любой хитростью и средствами, которые знает и может [применить], внес бы разброд в войско тюри. Вышеупомянутый [туксаба] по злобности нрава и в надежде на обещанное приложил к глазу палец согласия и из-за коварства, хитрости и по наущению дьявола написал несколько лживых писем».

Он писал, что «Россия заключила с эмиром мир и, для того чтобы потушить пламя смуты тюри и кенегесов, [эмир] послал на Шахрисябз Османа (своего военачальника. — Н. Х.) с сарбазами в сопровождении христиан. Эти лживые письма попали в руки шахрисябзских хакимов и эмиров войска тюри, и те сразу потеряли мужество и [из опасения] за свои семьи, которые, не дай бог, попадут в руки врагам — что послужит причиной бесчестия, — забеспокоились, поневоле сняли осаду Самарканда и направились в Шахрисябз. И сколько тюря и военачальники ясными доводами ни доказывали им отсутствие правды [в письмах] и ложность [всего] этого и [сколько] ни удерживали их от бегства, пользы не было. Итак, тюря вынужден был уйти из Самарканда»¹²⁴.

Нет сомнения, что на осаждавших самаркандскую цитадель оказали влияние не только действия эмира Музаффара, но и поворот войск Кауфмана в обратном направлении, однако рассказ Сами, красочно характеризующая раздоры среди бухарской правящей верхушки, ослаблявшие ее силы, вносит серьезные коррективы в представление о событиях тех лет.

Впрочем, восстание в Самарканде, как и распри феодально-племенной знати, не оказало существенного влияния на дальнейший ход событий. Бухарское ханство было вынуждено капитулировать. 23 июня 1868 г. между Российской империей и Бухарским ханством был заключен мирный договор. Бухарское правительство официально признало вхождение Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака в состав Российской империи. Русским подданным предоставлялось право свободной торговли и учреждения тор-

¹²⁴ Там же, стр. 89—91.

говых агентств в ханстве, проезда через его территорию в другие государства, а также гарантировалась безопасность личности и имущества. Царское правительство добилось принятия эмиром пункта о выплате 500 тыс. руб. контрибуции. Для обеспечения выплаты оно объявило о временной оккупации Самарканда и Катта-Кургана, из районов которых был образован Зеравшанский округ (в составе Самаркандского и Катта-Курганского отделов).

В результате территориальных аннексий и неравноправных договоров, навязанных Кокандскому и Бухарскому ханствам в 1868 г., царское правительство добилось полного господства над обширными землями Средней Азии и подчинения своему контролю двух наиболее крупных и богатых ханств.

Успехи политики царизма были с удовлетворением встречены влиятельными политическими и торгово-промышленными кругами Российской империи. «Русский вестник», откликаясь на события, происшедшие в 1864—1868 гг. в Средней Азии, подчеркивал, что они «возбуждают все больший и больший интерес»; в журнале указывалось, что перспективы развития отечественной промышленности и торговли определяются тем, «в какой мере мы сумеем приурочить к себе обширные и многочисленные рынки, непосредственно прилегающие ко вновь завоеванным землям»¹²⁵.

Безусловно одобрительную оценку нашло присоединение значительной части Средней Азии к России и на страницах «Вестника Европы». Этот журнал, издателем которого был связанный с либеральной буржуазией М. Стасюлевич, посвятил специальную статью «Туркестанской выставке» 1869 г. в Петербурге. Отмечая наличие в Средней Азии месторождений различных руд (железных, медных, свинцовых) и каменного угля — «важных задатков» развития края, автор статьи (она шла как редакционное «Внутреннее обозрение») указывал, что Туркестан имеет все необходимые условия сделаться богатым, если русские предприниматели сумеют использовать его природные ресурсы и экономические условия.

«Вестник Европы», отражая взгляды русской буржуазии, писал, что наличие предпосылок для развития про-

¹²⁵ И. Львов, *Завоевание Туркестана*, стр. 152.

мышленности в Средней Азии, с одной стороны, и недостаточность этого развития — с другой, являются залогом того, что «нам предоставляется новое обширное поле для деятельности... громадный рынок для сбыта изделий восточной России, несмотря на английскую конкуренцию»¹²⁶.

Наряду с этим в журнале содержались сетования на недостаточную поддержку правительством русской торговли, которая «должна прокладывать себе пути сама», тогда как английская торговля пользуется широким содействием своего правительства, облегчавшего ей борьбу за рынки. Жалуясь на отсутствие четко сформулированных конкретизированных целей политики, автор обозрения предостерегал от каких-либо уступок Англии (в это время начались переговоры между Англией и Петербургом по основным проблемам положения в Центральной Азии), высказывался против допуска английских консулов в Среднюю Азию. Он призывал больше внимания уделять разработке ее минеральных ресурсов, развитию промышленности и путей сообщения¹²⁷, не увлекаться одними административными мероприятиями, а придать политике «характер экономический, промышленный, торговый»¹²⁸.

Таким образом, оба влиятельных и авторитетных журнала — и «Русский вестник» и «Вестник Европы» — привлекали внимание к обеим сторонам вопроса — внутриэкономическому и внешнеполитическому значению присоединения среднеазиатских земель. В деловых сферах считали, что утверждение в Средней Азии укрепит внутриэкономическое положение и усилит торговые позиции Российской империи в Средней Азии.

Итоги активных действий царских войск в Средней Азии для развития торговли России подвел М. А. Тереньев, авторитетный в буржуазных кругах специалист по «среднеазиатскому вопросу», неоднократно выступавший с докладами на эту тему в Обществе для содействия русской промышленности и торговле. Он подчеркнул, что до 1850 г. «из Азии» привозилось в Россию товаров на 800 тыс. руб. в год, а вывозилось оттуда на 600 тыс.

¹²⁶ «Вестник Европы», 1869, т. III, май, стр. 375.

¹²⁷ Там же, стр. 376, 378.

¹²⁸ Там же, стр. 381.

руб. В 1867 же году эти цифры увеличились соответственно до 13 млн. и 16,5 млн. руб. «...И это несмотря на ряд войн с Бухарой и Кокандом, — писал Терентьев, — несмотря на запрещение, наложенное на бухарскую торговлю по настояниям Черняева»¹²⁹.

Уже в результате завершения первого важного этапа политики царского самодержавия в Средней Азии — закрепления его влияния над Кокандским и Бухарским ханствами (1868 г). — русские предприниматели получили несравненно более благоприятные условия для развития там своей торгово-промышленной деятельности. Как справедливо отмечает советский исследователь М. К. Рожкова, военное продвижение России в Среднюю Азию не только благоприятствовало, но и было «необходимым условием деятельности русского купечества на среднеазиатских рынках... Рост торговых отношений с Россией сопровождал ее (Средней Азии. — Н. Х.) политическое завоевание, а не предшествовал ему»¹³⁰.

Царское правительство тем временем принялось прокладывать русской буржуазии дорогу в другие местности Средней Азии: закрепившись в ее центральных районах, Российская империя смогла уделить больше внимания овладению восточным побережьем Каспийского моря (а затем и всей Туркменией) и установлению своего господства над Хивинским ханством.

---

¹²⁹ М. А. Терентьев, *Россия и Англия в Средней Азии*, стр. 272.

¹³⁰ М. К. Рожкова, *Из истории торговли...*, стр. 212.

ГЛАВА V

АКТИВИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ В 50—60-х ГОДАХ XIX в. И ЕЕ ЭКСПАНСИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В 50—60-х годах XIX в. Англия переживала экономический подъем. Ее промышленность продолжала быстро развиваться. Отмена хлебных законов (1846 г.), как и все законодательство фритредеров — сторонников «свободной торговли», явилась, по выражению английского историка А. Л. Мортон¹, важной предпосылкой превращения периода 1845—1875 гг. в «золотой век для промышленников».

Характеризуя этот период, Ф. Энгельс писал, что годы, следовавшие за победой фритредерства в Англии, «видимо, оправдали самые невероятные надежды на вызванное этой победой процветание. Британская торговля достигла сказочных размеров; промышленная монополия Англии на мировом рынке казалась более прочной, чем когда-либо раньше; повсюду возникали новые домны, новые текстильные фабрики; создавались новые отрасли промышленности...». Ф. Энгельс подчеркивал далее, что «небывалое развитие британской промышленности и торговли между 1848 и 1866 гг.» было вызвано не только отменой покровительственных пошлин на пищевые продукты и сырье, но и разработкой золотых приисков в Калифорнии и Австралии, которая увеличивала средства обращения на мировом рынке, окончательной победой в промышленности и на транспорте паровых машин², по

¹ А. Л. Мортон, *История Англии*, стр. 339.

² Ф. Энгельс, *Протекционизм и свобода торговли*, стр. 375.

количеству и качеству которых Англия далеко обогнала другие государства.

Добыча угля за 1856—1867 гг. увеличилась в этой стране с 66,6 до 104,5 млн. больших т, выплавка чугуна в 1857—1865 гг. — с 3659 тыс. до 4819 тыс. больших т, судостроение возросло с 250 до 432 тыс. рег. т нетто (1857—1867 гг.), а потребление хлопка — с 8,8 до 9,9 млн. центалов (1858—1866 гг.).

В 1857 г. Англия вывозила товаров (без реэкспорта) на 122,1 млн. ф. ст., а в 1866 г. — на 188,9 млн. ф. ст. Чистый импорт с 1857 по 1866 г. увеличился со 163,7 до 245,3 млн. ф. ст.³

Разразившийся в 1866 г. экономический кризис, который охватил и Англию, имел сравнительно неглубокий и непродолжительный характер. Он был довольно быстро преодолен в результате расширения внутренних и внешних рынков сбыта и не оказал серьезного влияния на дальнейшее развитие британской экономики. Англия в этот период продолжала господствовать в мировом производстве и торговле.

Развитие британского пароходства, особенно пароходной связи с Индией и другими странами Востока, сокращало сроки и расширяло возможности доставки товаров на наиболее многочисленные рынки сбыта, облегчало выкачку сырья из колоний и полукolonий. С этой точки зрения завершавшаяся в конце 60-х годов прокладка Суэцкого канала представляла особенно богатые перспективы для господствующих слоев Британской империи.

Само собой разумеется, что капиталистическое развитие Англии было теснейшим образом связано с укреплением позиций британской буржуазии. Именно она в первую очередь оказалась в выигрыше, когда в результате упорной борьбы трудящихся за свои права правительство было вынуждено провести в 1857 г. билль о реформе. Представители буржуазии успешно преодолевали монополию аристократии и в различных отраслях государственной службы (кроме, пожалуй, дипломатии и — в меньшей степени — военного ведомства).

Увеличение удельного веса буржуазии в экономической и политической жизни Британской империи не могло не сказаться на внешней политике. Проблема дальней-

³ «Мировые экономические кризисы, 1848—1935», ч. I, стр. 70—71.

шего расширения рынков сбыта и источников сырья не только не была снята с порядка дня, а, наоборот, приобретала все большую остроту. Убедительным свидетельством этого являлись кризисы перепроизводства, которые с 1857 г. отличались зловещей периодичностью. Пытаясь выйти из неразрешимых противоречий капиталистической экономики, английские правящие круги резко активизировали агрессивную деятельность в Азии и Африке. «Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы...», — указывал В. И. Ленин⁴.

Соперничавшие между собой в политической жизни страны крупнейшие партии — либералов (вигов) и консерваторов (тори) — фактически придерживались одинаковых взглядов на цели и задачи внешней политики государства. И те и другие осуществляли активную захватническую деятельность в различных районах земного шара. Некоторые расхождения между либералами, большую часть 40—60-х годов находившимися у власти, и консерваторами в области внешней политики сводились преимущественно к формам и методам экспансионистских действий.

Важным объектом британской экспансии в рассматриваемые годы продолжали быть страны Центральной Азии, а базой этой экспансии — английские колониальные владения в Индии.

Несмотря на широко афишируемую «политику закрытой границы», английские власти в Индии, действуя вне всяких сомнений не только по своей инициативе, но и по указаниям из Лондона, разрабатывали планы закрепления за Британской империей господства в Центральной Азии и предпринимали конкретные шаги к их осуществлению.

Торгово-промышленные круги Англии требовали улучшения условий для их колониальной деятельности. Летом 1868 г. финансисты и торговцы Лондона, Калькутты и Бомбея представили правительству специальный меморандум, в котором настаивали на обеспечении четкой телеграфной связи с Азией. Ссылаясь на «требования коммерческих фирм Лондона, Манчестера, Ливер-

---

⁴ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, стр. 374.

пуля и других городов», лорд Хэй и выступавшие с ним 26 июня 1868 г. на заседании палаты общин делегаты парламента Г. Сеймур, Г. Роулинсон и представитель правительства заместитель государственного секретаря по иностранным делам Стаффорд Норскотт подчеркивали особую важность удовлетворения настоящих британских предпринимателей и создания надежной связи с Индией⁵.

Вскоре после этого, в июле 1868 г., Г. Роулинсон отправил правительству Британской империи «Меморандум по среднеазиатскому вопросу», с которым были ознакомлены английские власти в Индии. Этот активный и влиятельный сторонник «школы наступательной политики», ссылаясь на расширение владений Российской империи в Средней Азии, требовал решительных действий на Востоке. Роулинсон предлагал, в частности, любым путем добиться господствующего положения в Кабуле, обеспечить прокладку военных коммуникаций к границам Афганистана, а также железной дороги из Лахора в Пешавар, создать укрепленный пункт в Кветте и военный плацдарм у Боланского прохода и др.⁶

Эти же взгляды Роулинсон высказывал на заседании Географического общества в Лондоне. Он призывал к максимальному развитию торговли в лежащих к северу и востоку от Индии странах, к размещению британских консулов и различных военно-политических и торговых агентов в городах Афганистана (и прежде всего в Балхе и Герате) и Синьцзяна⁷.

Фактические хозяева Британской империи—заводчики, фабриканты, банкиры, военная аристократия и т. п. —вовсе не были намерены благосклонно смотреть на сравнительно пассивные действия индийского вице-короля Д. Лоуренса и его единомышленников. В сложившейся обстановке господствующие классы Англии стремились резко активизировать захватническую деятельность на Востоке. Методы сторонников «закрытой границы» ни в коей мере не могли удовлетворить ни британскую буржуазию, ни аристократические слои английского общества, которые получали немалые выгоды в результате грабительской деятельности в Азии.

⁵ «Hansard's parliamentary debates», vol. CXIII, 1868, pp. 155—165.

⁶ «Correspondence respecting...», pp. 31—41.

⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 7, л. 39.

«Система бездействия, которой придерживался вице-король Индии сэр Джон Лоуренс в своей политике по отношению к странам, расположенным за пределами управляемой им территории, приходит к концу,—сообщал в Петербург в феврале 1869 г. русский посол в Лондоне Бруннов.—Эту систему, не пользующуюся популярностью не только в Калькутте, но и в Англии, теперь признано необходимым пересмотреть»⁸. Бруннов сделал безусловное правильное наблюдение, но оно несколько запоздало: еще в январе 1869 г. вместо Д. Лоуренса вице-королем Индии был уже назначен лорд Мэйло.

Военно-политическая активность Англии в Центральной Азии значительно возросла. Она развивалась по нескольким направлениям. В Средней Азии усилилась разведывательная и пропагандистская деятельность британских агентов. Некоторые из них были завербованы в султанской Турции, продолжавшей стремиться к утверждению своего влияния над мусульманским миром. В отношении соседних со Средней Азией Афганистана и Кашгара британские правящие круги старались усилить свои политические позиции в этих странах, чтобы превратить их в полуколониальные или колониальные владения.

В конце 1868 — начале 1869 г. индийский мусульманин, известный в английских документах под кличкой «Мирза», совершил поездку по маршруту: Кабул — Бамиан — Файзабад (Бадахшан). Отсюда «Мирза» через Вахан проник в Ташкурган (Сарыкол), а затем проехал в города Кашгар и Яркенд⁹. В результате этой поездки он собрал и доставил британским властям всевозможные военно-политические и экономические сведения о положении в Джетышааре.

В это же время британское правительство уделяло много внимания Бухарскому ханству. Оно стремилось использовать существовавшее здесь недовольство реакционного духовенства политикой сближения с Россией. Английские власти оказывали поддержку боравшемуся против Музаффера его сыну Абдулмалику, предоставляя ему денежные средства и право убежища на индийской территории.

---

⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 6810, л. 12. Депеша Бруннова от 10/22 февраля 1869 г.

⁹ С. R. Markham, *A memoir...*, pp. 155—156.

В конце 1868 г. английское правительство направило в Бухарское ханство турецкого улема Суави-эффенди. Это был старый британский приверженец, долгое время живший в Лондоне. Выбор духовного лица для засылки в Бухару не был случайным: англичане и турки рассчитывали с его помощью связаться с фанатичным бухарским духовенством, чтобы при помощи этих влиятельных кругов развязать новую войну Бухары против Российской империи. Русский посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев писал, что перед Суави-эффенди были поставлены две задачи: «С одной стороны, доставлять в Англию сведения о положении дел в Средней Азии, а с другой — направлять умы тамошнего населения в смысле нам враждебном»¹⁰. Для этих целей английские власти передали в распоряжение Суави-эффенди крупные денежные суммы — до 100 ф. ст. в месяц, т. е. в несколько десятков раз больше оклада туземного чиновника, занимавшего средний административный пост на британской службе в Индии. Определенная часть этих денег должна была идти на взятки и подкупы.

Вслед за Суави-эффенди через Кабул в Бухару был отправлен другой агент — Шейх Сулейман. Его послал турецкий султан по договоренности с Англией к бухарскому эмиру «с инструкциями и советами для противодействия нашей деятельности в Средней Азии», — как писал в Петербург Игнатьев; он характеризовал Шейха Сулеймана как человека «весьма ловкого, изворотливого и довольно образованного»¹¹.

К выполнению заданий по пропаганде в пользу Англии и Турции и для подрывной работы в Средней Азии был привлечен также бывший представитель Кокандского ханства в Стамбуле Мирза Якуб. Человек «набожный и литературно образованный», по словам Н. П. Игнатьева, Мирза Якуб намеревался остаться на постоянное жительство в этом городе и вызвал туда свою семью. Однако в результате «иностранных» влияний, по выражению Игнатьева, Мирза Якуб неожиданно выехал в Египет, чтобы через Индию пробраться в Коканд. Турецкие власти снабдили выходца из Кокандского ханства раз-

¹⁰ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 810, л. 6. Донесение Игнатьева-Горичкову от января 1869 г.

¹¹ Там же, л. 61. Донесение Игнатьева от 16 сентября 1869 г.

личными документами и деньгами на сумму 60 тыс. пиастров. «Нет ничего невозможного в том, — сообщал Н. П. Игнатьев Горчакову, — что в его обществе имеются английские агенты»¹².

В 1870 г. руководитель британской разведывательной службы в Индии Монгомери отправил своего сотрудника «Хавильдара» из Пешавара через североиндийские княжества Сват, Баджаур, Дир и Читрал в Файзабад, к границам Кокандского ханства¹³.

Эти поездки приобрели систематический характер. В 1871 г. английский агент «Мирза» посетил Герат и Мепмене, собирая сведения о положении в Бухарском ханстве и землях туркменских племен. На следующий год «Хавильдару» было поручено деятельное изучение пути из Кабула в Бухару. Переодетый купцом, он направился из Пешавара в Бадахшан, где провел зиму 1873/74 г., затем пересек Аму-Дарью и, углубившись в районы Кокандского ханства, добрался до Куляба, побывал в Дарвазе и припамирской области Язгулем. Вернувшись в Куляб, «Хавильдар» посетил населенные узбеками районы левобережья Аму-Дарьи, в частности г. Балх.

Аналогичные поездки совершал и коллега «Хавильдара» — «Мулла»¹⁴.

Одновременно с отправкой в Среднюю Азию отдельных разведчиков и политических эмиссаров английские и турецкие круги стремились использовать в качестве агитаторов и своих связных богомольцев, ездивших из Средней Азии в Мекку на поклонение мусульманским святыням. Так, в 1869 г. у паломников, возвращавшихся в Туркестан из Османской империи, были обнаружены письма к хивинскому хану и вождям туркменских племен от имени султана с призывом объединиться вокруг Турции¹⁵.

В результате деятельности этих и многих других разведчиков и пропагандистов правительство Британской империи изучало настроения населения Центральной Азии, ведущие в Среднюю Азию пути, собирало сведения о горных перевалах, продовольственных и сырьевых ре-

¹² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1327, л. 12. Депеша Н. П. Игнатьева в министерство иностранных дел от 4/16 февраля 1869 г.

¹³ C. R. Markham, *A memoir...*, pp. 156—157.

¹⁴ Ibid., pp. 155—160.

¹⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 3, л. 6.

сурсах различных областей, стремилось разжечь у местного населения вражду к России, спровоцировать антирусские выступления. Эти действия были составной частью программы экспансионистских военно-политических кругов Англии, которые настойчиво призывали к подчинению британскому влиянию Кашгара и Афганистана, к решительной борьбе с Россией за господство в Центральной Азии.

Готовясь перейти к новым открытым территориальным захватам в этой части земного шара, британское правительство предприняло попытки отрезать намеченные объекты своей империалистической политики от возможной помощи с севера, из Средней Азии, где укреплялось и расширялось влияние России.

Чтобы облегчить себе овладение значительной частью Центральной Азии, правящие круги Англии решили договориться со своим соперником — Российской империей — о разделе сфер влияния в этом районе.

АНГЛО-РУССКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1869 г. О РАЗГРАНИЧЕНИИ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Наряду с политическими интригами в Средней Азии правящие круги Британской империи предприняли наступление и на «центральной направлении» — в Петербурге. В конце 1868 — начале 1869 г. английское правительство, стремясь помешать дальнейшему продвижению Российской империи в Средней Азии и обеспечить для себя здесь возможно больший район военно-политической и торговой экспансии, поставило перед царскими властями вопрос о разделе сфер влияния в Центральной Азии.

Свои агрессивные замыслы против народов Востока господствующие круги Англии маскировали необходимостью создания «нейтральной зоны» между владениями Британской империи и царской России во избежание их соприкосновения и для предотвращения таким путем столкновения между двумя великими державами. Министр иностранных дел в либеральном кабинете Гладстона — лорд Кларендон обратился к русскому послу в Лондоне Бруннову с предложением о выработке границ

«нейтрального среднеазиатского пояса». Оно было принято, и в первые месяцы 1869 г. завязались переговоры по этому вопросу.

Уже вскоре после их начала выявилась характерная тенденция английского правительства: оно старалось продвинуть границу «нейтрального пояса» как можно дальше на север, чтобы зарезервировать максимальное количество земель в Центральной Азии для своей территориальной экспансии.

Кларендон настаивал на проведении «нейтральной черты» по Аму-Дарье в ее среднем течении, с тем чтобы на меридиане г. Бухары эта граница следовала строго на запад, через всю Туркмению.

Оценивая выдвинутый британским дипломатом проект, директор Азиатского департамента Стремоухов в подготовленной им «Объяснительной записке по поводу наших отношений к Англии в Средней Азии» с возмущением отмечал, что предложенная Кларендоном граница «нейтральной зоны» проходит в 300 верстах от русского укрепления Яны-Курган, в 230 верстах от Самарканда, «тогда как расстояние от Пешавара, т. е. передового английского поста, слишком вдвое больше»¹⁶. Иными словами, можно было сделать вывод из записки Стремоухова, Кларендон добивался значительно больших возможностей для колониальной политики Англии по сравнению с Российской империей.

Царские власти не возражали против того, что Афганистан полностью исключался из района их политического влияния. В том же документе директора Азиатского департамента подчеркивалось, что «Россия действительно не имеет никаких политических видов в Афганистане»¹⁷. Наряду с этим Стремоухов выражал опасения, что принятие предложения британского министра иностранных дел нанесет чувствительный удар по развитию русской торговли в Центральной Азии, ибо намеченная Кларендоном граница пересекала караванные пути из Бухары и других среднеазиатских городов в Хорасан и прочие провинции Северной Персии, а также совпадала с важной торговой дорогой от восточного побережья Каспийского моря в ханства Средней Азии.

¹⁶ ЦГИА УзССР. ф. КТГГ. оп. 34. д. 7, л. 54. Письмо Стремоухова — Кауфману от 16 апреля 1869 г.

¹⁷ Там же, л. 55.

Эта угроза экономическим интересам особенно беспокоила царское правительство. Выражая удовлетворение тем, что в результате завоевательных действий в Ташкентском оазисе и на Сыр-Дарье русская торговля приобрела «большие права и выгоднейшее положение», Стремоухов высказывал надежду, что она будет впредь быстро развиваться. «Правительство обязано употреблять все старания, чтобы облегчить оной прежние пути и открывать новые, а никак не входить в такие соглашения, которые, не принося нам никаких выгод, могут вместе с тем иметь весьма пагубное влияние на главную окончательную цель всех наших действий в Средней Азии — процветание в тех краях русской торговли», — заключал директор Азиатского департамента¹⁸.

Кроме того, он выражал серьезные сомнения по поводу принадлежности Афганистану различных мелких владений между Гиндукушским хребтом и р. Аму-Дарьей, длительное время являвшихся объектом серьезного афгано-бухарского соперничества и острой борьбы между ними. Их захват Афганистаном, по мнению Стремоухова, мог резко нарушить политическое равновесие в Средней Азии и явиться предпосылкой для наступательных действий эмира Шер Али против Бухары. Бруннову было дано указание учесть эти обстоятельства во время переговоров с Кларендоном. В письме послу в Лондоне от 14/26 апреля 1869 г. Горчаков указывал на то, что в Петербурге под Афганистаном понимают Кабульскую, Кандагарскую и Гератскую области¹⁹.

Таким образом, уже начальный этап переговоров вскрыл наличие серьезных разногласий между Англией и Российской империей в различных аспектах этой проблемы. К их числу относился вопрос о самом понятии «нейтральной зоны» и ее границах (включая в данное понятие Афганистан, британские правящие круги вместе с тем прямо намекали, что намерены господствовать на этой «нейтральной» территории), а также стремление добиться успеха для своей торговли и ограничить торговую деятельность соперника.

Переговоры с Российской империей о «среднеазиат-

---

¹⁸ Там же, л. 54. Отношение Стремоухова к Кауфману от 16 апреля 1869 г.

¹⁹ См. АВПР, СПб., Гл. арх., 1—9, оп. 8, д. 20 за 1869 г., л. 85.

ском разграничении» вызвали огромный интерес среди торгово-промышленных кругов Британской империи. Они были предметом неизменного внимания парламента, и прежде всего твердыни английской буржуазии — палаты общин. Особую активность проявляли парламентарии, связанные с Востоком торговой или военно-политической деятельностью.

В апреле 1869 г. депутат парламента Э. Б. Иствик, занимавший ранее различные административные и дипломатические посты в Индии и Персии, подготовил запрос о положении в Средней Азии. По предложению премьера-министра Гладстона, заявившего, что обсуждение запроса может отрицательно отразиться на ведущихся переговорах, это обсуждение было решено отложить²⁰.

Через три месяца Иствик возобновил свой запрос. В июле 1869 г. он обратил внимание палаты общин на возможность широкой торговли британских предпринимателей в Индии с Кашгаром, подчеркнув, что это имеет большое значение для владельцев чайных плантаций. Иствик потребовал сосредоточения в Северной Индии крупного английского войска для «отражения вторжения» Российской империи и подчинения афганских племен. Он призывал также к более активной политике в Персии, созданию персидских вооруженных сил под руководством британских офицеров, переводу английских военных отрядов в центральный пункт полусамостоятельного Келатского ханства — г. Кветту, отмечая, что занятие Кветты предоставит Англии контроль над ведущими в Афганистан Боланским и Ходжакским горными проходами²¹.

Иными словами, Иствик предлагал обширную программу агрессивных действий в Центральной Азии, осуществление которой должно было привести к утверждению господства Британской империи над Южным Синьцзяном, Афганистаном, Персией и Келатским ханством. Выступивший вслед за ним Ч. Уингфилд заявлял о необходимости укрепления «индийского тыла», прокладки железных дорог в Северной Индии для облегчения переброски войск к границам Афганистана, заключения тес-

²⁰ «Hansard's parliamentary debates», vol. CXCIV, p. 362. Дебаты по среднеазиатскому вопросу 9 июля 1869 г.

²¹ Ibid., vol. CXCVII, pp. 1544—1560.

ного союза с Персией. Сторонник политики «закрытой границы», он осуждал вмешательство во внутренние дела Афганистана, предоставление денег и оружия его эмиру²².

От имени правительства на заседании палаты общин выступили заместитель статс-секретаря по делам Индии Грэнт Дафф и заместитель статс-секретаря по иностранным делам Стаффорд Норскотт. Первый из них уделил особое внимание англо-персидским отношениям, усилению английских позиций в Персии и развитию торговли Англии в этой стране. Он поддержал предложение об отправке британских офицеров в персидское войско и отметил важную роль Гератского оазиса как военно-стратегической базы.

Грэнт Дафф категорически отвергал предположение о стремлении России вторгнуться в Индию и опровергал появившиеся в Англии провокационные сообщения об отправке царскими властями в Афганистан «разведывательной группы во главе с Рейнталем» (русский полковник, возглавлявший торгово-дипломатическое посольство в Кашгар). Он оправдывал политику выдачи субсидий эмиру Шер Али, заявляя, что «спокойствие» Афганистана благотворно отразится на развитии в нем английской торговли. Грэнт Дафф отметил, что британское правительство намерено модернизировать порт Карачи и соединить его железной дорогой с долиной Инда; он заверил палату общин, что эта мера, как и другие намеченные правительством, будет способствовать развитию английской торговли со Средней Азией²³. В таком же духе высказался и Стаффорд Норскотт, подтвердивший, что Англия будет укреплять свои отношения со странами Центральной Азии и окажет необходимую поддержку афганскому эмиру²⁴. Итоги подвел Гладстон. Он отметил, что переговоры с Россией идут нормально и у палаты не может быть каких-либо причин для беспокойства. Наряду с этим премьер-министр выдвинул упрек в адрес русской дипломатии по поводу того, что она не определила географические границы Афганистана, выдвигаемого в качестве «нейтральной зоны»²⁵.

²² Ibid., pp. 1562—1565.

²³ Ibid., pp. 1566—1575.

²⁴ Ibid., pp. 1577—1579.

²⁵ Ibid., pp. 1580—1581.

Обсуждение запроса Иствика не только показало, что британские правящие круги относятся с напряженным вниманием к проблемам Центральной Азии, но и выявило определенные тенденции политики Англии в этом районе. Приняв как совершившийся факт утверждение господства России в среднеазиатских ханствах — Коканде и Бухаре, Британская империя стремилась добиться признания за собой прав на монопольное владычество в Афганистане, Кашгаре, Келате, а если удастся — и в Персии. Об этом прямо свидетельствовало выступление Иствика, не встретившее возражений представителей правительства, а также резюме Гладстона.

В русских дипломатических кругах были возмущены искажением британским премьером позиций Российской империи. В составленных царским министерством иностранных дел «замечаниях по поводу нейтрального пояса» (июль 1869 г.) указывалось, что Россия не только не уклонилась от точного определения границ Афганистана, а, наоборот, признала его составными частями Кабул, Кандагар и Герат. Но дело-то в том, отмечалось здесь, что английские картографы зачастую причисляют к Афганистану независимые владения левобережья Аму-Дарьи, населенные узбеками и таджиками, вернувшие себе самостоятельность во время междоусобной борьбы афганских феодалов в 1863—1868 гг.

В «замечаниях» подчеркивалась особая сложность определения «нейтрального пояса» с точки зрения торговли. Правительство Российской империи, гласили «замечания», должно и впредь всемерно поддерживать деятельность отечественных предпринимателей в Центральной Азии, более слабых по сравнению со своими английскими конкурентами²⁶.

Экспансионистские тенденции Британской империи на Среднем Востоке проявились не только в ходе парламентских дебатов, но и в позиции, занятой ею во время переговоров с Российской империей. Дальнейшее их ведение было поручено Дугласу Форсайту, тесно связанному с торгово-промышленными кругами Англии и зарекомендовавшему себя активным и инициативным осуществителем планов распространения торгово-политического

---

²⁶ АВПР, СПб., гл. арх., 1—9, оп. 8, д. 20 за 1869 г. «Замечания» от 24 июля 1869 г.

влившая Англия на севере Индии и в Кашгаре. В своих мемуарах Форсайт претендует на авторство проекта создания за северо-западной границей индийских колониальных владений Британской империи «сильного вала против русского продвижения»²⁷.

На деле создание такого «оплота» было требованием многих сторонников широких агрессивных действий в Центральной Азии, и речь шла, конечно, не о создании «антирусского вала», а об установлении английского господства над странами, лежащими между Индией и границами Российской империи в Средней Азии. Этот проект, не встретивший поддержки со стороны защитников политики «закрытой границы», был с воодушевлением принят министром иностранных дел Англии Кларендоном, сменившим Лоуренса на посту вице-короля Индии лордом Мэйо и влиятельным президентом Королевского географического общества Мурчисоном²⁸.

По поручению британского правительства Форсайт провел несколько бесед с послом России в Лондоне Бруновым и в конце июня 1868 г. с инструктором Кларендона и рекомендательными письмами Брунова отправился в Баден, где находился на лечении А. М. Горчаков. 1 августа 1868 г. Горчаков и Форсайт предварительно обсудили интересовавшие Англию и Россию вопросы международных отношений на Среднем Востоке. Русский министр иностранных дел с одобрением принял утверждение Форсайта, что английские власти в Индии «будут продолжать миролюбивую политику Лоуренса». Он категорически заявил, что царское правительство не имеет никаких намерений вмешиваться в дела Герата или Кабула²⁹.

Следующим этапом в англо-русских переговорах была полуофициальная встреча Горчакова с Кларендоном, состоявшаяся в сентябре 1869 г. в Гейдельберге. По поручению британского правительства Кларендон настаивал на создании «нейтральной полосы» между границами России в Средней Азии и английскими владениями в Индии. Такая нейтральная полоса, аргументировал он, предотвратит столкновение между Англией и Россией в этом районе. Горчаков согласился с мнением Кларендо-

---

²⁷ «Autobiography and reminiscences...», pp. 45—46.

²⁸ Ibid., p. 47.

²⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 575, л. 5.

на и предложил рассматривать Афганистан в качестве территории, на которую не должно распространяться влияние обеих великих держав.

Однако британское правительство, наметившее Афганистан в качестве ближайшего объекта своей колониальной экспансии, отклонило это предложение. Кларендон заявил, что границы Афганистана не определены и не зафиксированы; споры из-за различных районов вызывают столкновения между этим государством и среднеазиатскими ханствами, а такие столкновения могут привести к англо-русскому конфликту³⁰. Он настаивал на принятии линии, которая разделяла бы владения Англии и России. В качестве такой линии британский министр предлагал рассматривать левый берег Аму-Дарьи.

Осуществление этого предложения привело бы к расширению сферы английского влияния не только на Афганистан и мелкие княжества к югу от Аму-Дарьи, периодически восстанавливавшие свою независимость от Кабула, но и на Хивинское ханство. К тому же часть земель Бухары тоже находилась на левобережье реки. С таким расширением зоны господства Англии в Средней Азии царские власти не могли согласиться. Горчаков отклонил предложение Кларендона³¹.

В связи с расхождениями во взглядах соглашение не было достигнуто. Поэтому было решено продолжить обмен мнениями между представителями обоих государств³². С этой целью в октябре 1869 г. в Петербург прибыл Форсайт. На своем пути он посетил Константинополь, где обсуждал проблемы восточной политики с английским послом, а также с ее крупнейшим знатоком — Н. П. Игнатьевым³³. В России Форсайт вместе с британским послом в Петербурге Эндрю Букананом беседовал с Горчаковым и Рейтерном, но в основном переговоры велись английскими представителями с Миллютиным и Стремоуховым³⁴.

³⁰ Ф. Ф. Мартенс, *Россия и Англия в Средней Азии*, стр. 45.

³¹ С. С. Татищев, *Император Александр II...*, т. 2, стр. 113.

³² «Афганское разграничение...», ч. 1, стр. 4.

³³ «Autobiography and reminiscences...», pp. 48—49.

³⁴ Интересно отметить, что консервативный кабинет Дизраэли (Биконсфильда), сменивший в 1874 г. либеральное правительство Гладстона, заявил в отправленной в Петербург ноте от 25 октября 1875 г., что Форсайт не был уполномочен вести переговоры о «нейтральном поясе» и о принятии в качестве такового территории Аф-

Во время встречи между Милютиним и Форсайтом 20 октября 1869 г., на которой присутствовал Стремоухов, ее участники рассмотрели широкий круг вопросов: 1) границы Афганистана, 2) границы Бухарского ханства, 3) политику Российской империи в отношении Бухары, 4) русско-кашгарские взаимоотношения. Кроме того, было уделено много внимания положению торговли в Средней Азии³⁵.

По первому пункту была достигнута договоренность в самой общей форме. Царское правительство признало «пределом Афганистана», как гласил составленный в Азиатском департаменте отчет о переговорах, местности, на которые в это время распространялась реальная власть эмира Шер Али. Англия обязывалась «употребить все зависящие от нее средства», чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению афганских владений на север.

В указанном отчете предусматривалась возможность подчинения Афганистаном мелких ханств, «прилежащих к Кабулу», за которыми должна была начаться нейтральная полоса, отделявшая афганские земли от бухарских и кокандских.

Излагая точку зрения министерства иностранных дел послу в Лондоне Бруннову, Стремоухов особенно подчеркивал необходимость «оградить Хиву» от какого-либо влияния Афганистана. Директор Азиатского департамента отмечал, что Российская империя ни в коем случае не может допустить занятия Афганистаном пунктов на нижнем течении Аму-Дарьи, ибо это нарушило бы торговые и политические интересы империи и привело бы к серьезнейшему англо-русскому конфликту.

Понятно, что царское правительство видело угрозу своим торгово-политическим позициям не со стороны собственно Афганистана, оно опасалось стоящей за ним и выступавшей от его имени Британской империи. Об этом явственно свидетельствует упоминание о возможности англо-русского, а не русско-афганского столкновения.

ганистана (см. Ф. Ф. Мартенс, *Россия и Англия в Средней Азии*, стр. 47—48). Между тем сам Форсайт в своих записках удостоверял, что его поездка была санкционирована правительством («Autobiography and reminiscences...», p. 48).

³⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 6810, лл. 37—38. См. также АВПР, СПб., гл. арх., 1—9, оп. 8, д. 20 за 1869 г., лл. 108—120.

Второй и третий вопросы, обсуждавшиеся с Форсайтом, были взаимосвязаны. Заявив, что Россия гарантирует стабильность границ Бухарского эмирата и не допустит их переноса на юг, в направлении Афганистана, Стремоухов вместе с тем сообщил Форсайту о возможности полного поглощения Бухарского ханства Российской империей и включения его территории в ее состав.

В основном обсуждение политических проблем было успешно завершено. Обе стороны устраивал намеченный раздел сфер влияния. Это обстоятельство особо отмечалось в записке Азиатского департамента «О беседе военного министра с Форсайтом». «Можно было заметить, что Форсайт остался очень доволен этими переговорами и убедился в нашей откровенности и искреннем желании поддерживать добрые отношения с Англией»³⁶. Да и сам Форсайт с удовлетворением писал, что достигнутые результаты были положительно встречены не только Букананом, но и Кларендоном³⁷. Правда, конкретного определения границ соответствующих зон влияния не было: ввиду отсутствия необходимых для этого географических и политических сведений вице-королю Индии и туркестанскому генерал-губернатору было поручено собрать эти материалы.

Иной характер приобрели переговоры, когда началось обсуждение экономических вопросов. Так, проблемы среднеазиатской торговли вызвали острый обмен мнениями. Британское правительство, как и прежде, добивалось широкого открытия рынков Средней Азии для английских товаров, тогда как царские власти старались не допустить на эти рынки более развитого в промышленном отношении конкурента, чтобы обеспечить на них полное господство России.

«Главная цель всех наших действий в Средней Азии заключается в развитии нашей торговли и предоставлении ей возможно большего числа новых рынков. Чем успешнее будут наши старания, тем значительнее будет ущерб для английской торговли»,—без обиняков характеризовал Стремоухов суть вопроса в письме Бруннову. Наряду с этим он отмечал невозможность полностью ликвидировать «англо-индийскую» торговлю в Средней

---

³⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 6810, л. 38.

³⁷ «Autobiography and reminiscences...», p. 50.

Азии: во-первых, местное население привыкло к некоторым товарам, привозившимся из Индии и Афганистана; во-вторых, запрет этой торговли породил бы «слишком большое раздражение на Западе, которое неблагоприятно было бы вызывать». К тому же было трудно практически помешать ввозу товаров из Британской Индии в Русский Туркестан: в случае официального запрета они доставлялись бы туда контрабандным путем. Поэтому царское правительство решило, по выражению Стремоухова, «обставить иностранную торговлю так, чтобы и при ее существовании наши купцы могли бы с успехом соперничать с ней». Ссылаясь на то, что Туркестанский край недавно был присоединен к Российской империи и административное устройство его не завершено, Петербург запретил ввоз туда всех товаров иностранного происхождения, за исключением индиго и кисеи, на которые была наложена высокая пошлина (до 50% стоимости).

Эта мера вызвала резкое недовольство в английских торгово-промышленных кругах, и Форсайт попытался добиться ее отмены. Не желая обострить положения, Стремоухов заверил представителя Великобритании, что введенные ограничения носят временный характер; после выработки специальных торговых правил, учитывающих местные условия и нужды русских предпринимателей, а также после введения определенного тарифа английская торговля «будет поставлена в возможно скорейшем времени в такое положение, какое должно быть допущено в каждом образованном государстве, без ущерба для собственных интересов»³⁸.

Форсайт был вынужден принять эти объяснения. Видимо, они его не удовлетворяли, ибо вскоре вслед за тем проблемы среднеазиатской торговли послужили темой специальной беседы Буканана со Стремоуховым. Посол заявил о «крайне неблагоприятном впечатлении и даже раздражении в Англии и в Индии» по поводу введенных в русской Средней Азии ограничений. Демарш Буканана фактически был так же отклонен, как и представления Форсайта. Стремоухов отметил, что Оренбургская и Сибирская таможенные линии уже ликвидированы, а Тур-

³⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 39-в, док. 170. Отчет о переговорах с Форсайтом от 1 ноября 1869 г. См. также АВПР, СПб., гл. арх. 1—9, оп. 8, д. 20 за 1869 г., лл. 108—120.

кестанская еще не создана. Ввоз английских товаров в Россию через азиатскую границу и раньше не был разрешен, а для введения на них тарифа требуется собрать соответствующие материалы. Он еще раз подчеркнул, что запрещение свободного ввоза английских товаров рассматривается как временная мера.

Однако Буканан продолжал настойчиво добиваться отмены наложенного запрета и предлагал установить в Туркестане принцип свободной торговли. На это директор Азиатского департамента довольно язвительно заметил, что «как ни прекрасны начала свободной торговли, но сама Англия усвоила их только по достижении промышленного совершенствования, а мы еще до сих пор далеки от такого возраста и как ни приятно нам делать угодное Англии и ее торговле, но требования нашей собственной торговли и промышленности должны стоять на первом для нас плане»³⁹.

Таким образом, англо-русские переговоры 1869 г. о разграничении сфер влияния в Центральной Азии привели к выработке некоторых общих принципов этого разграничения. Они выявили предварительные претензии обеих соперничавших держав, стремление России оградить от иностранного вмешательства как подчиненные ей среднеазиатские ханства — Бухару и Коканд, так и Хиву; они выявили также намерение Англии утвердить свое господство в Афганистане и закрепиться в Кашгаре.

Царские власти решительно отвергли попытки британских правящих кругов открыть доступ английским товарам в Среднюю Азию, стараясь обеспечить монопольное использование местных рынков русскими предпринимателями. В конечном итоге правительства обеих держав договорились поручить своим представителям на местах — туркестанскому генерал-губернатору и вице-королю Индии — детальное изучение вопроса о «пределах Афганистана», чтобы после этого окончательно установить «нейтральную зону».

Англичане торопились довести до конца разграничение «сфер влияния», чтобы закрепить за собой господство над Афганистаном. Они стремились включить в со-

---

³⁹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 39-в, док. 171. Письмо Стремоухова — Бруннову от 1 января 1869 г. См. также. АВПР, СПб., гл. арх., 1—9, оп. 8, д. 20 за 1869 г., лл. 121—122.

став этого государства как можно более обширную территорию в районе Аму-Дарьи («Оксуса» по английской терминологии), намечая объекты своей будущей экспансии. Они утверждали, что северо-западная граница владений Афганистана должна идти в юго-западном направлении от пункта на Аму-Дарье между Ходжа-Сале и Керки, «включая Балх, Меймене с прилегающим к нему Андхоем и Гератский оазис между Мургабом и Герирудом. Северная граница — Оксус (от этого же пункта между Керки и Ходжа-Сале) на восток к Пянджу и Вахану и затем по течению, которое пересекает Вахан, вверх до пункта, где Гиндукушский хребет встречается с южным углом памирских степей»⁴⁰.

Все эти предложения были слабо обоснованы. Правительство Российской империи отказалось рассматривать их до получения соответствующих сведений из Ташкента. В связи с этим, англо-русское разграничение сфер влияния в Центральной Азии на некоторое время было отложено.

---

⁴⁰ ЦГВИА СССР. ф. ВУА. д. 6810, лл. 75—78.

ГЛАВА VI

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (1869—1873)

ВЫСАДКА В КРАСНОВОДСКОМ ЗАЛИВЕ

Фраза Стремоухова во время переговоров с английскими представителями о «требованиях собственной торговли и промышленности» имела под собой глубокую основу. Развитие капиталистических отношений в России укрепляло в стране позиции буржуазных кругов, увеличивало их вес и значение не только в экономической, но и в политической жизни государства. Российские предприниматели все более активно выступали со своими пожеланиями в области внешней политики (как и внутренней). В частности, промышленники и торговцы Российской империи все более и более настойчиво призывали правительство обеспечить для них удобные условия эксплуатации среднеазиатских рынков сбыта и источников сырья. Особенно последовательную роль играло в этом отношении крупнейшее объединение предпринимателей страны — Общество для содействия русской промышленности и торговле.

Еще в апреле 1869 г. на специальном заседании членов IV комитета общества, посвященном экономическому положению Туркестанского края, была зачитана записка, составленная по материалам С. Н. Трубчанинова. «Коммерческий агент торгующего в Кяхте купечества», С. Н. Трубчанинов в 1868 г. был послан в Туркестан для изучения местной торговли чаем и посетил Ташкент, Самарканд и другие города. В его записке отмечалась возможность прокладки водного пути в Среднюю Азию при помощи поворота Аму-Дарьи в Каспийское море.

соединения Каспия с Аральским морем и Сыр-Дарьей. «Устройство этих путей немаловажно не только в стратегическом отношении, но оно нужно для полного и навсегда безопасного водворения русской торговли в Средней Азии, которая так нуждается теперь в наших произведениях», — отмечалось здесь¹.

После длительного и оживленного обсуждения участники заседания подчеркнули, «сколь важно упрочить наше положение в Средней Азии и закрепить за нашей промышленностью тамошние рынки». Они приняли постановление о «немедленной подробной разработке» в одном из отделений общества вопроса об открытии более удобных путей в Среднюю Азию, чтобы составить доклад и ходатайствовать перед правительством о содействии². Через две недели IV комитет общества вернулся к интересовавшей его теме. 24 апреля 1869 г. перед его членами с обстоятельным докладом выступил активный участник многих торговых предприятий А. С. Глуховской. Он высказал опасения, что «Европа через Гиндукуш и Кавказ может как наводнить персидский и среднеазиатские рынки своими изделиями, так и сильно подорвать нашу торговлю и нашу мануфактурную промышленность»³. Глуховской видел избавление от этой опасности в быстрейшей прокладке кратчайших и удобнейших дорог в Среднюю Азию: через Каспийское море — по Аму-Дарье. Он заявил, что правительство, которое добилось «покровительства» кокандских и бухарских властей русской торговле, сможет заручиться таким же содействием и в Хивинском ханстве. Вывод доклада гласил: «Упрочить и обеспечить быстрое развитие нашей промышленности и торговли только и может открытие красноводско-амударьинского пути»⁴. Доклад Глуховского встретил поддержку. Вице-председатель общества Т. А. Беляев, заручившись единогласным одобрением предложения об исследовании «системы аму-дарьинской», заявил, что оно «более всего полагается на правительственное содействие»⁵.

¹ «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию», стр. 13—14.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 57.

Следующее заседание, 5 мая 1869 г., было посвящено определению конкретного пункта на восточном берегу Каспийского моря, «откуда удобнее было бы направить торговый путь на Аму-Дарью». С сообщением на эту тему выступил контр-адмирал Н. А. Ивашинцов, возглавлявший с 1854 г. гидрографические исследования на Каспийском море. Наиболее подходящей местностью для устройства торгового пункта было намечено побережье Красноводского залива; между ним и Аму-Дарьей лежала равнина. К тому же здесь предполагалось наличие пресной воды, а главное — была возможность сразу же вступить в меновую торговлю с туркменским населением.

Общее собрание членов Общества для содействия русской промышленности и торговле, состоявшееся 14 мая 1869 г., постановило ходатайствовать перед правительством «об открытии торгового пути от восточного берега Каспийского моря к Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию»⁶.

Вскоре после этого правление общества официально возбудило перед правительственными органами вопрос «о безотлагательном открытии нового пути в Среднюю Азию через Каспийское море, с устройством в Красноводском заливе гавани и поста для удобной выгрузки и склада русских товаров... равно как о принятии надлежащих мер для обеспечения нашим товарам безостановочного следования до Аму-Дарьи и далее»⁷.

Интересно отметить дополнительный довод, который составители ходатайства выдвинули в пользу занятия побережья Красноводского залива. Наряду с соображениями транспортного характера они обосновывали свою просьбу необходимостью улучшить условия получения хлопкового сырья для текстильной промышленности Российской империи и «замены им постепенно американского хлопка».

Обратившись с этим ходатайством в министерство финансов, Общество для содействия русской промышленности и торговле вместе с тем переслало военному министру все материалы «о проложении нового торгового пути в Среднюю Азию от Красноводского залива к реке

---

⁶ Там же, стр. 61—62.

⁷ «Труды Общества...», стр. 43.

Аму-Дарье» с просьбой о поддержке «столь важного для нашей русской торговли предложения»⁸.

Представителям российской буржуазии не было особой надобности искать лишние доказательства, чтобы убедить правящие круги в целесообразности овладения восточным берегом Каспия. Как отмечалось выше, это мероприятие уже в 1864—1865 гг. детально обсуждалось правительством; его осуществление было лишь отложено из-за обострения положения в Средней Азии.

Когда русско-бухарские и русско-кокандские взаимоотношения приняли желательный для царских властей характер, высадка на побережье Красноводского залива снова вошла в центр их внимания. В то время как в Обществе для содействия русской промышленности и торговле обсуждались различные аспекты развития экономических связей со Средней Азией через Каспий, между Милютиным и Кауфманом произошел обмен мнениями на эту же тему. В письмах к военному министру от 7 и 10 июня 1869 г. туркестанский генерал-губернатор предлагал высадить на восточном берегу Каспийского моря отряд войск Кавказского военного округа. В связи с тем что в это время среди казахских племен «оренбургского ведомства» развернулось движение против колонизаторской политики царизма, Кауфман приписывал хивинскому хану вину в поддержке этого движения и отмечал, что высадка русских войск явится предпосылкой для оказания давления на Хиву. Он заявлял, что утверждение на берегу Красноводского залива полностью окупит финансовые затраты не только укреплением политического влияния Российской империи в Туркестане, но и «немедленным развитием торговли нашей в такой стране, в которую товары наши мало проникают, и открытием такого пути, который короче всех прочих ведет от наших внутренних рынков в Среднюю Азию».

Кауфман намекал даже на то, что в случае войны с Хивой расходы казны на овладение восточным берегом Каспийского моря смогут быть покрыты из контрибуционных сумм. Он поручил Н. Г. Столетову передать Милютину свое письмо от 10 июня 1869 г., в котором рекомендовал назначить Столетова начальником штаба

⁸ «Россия и Туркмения в XIX веке...», стр. 31. Письмо общества от 28 сентября 1869 г.

«десантного отряда в Красноводске»⁹. Хотя присутствие этого офицера было необходимо в Ташкенте, заявлял Кауфман, он, туркестанский генерал-губернатор, «готов пожертвовать» Столетовым, «лишь бы дело с этой стороны поведено было правильно». Кауфман считал необходимым немедленно приступить к осуществлению намеченного плана.

По указанию Милютина в Главном штабе была составлена записка «О занятии Красноводского залива на восточном берегу Каспийского моря». В ней напоминалось о том, что ранее уже было принято решение утвердиться на восточном побережье Каспия, но этому помешало обострение русско-бухарских отношений. Необходимость «проучить Хиву» снова выдвигает этот вопрос в порядок дня¹⁰. Военный министр предложил кавказскому наместнику начать подготовку к высадке в августе 1869 г. военной экспедиции на берегу Красноводского залива. Цель операции указывалась лишь в самых общих чертах — «устроиться» в этом районе.

Министерство иностранных дел одобрительно отнеслось к намеченной экспедиции. Оно выдвигало при этом на первый план не стремление оказать нажим на Хиву, как это делал Кауфман, а исходило из необходимости развития русской торговли в этом районе. В подготовленной Азиатским департаментом «записке по среднеазиатским делам», специальный раздел которой был посвящен вопросу о Красноводске, подчеркивалось, что волнения в Казахстане и «слухи о непосредственном участии в оных хивинского хана» привлекли особое внимание правительства Российской империи к «обеспечению путей» от Каспийского моря в глубь Средней Азии. В этих действиях, отмечало министерство иностранных дел, первостепенное значение имеет удовлетворение торговых интересов: «Приобретение нового пути в глубь Средней Азии, который удобнее и несравненно короче нынешней караванной дороги через Киргизскую степь на Сыр-Дарью, будет благодеянием для нашей торговли»¹¹. Для большей убедительности приводились конкретные цифры. Так, в Азиатском департаменте было подсчитано, что

⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 45, лл. 24, 28, 30.

¹⁰ ЦГВИА, ВУА, д. 6814, лл. 21—27.

¹¹ ЦГВИА, ВУА, д. 6810, лл. 52—54.

провоз одного пуда товаров будет стоить 1 р. 20 к. от Москвы до Аму-Дарьи и 1 р. 45 к. от Москвы до Бухары, тогда как по старому пути он обходится в 3—4 руб. от Москвы до Ташкента¹².

Однако, несмотря на положительное в общем отношение к высадке на побережье Красноводского залива, руководители дипломатического ведомства и в этом вопросе продолжали придерживаться осторожной, выжидательной тактики. Хотя на Кавказе шла полным ходом подготовка к осуществлению этой операции осенью 1869 г., министерство иностранных дел потребовало отсрочить ее. Оно опасалось, что занятие восточного берега Каспия ухудшит отношения с иранским правительством, с которым в это время велись важные торгово-экономические переговоры, а также вызовет отрицательную реакцию Англии¹³. На состоявшемся 30 июня 1869 г. особом совещании победили взгляды дипломатов, поддержанных царем. Принятое решение предусматривало отсрочку высадки войск до весны 1870 г., хотя подготовку к этой операции намечено было продолжать. Кауфману предлагалось вместо планировавшейся им военной экспедиции против Хивы попытаться урегулировать взаимоотношения с ханством путем обмена письмами (правда, письмо хану должно было содержать откровенные угрозы и ссылки «на пример Коканда и Бухары», ставших вассалами царизма). Военному министерству и министерству иностранных дел поручалось изучить совместно с министерством финансов значение красноводской экспедиции для интересов русской торговли¹⁴.

Решения совещания вызвали недовольство туркестанского генерал-губернатора¹⁵ и резкие возражения кавказского наместника, который отправил Александру II специальное послание, настаивая на осуществлении задуманного мероприятия еще в 1869 г. Ссылаясь на желание министерства иностранных дел «подготовить» правительство Персии к высадке русского отряда на прилегающей к ее границам территории, наместник считал,

¹² Там же. л. 55.

¹³ См. ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 29—30.

¹⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, оп. 1, д. 613, л. 26. Доклад о красноводской экспедиции, утвержденный царем 5 июля 1869 г.

¹⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 45, лл. 45—47. Замечания Кауфмана по поводу письма Милютин от 7 июля 1869 г.

что это не может задержать экспедицию. Слухи о готовящейся высадке войск уже начали распространяться, пояснял он, и дойдут до Персии «в преувеличенном виде», ее будут настраивать против Российской империи западные державы, тогда-то и завяжется дипломатический конфликт. Лучше осуществить намеченный шаг осенью, сообщив Персии, что предпринимаемые действия не заключают в себе ничего враждебного в отношении этой страны и осуществляются с целью «покровительствовать нашей торговле с туркменами и способствовать прочному умиротворению кочующего в южной части Оренбургской степи киргизского населения...»¹⁶. Доводы и настояния кавказского наместника заставили Александра II снова изменить решение; 22 августа 1869 г. он санкционировал занятие восточного берега Каспия осенью 1869 г.¹⁷.

Царское правительство помнило об особой заинтересованности, проявленной российской буржуазией в открытии для нее новых рынков сбыта и источников сырья. По поручению военного министра начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден сообщил Обществу содействия русской промышленности и торговле, что военное министерство учитывает важность разрешения «красноводского вопроса» и предпринимает соответствующие шаги. «Остается желать, — писал Гейден председателю общества Н. Погребову, — чтобы русское купечество и русские капиталисты обратили действительно свои энергичные усилия к восточному берегу Каспийского моря»¹⁸.

К началу ноября 1869 г. подготовка к экспедиции была завершена, и 5 ноября 1869 г. русский военный отряд под командованием Столетова высадился на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива¹⁹.

Эти действия, как и предполагало министерство иностранных дел, вызвали недовольство персидских властей. Хотя занятая отрядом Столетова территория никогда не входила в состав Персии, правительство этого государст-

---

¹⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 6814, лл. 191—194. Записка от 16 августа 1869 г.

¹⁷ Там же, л. 183.

¹⁸ «Россия и Туркмения в XIX веке...», стр. 34—35. Письмо от 10 октября 1869 г.

¹⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 6814, л. 274. Донесение Столетова от 7 ноября 1869 г.

ва сделало попытку предъявить на нее свои права²⁰. Посланник России в Тегеране Бегер отверг претензии шахских властей. В ответ на требование шаха Насреддина о признании господства Персии над туркменским племенем иомудов, кочевавшим вдоль рек Гурген и Атрек, дипломатическое ведомство Российской империи официально заявило, что рассматривает Атрек как рубеж между владениями обоих государств²¹. В результате переговоров было заключено соглашение, по которому эта река признавалась русско-персидской границей. Шах Насреддин собственноручным письмом подтвердил это соглашение, хотя впоследствии правительство Персии заявило, что считает Атрек границей лишь на протяжении 50 миль от устья вверх по течению реки²².

Таким образом спорный вопрос был улажен. Опасения царских властей, что этот конфликт будет использован «западными державами» (имелась в виду, конечно, Британская империя) для антирусской пропаганды в Персии, не оправдались. Причины столь быстрого урегулирования заключались в том, что на деле персидское правительство не имело ни фактических, ни юридических прав на восточный берег Каспийского моря и выдвигало претензии, по сути дела лишь рассчитывая под шумок овладеть тем или иным районом Туркмении. Радуюсь успеху «красноводской операции» и отмечая ее значение для облегчения торговых связей России с Востоком, царские власти указывали и на возможные отрицательные последствия этих действий. Так, начальник Астрабадской морской станции кн. Ухтомский подчеркивал, что занятие Красноводского залива «откроет нашим мануфактурам всю долину Аму-Дарьи». Вместе с тем он высказывал и серьезные опасения по поводу возможных «экономических осложнений» в виде усиления иностранной торговой конкуренции. После завершения начатого в это время строительства железной дороги от Поти до Баку и создания прямого пути от побережья Каспийского моря к ханствам Средней Азии, отмечал Ухтомский, туда хлынут английские, французские, немецкие и австрийские това-

²⁰ Там же, лл. 285—287. Денеша Бегера в Петербург от 29 октября 1869 г.

²¹ Там же, л. 299. Телеграмма министерства иностранных дел посланнику России в Тегеране от 7 декабря 1869 г.

²² С. U. Aitchison, *A collection of treaties...*, Appendix, p. 54.

ры. «Уже теперь Персия не составляет русский рынок, и английская контрабанда, наполнив Кавказ, проникает до Астрахани; когда же железный путь из Поти в Баку будет окончен, а дорога из Красноводска в Хиву будет обеспечена, то западноевропейские товары легко смогут проникнуть в Среднюю Азию», — предостерегал начальник Астрабадской морской станции²³.

Опасения того, что выгодами от нового торгового пути воспользуются иностранные конкуренты, беспокоили не только Ухтомского, но и министерство иностранных дел, которое открыто выражало беспокойство по поводу возможности использования вновь прокладываемого торгового пути иностранными конкурентами.

Аналогичные взгляды разделял и управляющий министерством путей сообщения В. Бобринский. Он предлагал во избежание потери среднеазиатских рынков немедленно «закрыть» беспошлинный транзит товаров из Поти в Баку, преобразовать Аральскую флотилию в частное пароходство на Сыр-Дарье и помочь этой компании организовать судоходство по Аму-Дарье. После осуществления этого Бобринский считал необходимым «обеспечить путь от Красноводска к Хиве и совершенствовать его в пропорции с выгодами, которые он может оказывать русской промышленности и торговле».

Допуская спорный характер некоторых намеченных им шагов, управляющий министерством путей сообщения «во всяком случае» настаивал на ликвидации беспошлинного транзита Поти—Баку²⁴.

Однако общее мнение министерств иностранных дел и путей сообщения о необходимости отмены беспошлинного транзита товаров через Кавказ на берега Каспийского моря встретило возражения кавказского наместника, и этот вопрос был вынесен на обсуждение Особого комитета по делам, касающимся Каспийского моря. Члены его собрались 16 января 1870 г. в Петербурге, чтобы обсудить дальнейший план действий красноводского отряда в отношении туркмен и Хивинского ханства. В принятом комитетом решении отмечалось, что при занятии побережья Красноводского залива правительство

²³ ГИМ. ф. 307, «Н. И. Гродеков», д. 11, лл. 9—10. Письмо Ухтомского директору Азиатского департамента от 19 ноября 1869 г.

²⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, оп. 1, д. 613, л. 97. Записка В. Бобринского от 15 января 1870 г.

стремилось открыть новый торговый путь в Среднюю Азию и доставить русским торговцам «безопасность и возможные удобства». Начальнику отряда, однако, за-прещалось продвигаться далее на восток или выделять охрану для торговых караванов, предпринимать какие-либо операции против туркмен и Хивы, вводить среди туркменского населения подати или сборы. Вместе с тем он должен был стараться заинтересовать местные туркменские племена «в торговом движении и снискать их доверие и дружелюбие», оказывать покровительство приезжающим хивинским купцам, «внушать им выгоду для них правильного и обширного развития мирных отношений с нами». Комитет подчеркивал, что «заслуги начальника отряда будут заключаться не в военных экспедициях или набегах, а в усердном содействии отечественной торговле, в привлечении к ней туркмен и в предупреждении всяких столкновений».

Участники совещания определили также круг обязанностей коммерческого агента министерства финансов в Красноводске: «наблюдение за добросовестностью торговых сделок, содействие организации паровой связи общества „Кавказ и Меркурий“ с восточным побережьем Каспийского моря, выработка правил использования местных минеральных ресурсов и приобретения концессий на их разработку». В административном отношении занятые Российской империей районы на восточном берегу моря были переданы из Оренбургского генерал-губернаторства в состав Кавказского наместничества²⁵.

Через неделю, 23 января 1870 г., члены комитета собрались на новое заседание. Оно было целиком посвящено проблеме беспопытного закавказского транзита в связи с занятием Красноводска. Как свидетельствует протокол комитета, это было вызвано высказанными министерством иностранных дел опасениями подрыва русской торговли в Средней Азии потоком европейских товаров через Поти — Тифлис — Баку в Персию и Туркестан, ослаблением политического влияния Российской империи в Средней Азии из-за «наплыва к Каспийскому побережью английских интересов и капиталов». В результате противодействия великих князей Константина

---

²⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 16. Протокол комиссии, утвержденный 2 февраля 1870 г. Александром II.

и Михаила, а также министра финансов Рейтерна, опасавшихся, что отмена льгот по закавказскому транзиту ослабит торговые отношения с западноевропейскими государствами, беспошлинный транзит для провозимых в Джульфу и Баку товаров был сохранен; но в случае оправдания опасений министерства иностранных дел комитет предусматривал новое рассмотрение спорного вопроса. Иное решение было принято по поводу восточного побережья Каспийского моря.

«Красноводск — есть русский порт, — специально подчеркивалось в протоколе заседания, — открываемый для устройства кратчайшего и удобнейшего пути собственно русско-азиатской торговле, а потому все европейские товары, туда привозимые, как транзитом с Кавказа, так и из персидских портов, должны быть оплачены пошлиной по европейскому тарифу...»; товары среднеазиатского происхождения пропускались через Красноводск на Кавказ и в Россию беспошлинно, тогда как следовавшие этим путем европейские изделия и чай (индийский и кантонский) также подлежали оплате по европейскому тарифу²⁶. Наблюдение за выполнением этих решений возлагалось на агента министерства финансов и русское крейсерство на Каспийском море, база которого была переведена с о-ва Ашур-Адэ в Красноводск.

Материалы заседаний «Особого комитета по делам, касающимся Каспийского моря» свидетельствуют о том, что красноводская операция с точки зрения Петербурга преследовала преимущественно экономические цели: развитие торговли со Средней Азией, улучшение условий доставки русских товаров на среднеазиатские рынки, изучение и использование природных ресурсов Каспийского побережья в интересах промышленности России.

По-другому рассматривали высадку военного отряда в районе Красноводского залива власти на местах — в Ташкенте и в Тифлисе. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман и помощник кавказского наместника Святополк-Мирский видели в этом начало продвижения в Туркмению и подготовительный этап в наступлении на Хивинское ханство. Святополк-Мирский, например, настаивал на усилении отряда Столетова, чтобы «держать

²⁶ ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, оп. 1, д. 1208, лл. 1—3. См. также ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 26.

в страхе» местное население, «угрожать Хиве» и обеспечить за ним контроль над дорогами от берега моря до Аму-Дарыи. «Несовместно ни с достоинством, ни с пользой России действовать в Средней Азии робко и как будто украдкой», — многозначительно писал он кавказскому наместнику²⁷.

Аналогичные взгляды высказывал и Кауфман еще до высадки Столетова. Узнав о ее успешном завершении, туркестанский генерал-губернатор отправил специальное послание хивинскому хану с требованием об оказании полного содействия русско-хивинской торговле и допуске в ханство российских купцов. Он обвинял хана в подстрекательстве и поддержке волнений среди русско-подданных казахских племен и призывал его отказаться «формально от всякого вмешательства во внутренние дела киргизские». Сообщая 18 января 1870 г. Стремоухову о своем ультимативном письме в Хиву, Кауфман добавлял: «Я совершенно убежден, что рано или поздно нам не миновать столкновения с этим ханством»²⁸.

Что же касается до непосредственных участников событий, то Столетов и один из его ближайших помощников — начальник кавалерии отряда М. Д. Скобелев — буквально рвались в бой. Они готовы были немедленно «начать наступление» и на Хивинское ханство и на туркменские оазисы. Это обстоятельство вскоре явилось причиной острого столкновения между ними и начальником штаба войск Кавказского военного округа генералом Свистуновым, о чем будет сказано ниже.

Из Петербурга шли директивы, которые должны были сдерживать наступательный порыв местных властей и переклестить их энергию на улучшение условий развития российской торговли в Средней Азии. Стремоухов, например, упрекал Кауфмана в том, что он «смотрит на Красноводск как на средство, облегчающее военную экспедицию в Хиву», тогда как дипломатическое ведомство видит в нем «ворота» для торговли и лишь «в крайнем случае считает, что утверждение в Красноводском районе может быть использовано как благотворная угроза или внушение Хиве».

²⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 39, в док. 210. Письмо Святополк-Мирского от 20 декабря 1869 г.

²⁸ ГИМ, ф. 307, «Н. И. Гродеков», л. 10, л. 68.

«Не дай бог, — патетически восклицал директор Азиатского департамента, — чтобы нам пришлось идти войной и занимать Хиву. Занять легко, а каково будет ее очистить, и неужели же и эту страну присоединить к империи. Мне кажется, что нет никакой настоящей необходимости идти воевать с Хивой».

Министерство иностранных дел понимало, что в донесениях из Ташкента и Оренбурга умышленно приписывалась Хивинскому ханству «подстрекательная деятельность» в Казахстане. Стремоухов писал об этом Кауфману без обвиняков, правда обвиняя лишь Крыжановского, «изукрасившего» различные слухи «в видах, которые нам известны»²⁹. Он призывал туркестанского генерал-губернатора терпеливо выжидать присылки правителем Хивы посольства для объяснений и задевал наиболее неприятный для Кауфмана вопрос о судьбе Самарканда, заявляя о «нетерпеливом ожидании» министерства, когда «обстоятельства позволят» генерал-губернатору «отделаться от этого города». Гейден также указывал Кауфману, что правительство рассчитывает лишь расширить торговые связи со Средней Азией со стороны Каспийского моря и не предполагает предпринимать какие-либо наступательные действия, в том числе и против Хивинского ханства, столкновения с которым следует «избегать до последней крайности»³⁰.

Документы центральных правительственных органов, таким образом, свидетельствуют, что красноводская экспедиция была осуществлена прежде всего и главным образом в интересах торговых кругов Российской империи. Составленная в министерстве иностранных дел «Записка по среднеазиатским делам» именovala прокладку нового пути в Туркестан «благодеемием для нашей торговли». В министерстве подсчитали, что сухопутная дорога от Самары до Бухары окажется короче старого караванного пути в Бухарское ханство через Оренбург и Казахстан на 2555 верст³¹.

---

²⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 80, лл. 1—2. Письмо Стремоухова от 12 февраля 1870 г.

³⁰ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 63. Письмо Гейдена от 28 февраля 1870 г.

³¹ «От Самары, — гласила записка, — как отдельного пункта, от которого путь идет или сушей через Оренбург или водой по Волге, расстояния через Оренбург до Ташкента 2520 верст, а до Бу-

Для стимулирования расширения торговых сношений через Красноводск царским указом от 2 февраля 1870 г. привозившиеся туда товары из Средней Азии освобождались от пошлин, а по распоряжению департамента таможенных сборов от 7 августа 1870 г. привозившиеся российские товары не подлежали обложению так называемым карантинным сбором³². Содействие торговле, оказывавшееся царскими властями, способствовало ее развитию. Если в 1869 г. через Астраханский порт вывозилось в Персию и Среднюю Азию товаров на 386 тыс. руб., а ввозилось на 1470 тыс. руб., то в 1870 г. вывоз равнялся 875 тыс. руб., а привоз достигал 974 тыс. руб., т. е. «отпуск» товаров увеличился более чем на 488 тыс. руб.³³.

Хотя вне зависимости от запросов российской буржуазии царское правительство задолго до 1869 г. намечало овладение восточным берегом Каспийского моря в районе Красноводского залива, Общество для содействия русской промышленности и торговле приписывало инициативу в этом деле себе. Подводя итоги 25-летней деятельности общества, его правление ставило себе в особую заслугу настоянная перед властями о прокладке нового, более удобного пути в Среднюю Азию, чтобы «достигнуть возможности большего приобретения хлопка и замены им постепенно американского хлопка, получаемого для наших фабрик»³⁴. Российские капиталисты, особенно текстильные фабриканты, пережившие «хлопковый кризис» первой половины 60-х годов, придавали большое значение приобретению собственной хлопковой базы. Расширение производства этого важного вида сырья вызвало их особое внимание. Оно явилось предметом специального обсуждения на заседании участников Первого Все-

---

хары 3250 верст. Водный же путь идет: от Самары Волгой и Каспийским морем до Красноводского залива, отсюда до Аму-Дарьи (к Кунграду или Хиве) сухим путем, потом этой рекой, вполне судоходной в этих местах, до пристани Чарджуй (транзитного пункта из Персии) около 400 верст и, наконец, от этой пристани до Бухары сухим путем 100 верст. Следовательно, по этому направлению всего сухого пути 700 верст» (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 12, л. 20).

³² АВПр, Персидский стол, оп. 458, л. 1806, л. 15.

³³ Там же, лл. 2—3. О проникновении российского капитализма на восточные берега Каспийского моря. См.: М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 21—27.

³⁴ «Труды Общества...», ч. 22, стр. 43. Отчет о деятельности Общества за 1867—1892 гг.

российского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, происходившего в мае — июне 1870 г.

«В какой степени можно устранить недостатки нашего хлопка и содействовать распространению его употребления?» — гласил поставленный на съезде вопрос. Выступавшие в прениях высказывались за улучшение сортов хлопка, выращивавшегося в контролируемых Россией районах Средней Азии, а также за ознакомление местного населения с более рациональными методами его производства. Один из крупнейших фабрикантов текстиля Т. С. Морозов отметил, что прокладка удобных и кратчайших торговых путей в Среднюю Азию будет способствовать удешевлению привозимого оттуда хлопка и расширению его посевов. Улучшение сортности среднеазиатского хлопка, продолжал он, позволит выйти «из опеки американцев», удешевит и качественно улучшит российские хлопчатобумажные изделия, увеличит их конкурентоспособность на мировых рынках. Т. С. Морозов настаивал на изыскании «кратчайшего и удобнейшего пути» на Бухару через Красноводск. В принятой резолюции подчеркивалась необходимость выписки из-за границы лучших хлопковых семян, повышения качества обработки и очистки хлопка, обеспечения безопасного, дешевого и быстрого товарообмена между центральной Россией и Средней Азией (в частности, «открытия правильного пути через Красноводск») ³⁵.

Внимание съезда привлекла одна из важнейших торгово-экономических проблем того времени: общее направление торговли Российской империи и место, занимаемое в ней странами Востока, в том числе Средней Азией. Когда в начале июня 1870 г. участники съезда приступили к обсуждению вопроса о способах увеличения сбыта изделий фабрично-заводской промышленности России, между ними завязалась острая дискуссия о месте и значении Азии в русском вывозе. Некоторые из выступавших справедливо видели за экономической стороной вопроса его политический аспект. В этой дискуссии прослеживаются те же мотивы, какие были характерны для взглядов многих экономистов и предпринимателей 50-х —

---

³⁵ «Протоколы и стенографические отчеты заседаний...», Стенографический отчет заседаний 5-го отделения..., стр. 3—14.

начала 60-х годов XIX в.: конкуренция более развитых государств мешает продаже изделий России на Западе; основным районом их сбыта продолжает оставаться Восток, «т. е. Персия, Турция, Средняя Азия и т. д.», как говорил, например, заводчик Ф. Н. Львов³⁶.

Противники этой точки зрения (Г. Андреев, в меньшей степени Н. Б. Казанский) призывали уделять должное внимание развитию торговли преимущественно с европейскими странами, не увеличивая за ее счет экономические связи с Азией. Г. Андреев предостерегал против увлечения «восточной торговлей». Он ссылаясь на «незначительность потребностей» народов Востока, удовлетворение которых, по его мнению, могло демобилизовать российских предпринимателей в борьбе за рынки сбыта. При этом, говорил он, «не было бы возможности достигнуть тех превосходств в обработке и выделке продуктов, какие были бы достигнуты при торговле с Западом»³⁷. Такой взгляд вызвал решительное возражение большинства собравшихся. Авторитетный в буржуазных кругах страны делец В. И. Губин отверг предположение, что вывоз товаров в Азию задержит улучшение изделий русской промышленности. В. И. Губин призывал предпринимателей стремиться к повышению качества продукции, используя как раз те возможности, какие предоставляет для этого выгодная торговля с Востоком.

«У нас говорится, — закончил он свое выступление, — что Россия земледельческая страна, что о фабриках нечего заботиться, но, к сожалению, многие не слышали тех слов Брайта³⁸, где он выразил, что если Россию нельзя завоевать оружием, то нужно завоевать ее капиталами, надо завалить ее нашими (т. е. английскими. — Н. Х.) фабрикатами так, чтобы каждая жила русского человека чувствовала, чья кровь в ней течет»³⁹.

У нас нет данных, свидетельствующих, что руководящие круги Российской империи «слышали те слова Брайта», но, если судить по их деятельности в Средней Азии,

³⁶ Там же, стр. 37.

³⁷ Там же, стр. 47.

³⁸ Д. Брайт (1811—1889) — английский буржуазный политический деятель и предприниматель, один из идеологов политики захвата Британской империей мировых рынков под лозунгом фритредерства — свободной торговли.

³⁹ «Протоколы и стенографические отчеты заседавший...», стр. 48.

они полностью разделяли опасения тех представителей торгово-промышленных слоев империи, которые не желали, чтобы вслед за вытеснением русских товаров с рынков Запада последовало их вытеснение с рынков Востока. Не ограничиваясь уже проведенными мерами по утверждению своего политического и экономического влияния в различных среднеазиатских районах, царское правительство предприняло новые шаги, которые должны были окончательно закрепить там его контроль.

— И в данном случае планы эти имели ограниченный характер. Они распространялись исключительно на Среднюю Азию и не имели в виду каких-либо территорий, выходящих за ее пределы. Это нашло выражение в позиции, занятой Петербургом и Ташкентом по отношению к новому посольству, прибывшему из Индии. Несмотря на неудачу первой миссии, махараджа Кашмира Рамбир Сингх не оставлял надежд на установление русско-кашмирских взаимоотношений. В октябре 1869 г. он снова отправил своих представителей в Ташкент. На этот раз посольство, состоявшее из трех человек, проделало путь благополучно и в июне 1870 г. прибыло к месту назначения. Его возглавлял Баба Карама Паркаас⁴⁰, приближенный махараджи, обязанности которого при дворе заключались, по его объяснению, в чтении молитв на могиле отца Рамбир Сингха — Гулаб Сингха.

Баба Карама Паркаасу было поручено выяснить у туркестанского генерал-губернатора, желает ли он переписываться с махараджей и каким путем — через Афганистан или через Кашгар — согласился бы поддерживать торговые и политические связи. Посланец заявил, что Рамбир Сингх не дал ему письма к Кауфману, поскольку между русскими и кашмирскими властями отсутствовала какая-либо договоренность о переписке. На словах махараджа поручил передать, что находится в дружественных отношениях со многими княжествами и почти независим от англичан, которым посылает лишь символическую дань. Он сообщал также о своей недавней стычке с британскими властями в Индии, вызванной отказом махараджи выполнить их предложение приехать в г. Амбалу, чтобы участвовать в переговорах вице-короля лорда Мэйо с афганским эмиром Шер Али-ханом

---

⁴⁰ Так он именуется в документах.

(март 1869 г.). Баба Карама Паркаас подробно рассказывал представителям туркестанского генерал-губернатора об экономике Кашмира, его богатстве полезными ископаемыми, о государственном устройстве и военных силах княжеств. Он старался при этом изобразить в наиболее выгодном свете экономическое положение Кашмира, желая, видимо, всячески заинтересовать этим русское правительство.

Доходы махараджи Рамбир Сингха, по словам его посланца, составляли 20 млн. рупий в год. Их источниками являлись сборы с жителей «за хлебопашество, производство кашемировых тканей, за переправу через Дарью [реку], за пользование лесами, горными богатствами, за садоводство и таможенные пошлины»⁴¹. Паркаас сообщал, что в княжестве произрастают рис, пшеница, сахарный тростник, табак, мак, маш, а также разнообразные фрукты и овощи, что там очень развито скотоводство и имеется много лошадей, рогатого скота, овец и коз. В горах добываются медь и железо. Кашмир славится лесами. Его жители производят знаменитые кашмирские шали, ковры, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Однако рассказ о всех этих богатствах не привлек особого внимания царских властей. Вторая миссия из Кашмира, как и первая, с точки зрения представителей царского самодержавия, имела только познавательный интерес. Никаких планов, стремлений или попыток воспользоваться ею ни в политических, ни хотя бы в торговых целях у государственных деятелей Российской империи не проявилось. Баба Карама Паркаас не был принят никем из авторитетных чиновников туркестанской администрации и вернулся в Кашмир ни с чем. Снова посольство из Индии не имело никакого результата — ни явного, ни тайного, как об этом с полной убедительностью свидетельствуют документы из архивов царского государственного аппарата. Интересы Российской империи не выходили за пределы Средней Азии.

---

⁴¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 25, лл. 20—22. «Показания кашмирского выходца» от 15 августа 1870 г.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

Поражение бухарских войск в войне 1868 г., отторжение от ханства районов Самарканда и Катта-Кургана, подписание эмиром Музаффаром договора, фактически устанавливавшего вассальную зависимость Бухары от Российской империи, — все это явилось серьезным ударом по политической системе ханства. Мусульманское духовенство и военно-политическая верхушка Бухарского ханства стали еще более настойчиво обвинять Музаффара в нерешительности, в нежелании и неумении организовать должное сопротивление «неверным», вернуть потерянные земли и возобновить борьбу за Ташкент, за господство над Кокандским ханством.

Недовольные продолжали группироваться вокруг Абдулмалика, бежавшего из столицы в южные бекства, где он был провозглашен эмиром. Абдулмалик пользовался широкой поддержкой правителей Шаара и Китаба в Шахрисябзском оазисе — Джурабека и Бабабека, а также английских агентов, прибывавших через Афганистан.

Экономическое положение Бухарского ханства резко ухудшилось. В связи с необходимостью выплаты наложенной на ханство контрибуции и стремлением эмирских властей возместить утерянные налоговые поступления Самаркандского и Катта-Курганского бекств усилилась финансовая эксплуатация населения. Недовольство, трудового дехканства и городской бедноты принимало все более широкий характер. Настроения народных масс умело использовали ишаны и муллы. Они стремились отвлечь внимание народа от феодальной эксплуатации и воспользоваться его недовольством для борьбы против неугодного им эмира, а затем и для нового «газавата». Их политическим центром был г. Карши. Здесь обосновался Абдулмалик и сосредоточивались враждебные эмиру силы.

Музаффар попытался разгромить своих врагов. Его войска двинулись на Карши. Им удалось вытеснить из города Абдулмалика и его сторонников, которые бежали в Шахрисябзский оазис. Преследуя их, эмир пошел на Шаар и Китаб. В районе сел. Чиракчи назревало серьезное столкновение между войсками Музаффара, отря-

дами Абдулмалика и шахрисябзских беков. В это время эмир получил сообщение об антиправительственных выступлениях на северо-востоке ханства — в городах Нулата и Кермине, в непосредственной близости от столицы. Он был вынужден прекратить военные действия против группировки Абдулмалика и направиться к своей летней резиденции Кермине. Вспыхнувшее здесь восстание было подавлено, но зато Карши снова захватил Абдулмалик, который готовился к наступлению на г. Бухару. Понимая, что его армия не в состоянии бороться одновременно с мятежными феодалами и с антифеодальными выступлениями дехканства и городской бедноты, Музаффар запросил помощи у недавних врагов. Отправленные им в Самарканд послы обратились с ходатайством к начальнику Зеравшанского округа генерал-майору Абрамову, прося о содействии.

Сложившаяся в Бухарском ханстве обстановка нарушала планы царского правительства. Заключив выгодный для себя мирный договор 1868 г. с Бухарой, оно было заинтересовано в укреплении власти эмира, в ликвидации феодальных раздоров и народных восстаний. Установление «спокойствия» в ханстве должно было способствовать развитию русско-бухарских экономических связей, что в свою очередь усиливало влияние Российской империи в Бухаре. Поэтому туркестанский генерал-губернатор велел Абрамову удовлетворить просьбу Музаффара. В октябре 1868 г. царские войска разгромили отряды Абдулмалика, который после поражения снова бежал со своими приверженцами в Шахрисябз. 27 октября 1868 г. Абрамов передал власть над Каршинским оазисом представителям эмира⁴². Этот жест, по мнению Кауфмана, должен был укрепить ориентацию правителя Бухары на Россию.

Однако вмешательство русских войск в бухарские дела вызвало в Петербурге протест министерства иностранных дел. Расхождения правительственных органов царизма во взглядах на методы среднеазиатской политики все более углублялись. Дипломатическое ведомство продолжало настаивать на прекращении каких бы то

⁴² В «Истории Узбекской ССР» (т. I, кн. 2, стр. 91) ошибочно утверждается, что вместе с г. Карши эмиру были возвращены Шахрисябзское и Китабское бекства. Они были переданы эмиру позднее, в 1870 г.

ни было вооруженных действий в Средней Азии. Оно тормозило утверждение царем русско-бухарского договора 1868 г., требуя возвращения Самарканда и Катта-Кургана Бухарскому ханству. Эти требования встречали сопротивление туркестанского генерал-губернатора и его окружения, опиравшихся на поддержку военного министерства. Кауфман пользовался полученными им широкими полномочиями, чтобы проводить свою линию, которая заключалась в данном случае в сохранении власти Российской империи над Зеравшанским округом.

В среднеазиатской политике возникла «самаркандская проблема». Она очень напоминала «проблему Ташкентского ханства», вызвавшую в свое время столько споров в правящих кругах Российской империи. Еще 4 июня 1868 г., т. е. вскоре после того как царские войска вступили в Самарканд, туркестанский генерал-губернатор получил телеграмму военного министра. В ней предлагалось прекратить дальнейшее продвижение и вернуть солдат в «свои пределы», на правый берег Зеравшана, к Джизаку⁴³. Вслед за телеграммой Милютин отправил Кауфману пространное письмо, в котором указывал, что русско-бухарские взаимоотношения были рассмотрены на специальном совещании руководителей министерств — иностранных дел и военного — в присутствии Александра II. Совещание решило «неуклонно держаться прежней программы» и не занимать новых земель. Военный министр подчеркивал, что русская граница с Бухарой должна была пройти к востоку от Самарканда, оставляя этот город за чертой владений Российской империи. Вместе с тем это письмо содержало намек на целесообразность любыми средствами обеспечить за Российской империей политическое господство над Бухарским ханством, хотя бы путем поддержки кого-либо из претендентов на эмирский престол⁴⁴.

Однако туркестанский генерал-губернатор, пользуясь полученными им «высочайшими полномочиями», не только не эвакуировал занятые им районы, но, как отмечалось выше, включил в мирный договор с Бухарой особый пункт «о временной оккупации» Самарканда и Катта-Кургана. Нажим из Петербурга возрастал. По тре-

⁴³ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 37, док. 121.

⁴⁴ Там же, док. 122. Письмо Милютина от 6 июня 1868 г.

бованию министерства иностранных дел в нем приняло участие и военное ведомство, опасавшееся, что наступательный порыв туркестанского генерал-губернатора может привести его к поражению. Милютин предупреждал К. П. Кауфмана, чтобы он не рассчитывал на военные подкрепления, так как в Туркестан уже отправлены «почти все наши резервы, ближайшие к пределам вверенного Вам округа». Он снова предписывал покинуть занятые районы и в том числе г. Самарканд⁴⁵. Но Кауфман отстаивал правоту своих действий. Однако его доводы были отвергнуты. Александр II подтвердил решение о возвращении Бухаре Самарканда и Катта-Кургана. Он отсрочил утверждение заключенного Кауфманом договора. Наместнику Туркестана предлагалось увеличить наложенную на Бухарское ханство контрибуцию до миллиона рублей с выплатой ее в четырехлетний срок, после чего занятые районы подлежали передаче эмиру⁴⁶. Это категорическое распоряжение Кауфман получил на пути в Петербург, куда он отправился в августе 1868 г., чтобы добиться изменения принятых правительством постановлений. Одновременно с ним генерал-губернатору было вручено донесение Абрамова о том, что г. Пенджикент «добровольно изъявил полную покорность» Российской империи и включен им в состав Зеравшанского округа⁴⁷.

Это было типичным проявлением двух линий в среднеазиатском вопросе: опасения центрального правительства, что дальнейшее продвижение приведет к международным конфликтам и лишь ухудшит позиции Российской империи в Средней Азии, переплетались с активными действиями местных властей, игнорировавших порой соображения «высокой политики».

Немедленно по прибытии в столицу туркестанский генерал-губернатор был принят царем. Александр II славился своим недалеким умом и легкостью, с какой поддавался влиянию своих сановников. Вначале он «проявил гнев» по поводу игнорирования туркестанским ге-

---

⁴⁵ Там же, док. 153. Письмо Милютина от 13 июля 1868 г.

⁴⁶ Там же, док. 164. Письмо министра двора Адельберга — Кауфману от 2 августа 1868 г., а также письмо товарища министра иностранных дел Вестмана — начальнику Главного штаба Гейдену от 13 августа 1868 г.

⁴⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 20, л. 26. Донесение Абрамова от 7 августа 1868 г.

нерал-губернатором «высочайшего повеления», но вскоре согласился с его доводами об отсрочке возврата Самарканда.

Кауфман объяснял оказанное на него давление в этом вопросе происками английских агентов в «высших сферах» и пугливостью дипломатического ведомства. «Наша дипломатия, да и все правительство, — передавал он по возвращении в Ташкент свои впечатления о переговорах в Петербурге, — поддались угрозам и беснованию Англии; выяснилось же главное — полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно... Самое беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попадало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Это узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию»⁴⁸.

Сделанные туркестанским генерал-губернатором наблюдения имели под собой определенную почву. Министрство иностранных дел отводило Средней Азии второстепенное, подчиненное место в своей политике. Оно опасалось, что «излишняя активность в этой области» отвлечет Россию от европейских дел, ослабит ее позиции в «концерте держав», вызовет протесты и ответные меры Британской империи. Дипломатическое ведомство мало учитывало, что правящие круги Англии, не считаясь ни с чем, уже давно вели широкую экспансию в соседних странах Востока, что их агрессивные действия к тому времени особенно усилились в соседних с Российской империей странах — в Афганистане, Иране, Кашгаре и т. д.

На деле оправдывался эпизод, который с легкой руки М. И. Венюкова и М. А. Терентьева попал на страницы многих исторических работ: Горчаков, отмахиваясь от решения различных проблем среднеазиатской политики, заявил, что «этими мелочами» занимается директор Ази-

---

⁴⁸ Е. Толбухов, *Устроитель Туркестанского края*, стр. 906—907.

итского департамента — Стремоухов, его же, канцлера, беспокоит лишь, как бы не «восстановить» против России Англию⁴⁹. Если это и является занимательным анекдотом, что вполне возможно (М. А. Терентьев, как и М. И. Венюков, обычно широко пользовался всевозможными «великосветскими» сплетнями, недостоверными слухами и тому подобным «материалом»), то во всяком случае он неплохо передает «дух» отношения дипломатического ведомства Российской империи ко многим сторонам политики в Азии. Как бы то ни было, Кауфман добился некоторых успехов в своей поездке. Ему было поручено представить соображения о дальнейшей политике в отношении Бухарского ханства. Вернувшись в Туркестан, он санкционировал поход Абрамова на Карши. Эти действия дали повод Стремоухову для новых нападок на туркестанскую администрацию. Стремоухов поддержал «специалист по среднеазиатским делам» Н. В. Ханыков⁵⁰, который заявлял о необходимости отказа от Самарканда и вообще от наступательной политики в Средней Азии, которая «снова затянет [Россию] в этот омут вмешательства во внутренние дела мелких среднеазиатских владельцев»⁵¹.

Александр II с той же готовностью, с какой он санкционировал предложения Кауфмана о «временном» сохранении власти Российской империи над Самаркандом, согласился и с доводами Н. В. Ханыкова⁵². Однако каких-либо практических мер в связи с этим не было принято. Зеравшанский округ фактически был оставлен в составе империи, хотя министерство иностранных дел продолжало добиваться его возврата бухарскому эмиру.

Позиция министерства иностранных дел вызывала

---

⁴⁹ М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 3. стр. 423, а также М. И. Венюков, *Туркестанские вопросы*.

⁵⁰ Интересно, что, представляя письмо Н. В. Ханыкова царю, Горчаков называл его «специалистом по среднеазиатским делам», лично посетившим Персию, Герат, Кабул, Бухару и Хиву, хотя известно, что как в Кабуле, так и в Хивинском ханстве Н. В. Ханыков не бывал. Эта небольшая «передержка» должна была придать больше веса и убедительности излагавшемуся мнению (см. ЦГВИА, ВУА, д. 6808, л. 2).

⁵¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 38, приложение к док. 215. Письмо Ханыкова от 12/24 ноября 1868 г.

⁵² См. пометы Александра II на «всеподданнейшей записке» Горчакова от 13 ноября 1868 г. (ЦГВИА, ВУА, д. 6808, л. 2).

недоумение и недовольство в буржуазных кругах страны. Их взгляды нашли отражение в редакционном «Внутреннем обозрении», опубликованном журналом «Вестник Европы», где осуждались «неоправданность и нерешительность» среднеазиатской политики правительства и самая постановка «вопроса о возвращении Самарканда». Указывая на особую опасность такой нерешительности в обстановке переговоров с Англией о разграничении сфер влияния в Центральной Азии, журнал предостерегал против принятия каких-либо обязательств об отказе «от дальнейших приобретений» в Туркестане⁵³.

Между тем эмир Музаффар, которому царские войска помогли добиться успеха в борьбе с его противниками, попытался все же добиться возврата утраченных городов через голову туркестанского генерал-губернатора. Для этого во второй половине 1869 г. в Петербург было отправлено специальное посольство. Его возглавлял сын эмира Сеид Абдул Фаттах, который вез богатые дары (в том числе трех слонов и несколько породистых лошадей). Посольству был оказан хороший прием, но его намерение обсудить русско-бухарские отношения было отклонено министерством иностранных дел, указавшим, что это входит в компетенцию Кауфмана⁵⁴.

Такая позиция царского правительства объяснялась стремлением подчеркнуть неравноправный, подчиненный характер Бухарского ханства. Среднеазиатская политика, таким образом, практически сосредоточивалась в руках начальников Туркестанского края, в рамках, конечно, общей программы, выработанной правительственными органами: обеспечение экономического и политического господства Российской империи в Средней Азии. Это было особенно характерно для довольно большого периода правления в Туркестане Кауфмана (1867—1882), совпавшего с наиболее важными событиями в данной области, которые в основном определили политическую карту Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции и народных революций в Бухарском и Хивинском ханствах.

Первый туркестанский генерал-губернатор широко пользовался предоставленными ему полномочиями. Не-

---

⁵³ «Вестник Европы», 1869, № 5, стр. 378.

⁵⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 40, лл. 61—62.

смотря на недовольство Азиатского департамента какой-либо военной активностью и прямым «расширением пределов» империи, Кауфман санкционировал включение в состав Зеравшанского округа г. Пенджикента, осуществленное начальником округа Абрамовым в августе 1868 г.⁵⁵ Туркестанский генерал-губернатор поддержал также разработанный генералом Абрамовым проект дальнейшего расширения территории округа. Этот план предусматривал поход в район верховья Зеравшана, к оз. Искандер-куль.

Интересно отметить, что стремление Бухарского ханства вернуть потерянные земли находило понимание и сочувствие в прогрессивно настроенных кругах Российской империи. Стоявший близко к русским революционным демократам П. И. Пашино, служивший в 1869—1870 гг. переводчиком в Туркестанском крае, нарушил тайну служебной переписки и сообщил посольству полученную в Ташкенте телеграмму из Петербурга о возможности возвращения Самарканда эмиру. Ссылаясь на нее, члены посольства стали добиваться у Кауфмана выполнения этого решения, тогда как генерал-губернатор наотрез отказался это сделать и пообещал Пашино предать его полемому суду⁵⁶.

В Петербурге перед приемом посольства императорским двором переводчик (им был видный востоковед Мирза Мухаммед Али [Александр Касимович] Казем-Бек) всячески старался помочь бухарским посланцам выполнить возложенное на них поручение.

Ахмади Дониш, который был постоянным участником почти всех миссий, направлявшихся из Бухары в Россию в XIX в. (он посетил Петербург в 1857—1858, 1869, 1873—1874 гг.), считает, что неудача посольства была вызвана тупостью и ограниченностью его фактического руководителя Абдулькасим-бея⁵⁷. Хотя рассказ Ахмади Дониша о полной беспомощности этого незадачливого дипломата, «спровоцировавшего» Александра II на «окончательное решение», очень красочен, но думается, что не поведение бухарского посланца на ау-

⁵⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 20, л. 26. Рапорт Абрамова от 7 августа 1868 г.

⁵⁶ См. Е. И. Гневушева, *Забытый путешественник...*, стр. 59—60.

⁵⁷ Ахмад Дониш, *Путешествие из Бухары в Петербург...*, стр. 65—67.

дженции решило судьбу Зеравшанского округа, а общие основы среднеазиатской политики царского самодержавия. Петербург продолжал настойчиво придерживаться тенденции передачи спорных вопросов на усмотрение местных властей, и в ответ на просьбу посла эмира царь «отмахнулся рукой, топнул ногой и ответил: „Те области подчиняются губернатору в Ташкенте, у него и следует просить об этом”».

Вся территория в верховьях р. Зеравшан до 1868 г. формально входила в состав Бухарского ханства и управлялась из Самарканда или Ургута. На деле труднодоступные горные гнезда — Матча, Фан, Фальгар, Кштут, Магиан, Ягноб и др. — мало зависели от бухарских чиновников. Ими управляли мелкие местные беки, весь вассалитет которых проявлялся лишь в периодической присылке податей эмиру. С переходом Самарканда под контроль Российской империи бекства верховьев Зеравшана фактически стали самостоятельными. Абрамов писал, что этот район исторически и географически связан с уже занятой территорией, богат природными ресурсами (особенно залежами каменного угля и лесными зарослями) и его приобретение увеличит налоговые поступления Зеравшанского округа⁵⁸.

В апреле 1870 г. в верховья Зеравшана выступил из Самарканда небольшой отряд генерала Абрамова. Навстречу ему из Ура-Тюбе двинулся другой отряд под командованием Деннета. В состав экспедиции входили известные исследователи: путешественник-натуралист А. П. Федченко, горный инженер Д. К. Мышенков, востоковед А. Л. Кун и др.

Министерство иностранных дел выразило недовольство новой инициативой туркестанских властей. Стремоухов заявил, что она может привести к серьезным столкновениям и в Средней Азии снова вспыхнет война⁵⁹. Но эти опасения были напрасными. Хотя во время похо-

⁵⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 25. — Донесение Абрамова — Кауфману от 20 января 1870 г.; там же, док. 41. Ответное письмо Кауфмана от 24 марта 1870 г. Начальник Главного штаба Гейден, информируя Стремоухова о предпринятой экспедиции, подчеркнул, что «в этой горной стране... имеются и залежи каменных углей, и минеральные богатства, и обилие леса...» (ЦГИА УзССР, ф. 715, л. 42, док. 222. Письмо Гейдена от 4 июня 1870 г.).

⁵⁹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 42, док. 237. Письмо Стремоухова — Гейдену от 15 июня 1870 г.

да Абрамова и Деннета, большая часть которого была пройдена без каких-либо осложнений, на обратном пути все же произошла стычка с жителями одного из районов Кштута, спровоцированная местной феодальной верхушкой, это столкновение не получило сколько-нибудь широкого отклика.

В результате искандер-кульской экспедиции (апрель—июль 1870 г.) была обследована крайне слабо изученная местность⁶⁰. В том же 1870 г. она была включена в состав Зеравшанского округа под названием «Нагорные тюмени».

Поход царских войск в верховья Зеравшана не вызвал враждебной реакции в Бухарском ханстве, как этого боялись в Петербурге. Присоединенный район был невелик и не играл существенной роли в жизни Бухары.

Однако беспокойство дипломатического ведомства не было необоснованным. Несмотря на оказанную Музаффару помощь при Карши, отношение эмира и его приближенных к Российской империи было враждебным в связи с их неудачей вернуть Самарканд. Эта враждебность усилилась, когда выяснился провал посольства Сенд Абдул Фаттах в Петербург, возвратившегося в Бухару весной 1870 г.

В Ташкент поступали тревожившие царские власти сообщения о переговорах между Музаффаром и афганским эмиром Шер Али, о сближении бухарского правителя со своими недавними врагами — шахрисябзскими беками — и об установлении связей между Бухарой и Хивой⁶¹. Кауфман писал в столицу, что хотя некоторые из этих сведений носят характер противоречивых слухов, но многие из них подтверждаются; в его донесениях все чаще упоминалось об угрозе «среднеазиатской коалиции» против Российской империи. Напряженность обстановки усиливалась ввиду обострения классовой борьбы в Бухарском ханстве. Бесснежная холодная зима 1869/70 г. сменилась ранней, необычайно «сухой» весной. В ряде областей Бухары был неурожай. Из-за бескормицы начался массовый падеж скота. Ряд районов был охвачен волнениями голодной городской бедноты и дехканства.

⁶⁰ См. А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан*, стр. 126—177; *Сборник документов*, стр. 52—80.

⁶¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, лок. 53. Донесение Кауфмана — Милютину от 17 февраля 1870 г.

Жестокий террор эмирских властей не смог подавить антифеодалных выступлений народных масс. Сообщая о серьезном положении в соседнем государстве, Кауфман увязывал эти события с отношением правящих кругов Бухарского ханства к Российской империи. «Шайки голодных бедняков стали бродить по ханству, производя серьезные беспорядки... — писал он, употребляя свойственную царским чиновникам терминологию. — Фанатичное же духовенство всеми мерами поистрекало эмира против нас, указывая ему в один голос на важность утраченной в 1868 г. житницы (т. е. Самаркандского оазиса. — Н. Х.)»⁶².

В этих условиях Музаффар мог пойти на военно-политические авантюры. Правда, в апреле 1870 г. он прислал в Ташкент 120 тыс. руб. — последний взнос в счет контрибуции, предусмотренной договором 1868 г., — и снизил торговые пошлины с товаров российских купцов, доведя их до 5% стоимости товаров⁶³, но эти действия не ослабили опасений туркестанских властей, боявшихся военного выступления объединенных сил Бухарского ханства и Афганистана. Кауфман принял меры, чтобы получить более достоверные материалы о настроении бухарских правящих кругов, укрепить дружественные отношения с ними и отвлечь их внимание от Зеравшанского округа, возврату которого он решил противиться всеми силами.

Туркестанский генерал-губернатор отправил в Бухару своих представителей. Возглавлял посольство полковник Носович⁶⁴. Кауфман поручил ему информировать эмира о стремлении Российской империи «поддержи-

⁶² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 81—91. «Всеподаннейший отчет» туркестанского генерал-губернатора по дипломатической части.

⁶³ Туркестанский генерал-губернатор писал директору Азиатского департамента, что не считал нужным информировать бухарского эмира об отказе Петербурга ратифицировать договор 1868 г., опасаясь, как бы это сообщение не подорвало авторитета начальника Туркестанского края (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 80, лл. 18—20. Письмо от 2 мая 1870 г.).

⁶⁴ Доверенное лицо Стремоухова в Средней Азии — чиновник для особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе по дипломатической части К. В. Струве специально отметил, что Носович — «человек, положительно (т. е. безусловно. — Н. Х.) не принадлежащий к здешней воинственной партии» (там же, лл. 21—28. Письмо Струве — Стремоухову от 3 мая 1870 г.).

вать и укреплять дружественные и мирные отношения с соседними ханствами»⁶⁵, добиться полного равноправия российских подданных в Бухаре с местными жителями. В ханство отправился также торговец шелком Г. Мозер для закупки коконов. Туркестанский генерал-губернатор поручал Мозера⁶⁶ особому попечению посольства, рассчитывая, что удачное осуществление этого предприятия стимулирует улучшение и расширение производства шелка-сырца и в конечном итоге будет способствовать развитию русско-бухарских экономических связей⁶⁶. Миссия Носовича прибыла в Бухарское ханство 23 мая 1870 г. и провела здесь почти месяц (она выехала в обратный путь 18 июня 1870 г.). Эмир заверил представителей Российской империи в своей «неизменной дружбе», распорядился о содействии купцу Мозеру (тот вывез около 400 кг шелковичных семян), и Носович по возвращении в Ташкент, по выражению Кауфмана, доставил ему «весьма успокоительные сведения относительно политики эмира и настроения бухарского народа»⁶⁷. Успешный в конечном итоге исход посольства Носовича навел Кауфмана на мысль предпринять важный военно-дипломатический шаг, который бы помог решить сразу несколько задач: вознаградить бухарского эмира за «верность», отвлечь его от стремлений вернуть Самарканд, ликвидировать враждебное владычество Российской империи над Бухарой гнездо в Шахрисябзском оазисе. Для этого туркестанский генерал-губернатор предложил начальнику Зеравшанского округа нанести удар по бекам Шаара и Китаба. С этой целью 7 августа 1870 г. генерал Абрамов выступил в поход на Шахрисябзский оазис. За день до этого он сообщил Музаффару о своих действиях, предпринимаемых якобы с целью «покарать мятежных беков», и просил эмира прислать своих чиновников для передачи им управления оазисом⁶⁸.

⁶⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 41, док. 164. Предписание Кауфмана — Носовичу от 18 апреля 1870 г.

⁶⁶ Там же, док. 192. Письмо Кауфмана — Носовичу от 30 апреля 1870 г.

⁶⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 81—91.

⁶⁸ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 43, док. 285. Письмо Абрамова — Музаффару от 6 августа 1870 г. Очень интересно свидетельство Мирзо Самы о том, что инициатива в организации похода царских войск в Шахрисябз принадлежала... бухарскому эмиру, обратившемуся с

№ 08,70
Кауфман
Бухара

Как и в прежних кампаниях, царские войска в Средней Азии не встретили серьезного сопротивления. Правители Шахрисябзского оазиса Джура-бек и Баба-бек после непродолжительной стычки бежали. Уже на десятый день после начала похода, 16 августа 1870 г., Абрамов заявил собранным жителям Шаара, что над оазисом восстановлен прежний порядок: управление передается «законному властелину — эмиру бухарскому». Это известие было встречено без особого энтузиазма⁶⁹. Акт передачи управления Шахрисябзским оазисом был оформлен специальным письмом К. П. Кауфмана Музаффару⁷⁰. В этой операции у Абрамова было убито 19 человек и 108 ранено; потери шахрисябзских беков не были учтены. Пока в Шахрисябзе происходили описываемые события, Кауфман поспешил подготовить в Петербурге благоприятную реакцию по отношению к своим действиям. В тот самый день, когда Абрамов у стен Шаара торжественно провозглашал о ликвидации господства местных беков, 16 августа 1870 г., туркестанский генерал-губернатор отправил Горчакову специальное послание. Он ни словом не упомянул о новом походе начальника Зеравшанского округа, но всячески превозносил готовность эмира Музаффара признать зависимость Бухарского ханства от Российской империи.

Туркестанский генерал-губернатор выражал надежду, что министерство иностранных дел не проявит недовольства по поводу этого «неважного военного эпизода»⁷¹.

ХХХ

Архивные документы свидетельствуют, что центральное правительство ничего не знало о шахрисябзском походе, инициатива в проведении которого всецело принадлежала туркестанскому генерал-губернатору. К. П. Кауфман считал, что немедленная передача занятой территории эмиру, сгладив у него горечь утраты Самарканда, усилит его стремление к сближению с Российской империей, приучит Музаффара рассчитывать и

просьбой об этом к Кауфману. Музаффара убедили в целесообразности этого шага его советники, утверждая, что «урон с обеих сторон будет на пользу Высокому Государству», т. е. Бухарскому ханству («Тарих-и салатин-и мангитийа», стр. 98).

⁶⁹ [В. А. Полторацкий], *Воспоминания В. А. Полторацкого*, стр. 436.

⁷⁰ А. Семенов, *Покоритель и устроитель Туркестанского края...*, стр. XXXIII.

⁷¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 43, док. 310.

впредь на ее поддержку и в то же время не вызовет нареканий министерства иностранных дел по поводу «нового расширения пределов империи». Расчет Кауфмана оказался правильным. Эмир постепенно привык к мысли об утрате Самарканда и Катта-Кургана и не поднимал более вопроса об их возврате.

Российские купцы получили полную возможность вести торговлю по всему Бухарскому ханству. В этом туркестанские власти убедились после визита в ханство в 1871 г. чиновника для особых поручений по дипломатической части К. В. Струве. Находившиеся там российские предприниматели заявили Струве, что они не подвергались каким-либо стеснениям со стороны эмирских властей. Кауфман с полной уверенностью мог утверждать, что дальнейшее развитие торгова зависит уже от «самых купцов, правительство свое дело сделало»⁷².

Оставалось, однако, разрешить «самаркандскую проблему». Министерство иностранных дел периодически еще продолжало напоминать о том, что русско-бухарский договор 1868 г. не утвержден, а «высочайшее повеление» о судьбе Самарканда не отменено. Правда, эти напоминания становились все более редкими и формулировались все менее категорически, а Зеравшанским округом, существовавшим де-факто, преспокойно управлял генерал Абрамов, но суть не менялась: требовалось оформить создавшееся положение законодательным путем. Попытка осуществить эти намерения была сделана в 1871 г.

К началу этого года была выработана программа особого совещания. Она получила название «Вопросы, касающиеся нашей политики в Средней Азии и подлежащие обсуждению». Пункт о Самарканде был в ней сформулирован весьма симптоматично: «Для предупреждения каких-либо неудобств, которые могли бы возникнуть от неопределенного положения независимой, но занятой нами области, было бы, может быть, полезно подвергнуть с высочайшего соизволения вопрос о Самарканде новому обсуждению».

Министерство иностранных дел, таким образом, било отбой. Кауфман же немедленно воспользовался этим для новых настояний о включении города в состав Рос-

⁷² ЦГИА УЗССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 117, лл. 7—8.

сийской империи. В своем ответе военному министру на «вопросы, касающиеся нашей политики в Средней Азии...» туркестанский генерал-губернатор снова утверждал, что решение «самаркандской проблемы» нуждается в пересмотре: «Только Самаркандом мы держим Бухару в повиновении; Бухара чувствует зависимость от нас, пока мы держим Самарканд»⁷³.

Военное министерство переслало письмо Кауфмана в министерство иностранных дел, со стороны которого возражений не последовало. Особое совещание по среднеазиатским делам в 1871 г., однако, не было созвано. Оно состоялось лишь в начале декабря 1872 г.. На совещании Кауфман сделал доклад о положении в Средней Азии и перспективах политики Российской империи в этом районе.

Туркестанский генерал-губернатор считал важнейшим результатом, достигнутым здесь царским правительством, открытие среднеазиатских рынков для российского купечества, уравнивание его в правах с местными торговцами. Отношения с Бухарой, как он утверждал, приняли стабильный мирный характер. Это было достигнуто «удержанием... верхней долины Зеравшана», т. е. Самарканда; такое положение этой области ослабляло эмира и позволяло в случае необходимости оказывать на него немедленный военный нажим. Туркестанский генерал-губернатор заявлял, что для Российской империи нет необходимости присоединять Бухарское ханство (хотя для этого и есть все возможности): более выгодно господствовать над ним с помощью послушного эмира, чем содержать там войско и административный аппарат⁷⁴.

По заслушанному докладу особое совещание приняло решение: окончательно включить Зеравшанский округ в состав империи. При благоприятной обстановке заключить с Бухарским ханством дополнительный договор, трактующий о русско-бухарской границе (на базе существовавшей с 1868 г.), о допуске в Ташкент бухарского представителя, а в Бухару — представителя Российской империи, о праве российских подданных раз-

---

⁷³ ЦГВИА. ВУА. д. 6836, лл. 15—16.

⁷⁴ АВПр. СПб., Главный архив, 1—9, оп. 8. д. 12, 1872—1873 гг., лл. 11—15.

рабатывать месторождения полезных ископаемых в ханстве и о прекращении работоторговли в Бухаре. Туркестанскому генерал-губернатору поручалось выработать правила торговли и решения споров между подданными обоих государств⁷⁵.

Намеченная в Петербурге программа действий, таким образом, всецело отвечала интересам не только дворянско-помещичьих, но и буржуазных кругов Российской империи, интересам капиталистического освоения Бухарского ханства российскими предпринимателями. Включение в состав Туркестанского края Самарканда и всей богатой Мианкальской долины повышало доходность генерал-губернаторства и перспективы эксплуатации его природных богатств, а новый договор с Бухарой должен был улучшить условия проникновения в ханство торговцев и всевозможных дельцов империи.

Удобный случай для заключения такого договора вскоре наступил. Готовясь к военному походу на Хиву, туркестанский генерал-губернатор еще в 1870 г. заручился обещанием полного содействия со стороны бухарского эмира. Музаффар сдержал свое обещание, снабжая царские войска продовольствием и фуражом.

23 сентября 1873 г., после захвата Хивы, между Российской империей и Бухарским ханством был заключен новый договор. Он предусматривал: присоединение к Бухарскому ханству ряда хивинских земель на правобережье Аму-Дарьи; свободный доступ российских купцов и караванов в любую часть Бухарского ханства; ответственность местных властей за их безопасность и за выполнение условий торговых сделок; беспошлинность транзита русских товаров; взаимность прав — владения недвижимостью (бухарцам — в России, а российским подданным — в Бухаре), занятия различными промыслами и ремеслами, строительства караван-сараев и складских помещений; обмена между Российской империей и Бухарским ханством торговыми агентами и политическими представителями.

Особым пунктом в Бухарском ханстве запрещалась работоторговля⁷⁶. Ряд статей договора носил, как отмеча-

⁷⁵ Там же, лл. 57—58.

⁷⁶ Текст договора см.: «Правительственный вестник», 18.XII.1873, а также С. В. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой...*, стр. 184—187, приложение.

лось, равноправный характер. Тем не менее ясно, что это равноправие имело лишь внешний характер. Договор предоставлял выгодные условия для обогащения прежде всего и главным образом предпринимателям Российской империи, обладавшим несравненно большими материальными возможностями для развития торгово-промышленной деятельности в Бухарском ханстве, чем бухарцы в России. Он способствовал дальнейшему проникновению российского капитала в ханство и превращению его в колониальный придаток Российской империи.

Очень точный итог политики царского правительства в 60—70-х годах XIX в. в отношении Бухары подвел Кауфман, который писал: «Преследуя в течение десяти лет задачу введения азиатских рынков в сферу русского торгового преобладания, я имею основание утверждать, что торговые сношения наши с Бухарой привели к хорошим результатам. В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногими английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары»⁷⁷.

На чем основывался правитель Туркестанского края, делая такой категорический вывод? Хотя сам К. П. Кауфман ни разу не посетил Бухару, материалы для подобного заключения лежали перед ним уже в середине 1872 г. Весной этого года туда был отправлен специальный агент министерства финансов Н. Ф. Петровский. Ему было поручено изучить местный рынок и условия русской торговли в Бухаре.

Несколько месяцев Н. Ф. Петровский внимательно ознакомился с этим важнейшим торговым центром Средней Азии. В июле 1872 г. он сообщал туркестанскому генерал-губернатору: «В настоящее время можно пока с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место и тяготение Бухары к Макарию [т. е. к Нижегородской ярмарке] чувствуется на каждом шагу. Русскими хлопчатобумажными произведениями (кроме кисей, но с прибавлением тика, которого из Афганистана не привозят) Бухара завалена буквально сверху донизу. На мой взгляд, русского бумажного товара по крайней мере раз в шесть более англий-

⁷⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, л. 91.

ского. Я видел на базаре этикетки фабрик Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Мануилова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовского, Фокина и Зизина. Затем идут сукна фабрик Осипова, Ремезова и Туляева, плис, парча и бархат, кожи конгурская и уфимская, юфть, пряжа (ярославская и Лодера), прутное, полосатое и листовое железо, чугунные котлы, медь, латунь, олово, свинец, меха, медные и железные изделия, фаянсовая посуда, сахар, леденец (преимущественно Кокина), сахарный песок, квасцы (идут больше Ушковские), купорос (синий), нашатырь, сандал (идет тертый), фуксин (первый сорт; второй и третий не идут), стеариновые свечи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисер, краски, сундуки и всякая мелочь»⁷⁸.

Как видим, судя по свидетельству Петровского, ассортимент русских товаров, доставлявшихся в ханство, был чрезвычайно широк, а в торговле с Бухарой участвовало множество предпринимателей Российской империи, в том числе крупнейшие фабриканты и заводчики (Морозов, Ремезов, Сидоров, Борисов, Соколов, Кокин, Мануилов и многие другие).

Договор 1873 г. создавал юридические предпосылки для дальнейшего экономического проникновения предпринимателей России в Бухарское ханство и закреплял его зависимое от Российской империи положение. Главное в «бухарской» политике царского правительства было, таким образом, достигнуто. Британский соперник, угрожавший России с экономической и политической точек зрения в борьбе за рынки сбыта и сферы влияния, был вытеснен из ханства. Потерпевшая военное поражение Бухара была вынуждена уступить Российской империи часть своей территории и превратиться в вассальное владение царизма.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ХИВЫ В ВАССАЛЬНОЕ ХАНСТВО

После создания Туркестанского генерал-губернаторства и заключения русско-бухарского и русско-кокандского договоров 1868 г. лишь самое небольшое из го-

⁷⁸ Там же, д. 172, лл. 43, 45. Письмо от 7 июля 1872 г.

сударственных образований в Средней Азии — Хива — сохранило свою самостоятельность. Но в обстановке борьбы капиталистических держав за рынки сбыта и источники сырья эта независимость была недолговременной. Царские власти стремились подчинить Хивинское ханство, полностью «открыть» его для предпринимателей Российской империи.

Правители Хивы, окруженной труднопроходимыми степями и пустынями, не учитывали реальной обстановки и чувствовали себя в безопасности. Они предъявили права на занятые Россией земли на левом берегу Сыр-Дарьи (в районе «форта № 1» — Казалинска — и далее вверх по течению реки). Хивинские сборщики податей появлялись в кочевьях принявших российское подданство казахских племен, вынуждая их платить налоги хану.

Почва для русско-хивинского конфликта была, таким образом, подготовлена. Дополнительную остроту в отношении между двумя государствами вносило то обстоятельство, что царские чиновники возлагали на Хивинское ханство вину за массовые народные волнения, вспыхнувшие весной 1869 г. на п-ове Мангышлак и в других районах Казахстана. Несомненно, что хивинские феодалы были заинтересованы в развитии этих волнений. Их агенты разжигали недовольство кочевников, подстрекая их к открытым выступлениям против господства Российской империи⁷⁹.

Однако основной причиной развивавшегося недовольства в Казахстане послужило возмущение местных жителей колонизаторской политикой царизма, усилением их экономического и политического угнетения. С этим правительственные органы Российской империи — как в центре, так и в Средней Азии — не считались. Они думали, что стоит подчинить Хивинское ханство, как «волнения в степи» прекратятся, точно по мановению волшебной палочки.

В Хиве укрывались участники набегов на торговые караваны, следовавшие из Оренбурга в Среднюю Азию

⁷⁹ В августе 1869 г. Кауфман тревожно доносил об этом в Петербург, ссылаясь на неоднократные свидетельства очевидцев, подчитавших даже численность хивинских военных отрядов, которые оказывали содействие восставшим (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 80, лл. 12—14. Письмо Стремоухову от 24 августа 1869 г.).

и в обратном направлении. Это также давало царским властям повод враждебно относиться к правителям ханства и добиваться их капитуляции. Стремление к подчинению Хивы проявилось уже в первом письме К. П. Кауфмана к хану Мухаммед Рахиму. Сообщая о своем прибытии во вновь созданное генерал-губернаторство, Кауфман в ноябре 1867 г. выражал надежду на развитие дружественных русско-хивинских отношений при условии, что хан будет учитывать интересы своего могущественного соседа. Но, как докладывал туркестанский генерал-губернатор в столицу, это послание не возымело действия. Правящие круги ханства не проявили особой заинтересованности в расширении экономических и политических связей с Российской империей.

В последующие годы более важные «кокандские» и «бухарские» проблемы привлекли первостепенное внимание царского правительства, которое на время оставило Хиву в стороне. Добившись успеха в установлении господства над Кокандом и Бухарой, Российская империя постепенно все более активизировала свою «хивинскую» политику.

Осенью 1869 г. туркестанский генерал-губернатор направил Мухаммед Рахиму новое послание. Оно было составлено в более резких тонах, чем предшествующее, и содержало многозначительный намек на судьбу Бухарского и Кокандского ханств, которых «заставили жить в мире», поддерживать «добрососедские отношения» и, как специально подчеркивалось, предоставить российским купцам право свободной торговли на своей территории. Кауфман предъявлял претензии хивинским властям по поводу грабежей торговых караванов, укрытия «мятежных элементов» и откровенно говорил о возможности военного удара по «тем, кто не понимает добрых намерений» царя⁸⁰.

Большое внимание уделяли Хиве не только в Туркестанском, но и в Оренбургском крае. Военный губернатор Уральской области докладывал оренбургскому генерал-губернатору о распространении среди казахов области посланий хана Мухаммед Рахима, призывав-

---

⁸⁰ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 3. Доклад о дипломатических сношениях туркестанского генерал-губернатора с хивинским ханом с ноября 1867 г. по январь 1870 г.

шего их к вооруженным выступлениям против Российской империи и угрожавшего в случае отказа уничтожить казахские селения⁸¹. Крыжановскому были доставлены подлинники этих писем, которые он немедленно переслал в Петербург. Однако в столице делали скидку на военный пыл местных правителей и оценивали обстановку более спокойно. Царское правительство и его местные органы считали, что позиция Мухаммед Рахима и его окружения изменится после занятия войсками Российской империи пункта на побережье Красноводского залива. Когда эта операция была осуществлена, Кауфман нашел, что создана благоприятная обстановка, чтобы «открыть» Хивинское ханство для торговли. Сообщив хану об успешной высадке военного отряда на восточном берегу Каспийского моря, туркестанский генерал-губернатор потребовал допуска караванов из России во все города ханства и разрешения российским купцам свободно торговать в них⁸².

Вместе с тем Кауфман писал в военное министерство о своем намерении предпринять решительные действия в случае проявления враждебности со стороны Хивы, поставить хана «в положение от нас вполне зависимое и тем положить прочное основание нашему полному господству в Средней Азии»⁸³. Однако к этому времени Особое совещание по вопросам, касающимся Каспийского моря, 16 января 1870 г. под нашим дипломатического ведомства пришло к мнению о нецелесообразности какого-либо похода на Хивинское ханство⁸⁴, и Милютин предложил правителю Туркестана «избегать до последней крайности возобновления военных действий»⁸⁵.

С увещательными посланиями обращался к Кауфману и Стремоухов. От имени Горчакова он доказывал, что позиция Хивинского ханства — враждебная или дружественная — не имеет существенного значения, что Хива в конечном итоге осознает свою беспомощность.

⁸¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 39-в, док. 185. Донесение от 23 ноября 1869 г.

⁸² ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 3. Письмо Кауфмана от 20 января 1870 г.

⁸³ Там же, док. 9. Письмо Кауфмана — Милютину от 5 января 1870 г.

⁸⁴ АВПр, СПб., Гл. арх., I—I, оп. 781, д. 110, лл. 4—6.

⁸⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 40, док. 9. Резолюция Милютина от 18 февраля 1870 г.

а выгоды от развития торговли с Россией заставят правящие круги ханства удовлетворить требования царских властей. Директор Азиатского департамента призывал генерал-губернатора не приписывать особой роли обмену посланиями с хивинскими сановниками, а «военную демонстрацию» против ханства, на которой настаивал Кауфман, именовал «решительно преждевременной»⁸⁶.

Не надеясь, впрочем, на то, что его доводы достигнут цели, Стремоухов разъяснил точку зрения министерства иностранных дел также и военному министерству. Сообщения о враждебных действиях хивинцев, писал он Милютину, во многом преувеличены и ложны. Нет никакой необходимости в походе на ханство, тем более что высадка военного отряда на берегу Красноводского залива явится важным сдерживающим фактором для правителей Хивы⁸⁷.

Однако, как и по отношению к Бухаре и Коканду, политика Петербурга по отношению к Хивинскому ханству носила черты непоследовательности. Указывая туркестанским властям на «нежелательность, нецелесообразность» военного похода на Хиву, центральные правительственные органы сохраняли лазейку для фактического игнорирования своих же указаний. Письма и предписания, которые отправлялись Кауфману, сопровождались различными оговорками и условиями, в результате чего всегда предоставлялась возможность «на законном основании» обойти содержащиеся в них директивы.

13 марта 1870 г., например, Милютин сообщил туркестанскому генерал-губернатору о выраженной Александром II надежде, что удастся избежать «возобновления военных действий, которые даже и при совершенном успехе обещают гораздо менее для нас выгод, чем укрепление мирного положения в Средней Азии». Тут же военный министр добавлял, что если вооруженное столкновение все же произойдет, то в дело будет введен и красноводский отряд, для усиления которого в Дагестане имеется наготове несколько батальонов солдат⁸⁸.

⁸⁶ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 41, док. 74. «Весьма доверительное» письмо Стремоухова — Кауфману от 6 марта 1870 г.

⁸⁷ Там же, док. 75. «Весьма доверительное» письмо Стремоухова — Милютину от 6 марта 1870 г.

⁸⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 13, лл. 84—85.

Да и «сдерживающие» послания наиболее активного сторонника тактики «мирного закрепления» — Стремоухова — предусматривали возникновение такой обстановки в отношениях с Хивинским ханством, при которой, употребляя витиеватые выражения директора Азиатского департамента, «правительству нашему пришлось бы войти в обсуждение вопроса о принятии против тамошнего хана более решительных мер»⁸⁹.

Само собой разумеется, что оренбургские, кавказские и туркестанские власти достаточно хорошо улавливали эти нюансы в столичных депешах и делали для себя соответствующие выводы. Каждый из местных правителей — кавказский наместник, генерал-губернаторы Оренбурга или Туркестана — рассчитывал возглавить новую военную экспедицию, без особого риска сулившую большую славу и различные материальные выгоды. Они наперебой сообщали о «провинностях» Хивы, подготавливая почву для принятия решения о военных действиях против ханства. Так, Крыжановский, ссылаясь на посетивших Хиву лиц, доносил Милютину о прибытии туда турецкого «эффенди». Этот посол Османской империи был якобы снабжен фирманом султана, который предлагал Мухаммед Рахиму свою помощь в случае создания союза среднеазиатских государств против Российской империи⁹⁰.

Кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич возбудил вопрос о своих правах и обязанностях в отношении Хивинского ханства⁹¹. Пользуясь «великокняжеским» положением, он созвал в начале января 1871 г. совещание руководителей военного и дипломатического ведомств при участии представителей Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств, на котором было решено поручить Кауфману основать укрепление в урочище Иркебай, на пути в Хивинское ханство⁹².

Правитель Туркестана в это время пытался дипломатическим путем добиться подчинения ханских властей.

---

⁸⁹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 41, док. 74. Письмо Стремоухова — Кауфману от 6 марта 1870 г.

⁹⁰ Там же, док. 88. Письмо Крыжановского от 13 марта 1870 г.

⁹¹ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 44, док. 437, приложение (декабрь 1870 г.).

⁹² Там же, д. 45, док. 8. «Всеподданнейший доклад» военного министра о действиях в Закаспийском крае от 10 января 1871 г.

Хивинские сановники продолжали недооценивать всю серьезности положения. На угрожающие послания Кауфмана они отвечали письмами, наполненными контрпретензиями. В частности, выполнявший обязанности главнокомандующего хивинской армией и министра иностранных дел диван-беги Мухаммед Мурат (Матмурат) отправил в Ташкент протест против перехода царских войск через Сыр-Дарью и чинимых ими препятствий перекочевке казахских племен в пределы ханства. Диванбеги признавал, что в Хиве имеются несколько русских пленных, которые будут выданы лишь после возмещения убытков, понесенных захватившими их кочевниками⁹³.

Туркестанский генерал-губернатор отверг жалобы хивинского правительства и подтвердил свое требование открыть Хиву для российской торговли, «как открыта Россия для торговли хивинцев», соблюдать русско-хивинскую границу (хотя сам же указывал на ее полную неопределенность), не собирать подати с русскоподанных казахских племен и не «возмущать» их против Российской империи⁹⁴.

Взаимный обмен претензиями продолжался в течение всего 1870 г. Кауфман упорно добивался санкции Петербурга на военную экспансию против Хивы. Разъясняя Стремоухову свою позицию, он сообщал, что «сохранение на некоторое время спокойствия и мира» возможно, лишь если хан допустит в Хивинское ханство российских торговцев, накажет участников нападений на торговые караваны и выдаст захваченных при этом нескольких приказчиков, а также примет формальное обязательство не вмешиваться в дела казахских племен. Но и при этих условиях Кауфман высказывал убеждение в неизбежности военного столкновения с Хивой, чтобы заставить ее правителей открыть внутренние рынки товарам Российской империи. «Основываясь на исторических фактах 1717 и 1839 гг., — продолжал он, напоминая о неудачных экспедициях в это ханство Бековича-Черкасского и Перовского, — и рассчитывая на неудобопроходимые степи, отделяющие ее от грозного соседа и дваж-

---

⁹³ Там же, д. 40, док. 59. Письмо диванбеги от 25 марта 1870 г.

⁹⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 41, док. 106. Письмо Кауфмана от 25 марта 1870 г.

ды спасавшие от гибели, Хива считает себя неуязвимой в отношении к нам и вряд ли исполнит основное наше требование о равноправности в торговле»⁹⁵.

Однако упомянутое выше январское совещание 1871 г., предусмотрев занятие туркестанскими войсками урочища Иркебай, нашло преждевременной организацию хивинского похода из-за его неподготовленности и общей напряженности обстановки среди казахских кочевников. В процессе подготовки к наступлению на ханство царское правительство направило к границам Хивы несколько рекогносцировочных экспедиций со стороны Красноводска⁹⁶ и своих владений в Туркестане. Целью похода должно было явиться утверждение господства Российской империи над Хивой, но не ее аннексия. «Нам необходимо покончить с нею, это не подлежит сомнению, но из этого, право, не следует, что мы должны оставить Хиву за собой», — писал Кауфман Милютину. Можно будет возвратить хану его владение, получив соответствующую контрибуцию, либо посадить на престол другого правителя, занять некоторые пункты на берегу Аму-Дарьи для обеспечения контроля над ханством и беспрепятственного плавания русских судов по этой реке, убеждал он военного министра⁹⁷. Впрочем, чтобы убедить Милютину, не требовалось особых усилий. Он и сам считал «неизбежным» хивинский поход и «решительный удар, который мы так давно стремимся отсрочить даже в ущерб достоинству государства»⁹⁸.

Кауфман предполагал двинуться на Хиву осенью 1871 г. Рассмотренный в высших государственных инстанциях, этот план в марте того же года был одобрен царем. Его осуществление, однако, было отложено в связи с обострением положения в восточной части Центральной Азии.

---

⁹⁵ ГИМ, ф. 307, «Н. И. Гродеков», д. 10, л. 68. Письмо Кауфмана — Стремоухову от 18 января 1870 г.

⁹⁶ См. переписку между начальником штаба Кавказского военного округа генералом Свистуновым и начальником Красноводского отряда полковником Столетовым (ГИМ, ф. 307, «Н. И. Гродеков», д. 11, лл. 11—13, 21, 32).

⁹⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, л. 45, док. 66. Письмо Кауфмана от 17 марта 1871 г.

⁹⁸ АВПР, СПб., Главный архив, 1—9, д. 14, за 1879 г., лл. 84—85. Помета Милютину от 29 октября 1871 г. См. А. Л. Попов, *Из истории завоевания Средней Азии*, стр. 231.

Тем временем Петербург едва не был поставлен перед совершившимся фактом вторжения в Хиву красноводского отряда. Его командир Н. Г. Столетов и начальник кавалерии отряда М. Д. Скобелев решили по былому примеру М. Г. Черняева предпринять «самостоятельное» наступление на Хивинское ханство, учитывая его военную слабость. Донесения из Красноводска, содержавшие, по свидетельству начальника штаба Кавказского военного округа генерала Свистунова, недомолвки и намеки, указывавшие на намерение Столетова двинуться на Хиву, вызвали беспокойство Свистунова. Этот генерал был последовательным противником расширения владений Российской империи в Средней Азии, считая, что тем самым внимание правительства отвлекается от более важных европейских дел⁹⁹. Он немедленно отправился в Красноводск. Находившийся там Скобелев пытался помешать Свистунову добраться до передового поста Таш-Арват-кала, настойчиво отговаривал его от этой поездки, отказывался предоставить конвой и т. д.

Свистунов все же проехал в Таш-Арват-калу, где обнаружил активную подготовку к дальнейшему военному походу. На соседнем Михайловском посту находился Столетов, который передал через Свистунова «частное письмо в собственные руки» кавказского наместника. Как писал Свистунов, командир красноводского отряда признал в этом послании, что с весны 1870 г. «клонит дело к тому, чтобы... двинуться прямо в Хиву». Как выяснилось, узнав о предстоящем прибытии начальника штаба округа, Столетов и Скобелев договорились не пускать его в расположение передовых постов, чтобы сохранить в секрете план намеченных ими действий. Свистунов запретил продвигать отряд вперед без разрешения Тифлиса. После сделанных генералом разоблачений дело приняло скандальный оборот. Столетов был отстранен от командования отрядом и едва не попал под суд. А Скобелев — отчислен из состава лиц, находящихся при главнокомандующем кавказской армией. Начальником красноводского отряда был назначен Маркозов, которого, по выражению Свистунова, отличало

---

⁹⁹ См. об этом: А. Л. Попов, *Из истории завоевания Средней Азии*, стр. 229.

«понимание истинных видов правительства»¹⁰⁰. И все же ошибались не Столетов со Скобелевым, а сам Свистунов, не проявивший «понимания истинных видов правительства»¹⁰¹. Царские власти вовсе не были намерены отказаться от утверждения своего господства над Хивинским ханством. Часть ханства была окончательно решена 3 декабря 1872 г. на Особом совещании руководителей основных министерств при участии Александра II.

По предложению Кауфмана совещание приняло решение силой вынудить Хивинское ханство принять требования Российской империи и поручило руководство военной экспедицией туркестанскому генерал-губернатору (при содействии оренбургских и кавказских войск). Предусматривалось, что ханство не будет ликвидировано или аннексировано, а «лишь подчинено, наравне с другими соседними среднеазиатскими владениями, нашему влиянию в видах развития наших торговых интересов»¹⁰². В феврале 1873 г. царские войска начали наступление на Хиву. Со стороны Красноводска был двинут отряд во главе с Маркозовым (4300 человек), из Оренбурга, через Эмбинский форт — отряд под командованием Веревкина (3400 человек), из Ташкента через Джизак — основной отряд под начальством Головачева (4600 человек). С отрядом Головачева отправился и руководитель всей экспедиции Кауфман. Общая численность участников Хивинского похода превышала 12 тыс. человек. Это была большая по условиям района действия армия.

Хивинское ханство не могло ничего противопоставить такому войску ни по количеству своих вооруженных сил, ни по их технической оснащенности¹⁰³. Войны фактиче-

¹⁰⁰ ГИМ, ф. 307, «Н. И. Гродеков», л. 11, лл. 33—38. Рапорт Свистунова — начальнику Главного штаба Гейдену от 11 августа 1871 г.

¹⁰¹ Этим объясняется и крайняя легкость «наказания», которое постигло Столетова и Скобелева, допустивших серьезнейшие, на взгляд Свистунова, проступки. Шутка ли: ведь один из них пытался самочинно пойти войной на соседнее государство, а другой чуть не силой удерживал начальника штаба от инспекционной поездки!

¹⁰² АВПР, СПб., гл. арх., 1—9, оп. 8, д. 12 за 1872 г., лл. 58—59.

¹⁰³ Когда оказалось, что самым узким местом экспедиции является транспорт, один из высших офицеров предложил бросить артиллерию, ибо «из нескольких стычек можно было убедиться, что неприятель плох и пушечного огня не стоит» (М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 2, стр. 235).

ски не было. Вся задача заключалась для царских солдат лишь в том, чтобы успешно преодолеть окружающее ханство безводное пустынное пространство. Маркозов с данной задачей не справился. Потеряв значительную часть верблюдов — основного вида местного транспорта, он был вынужден возвратиться в Красноводск. Это, однако, не отразилось на исходе всей операции.

В середине мая 1873 г. Кауфман и Веревкин вступили в пределы ханства, а в конце этого месяца, не встретив серьезного сопротивления, подошли к стенам его столицы — Хивы. Хан Мухаммед Рахим II с несколькими приближенными бежал в пустыню. За ним были посланы представители Кауфмана, заставившие его вернуться в столицу. В июле по приказанию генерал-губернатора Головачёв предпринял кровавую карательную экспедицию против туркменского племени иомудов, отказавшегося выплатить контрибуцию, связанную с войной, к которой они не имели никакого отношения. Зверское истребление туркменов и разграбление их кочевий, по мнению царских властей, должно было оказать моральное воздействие на хивинское население, подорвав в нем какое-либо стремление к сопротивлению, но фактически это был акт неоправданной жестокости, не находящей никакого объяснения.

После окончания карательных действий между Кауфманом и восстановленным им на ханском престоле Мухаммедом Рахимом II 12 августа 1873 г. в Гандеманском саду, близ г. Хивы, был подписан продиктованный туркестанским генерал-губернатором мирный договор. По его условиям хан признавал свою вассальную зависимость от Российской империи, отказывался от непосредственных внешнеполитических сношений с другими странами и от заключения с ними торговых договоров. Хивинское ханство лишалось земель на правом берегу Аму-Дарьи (часть из них была передана Бухаре). Русским пароходам и судам (правительственным и частным) предоставлялось исключительное право плаванья по Аму-Дарье. Хивинские власти обязывались выделять Российской империи и отдельным ее гражданам территорию для устройства различных пристаней, факторий, торговых складов и обеспечивать их безопасность. Российские купцы были освобождены от выплаты торговых пошлин и получали беспрепятственный доступ во

все города и селения Хивы; они пользовались юридической экстерриториальностью и льготами в суде, а также имели право приобретения недвижимости. Договор подтверждал принятое ханом 12 июня 1873 г. обязательство об отмене рабства и работорговли и об освобождении невольников (их в ханстве оказалось до 40 тыс. человек).

Хива облагалась военной контрибуцией в размере 2200 тыс. руб., выплата которой распределялась на 20 лет (до первого ноября 1893 г.)¹⁰⁴. Часть земель на правом берегу Аму-Дарьи, находившаяся непосредственно против хивинской территории, была объединена в особую административную единицу в составе Сыр-Дарьинской области — Аму-Дарьинский отдел. Одной из функций начальника этого отдела являлся контроль за положением в Хиве и деятельностью ханских властей, а также посредничество между правителем Туркестанского края и ханом. Условия договора 1873 г. убедительно свидетельствуют о «буржуазной основе» политики правящих кругов Российской империи в отношении Хивы. Подавляющее большинство его статей предусматривало улучшение условий экономической эксплуатации ханства, развития в нем российской торговли.

Российская буржуазия была вполне удовлетворена этим результатом. Успешная военная экспедиция против ханства и присоединение части его территории к империи «поставили нас на Аму-Дарье в положение, соответствующее интересам русской торговли», — с одобрением констатировало Общество для содействия русской промышленности и торговле в юбилейном отчете за 25 лет своего существования¹⁰⁵. Оно отметило также полную поддержку Петербургом предложений российских предпринимателей об изучении судоходных возможностей Аму-Дарьи, ее старого русла, экономической обстановки в Хиве и условий улучшения ведущих туда транспортных путей.

Ханство стало доступно для капиталистических кругов Российской империи, развернувших здесь особенно широкую деятельность в конце XIX — начале XX в. Так,

---

¹⁰⁴ Текст договора см.: С. В. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой...*, стр. 178—183, приложение III.

¹⁰⁵ «Труды Общества...», стр. 43—44.

к концу XIX в. торговля Хивы с Россией в стоимостном выражении достигла почти 12 млн. руб., тогда как в 1872 г. она лишь немногим превышала 300 тыс. руб. (увеличение в 40 раз) ¹⁰⁶.

После заключения Гандемианского договора и создания Аму-Дарьинского отдела Хивинское ханство потеряло какую-либо самостоятельность в области внешней и внутренней политики и в еще большей степени, чем Бухарское, стало вассалом царизма.

---

¹⁰⁶ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 155.

ГЛАВА VII

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И ТУРКМЕНИИ (1874—1885)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Русско-кокандский торговый договор 1868 г. соответствовал политике царского правительства в отношении Кокандского ханства. Он гарантировал российским предпринимателям не только доступ на местные рынки, но и всевозможные льготы и привилегии. Правитель Коканда Худояр-хан послушно выполнял все требования туркестанского генерал-губернатора. По настоянию последнего были прекращены противоречившие интересам царских властей военные действия между Бухарским и Кокандским ханствами из-за спорных территорий в Каратегине (сентябрь 1869 г. — март 1870 г.). Худояр-хан беспрекословно выслал в Ташкент беков Шаара и Китаба — Баба-бека и Джура-бека, бежавших в Коканд после поражения в борьбе с отрядом генерала Абрамова и передачи управления Шахрисябзским оазисом в руки эмира Бухары (август 1870 г.).

Министерство иностранных дел Российской империи и представители туркестанской администрации, проявлявшие в течение ряда лет беспокойство по поводу бухарских и хивинских дел, неизменно с большим удовлетворением отмечали «лояльность и преданность» кокандского властителя, который, с их точки зрения, полностью примирился со своим полузависимым положением. Так, например, в «записке по среднеазиатским делам» министерства иностранных дел (конец 1869 г.) констатировалась «нравственная подчиненность Кокандского ханства по отношению к начальнику Туркестанского

края»¹, а в письме чиновника для особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе К. В. Струве директору Азиатского департамента П. С. Стремоухову от 3 мая 1870 г. говорилось, что «отчасти уже достигнуто, чего желало и желает правительство» Российской империи в Коканде, — развивается взаимная торговля и российские купцы и промышленники получили право «свободно разъезжать по ханству»².

Подводя итоги трехлетним (1868—1871) взаимоотношениям с Кокандом, Кауфман отмечал, что Худояр «отказался от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам»³. В 1870 г. кокандский правитель принял предложения Кауфмана о направлении границы между Кокандом и Туркестанским краем, о прибытии в ханство постоянного агента России и удовлетворил все претензии российских купцов к кокандским торговцам. «Дальнейшие отношения наши к Коканду, — сообщал после этого в столицу туркестанский наместник, — теряют почти вполне характер внешних сношений и принимают значение домашних, более близких, чем существующие между двумя соседними губерниями... Становясь в вассальную роль в отношении России, Худояр-хан отказался еще раньше от всякой самостоятельности во внешней политике своей и предоставил нам свободное вмешательство и во внутренние распоряжки своего владения»⁴.

Царское правительство, естественно, вполне устраивал такой порядок вещей. Густонаселенная Ферганская долина, составлявшая основную часть территории ханства, была наиболее развитым в экономическом отношении, цветущим и богатым районом Средней Азии, ее «жемчужиной». Всевозможные статистические и хозяйственно-экономические данные, собранные в результате посещения Кокандского ханства различными русскими посольствами, торговыми и военно-политическими деятелями, а также научными экспедициями, особенно в процессе исследований выдающегося ученого А. П. Федченко⁵, дали царской администрации обширный материал о

¹ ЦГИА УзССР. ф. КТГГ. оп. 34, д. 12, лл. 26—27.

² Там же, д. 80. лл. 21—22.

³ Там же, д. 346, лл. 98—99.

⁴ Там же, лл. 102—103.

⁵ См. А. П. Федченко, *Путешествие в Туркестан* (особенно стр. 185—398); А. П. Федченко, *Сборник документов*,

производительных силах Ферганской долины. Тесные торговые связи, установившиеся с Кокандом после включения Ташкента в состав Российской империи, превращали ханство в обеспеченный рынок сбыта и источник сырья.

В этих условиях туркестанские власти да и центральные правительственные круги Российской империи дорожили мирными взаимоотношениями с ханством и были вполне удовлетворены соглашательской политикой его правителя. Они поддерживали Худояра, оказывали ему различные знаки внимания. В 1869 г., например, хану были вручены «бриллиантовые знаки ордена св. Станислава I степени», его сын и наследник престола, Насреддин, был приглашен в качестве гостя в Ташкент. Кокандские посольства торжественно принимались в Петербурге. По решению Особого совещания в декабре 1872 г. Худояру был «пожалован» титул «светлости». Представители Кауфмана доставили хану благодарственный царский рескрипт, отмечавший его «благоразумие и преданность России»⁶.

На том же совещании туркестанскому генерал-губернатору было поручено заключить с правителем Коканда новый договор в развитие соглашения 1868 г., предусмотрев в нем пребывание в Коканде русского торгового агента, предоставление российским предпринимателям права разработки естественных богатств ханства, принятие правил «о торговых видах и паспортах», о решении спорных дел между подданными обоих государств, об эксплуатации природных ресурсов Ферганской долины и т. д. По словам Кауфмана, по сути все эти вопросы уже были решены и требовалось лишь «формальное узаконение» существовавшей практики. Да и это было лишь делом времени, поскольку Худояр с готовностью принимал любое предложение Ташкента.

Однако вскоре царские власти столкнулись в этом ханстве с серьезнейшей проблемой. Внутреннее положение Коканда было исключительно напряженным. Струве в уже цитированном письме от 3 мая 1870 г. доносил Стремоухову, что хан, перестав опасаться угроз со стороны Российской империи, «теперь строит дворцы, базары, караван-сарай, разводит сады, задает большие пиры и угощения для народа и вообще наслаждается мирной

⁶ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 107—110.

и спокойной жизнью»⁷. Но это идиллическое описание не имело ничего общего с действительностью. Конец 60-х — начало 70-х годов XIX в. были периодом крайнего усиления жесточайшей феодальной эксплуатации дехкан и городской бедноты Кокандского ханства. Организатором и главным участником этого грабежа был сам Худояр.

Утверждение господства Российской империи над обширными землями, ранее входившими в состав Коканда (правобережье Сыр-Дарьи в ее среднем и нижнем течении, Ташкентский оазис, районы Чимкента, Аулие-Аты, Пишпека, Ура-Тюбе, Ходжента и др.), с одной стороны, резко сократило налоговые поступления в ханскую казну, с другой — вызвало «перемещение» с севера в Ферганскую долину всевозможных кокандских чиновников, кормившихся за счет трудящихся масс. Изыскивая все новые и новые способы обогащения, ханские власти доводили трудовые слои города и кишлака до полного разорения.

Документальные материалы архивов Туркестанского генерал-губернаторства этого периода содержат множество сообщений о безудержном разграблении народного имущества феодальной верхушкой, о разраставшемся в Коканде массовом недовольстве режимом, установленным Худояром. «Положение Кокандского ханства в настоящее время беспокойное: жители крайне недовольны ханом, — гласил один из таких документов (май 1874 г.). — Строит ли хан караван-сарай, хочет ли заняться в каком-либо месте хлебопашеством, разводит ли сады — везде во всех своих подобных затеях гонит жителей и сарбазов на работы, не платя им ни копейки»⁸. У населения было безвозмездно конфисковано большое количество строительного леса на ханские нужды. Худояр обложил дополнительным налогом «все мельницы, молотильни и толчеи»; как сообщали побывавшие в ханстве, «нет продукта, который бы не был обложен податью»⁹. Широкое развитие получили натуральные повинности, причем ханские власти силой выгоняли население на работу. За малейшую провинность трудящие-

⁷ Там же, д. 80, лл. 22—23.

⁸ Там же, д. 243-а, лл. 7—8.

⁹ Там же.

ся подвергались зверским наказаниям. Так, когда около 30 дехкан, занятых уборкой урожая, не явились на прокладку арыка, их зарыли по шею в землю «и оставили в таком положении, пока они не умерли»¹⁰.

Составленный в Ташкенте на основании показаний выходцев из Ферганской долины «Список налогам и поборам, введенным Худояр-ханом в кокандских владениях», насчитывал 18 пунктов. Для проведения дорог, арыков и каналов, постройки ханских домов, для обработки его пашен и садов рабочие сгонялись со всех концов ханства; трудиться они должны были безвозмездно. Неявка влекла за собой тяжелые телесные наказания. «Ослушников ханской воли» забивали палками до смерти или живьем закапывали в землю»¹¹. В Коканде вводились все новые и новые налоги: «с колючки, растущей в степи, с леса, привозимого с гор, с камыша, с пиявок, собираемых из озер, и пр.»¹².

Все ханство было опутано сложной системой полицейского контроля, взаимной слежки и шпионажа. Несмотря на массовый террор, недовольство экономическим и политическим угнетением принимало в Коканде широкие размеры. «При малейшем толчке, — гласили „Новейшие сведения о Кокандском ханстве“, составленные в Ташкенте по показаниям очевидцев, — вся теперешняя администрация готова рухнуть, как отжившее свой век гнилое дерево»¹³.

В различных районах ханства происходили антифеодальные выступления. В них участвовало все большее количество дехкан и ремесленников. Особенную активность проявляли кочевники Южной Киргизии. Сотни семейств переселялись в русский Туркестан. Другие пытались заручиться поддержкой царских властей в борьбе против Худояра и его ставленников. Так, в начале мая 1871 г. к военному губернатору Семиреченской области Колпаковскому прибыл кокандец Ахмед-ходжа. Он заявил, что послан жителями Намангана, Чуста, Кассана, Чартака и других городов правобережья Сыр-Дарьи и представил подписанное десятками лиц прошение о принятии их в русское подданство. Ахмед-ходжа ссылался

¹⁰ Там же, лл. 15—16.

¹¹ Там же, л. 63.

¹² Там же, лл. 18—19.

¹³ Там же, л. 25.

на «крайнее обременение кокандским ханом народа податями, особенно воинской повинностью», на творимые Худояром беззакония и насилия, от которых страдали не только широкие слои населения, но и «почетные люди». Посланец жаловался на тяжесть рекрутской повинности, на то, что хан, постоянно расширяя войско, не выделяет средств на его содержание. Сарбазы кормятся за счет воровства и грабежа, «теряют всякое уважение к чужой собственности и крайне развращаются».

Колпаковский отклонил просьбу кокандцев, ссылаясь на нежелание правящих кругов империи расширять свои владения в Средней Азии и на их дружественное отношение к Худояру. Более того, он предложил Ахмед-ходже «угovorить соотечественников оставаться верными своему хану и с полной доверенностью исполнять его постановления, помня, что все ханские распоряжения истекают из желания упрочить благосостояние верных своих подданных»¹⁴. Подобные демагогические утверждения, конечно, не имели никакого значения и не могли «успокоить» страдавших под ханским гнетом кокандцев. Востоковед А. Кун, неоднократно посещавший ханство в 70-х годах XIX в., в докладе на заседании Русского географического общества специально отмечал, что в Коканде «глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и тому подобными действиями»¹⁵.

Оттуда продолжали прибывать в Туркестанский край недовольные гнетом Худояра. В ноябре 1873 г. к ходжентскому уездному начальнику Нольде приехали представители киргизского населения ханства, чтобы узнать, какую позицию займет правительство Российской империи в случае их открытого выступления против Худояра¹⁶. Исполняющий должность военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерал-майор Эйлер при одобрении замещавшего Кауфмана генерала Колпаковского запретил вести с киргизскими делегатами какие-либо переговоры. Более того, Кауфман сделал строгое

¹⁴ Там же, д. 122, лл. 1—9. Рапорт Колпаковского — Кауфману от 3 мая 1871 г.

¹⁵ А. Кун. *Очерк Коканского ханства*, вып. I, стр. 59.

¹⁶ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 197, лл. 2—3. Рапорт Колпаковского — Кауфману от 12 ноября 1873 г.

замечание Нольде за его заявление в беседе с ними, что «помогать хану усмирять своих бунтующих подданных генерал-губернатор, по всей вероятности, не будет». Правитель Туркестана писал в связи с этим: «Такого ответа подполковник барон Нольде не имел права давать уже потому, что он может поощрить киргиз к бунту и к сопротивлению хану»¹⁷.

Как видим, царское правительство и в данном случае продолжало строго придерживаться легитимистских принципов. Симпатии его руководящих деятелей находились на стороне близкого им в классовом отношении бесчинствующего феодального князька, а не замученных и забитых кокандских трудящихся, хотя тот же Кауфман признавал, что антиправительственные выступления киргизского населения были вызваны налоговым грабежом Худояра, втрое увеличившего в 1873 г. сумму податей, которыми были обложены киргизы¹⁸.

Нельзя сказать, однако, что туркестанскую администрацию не интересовала складывавшаяся в ханстве обстановка. Через официального агента Худояра в Ташкенте Мирзу Хакима-парваначи Кауфман не раз намекал хану на необходимость учесть ситуацию, «пока не поздно». 8 июля 1874 г. туркестанский генерал-губернатор отправил ему послание, в котором указывал, что известия из Коканда очень тревожны. «Лучшие люди идут против Вас, и народ не спокоен», — писал Кауфман. Он обращал также внимание хана на ухудшение отношения к приезжающим из России. «Если вы не перемените образа вашего управления народом и будете неласково обращаться с русскими, то я Вам предсказываю дурной конец», — предостерегал Кауфман Худояра¹⁹. Тот, однако, оказался невосприимчивым к «благим советам», которые к тому же в значительной степени запоздали. В результате народных волнений, продолжавших охватывать все но-

¹⁷ Там же, л. 12. Письмо Кауфмана — Колпаковскому от 30 декабря 1873 г.

¹⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 114—115.

¹⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 242, лл. 46—47. В своем «всепопданнейшем докладе» Кауфман давал недвусмысленную оценку личности Худояр-хана как правителя ханства: «он был жесток с подчиненными и руководился личными своими симпатиями и антипатиями; обещаний своих не держал, а главное — имел неодолимую страсть к наживе. Для удовлетворения этой страсти он не стеснялся средствами» (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 111—113).

вые и новые области, ханская власть приобретала иллюзорный характер. Худояр еще мог добиваться успеха в борьбе против той или иной группы повстанцев, но в конечном итоге его режим был обречен.

Начали понимать это и в Петербурге. В августе 1874 г. министерство иностранных дел нашло нужным определить отношение правительственных кругов к событиям в Коканде на «случай, если бы дела в ханстве приняли неблагоприятный для Худояр-хана оборот». После ряда упреков в адрес Кауфмана, креатура которого оказалась политически несостоятельной, управляющий министерством Вестман подчеркнул, что «меры угнетения», применяемые ханом, вызвали всеобщее возмущение населения и оно «уже несколько раз пыталось низложить» своего правителя.

Дипломатическое ведомство, несмотря на это, находило нежелательным прямое вмешательство во внутренние дела ханства, военную поддержку дискредитировавшего себя Худояра. Такие действия, отмечал Вестман, могут привести к присоединению Коканда к России, что противоречит принятым ранее решениям. Поэтому туркестанские власти должны оставаться «в положении исключительно наблюдательном». Беды не будет, если произойдет смена правителей, при условии, что новый хан будет дружелюбно расположен к России. Министерство иностранных дел высказывало серьезные опасения по поводу возможной угрозы Ферганской долине со стороны Кашгара, где в это время проявляли большую активность представители Британской империи.

Позиция министерства была такова: косвенное господство предпочтительнее прямого — при нем не будет необходимости содержать в Коканде администрацию и войска, будоражить соперника Российской империи — Англию. Кто займет престол правителя ханства — не так уж важно, лишь бы политико-экономическое влияние России было в нем сохранено. Предложенная программа не встретила возражений в военном министерстве. 13 августа 1874 г. она была утверждена Александром II²⁰ и приобрела значение окончательного плана действий, отправленного в Ташкент для исполнения.

---

²⁰ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 243-а, лл. 127—128. Письмо Милютин — Колпаковскому от 14 августа 1874 г.

В середине 1874 г. при помощи кровавых репрессий Худояру на некоторое время удалось стабилизировать положение²¹, но с весны 1875 г. волнения в Коканде вспыхнули с новой силой. В них стали принимать все более активное участие феодальная знать и реакционное духовенство. Если в 1873—1874 гг. попытки отдельных феодалов использовать выступления народных масс для укрепления своих позиций были эпизодическими и не отражались на характере движения, то в 1875 г. крупные кокандские феодалы, ближайшие приближенные хана: Абдурахман-Афтобачи, мулла Исса-Аулие, правитель Маргелана — брат хана — Султан Мурат-бек и др. — вместе с сыном Худояра наследником престола Насреддин-ханом перешли на сторону восставших и возглавили их. Это сказалось на характере движения, резко ослабив в нем прогрессивную, народную его сторону²².

Сановная знать и духовенство Коканда, Маргелана, Андижана, Намангана и других крупных городов ханства установили связь с руководителем киргизских феодальных элементов восточной части страны Муллою-Исхаком, принявшим имя родственника Худояра — Пулатбека. Стремясь перевести крестьянское восстание с классовых, антифеодальных путей на религиозно-националистические, они провозгласили «газават» против Российской империи и объявили, что борются с Худояром из-за того, что он признал свою зависимость от России. Эмиссары феодально-клерикальных кругов ханства пробирались на территорию русского Туркестана, стараясь разжечь восстание среди местного населения. Опасаясь за свою жизнь, Худояр бежал из Коканда и оставил территорию ханства, перебравшись под защиту туркестанских войск. Царские власти стремились воспользоваться отъездом хана и полным разложением государственного аппарата для укрепления влияния Российской империи в Коканде. Сопровождавший Худояра во время его бегства дипломатический чиновник при туркестанском

---

²¹ Там же, лл. 112 и 138. Донесения военного губернатора Сыр-Дарьинской области Головачева — и. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому от 27 августа и 17 сентября 1874 г.

²² См. об этом: А. В. Пясковский, *О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков*, — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР», вып. IV, Фрунзе, 1954, стр. 5—43.

генерал-губернаторе Вейнберг рекомендовал Кауфману занять Коканд и «назначить ханом» кого-либо по своему усмотрению, «приведя его впоследствии в зависимое от нас положение».

Таким образом, резюмировал он, без присоединения ханства к России было бы достигнуто «то идеальное положение дел», к какому желал прийти Петербург. Русский Туркестан был бы окружен «мусульманскими владениями, которые, сохраняя как будто тень независимости, в сущности находились бы к нам в определенных вассальных отношениях»²³.

Волнения в Ферганской долине тем временем продолжали расширяться. Все более активную роль играли в них реакционные феодально-националистические элементы. Они посадили на ханский престол Насреддина и выдвинули реакционный лозунг восстановления Кокандского ханства в его старых границах (т. е. до Ак-Мечети с одной стороны, Пишпека, Токмака, Чимкента, Аулие-Аты, Туркестана, Ташкента и т. д. — с другой). Через Кашгар в Ферганскую долину проникали английские агенты, раздувавшие пламя восстания²⁴.

Положение приобретало исключительно острый характер. Получив официальные уведомления от Насреддина и руководителей восстания — Абдуррахмана-Афтобачи, муллы Иссы-Аулие и Халик Назара-парвана-чи — о вступлении на престол нового хана, Кауфман 4 августа 1875 г. отправил этим лицам письмо, составленное в духе петербургских указаний. Он признавал ханом Насреддина при условии принятия им русско-кокандского договора 1868 г., возмещения убытков, понесенных русскими подданными в ходе волнений, и назначения «пенсии» Худояру и бежавшей с ним свите²⁵. Ответа туркестанский генерал-губернатор не получил.

В то же время в пограничной с туркестанским краем кокандской крепости Махрам было сосредоточено войско восставших численностью до 50 тыс. человек. Часть повстанцев уже вступила в Ходжентский и Кураминский уезды Туркестанского края, намереваясь предпринять

²³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 287, лл. 37—38. Донесение Вейнберга — Кауфману от 28 июля 1875 г.

²⁴ А. В. Пясковский. *О характере национальных движений в Киргизии...*, стр. 24.

²⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, л. 137.

наступление на Ташкент. Другие отряды кокандцев угрожали Ташкенту с юго-восточной стороны, из Наманганского бекства.

20 августа царские власти срочно направили из Ходжента в район Махрама своих солдат. Сюда прибыл и Кауфман. 22 августа под Махрамом произошло столкновение, в ходе которого кокандцы потерпели поражение, оставили крепость и отступили в беспорядке. Исход сражения был определен нежеланием кокандских народных масс проливать свою кровь за чуждые им цели восстания, выдвинутые клерикально-феодальной верхушкой. Немалую роль сыграло несравненно лучшее вооружение войск Российской империи, что давало им возможность успешно вести борьбу против значительно превосходящих по численности сил кокандцев²⁶.

Вскоре после махрамского разгрома к Кауфману пришла депутация из Коканда, которая доставила письмо Насреддина. Новый хан полностью капитулировал и принимал все предложенные ему условия. Тем не менее Кауфман двинулся с войсками на Коканд и занял его, не встретив сопротивления. Туркестанский наместник санкционировал сохранение ханского престола за Насреддином, но возбудил перед Петербургом ходатайство о временной оккупации ханства²⁷, отторжении от него Наманганского бекства и переносе границы между Кокандом и русским Туркестаном далее на юг, на р. Нарын и верхнее течение Сыр-Дарьи.

Обосновывая эти предложения, Кауфман писал, что созданный таким образом новый Наманганский отдел будет играть по отношению к Кокандскому ханству ту же роль, что и Аму-Дарьинский отдел по отношению к Хиве: владение им облегчит военно-политический контроль над положением в ханстве. Для укрепления влияния Российской империи и власти Насреддина в Коканде Кауфман направил отряды своих войск к Маргелану и вытеснил из окрестностей этого города враждебные группы сторонников Абдуррахмана-Афтобачи.

Петербург, однако, настаивал на осуществлении уже намеченного плана. Военный министр телеграфировал

²⁶ См. «Годовой отчет о состоянии здоровья войск Сыр-Дарьинской области за 1875 г.» (ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 65, док. 687).

²⁷ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, л. 271. Телеграмма Кауфмана — Милютину от 24 августа 1875 г.

генерал-губернатору, что признание Насреддина ханом лишает каких-либо оснований оккупацию Коканда царскими войсками. Он предлагал также не предпринимать вопроса о русско-кокандской границе до подробного изучения дела ²⁸.

Отстаивая свою позицию, Кауфман в обширном письме доказывал Милютину, что власть Насреддина крайне слаба, а сам он молод и неопытен. Нет гарантий, что после вывода русских войск восстание в Коканде не примет еще более значительных размеров. Присоединение к Российской империи Наманганского бекства ослабит опасность для Ташкента — «центра нашей власти в Средней Азии, средоточия всех правительственных учреждений, торговли, складов товаров и пр.» ²⁹. Расстояние от Ташкента до границы возрастет после этого с 80—100 верст до 250. Овладение Наманганским районом, продолжал Кауфман, укрепит позиции России в горной Киргизии и по отношению к Кашгару, а также позволит лучше контролировать обстановку в самом Кокандском ханстве.

Туркестанский генерал-губернатор действовал явочным порядком. Не дожидаясь ответа из столицы на свои представления, 22 сентября 1875 г. он навязал Насреддину новый русско-кокандский договор. Это соглашение было составлено по типу договоров с Бухарой и Хивой. Оно предусматривало отказ хана от непосредственных дипломатических сношений с какими-либо государствами, кроме Российской империи, и ведения самостоятельных военных действий. Ряд земель на правобережье Сыр-Дарьи и Нарына («Наманганское бекство» и ряд соседних районов) был включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Кокандское правительство обязывалось выплатить военную контрибуцию и оплатить убытки русских подданных (в общей сумме 600 тыс. руб.), а также ежегодно вносить в царскую казну 500 тыс. руб. Маргеланское бекство облагалось штрафом в размере 500 тыс. руб. за то, что его население оказывало содействие «главному вождю движения против России» — Абдуррахману-Афтобачи.

Подобно начальнику Аму-Дарьинского отдела по от-

²⁸ Там же, л. 313. Телеграмма Милютину — Кауфману от 3 сентября 1875 г.

²⁹ Там же, л. 340. Письмо Кауфмана — Милютину от 13 сентября 1875 г.

ношению к правителю Хивы, начальник Наманганского отдела выступал в качестве посредника между кокандским ханом и туркестанским генерал-губернатором. Остальные статьи договора определяли льготы подданных Российской империи в торговле с Кокандом, разработке полезных ископаемых Ферганской долины и приобретении в ней недвижимости³⁰. После подписания договора, состоявшегося в Маргелане, Насреддин вернулся в Коканд, а царские войска во главе с Кауфманом, покинув ханство, перешли на правый берег Сыр-Дарьи, на территорию Наманганского отдела³¹. Начальником отдела был назначен М. Д. Скобелев³².

Между тем волнения в Ферганской долине не утихали. Реакционное мусульманское духовенство и феодальная верхушка продолжали пропагандировать среди дехканства и городской бедноты националистические лозунги «газавата». По предложению Абдурахмана-Афтобачи Пулат-бек был избран кокандским ханом. Центром сосредоточения сил восставших стал Андижан. Насреддин не пользовался никаким влиянием в стране. «Авторитет Насреддин-хана потерян, и партия войны торжествует,—констатировал Кауфман.—Насреддин-хан не сумел или не смог собрать ни войск, ни денег для борьбы; беки, им назначенные в Андижане, Шаарихане и Балыкчи, без денег, без войска, без оружия изгнаны из городов, а народные силы, оружие — все в руках коноводов газавата»³³.

Туркестанский генерал-губернатор снова двинул в Кокандское ханство отряд, который под Андижаном встретил неожиданно сильное сопротивление и отступил. В начале октября 1875 г. Насреддин, как и его отец, был вынужден бежать в русский Туркестан. Военные дейст-

³⁰ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 156—158.

³¹ Временное положение об управлении Наманганским отделом было введено 5 декабря 1875 г. В состав отдела вошли 2 участка: Наманганский (б. Наманганское бекство и серкерства Чартакское, Наукентское и Кассанское) и Чустский (б. бекства Чустское и Бабдарханское).

³² После того как Свистунов сорвал «наступление Красноводского отряда на Хиву» в 1871 г., Скобелев все же участвовал в Хивинском походе 1873 г. в составе оренбургских войск, а затем перешел на службу в Туркестанский край, где было больше возможностей «отличиться».

³³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, л. 163.

вия перебросились на территорию Наманганского отдела. Кокандцы захватили Наманган. Царский гарнизон, укрепившийся в местной крепости, едва отбил штурм.

Вскоре, однако, в район Намангана были перебросены новые воинские части, которые оттеснили кокандцев за Сыр-Дарью. Возглавляемый Скобелевым Наманганский действующий отряд предпринимал периодические нападения на различные пункты ханства, а Насреддин перебрался на границу, в крепость Махрам, рассчитывая при помощи русских войск вернуть власть.

Сложившаяся ситуация вызвала серьезное беспокойство туркестанской администрации, опасавшейся, что «кокандский газават» найдет поддержку в Бухаре и Хиве. Для Кауфмана и его окружения был абсолютно ясен факт полной дискредитации правившей в Коканде династии Минг; они в то же время не желали допустить утверждения во главе ханства группировки Абдуррахмана Афтобачи — Пулат-хана, проявившей открытую враждебность к Российской империи. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что события в Ферганской долине наносили серьезный урон экономической эксплуатации Средней Азии российским капитализмом.

«Торговый и промышленный Коканд и прочие большие кокандские центры, да и вообще все ханство более всех других соседних русскому Туркестану среднеазиатских владений имеет много общих интересов и непосредственную экономическую связь с Ташкентом и с прочими частями Туркестанского края, — рапортовал Кауфман в Петербург. — Настоящее ненормальное хаотическое состояние в Кокандском ханстве, несомненно, отражается на всем экономическом быте и строе русского Туркестана. Помимо этого условия, продление в нашем ближайшем соседстве подобной анархии и беспорядка, каковые ныне господствуют в Кокандском ханстве, нетерпимо в смысле политическом.

Непрекращение с нашей стороны такого состояния в кокандском ханстве, подрывая наш престиж в Средней Азии, дискредитирует веру всего здешнего населения в нашу силу. Подобный порядок вещей, если бы он почему либо мог затянуться на долгое время, весьма для нас невыгоден».

Даже если Насреддин и займет ханский престол, а Пулат-бек вступит в мирные переговоры с Российской

империей и будет соблюдать условия русско-кокандского договора, по предположению туркестанского генерал-губернатора, не было никаких гарантий, что при первом удобном случае в Коканде не вспыхнет «новый газават», Насреддин не будет свергнут, а Пулат-бек не начнет новую вооруженную борьбу. По всем этим причинам Кауфман высказывал «твердое убеждение действовать скоро и решительно», заняв весной 1876 г. все Кокандское ханство³⁴.

Как и в прошлом, программа активных действий в Средней Азии, встречавшая настороженное, опасливое отношение со стороны дипломатов, нашла поддержку в военном министерстве. Через два дня после того, как Кауфман зафиксировал свое предложение об аннексии Коканда, еще не получив письма туркестанского генерал-губернатора, Милютин пришел к аналогичному выводу. В «памятной записке» от 7 декабря 1875 г. военный министр отмечал: «Мое мнение, что невозможно ограничиться занятием одной части Кокандского ханства (по правой стороне Сыр-Дарьи до Нарына), необходимо было или вовсе ничего не занимать или занять все ханство.

Я убежден в том, что рано или поздно должно кончиться этим последним разрешением кокандского вопроса»³⁵.

При поддержке Милютина³⁶ Кауфман, прибыв в начале 1876 г. в столицу, 3 февраля 1876 г. добился в обход министерства иностранных дел санкции Александра II на ликвидацию независимости Кокандского ханства и включение его в состав Российской империи. Как гласит «весьма секретная» помета военного министра на представленной Кауфманом «Записке о средствах и действиях против Коканда в 1876 г.», под предлогом «обеспечения порядка и спокойствия на границах Сыр-Дарьинской области и для поддержания значения нашей силы в Средней Азии» царь распорядился «занять и остальную часть Кокандского ханства»³⁷.

Туркестанский генерал-губернатор немедленно телег-

---

³⁴ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 65, док. 640. «Записка о средствах и действиях против Коканда в 1876 г.» от 5 декабря 1875 г. (также ЦГВИА, ВУА, д. 6886, лл. 2—5; здесь дата: 3.12.75).

³⁵ ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 65, док. 645.

³⁶ См. «Дневник Д. А. Милютина...», т. I, 1947, стр. 47.

³⁷ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 6886, л. I.

рафировал об этом в Ташкент. Насреддин, незадолго до того (31 января 1876 г.) вернувшийся в Коканд, пытался было оказать сопротивление, но в ханство срочно направились царские войска. Важнейшие населенные пункты были оккупированы. Туркестанские власти захватили основных руководителей газавата, часть которых они выслали из Средней Азии. Несколько человек, в том числе и Пулат-бек, были казнены. Отдельные очаги сопротивления были подавлены. Особенно свирепо и жестоко действовал при этом Меллер-Закомельский — в будущем активный участник кровавой расправы с русскими революционными рабочими и крестьянами в 1905 г. В специальном обращении к населению Коканда и д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский призвал его вернуться к «обычным занятиям», особенно «открыть возможно скорее торговлю, в коей благодаря несчастным событиям последнего времени, последовал полный застой»³⁸. 19 февраля 1876 г. был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства в качестве Ферганской области в состав Туркестанского края³⁹.

Очень интересна оценка политической обстановки в закончившем свое существование Кокандском ханстве, данная главой туркестанской администрации К. П. Кауфманом. Уже после ликвидации ханской власти, 2 ноября 1876 г., генерал-губернатор сообщал военному министру о своей поездке по Ферганской долине для ознакомления с ней. Не отрицая фактов дичайшего и жесточайшего произвола власть имущих в Коканде, тем не менее он пишет о «беспорядках» среди народа и проявляет явную симпатию к ханам — «безвинным мученикам», которых «изгоняли и резали беспрестанно». Высказывание — типичное для убежденного монархиста!

Завершающим этапом борьбы в Кокандском ханстве явилась так называемая военно-научная экспедиция генерала М. Д. Скобелева в район Алайской долины, в предгорьях Памира.

Богатые пастбища Алая имели большое значение для киргизских племен, населявших восточную часть ханства.

³⁸ ЦГИА УзССР. ф. 715. л. 66. док. 124.

³⁹ ЦГИА УзССР. ф. КТГГ, оп. 36, д. 10, л. 69. Приказ по военному-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства от 13 апреля 1876 г.

Во главе некоторых из них — редкий случай в истории Средней Азии — стояла женщина, Курбанджан-датхо (она именуется иногда в документах Марджаной, или Марманджан-датхо). Вдова одного из крупных киргизских феодалов, правителя Алая — Алимбека, Курбанджан в 60-х годах XIX в. была утверждена кокандским ханом Худояром преемницей мужа и получила генеральский чин — датхо. В русской дореволюционной литературе она фигурирует как царица Алая. Курбанджан-датхо проявила незаурядный государственный ум. Ее деятельность сыграла существенную роль в сплочении киргизского населения Алая и во многих политических решениях, принятых им.

Когда значительная часть Кокандского ханства была занята царскими войсками, отходившие под их давлением киргизские повстанцы, решительно выступавшие ранее против эксплуатации со стороны кокандских феодалов, отошли в восточные районы, рассчитывая укрыться в горных ущельях и пробраться в Кашгар. На Кашгарской границе они были встречены солдатами правителя Якуб-бека, которые отобрали у киргизов часть перегонявшихся ими стад, но в Кашгар не пропустили.

Тогда перед Курбанджан-датхо и подчинявшимися ей родами встал важная проблема: двинуться в горную область Каратегин или капитулировать перед царизмом. Среди киргизской феодальной верхушки наметился раскол: часть родовых правителей во главе с сыном «царицы Алая» Абдулла-беком настаивала на продолжении сопротивления войскам Российской империи, другие призывали к перекочевке в отдаленные местности, третьи — и среди них сама Курбанджан-датхо — полагали целесообразным вступить в переговоры с властями Туркестанского края.

Сведения об этих разногласиях среди верхушки племен Южной Киргизии дошли до администрации Туркестанского генерал-губернаторства и послужили важной причиной посылки своеобразной «военно-научно-дипломатической миссии» в восточные земли уже ликвидированного Кокандского ханства. Летом 1876 г. К. П. Кауфман принял решение об отправке в Алайскую долину и на Памир специального отряда. Военная сторона дела заключалась в том, чтобы доказать «непокорным элементам» возможность прихода царских войск в самую труд-

недоступную область для подавления какого бы то ни было сопротивления.

Именно таким образом туркестанский генерал-губернатор формулировал задачи похода в приказе от 26 июля 1876 г., употребляя вполне соответствовавшую моменту колонизаторскую терминологию. «Не признавшие власти нашей в бывшем Кокандском ханстве кара-киргизы, кочующие в Алайских горах, — гласил этот приказ, — стали в последнее время собираться в шайки более или менее значительные с очевидной целью поднять против нас недавно успокоившееся население. Я приказал ген. Скобелеву двинуть небольшие отряды к горам, конми занять главнейшие выходы из гор в долину, и идти с главными силами в восточную часть гор»⁴⁰.

Поскольку путь Скобелева лежал через крайне слабо изученную местность, для участия в экспедиции были направлены ученые: В. Ф. Ошанин — «для сбора естественноисторических коллекций», А. Р. Бонсдорф и Михельсон — «для астрономических и барометрических наблюдений», а также военный географ Л. Ф. Костенко, которому поручались статистические и географические изыскания.

Основную колонну, которая в конце июля 1876 г. вышла из Гульчи в Алайскую долину, возглавил Скобелев. Под давлением Курбанджан-датхо, понимавшей бесполезность вооруженного сопротивления, среди местных киргизов все более укреплялось мнение о разумности мирных переговоров. Уже 27 июля в скобелевский лагерь, разбитый у Суфи-Кургана, прибыла киргизская делегация. Ее руководитель, один из сыновей Курбанджан-датхо — Хасан-бек, заявил «о готовности киргизов подчиниться». Брат его, Абдулла-бек, еще стремился продолжать борьбу и напал на посланного к нему для установления контакта киргизского манапа Шабдана. Однако 28—29 июля экспедиция Скобелева уже вступила в Алайскую долину; один из ее отрядов, преследуя Абдулла-бека, настиг его, захватив в плен его семью, а также отбил крупные стада овец и конские табуны. Плененной оказалась и «царица Алая».

31 июля в распоряжение экспедиции у Арчи-булака приехали родовые старшины киргизов Алайской долины,

---

⁴⁰ «Туркестанские ведомости», 30.VIII 1876.

подтвердившие свою готовность признать подданство Российской империи. Курбанджан-датхо было обещано, что Абдулла-бек не подвергнется никакому наказанию, если добровольно сложит оружие. Пока сам Скобелев дожидался прихода в Алайскую долину ошской и андижанской колонн, выделенный им летучий отряд под начальством кн. Витгенштейна достиг оз. Кара-куль. Это были первые русские войска, добравшиеся до Памира. Вместе с конным дивизионом через перевал Кизыл-арт в Заалайском хребте прошли и научные сотрудники экспедиции, в течение двух недель собиравшие разнообразный материал об Алайской долине и Заалайской горной цепи⁴¹.

Во второй половине августа все участники Алайского похода собрались в старом кокандском укреплении Дараут-Кургане, где ранее находился ханский правитель Алая. По распоряжению Скобелева Витгенштейн двинулся в долину р. Туз-Алтын-дарьи, чтобы «привести к покорности кара-киргизов рода ичкилик»⁴². Сосредоточение всего военного отряда в Дараут-Кургане, на границе с полусамостоятельным феодальным владением Каратегином, было задумано царским командованием для политического воздействия на местного правителя Сеид Мухаммеддин-шо. Он считался «ненадежным» с точки зрения интересов царизма. Скобелев сообщал Кауфману, что именно поддержка со стороны каратегинского владельца обнадеживала «мятежных киргизов», которые рассчитывали при необходимости направиться в Каратегин, чтобы «зимовать [там] вместо долины Ферганы»⁴³.

При содействии царского правительства Сеид-Мухаммеддин-шо вскоре был смещен другим феодалом — Рахим-шо, находившимся до того в Бухаре. Скобелев витевато писал: «Напугавши всех в Каратегине, я полагаю не переставать сноситься с Рахим-шахом и, наконец, предоставить ему случай показать влияние своей угодной ирым-падишаху (т. е. туркестанскому генерал-губернатору. — Н. Х.) личности и ею оказать народу услугу нашим удалением от границ Каратегина»⁴⁴.

⁴¹ См. ст.: Л. Ф. Костенко, *Экспедиция в Алайские горы*, стр. 128.

⁴² Там же.

⁴³ «Посмертные бумаги М. Д. Скобелева», стр. 126.

⁴⁴ Там же.

В Дараут-Кургане, а затем в сел. Большой Карамук Скобелев вел переговоры с представителем правителя Каратегина сановником Ишик Агасы Софи-шо об определении границ каратегинских земель.

В конце августа 1876 г., оставив в Дараут-Кургане небольшой гарнизон, Скобелев направился в обратный путь и вскоре вернулся в Ферганскую долину, на свой пост военного губернатора Ферганской области.

Алайская экспедиция, явившаяся своеобразным заключительным аккордом военно-политической борьбы в Кокандском ханстве в 1875—1876 гг., имела важное значение для укрепления власти и влияния России среди киргизского населения на крайнем востоке Средней Азии и в предгорьях Памира. Она как бы завершала разрешение проблем, связанных с ликвидацией господства кокандских ханов в Фергане и предгорьях Памира. Южная Киргизия была присоединена к Российской империи.

Таким образом, во второй половине 70-х годов была в основном определена политическая карта большей части Средней Азии. Из трех крупных среднеазиатских ханств одно было полностью поглощено Российской империей, а два других превратились в ее вассалов. В дальнейшем царским властям пришлось иметь дело уже не с относительно большими государственными образованиями, а с мелкими владениями либо с народами, еще не сплотившимися в государственном отношении.

БОРЬБА ЗА ТУРКМЕНИЮ

После успешного завершения Хивинского похода, а особенно с ликвидацией Кокандского ханства царское правительство, прочно утвердившись в центральной и восточной части Средней Азии, резко активизировало свою деятельность в ее западных районах. Красноводский плацдарм, значительно расширившийся с 1869 г., послужил исходной базой для дальнейшего продвижения войск Российской империи в глубь областей, населенных туркменскими племенами. На этом настаивали перед царскими властями помещичьи, а особенно буржуазные круги России, заинтересованные в прокладке торговых путей в уже завоеванные земли по побережью Каспийского мо-

ря и с берегов Кавказа. С этим были согласны и государственные деятели самодержавия.

Уже в 1874 г. главнокомандующий Кавказской армией вел. кн. Михаил в письме военному министру Милютину подчеркивал, что одной из причин высадки военного отряда на побережье Красноводского залива «была необходимость влияния нашего на среднеазиатские ханства, так сказать, постоянной им угрозы от берегов Каспийского моря и возможность поддержания действий наших на Аму-Дарье со стороны богатыми войсками и военными средствами Кавказа. В этом заключается основная идея водворения нашего на восточном берегу Каспия...». Развивая далее эту мысль, он писал, что с переходом Хивинского ханства в вассальную зависимость от России «немедленное установление вполне обеспеченного и прямого сообщения» между царскими войсками на побережьях Каспийского и Аральского морей приобрело «еще большее значение»⁴⁵.

То же самое отмечали министр финансов и директор Азиатского департамента в совместном письме Милютину⁴⁶. Речь шла о дальнейшем распространении влияния России на обширные территории между Каспийским морем на западе, хивинскими владениями на севере и бухарскими — на востоке, тогда как южную границу расселения туркмен, пределы иранского и афганского государств еще предстояло уточнить.

Общая обстановка в этом районе осложнялась энергичными подрывными действиями британских агентов. Опорные пункты английских колонизаторов продвинулись далеко в глубь азиатского континента, а их влияние в соседних с Туркменией Иране и Афганистане значительно расширилось. Как отмечалось, царизм в своей политике по отношению к среднеазиатским ханствам учитывал угрозу «опережающего проникновения» британского соперника, но сталкивался преимущественно с эпизодическими проявлениями этого. В Туркмении же эта опасность для Петербурга была несравненно более острой и реальной. В 70—80-х годах Иран (особенно его се-

---

⁴⁵ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 138. Письмо от 22 февраля 1874 г.

⁴⁶ «Россия и Туркмения в XIX веке...», стр. 89. Письмо от 27 февраля 1874 г.

верная провинция — Хорасан) стал базой военно-политической экспансии Англии в Средней Азии.

Британские эмиссары вели разведывательную и пропагандистскую деятельность среди местного населения пограничных с Туркменией районов Ирана. После прибытия туда в 1869 г. поручика англо-индийской службы Гилла Хорасан посетило множество английских офицеров. Британский резидент в Мешхеде Аббас-хан даже «вел летосчисление» по веренице сменявшихся в этих областях английских офицеров, которые прибывали с тайными миссиями. Так, он называл 1872 год — «годом капитана Марча», 1873 год — «годом полковника Бейкера», 1874 год — «годом капитана Нэпира», 1875 год — «годом полковника Мак-Грегора»⁴⁷. Зачастую англичане отправлялись целыми группами, собирая разнообразные разведывательные данные и разрабатывая всевозможные планы распространения своего влияния в Туркмении.

В 1873 г. полковник Бейкер, капитан Клейтон и лейтенант Гилл длительное время занимались «научным изучением бассейна реки Атрек». Вернувшись из поездки, полковник Бейкер представил правительству «Политическое и стратегическое донесение о Средней Азии», в котором отмечал высокие боевые качества туркмен, «вооруженных порой бирмингамскими ружьями», и подчеркивал, что во главе с европейскими, т. е. с английскими, офицерами («результат, которого можно легко достигнуть», по мнению Бейкера) эти «сто двадцать тысяч великолепных всадников» могут охранять большую территорию⁴⁸. Правда, полковник Бейкер не уточнил, зачем, кого и от кого должны были охранять «великолепные туркменские всадники», но весь контекст приводил к выводу: Англию — от России. Его замечания имели не только теоретическое значение: именно в это время в Туркмению из Индии и Турции стали доставляться крупные партии оружия («бирмингамские ружья») для тех, кто согласился бы выполнять интересовавшие Британскую империю «охранные функции». Начальник Закаспийского военного отдела Ломакин констатировал появление в Туркмении множества английских двустволок⁴⁹.

⁴⁷ Мак-Грегор. *Хорасан...*, ч. 1, 1882, стр. 194—195.

⁴⁸ Val. Baker, *Clouds in the East...*, pp. 341—342.

⁴⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 16, д. 960, лл. 11—16. «Записка» генерал-майора Ломакина (1876 г.).

Собрав разнообразный военно-политический и топографический материал о Хорасане и Туркмении, Бейкер опубликовал статью в журнале военно-научного офицерского общества в Лондоне под названием «Военная география Средней Азии». В ней характеризовались дороги между Гератом и Каспийским морем и возможность их использования в случае войны с Россией⁵⁰.

В Англии Бейкер издал также большую книгу «Тучи на Востоке», в которой призывал к утверждению британского господства на севере Ирана. Он «мотивировал» это тем, что во время поездки «везде находил людей, недовольных персидским правительством, приведенных в уныние возможностью русской аннексии и страстно желающих установления английского протектората». Подобные беспочвенные домыслы должны были играть роль предлога для вмешательства правящих кругов Великобритании в жизнь народов Ирана и Средней Азии, якобы заинтересованных в установлении над ними английского колониального владычества. Книга Бейкера содержала также обширную программу развития британской экспансии на Востоке.

В сжатом виде эта программа содержала следующие положения: представители Англии должны участвовать в установлении северных границ Ирана и Афганистана; в этих странах надлежит значительно расширить британскую торговлю и провести туда железные дороги из Индии; англо-индийская армия должна быть преобразована и пополнена артиллерией; необходимо немедленно занять Кветту — важный транспортный узел и ключевой пункт на пути в Афганистан; под предлогом закупки лошадей следует установить тесные связи с туркменскими племенами и при помощи Афганистана подчинить их английскому влиянию; наконец, если заставить Персию возбудить вопрос о ее северных границах, то это позволит Британской империи контролировать продвижение России в Средней Азии⁵¹. Хотя английское правительство официально не поддержало предложения Бейкера, но на деле оно осуществило значительную часть его экспансионистской программы — участвовало в установлении северных границ Афганистана, захватило Кветту и т. д.

---

⁵⁰ «Journal of the royal united service institution», 1875, № 18.

⁵¹ Val. Baker, *Clouds in the East...*, pp. 374—375.

Вслед за Бейкером на границах Туркмении появился Нэпир, сын главнокомандующего англо-индийской армией фельдмаршала Нэпира Магдальского. Формально он приехал, чтобы «изучить обстоятельства набега», якобы совершенного из Герата на иранский городок Хаф. В действительности Нэпир был занят сбором сведений о районе соприкосновения иранских, афганских и туркменских земель и о возможностях использования туркменских племен в борьбе Англии против России. Особый интерес вызывало у него положение в среднеазиатских областях, вошедших в состав Российской империи⁵². Прибыв в июне 1874 г. в Тегеран, Нэпир направился к границам Туркмении, стараясь установить контакт с теми из местных ханов, которые были известны своими проанглийскими симпатиями, снабдить их оружием⁵³. Царские власти связывали с поездкой Нэпира отправку из Ирана в Мерв каравана, груженного шестью тысячами ружей⁵⁴. Продвигаясь на запад вдоль иранско-туркменской границы, британский офицер составил карту пути следования, на которую были нанесены пограничные укрепления и указана численность местных гарнизонов. Он ознакомился с судоходством на Каспийском море и с дислокацией русских войск на его побережье⁵⁵.

Как отмечал русский посланник в Тегеране, поездка Нэпира была предпринята по специальному распоряжению английского правительства, чтобы «обследовать персидскую границу и расположить к себе туркмен, а также изучить позиции русских войск в Атреке»⁵⁶.

После возвращения в Индию Нэпир подготовил отчет о своей деятельности, напечатанный британскими властями в 25 экземплярах на правах строго секретного документа. В нем содержался призыв к правительству актив-

---

⁵² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 24, д. 232, лл. 1—2. Письмо начальника Главного штаба Гейдена — туркестанскому генерал-губернатору Кауфману от 9 августа 1874 г.

⁵³ З. Д. Кастельская. *К истории англо-русского...*, стр. 57.

⁵⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 24, д. 232, лл. 6—7. Дешеш русского посланника в Тегеране Бегера в министерство иностранных дел от 9 октября 1874 г.

⁵⁵ Там же, лл. 9—11. Донесение русского консула в Астрабаде посланнику в Тегеране от 10 октября 1874 г.

⁵⁶ Там же, л. 8. Дешеш Бегера в министерство иностранных дел от 23 декабря 1874 г.

но вмешаться в события, происходящие на иранско-туркменской границе с целью захвата Туркмении.

Интриги британских агентов вызвали серьезные опасения российских властей за свои позиции в Туркмении и в некоторой степени стимулировали их мероприятия для более прочного закрепления на занятой территории планомерного ее освоения. В марте 1874 г. царское правительство ввело «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае». Оно предусматривало создание в рамках Кавказского наместничества Закаспийского военного отдела. В его состав вошли земли от восточного побережья Каспийского моря до западных границ хивинских владений (очень неопределенных) и р. Атрек на юге⁵⁷. Центром отдела был намечен Красноводск.

Между начальником Закаспийского отдела и руководителями соседних туркменских племен (прежде всего — крупнейшего племени теке) началась переписка об установлении мирных и дружественных отношений. Местные жители оказывали поддержку русским войскам в походе против хивинских правителей, эксплуатировавших туркменов и державших многих из них в рабстве, предоставляли русским отрядам транспортные средства, снабжали продовольствием. Однако насильственные действия царских военачальников, мало считавшихся с экономическими возможностями туркменских аулов, вызывали недовольство, а подчас и возмущение их населения⁵⁸.

Большой вред установлению подлинно мирных и дружественных отношений с туркменским народом наносила также внутриведомственная несогласованность, неясность общей политической линии царского правительства в Туркмении.

Авторы «Истории Туркменской ССР» справедливо пишут, что в середине 70-х годов появилась реальная возможность мирного присоединения Ахал-Теке к России⁵⁹. В этом было заинтересовано подавляющее большинство текинского населения, измученного грабительскими действиями иранских, хивинских и бухарских властей, разоренного постоянными набегами, которые организовыва-

⁵⁷ См. «Присоединение Туркмении к России...», стр. 142—151.

⁵⁸ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 120—122.

⁵⁹ Там же, стр. 123.

ла феодальная верхушка. Несмотря на сильное противодействие религиозных фанатиков и некоторых слоев феодально-племенной знати, текинцы в апреле 1874 г. прислали начальнику Закаспийского отдела письмо, свидетельствующее об их готовности выполнять его распоряжения⁶⁰.

Заявление «о полной покорности... всего ахал-текинского общества» было подтверждено на совете старшин текинских родов в начале июня 1875 г. в Геок-Тепе. Они ходатайствовали о покровительстве России и ее помощи в борьбе против Ирана, Афганистана, Бухары и др. Совет старшин обещал свое содействие развитию торговли с Россией и просил, «чтобы и их торговые люди имели бы покровительство и защиту во время пребывания их в Красноводске, на Атреке, в Баку и других местах»⁶¹.

Еще в начале апреля 1875 г. военный министр Милютин специальным письмом напомнил кавказскому наместнику о «ревнивой подозрительности», с какой «Англия следит за каждым нашим шагом в Средней Азии», особенно по направлению к Мерву (Милютин именовал этот город «самым чувствительным» пунктом для англичан). Ссылаясь на заявления британского министра иностранных дел, что продвижение России к Мерву вызовет ответную реакцию Англии в Афганистане, военный министр подтвердил указание царя, чтобы кавказские и туркестанские власти «поставили себе задачей избегать сколь возможно наступательного образа действий и не переступать без крайности наших границ там, где они в последнее время установились». Милютин одобрительно отзывался о действиях начальника Закаспийского военного отдела Ломакина, который «вполне усвоил себе этот взгляд высшего правительства». И хотя Петербург не возражает против проведения периодических рекогносцировок, он категорически запрещает любое действие, «которое могло бы быть принято за наступательное движение к Мерву»⁶².

Этот важный документ, как и многие излагавшиеся

⁶⁰ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 157.

⁶¹ Там же, стр. 188. Рапорт начальника Закаспийского военного округа генерала Ломакина начальнику Кавказского горского управления от 22 июня 1875 г.

⁶² Там же, стр. 183—185. Письмо Милютина от 3 апреля 1875 г.

выше указания царского правительства, отражает двойственность его внешнеполитической линии в Средней Азии. С одной стороны, оно воспрещало какое-либо продвижение за установленные границы, с другой — санкционировало рекогносцировки и намекало на возможность создания такой ситуации, при которой этот запрет терял силу. И не случайно уже 14 января 1876 г. начальник Кавказского горского управления Франкини выдвинул перед главнокомандующим Кавказской армией вопрос о мерах укрепления влияния России среди ахал-текинских туркмен. Он предостерегал против проектов передачи контроля над оазисом хивинскому хану⁶³, не располагавшему для этого реальной силой, и считал целесообразным «предложить народу выбрать из среды себя одного уполномоченного, который служил бы единственным органом сношений всего племени с начальством Закаспийского отдела» и был бы ответственным за местную обстановку. Кандидатом на этот пост Франкини выдвигал одного из авторитетнейших тескинских ханов — Нурберды-хана⁶⁴. Эта мера должна была способствовать ликвидации феодальных раздоров и грабежей, улучшить условия торговли.

Главкомандующий Кавказской армией поддержал ходатайство Франкини и предлагал военному министру «водворить ныне же в Ахал-Текинском оазисе русское правление и оказать той части народа, которая расположена к нам, материальную помощь». Он выдвигал уже знакомые доводы почти пятнадцатилетней давности: «Необходимость сомкнуть нашу границу и оградить нашу промышленность и торговлю...».

Но Петербург отклонил план похода в Ахал-Текинский оазис, предложенный кавказскими властями. От имени царя военный министр заявил, что это предприятие может привести к вооруженным столкновениям не только с населением этого оазиса, но и с мёртвыми туркменами, и сопряжено с крупными расходами. Кроме того, подчеркивал Милютин, движение к Асхабаду сопряжено с «немаловажными политическими неудобствами», так как Асхабад расположен всего в 360 верстах

---

⁶³ О деятельности хивинских правителей в Туркмении см.: А. А. Семенов, *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении*.

⁶⁴ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 199—203.

от Мерва, «этого больного места новейшей среднеазиатской политики Великобритании». Столкновение с мервскими туркменами вызовет нежелательные запросы Англии⁶⁵.

Тем временем британские правящие круги не прекращали интриг и военно-разведывательной деятельности на границах Туркмении. В середине 1875 г. туда приехал полковник Ч. Мак-Грегор, один из лидеров экспансионистской политики. Детально исследуя местность между Персидским заливом и Гератом, он отмечал на карте и описывал каждое селение, «представляющее значение для любого будущего командира, ведущего колонну в этом направлении»⁶⁶. Мак-Грегор намеревался изучить обширную территорию: из Мешхеда отправиться в Мерв и Керки, переправиться через Аму-Дарью в Восточную Бухару, к Кулябу. Подкупленный туркменский феодал Каушут-хан должен был помочь ему проникнуть в Мерв. «Цель моей поездки в Мерв состояла в том, чтобы увидеть самому положение дел в этом городе и расспросить на месте относительно свойства дорог, ведущих отсюда до Каспийского моря и к Афганистану — к важным стратегическим пунктам Меймене, Бала-Мургабу и Герату»⁶⁷, — сообщал Мак-Грегор.

Этот план не удалось реализовать. Британские власти в Индии, опасаясь протестов царского правительства по поводу таких явных и грубых нарушений границ России, с какими были связаны замыслы Мак-Грегора, запретили ему выезжать за пределы Ирана. Тем не менее в июле 1875 г. Мак-Грегор прибыл в Серахс, переправился через р. Теджен и проехал километров двадцать в сторону Мерва, особенно интересовавшего англичан. Вернувшись в Мешхед, он отправился в излюбленный пункт британской агентуры — Келати-Надири, снял планы местных укреплений, затем через Шахруд и Астрабад приехал на о-в Ашур-Адэ, важную опорную базу российских войск в Туркмении. После этого он направился в Тифлис и Владикавказ, откуда вернулся на родину.

Не успел Мак-Грегор прибыть в Англию, как ему на

---

⁶⁵ Там же, стр. 209—211. Письмо Милютина от 19 февраля 1876 г.

⁶⁶ Ch. Marvin, *Reconnoitring Central Asia*, p. 157.

⁶⁷ Мак-Грегор, *Хоросан...*, ч. 1, 1882, стр. 201.

смену был отправлен капитан Бэрнеби с заданием добраться до Мерва через Хивинское ханство. Снабженный рекомендательными письмами принца Эдинбургского к петербургской знати, он добился в столице разрешения на посещение пограничного Туркестана. Отсюда Бэрнеби намеревался проехать в Иран или Индию, но ему было запрещено выезжать за пределы России в Средней Азии. Тогда Бэрнеби пошел на хитрость. В конце 1875 г. он добрался до Казалинска, откуда тайно от местной администрации и нарушая запрет двинулся в Хиву. После нескольких встреч с хивинским ханом он пытался проехать в Мерв и Иран, но был задержан царскими властями, которые заставили его покинуть Россию⁶⁸.

В конце 1876 г. в Тегеране снова появился Нэпир. Он посетил Буджнурд, Кучан и Мешхед, стремясь проникнуть в Мерв⁶⁹. Ему поручалось укрепить связи с отдельными туркменскими ханами, широко применяя подкуп. Русский посланник в Тегеране Зиновьев сообщал, что «чрезмерная щедрость» Нэпира «вызвала удивление» среди хорасанской администрации⁷⁰.

Особенно большое внимание Средней Азии британские правящие круги стали уделять во второй половине 70-х годов XIX в. В это время началось присоединение туркменских земель к России, и британские империалисты всячески старались помешать этому, чтобы сохранить для себя возможность утвердиться в Туркмении. Туда был отправлен участник подавления крестьянской войны тайпинов в Китае капитан Бэтлер. В 1876 г. он исследовал долину р. Атрек, а в 1877 г. получил лично от вице-короля Индии Литтона в Симле задание организовать и возглавить отряды туркменов для борьбы против России в Ахал-Текинском и Мервском оазисах. Это стало известно в Петербурге, и царское правительство выступило с протестом против миссии Бэтлера. Он был отозван и, вернувшись в Индию, потребовал возмещения произведенных затрат. Получив отказ, он продолжал настаивать на том, что Литтон предложил ему организовать

⁶⁸ ЦГВИА СССР, Главный штаб, Азиатская часть, ф. 400, д. 45, за 1875 г.

⁶⁹ Там же, д. 54, за 1877 г., л. 1. Дешеша поверенного в делах России в Тегеране Шимановского — Горчакову от 6 декабря 1876 г.

⁷⁰ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 466, лл. 3—4. Донесение Зиновьева от 22 ноября (4 декабря) 1879 г.

войска для войны с Россией. Эти жалобы также были отклонены. Тогда Бэтлер опубликовал в журнале «Глоб» подробное описание своих действий⁷¹. Он писал, что участвовал в перестройке крепости Геок-Тепе на базе новейших данных европейской фортификационной науки и укрепил еще два пункта восточнее Геок-Тепе, что в его задачи входило поднять туркменских феодалов на вооруженную борьбу против России. Разоблачения Бэтлера вызвали шумиху в английской печати, а сам он был уволен в отставку.

Подытоживая антирусскую деятельность разведчиков и политических эмиссаров, британский журналист Ч. Марвин писал: «Если бы Бэйкер и Мак-Грегор, Нэпир и Бэтлер не появлялись на северо-восточной границе Персии, Россия была бы избавлена от целой серии кампаний... От завершения Хивинской кампании 1873 г. ...до осады Геок-Тепе не проходило года без того, чтобы английский офицер или кто-либо другой не продвигались вдоль туркменской границы от Серахса к Каспию... Поездки Бейкера, Мак-Грегора, Нэпира и Бэтлера сделали больше для преграждения продвижения России, чем все торжественные обсуждения английских кабинетов, мешки с дипломатической перепиской, тысячи парламентских речей и запросов и мирнады статей, опубликованных по среднеазиатскому вопросу между 1873 и 1881 гг.»⁷².

На деле, впрочем, успехи британской агентуры были значительно меньшими, чем пытался изобразить их расхваставшийся Марвин. Несмотря на английские интриги и золото, пускавшееся в ход англичанами в туркменских селениях, на перебрасывавшиеся туда из Ирана транспорты с оружием, в Туркмении все более и более распространялось влияние Российской империи.

В начале мая 1877 г. отряд русских войск, не встретив сопротивления, занял Кизыл-Арват. Через несколько дней текинские воины предприняли попытку вернуть крепость, но потерпели неудачу. Постепенный переход земель Ахал-Текинского оазиса под контроль Российской империи вызвал беспокойство и недовольство британских экспансионистов. Они рассчитывали на активные дейст-

---

⁷¹ «Globe», January 25 1881. См. также: Ch. Marvin, *Russian advance towards India...*, p. 85.

⁷² Ch. Marvin, *Reconnoitring Central Asia*, pp. 246—249.

вня своей агентуры в Туркмении, чтобы закрепиться там и использовать местные племена в качестве «пушечного мяса» в борьбе против своего соперника. 30 мая 1877 г. вице-король Индии лорд Литтон отправил в Лондон секретную телеграмму, в которой подчеркивал свое стремление оказать «помощь» туркменам через Кветту и Мешхед. Эта «помощь» трактовалась им весьма своеобразно. «Наша информация дает возможность убедиться, — писал Литтон, — что, тайно организованные и подстрекаемые нами, они могут оказать мощное сопротивление любым русским силам, а поскольку они не прочь быть присоединенными к Афганистану (?! — Н. Х.), полученное над ними теперь влияние может в конечном итоге послужить ценной основой для переговоров об этом с Кабулом»⁷³.

Почти одновременно с главой британской администрации в Индии планы «спасения» туркменов (в данном случае мервских племен) разрабатывал и посол Англии в Тегеране. Предлагавшиеся им в донесениях от 26 июля и 6 августа 1877 г. «варианты спасения» весьма симптоматичны и любопытны. Первый из них, самый выгодный для Британской империи, как подчеркивал посол, предусматривал оккупацию ею «Кандагара или Герата или обеих пунктов вместе» и установление английского господства над Мервом. Другой способ: «Поглощение Мерва Афганистаном». И наконец третий — наименее приемлемый — это «разрешить (! — Н. Х.) ему перейти под власть Персии»⁷⁴.

Как видим, среди многочисленных планов «помощи» туркменам, какие вынашивали представители британских правящих кругов, не было ни одного, в котором бы учитывались подлинные интересы туркменского населения, не было ни одного, который не приводил бы к установлению над ним в той или иной форме владычества Англии. Дело, впрочем, не ограничивалось засылкой отдельных британских агентов в Туркмению или проблематичными «проектами спасения», разрабатывавшимися кабинетными политиками. Правительство Англии настойчиво пыталось активно вмешаться в ход событий и под-

---

⁷³ Цит. по: В. Prasad, *The foundations of India's foreign policy*, p. 106.

⁷⁴ Ibid., p. 107.

готовить почву для захвата туркменских оазисов. Так, в ноте от 9 июня 1877 г., переданной английским послом в Петербурге А. М. Горчакову, говорилось, что продвижение войск России в Средней Азии задевает интересы афганского эмира, защитником которых объявил себя Лондон ⁷⁵.

Положение в Туркмении особенно осложнилось в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. При содействии британских властей в Среднюю Азию (как в Афганистан и Кашгар) прибывали различные представители турецкого султана, пытавшиеся вести там антирусскую панисламистскую пропаганду.

Самые высокопоставленные деятели британского правительства откровенно намечали крупные военно-политические диверсии в Средней Азии и прямой поход туда английских войск. Премьер-министр Биконсфильд 22 июня 1877 г. писал королеве Виктории свое мнение: «если Россия должна быть атакована из Азии, то войска должны быть отправлены в Персидский залив, и императрица Индии (т. е. королева Виктория. — Н. Х.) должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспий. Мы имеем хороший инструмент для осуществления этого в лице лорда Литтона, который и послан туда с этой целью» ⁷⁶. Знаменательное высказывание, весьма недвусмысленно раскрывающее тайные инструкции назначенного незадолго до этого вице-королем Индии Литтона, ставленника наиболее агрессивных кругов Англии и самого Биконсфильда.

Английский публицист М. Мак-Колль подтверждает, что после поездки в конце 1876 г. на Константинопольскую конференцию представителя правительства Великобритании лорда Солсбери в Лондоне уже был разработан конкретный план военных действий против России. Он предусматривал крупные операции в Средней Азии и на Ближнем Востоке. «Проектировалось сделать попытку поднять Туркестан против нее (России. — Н. Х.), подготовить нападение из Индии, — писал Мак-Колль, — и я думаю, что британские войска должны были также вы-

---

⁷⁵ См. ЦГИА ГрузССР, ф. 545. Кавказское военно-народное управление, д. 1154, лл. 145—148.

⁷⁶ W. T. Monypenny and G. E. Buckle, *Life of Benjamin Disraeli*..., vol. VI, p. 155.

сидиться в Трапезунде и с этой стороны также полагалось атаковать Россию»⁷⁷.

Все это не было блефом. На «большую» войну с Россией английский правительство не пошло главным образом лишь потому, что в условиях тогдашней европейской обстановки не смогло обеспечить себя достаточно сильными союзниками. Но оно старалось компенсировать это усилением подрывных действий против России в Средней Азии.

Орудовавший и раньше в пограничных с Туркменией районах Ирана капитан Нэпир весной 1878 г. снова посетил ханства Кучан и Буджнурд.

В связи с этим визитом начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Ломакин выражал уверенность, что Нэпир «всячески старается теперь возбудить и вооружить против нас еще более текинцев». Ломакин доказывал это разрывом сношений текинцев с Россией, а также тем, что они «повсюду содержат строгие караулы, никого не пропускают ни от себя к нам, ни от нас к себе»; он передавал дошедшие до него сведения о «большом сборе» у текинцев, раздобывших даже двести пушки, и сообщал, что «здешние туркмены не без основания, конечно, приписывают все это влиянию и проискам находящегося в столь близком соседстве с ахалтекинцами „инглис-тюря“, английского офицера»⁷⁸.

Тем временем русские войска, покинувшие в 1877 г. Кызыл-Арват из-за его отдаленности от своей основной красноводской базы, осенью 1878 г. заложили на р. Атрек укрепление Чат. Начальнику укрепления поручалось добиваться сближения с туркменами, изучать их внутренний быт, заботиться о развитии торговли⁷⁹.

Особое значение в создании этого укрепления заключалось в демонстрации факта прочного утверждения России среди туркменских племен. Именно это обстоятельство специально подчеркивал Ломакин в донесении начальнику штаба Кавказского военного округа: «Туркмены, начавшие уже в новом укреплении заводить с наши-

⁷⁷ М. Мак-Колль, *Султан и державы*, стр. 79.

⁷⁸ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 337. Рапорт Ломакина начальнику Кавказского горского управления от 16 апреля 1878 г.

⁷⁹ Там же, стр. 349. Инструкция начальнику Чатского укрепления от 10 октября 1878 г.

ми войсками и торговцами довольно деятельные торговые сношения (причем гёклены, курды и номуды, ежедневно десятками посещающие Чат, устроили уже там базар), увидели теперь ясно, что мы прочно и твердой ногой стали на Атреке и не оставим его...»⁸⁰.

Мирные отношения, однако, чередовались с вооруженными столкновениями: некоторые племена, недовольные вторжением царских солдат, сокращением площадей своих пастбищ, подстрекаемые иностранной агентурой, пытались нападать на русские гарнизоны. Положение осложнялось тем, что британские экспансионисты в это время развязали вторую агрессивную войну против афганского народа. Их войска в конце 1878 г. вторглись в Афганистан и заняли его важнейшие города: Кабул, Кандагар, Газни. Английское правительство намеревалось овладеть Гератским оазисом и выйти в долину Аму-Дарьи. Царские власти были крайне обеспокоены тем, что успехи их конкурентов и соперников на Среднем Востоке подорвут там позиции России.

Кавказский наместник, ссылаясь на мнение посланника в Иране И. А. Зиновьева, прямо писал Д. А. Милютину для доклада Александру II: «Успехи англичан в войне против афганцев произвели в Персии весьма сильное впечатление и содействуют возрастанию там влияния Англии»⁸¹.

Петербург в какой-то степени стремился взять у Англии реванш за Берлинский конгресс (июнь — июль 1878 г.) и Берлинский трактат (13 июля 1878 г.), в результате которого Россия была вынуждена отказаться от значительной части уступок, сделанных ей Османской империей по Сан-Стефанскому миру.

Наилучшим шагом в этом направлении явилось бы укрепление положения царизма в Средней Азии, опережающее английское продвижение, препятствующее развитию британской экспансии в среднеазиатских областях. Все это стимулировало дальнейшую активизацию наступательных действий России в Туркмении. В уже цитированном документе кавказский наместник подчеркивал: «Прочное занятие Текинского оазиса, приближая нас к границам Хорасана, будет служить противовесом англий-

---

⁸⁰ Там же, стр. 351. Донесение от 16 октября 1878 г.

⁸¹ Там же, стр. 378. Письмо от 22 января 1879 г.

скому влиянию в этих краях...»⁸². Для решения возникших в сложившейся ситуации проблем «закаспийской политики» 21 января 1879 г. он созвал совещание, на котором присутствовали Д. А. Милютин, товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс, начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден, генералы В. В. Гурчин, А. И. Глуховской и А. Н. Куропаткин⁸³. Все они оперировали старым, давно знакомым нам еще по «циркулярной» ноте А. М. Горчакова 1863 г. тезисом о трудности установления определенных государственных границ среди «кочевых племен, никому не подчиненных и не признающих над собой никакой власти». Они заявляли, что южная граница в Закаспии лишь тогда будет прочно установлена, когда она «дойдет до пределов стран, признающих международные трактаты, с которыми можно иметь международные отношения».

На совещании было решено весной 1879 г. двинуть из Чата в Ахал-Теке военный отряд, чтобы овладеть этим оазисом⁸⁴. Основной целью была крепость Геок-Тепе. Здесь находились вожди текинских племен — утамыш (Хазрет Кули-хан и Овез Дурды-хан) и тохтамыш (Ораз Мамед-хан и Нурберды-хан), а также главный ишан текинцев Курбан Мурад.

В одобренном «всепопданнейшем» докладе начальника Главного штаба (февраль 1879 г.) указывалось, что занятие Ахал-Текинского оазиса рассматривается не как самоцель, а как «главнейший шаг... к окончательному решению вопроса о Мерве и замкнутии границы нашей фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары». На данном этапе, впрочем, царское правительство категорически воспрещало какое-либо военное продвижение к Мерву, считая овладение этим пунктом «невыгодным в политическом и особенно в экономическом отношении»⁸⁵.

В то время когда внимание Петербурга было занято вопросами, связанными с Ахал-Текинским оазисом, русский Туркестан посетил неожиданный гость. 9 мая 1879 г. в крайний город генерал-губернаторства — Катта-Курган — прибыл старик-индиец Гуру Чарн Сингх. Как

⁸² Там же, стр. 378.

⁸³ «Дневник Д. А. Милютина...», стр. 113.

⁸⁴ «Присоединение Туркмени к России...», стр. 378—379.

⁸⁵ Там же, стр. 386, 388.

выяснилось, ему в ту пору было 72 года. Гуру Чарн Сингх привез туркестанскому генерал-губернатору письмо «от верховного жреца и главного начальника племени сикхов Индии». Оно было написано слитным текстом на языке панджаби, алфавитом гурмукхи, на листике тонкой бумаги. В целях конспирации послание не имело ни подписи, ни указания адресата и хранилось в книге духовного содержания⁸⁶.

Пламенный индийский патриот и непримиримый боец против колониального угнетения Гуру Чарн Сингх преодолел сотни километров по Индии и охваченному войной против британской агрессии Афганистану, чтобы попытаться помочь своей родине⁸⁷. Он был членом секты намдхари (куков), которая под религиозной оболочкой скрывала политическую сущность и ставила своей задачей изгнание английских поработителей из Индии.

Отъезд Гуру Чарн Сингха в русский Туркестан совпал с общим развитием недовольства народов Индии, усилением налогового гнета, вызванным стремлением британских колонизаторов таким путем покрыть их расходы на вторую англо-афганскую войну. Советский историк А. А. Бенедиктов указывает на примечательный факт. В 1879 г. в Бомбей прибыли с официальным визитом русские военные корабли. Слухи об этом быстро разнеслись по обширной территории. В город хлынули толпы людей, чтобы, как пишет Бенедиктов, «убедиться в реальном существовании русских, за помощью к которым, по народному поверию... отправился Нана Сахиб (один из руководителей народно-освободительного восстания 1857—1859 гг. — Н. Х.). Настолько велико было возбуждение народа и многочислен поток людей в бомбейскую гавань», что об этом была вынуждена сообщить даже враждебно настроенная по отношению к России официальная газета «Таймс оф Индия».

«Народ начал толковать о близком падении английского ига в результате поражения от России и Нана Сахиба»⁸⁸.

⁸⁶ См. ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 462, л. 89.

⁸⁷ См. о нем: П. Ч. Рой, *Посольство Баба Рам Сингха...*, стр. 77—81.

⁸⁸ «The Times of India», 19.V.1879. См. А. А. Бенедиктов, *Индийское крестьянство...*, стр. 127. См. об этом также: Р. М. Кемп, *Bharat-Rus*, pp. 228—229.

Такова была обстановка в Индии, когда Гуру Чарн Сингх предъявил представителям царской администрации бережно доставленное им письмо. Оно было отправлено от имени высланного англичанами в Рангун (Бирма) руководителя намдхари Баба Рам Сингха и содержало упоминание о пророчестве основателя и идеолога религиозно-политического учения — сикхизма — Гуру Нанак о «большом кровопролитии», в которое вкладывался смысл англо-русского столкновения в Индии. В послании высказывалось предположение о близком приходе русских в эту страну и предлагалось содействие в его осуществлении. Беседуя с царскими чиновниками в Туркестане, Гуру Чарн Сингх развивал эти взгляды. Он подчеркнул, что по пророчеству, «которое известно большинству индийцев, русским Индия не нужна, они придут туда с запада только затем, чтобы изгнать англичан»⁸⁹. Посланец высказал соображение, что после изгнания колонизаторов власть в Пенджабе будет передана сыну создателя пенджабского государства Ранджит Сингха — Далип Сингху.

Начальник Зеравшанского округа Н. А. Иванов, который вел переговоры с Гуру Чарн Сингхом, особо отметил «знаменательный факт обращения к нам части населения английской Индии с просьбой избавить их от чужеземного ига. В речах Гуру Чарн Сингха проглядывает такая уверенность в мощи России, звучит такая вера в то, что нам именно свыше суждено освободить индийский народ от ненавистного ему подчинения Англии, что нельзя сомневаться в силе нашего нравственного значения в среде индийского населения английской Индии»⁹⁰. Но царское правительство снова уклонилось от каких бы то ни было решительных шагов или политических жестов. По распоряжению генерал-губернатора К. П. Кауфмана, согласованному, естественно, с высшими правительственными инстанциями, Гуру Чарн Сингху был передан ответ, составленный в дружественных тонах, но ни к чему не обязывавший обе стороны. «Пророчества Гуру Говинд Сингха и Гуру Баба Нанак при-

⁸⁹ См. Н. А. Халфич, *Посольство Баба-Рам-Сингха в Туркестан в 1879 году (из истории русско-индийских отношений в XIX веке)*, — «Советское востоковедение», 1957, № 2, стр. 153—158. Цитируемый документ см.: ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 462, л. 89,

⁹⁰ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 462, лл. 110—111.

няты к сведению, — заканчивался он. — Все будет по воле божией. Когда час настанет, пророки знают»⁹¹.

Таким образом, и эта наивная попытка индийских борцов против английского господства добиться поддержки России не увенчалась успехом. Не стремясь к походу на Индию, царское правительство готовилось к движению в Ахал-Текинский оазис и в течение весны и лета 1879 г. накапливало для этого войска. Во второй половине августа их передовой отряд во главе с генерал-майором Ломакиным выступил из Чата. Он перевалил хребет Копет-Даг и, не встретив сопротивления, занял Кизыл-Арват, Бами, Беурме и Арчман на пути к Геок-Тепе. Некоторые из этих селений были покинуты жителями, во всяком случае они выглядели более пустынными, чем ранее.

В Геок-Тепе сосредоточивалось туркменское ополчение для оказания отпора наступающим войскам. Прибывшие из Ахал-Текинского оазиса в Хиву с караваном торговцы рассказывали, что среди ахалтекинцев сложились три группы: «богатые кочевники уклонились от удара со своими стадами в пески и персидские владения; земледельцы предпочли остаться на месте, не оказывая сопротивления, и только очень немногие решили, собравшись в скопище, препятствовать движению отряда»⁹².

28—29 августа Ломакин попытался овладеть Геок-Тепе, близ которого текинцы старались создать сильное укрепление — Денгли-Тепе⁹³. Несмотря на большое техническое превосходство, на тяжелые потери туркменских патриотов от артиллерийского огня и гибель некоторых вождей — Берды Мурад-хана, Кара-Батыра и др., царские войска не смогли преодолеть героическое сопротивление текинских воинов и потерпели самую серьезную неудачу за весь период «туркестанских походов». Потеряв около 200 солдат и офицеров убитыми и 250 ранеными (по неполным, видимо, данным Ломакина), они были вынуждены отступить. Ломакин делал хорошую мину при плохой игре. Он ссылаясь на то, что целью наступления была всего лишь рекогносцировка, что неприят-

⁹¹ Там же, л. 70.

⁹² «Присоединение Туркмении к России...», стр. 435. Рапорт и. д. туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковского — генерал-губернатору К. П. Кауфману (август 1879 г.).

⁹³ Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении...*, т. I, стр. 145—146.

лю «внушен страх», а «благоприятные результаты настоящего движения не подлежат сомнению», что подготовлена почва для успеха в дальнейшем⁹⁴, но в Тифлисе и Петербурге весьма болезненно отнеслись к событию.

Кавказский наместник в смятении телеграфировал царю: «Обратное движение ахал-текинского отряда я представить не в состоянии»⁹⁵. Провал экспедиции был особенно чувствительным для царских властей, поскольку их британским конкурентам удалось на первоначальном этапе добиться существенных удач в развязанной ими агрессивной войне в Афганистане. 21 сентября 1879 г. Д. А. Милютин тревожно записал в свой дневник: «неудача наша поднимет дух противника, уронит наш престиж в крае и будет радостью для наших европейских врагов»⁹⁶. Через несколько дней, 2 октября, он вернулся к этому же вопросу, отметив, что поход Ломакина окончательно провалился, и с горечью подчеркнул: «Счастливее нас англичане: все невзгоды для них обращаются в выгоду. Есть известия уже о вступлении английских войск в Кабул»⁹⁷.

В Главном штабе господствовали опасения, что успехи Британской империи приведут к подрыву позиций царского правительства на всем Среднем Востоке и в Средней Азии. «События, ныне происходящие в Средней Азии, имеют огромное политическое значение для России. — гласила докладная записка начальника Главного штаба Ф. Л. Гейдена и начальника Азиатской части этого штаба Л. Н. Соболева. — Англичане во что бы то ни стало желают подчинить своему непосредственному влиянию весь Афганистан, а более смелые политики простирают свои виды еще далее: им мало Герата и Северного Афганистана, они хотят подчинить Персию исключительно влиянию Англии, а Мерв и всех по возмож-

⁹⁴ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 454. Рапорт главнокомандующему Кавказской армией от 15 сентября 1879 г.

⁹⁵ Там же. стр. 457. Телеграмма от 28 сентября 1879 г.

⁹⁶ «Дневник Д. А. Милютина...», т. 3, 1878—1880, М., 1950, стр. 156.

⁹⁷ Там же, стр. 168. Эта «зависть» была необоснованной, ибо восставшие афганские патриоты еще 3 сентября 1879 г. нанесли ряд сокрушительных ударов по захватчикам, поставив их на грань катастрофы, напоминавшей неудачную для Англии войну 1838—1842 гг. с Афганистаном (см. об этом: Н. А. Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане*, М., 1959).

ности текинцев отдать в ведение Персии»⁹⁸ Даже Александр II, обычно мало вникавший в детали и конкретные обстоятельства среднеазиатской политики, на этот раз сделал попытку проанализировать причины неуспеха ахал-текинской экспедиции и ее значение. Хранящаяся в архиве участника «туркестанских походов» Н. И. Гродекова записка «К руководству» содержит утверждения, что царь предостерегал против недооценки «среднеазиатского неприятеля», говорил о необходимости подготовки нового похода в оазис; он выражал острое беспокойство в связи с попытками Англии отторгнуть Герат от Афганистана и передать его Персии, чтобы «властвовать в нем, поставив во главе персидского гарнизона своих офицеров. Если бы англичанам, — пересказывались в записке слова Александра II, — удалось в той или другой форме утвердиться в Герате, то это было бы для нас „слишком печально“»⁹⁹.

Даже если отвлечься от фактов, прямо свидетельствующих об экспансионистских стремлениях Британской империи в отношении Средней Азии, приходится констатировать, что в самых высокопоставленных кругах Российской империи исключительно болезненно и серьезно расценивали возможность такой агрессии, придавая ей не меньшее значение с точки зрения интересов России, чем это делали английские правящие круги, с несравненно меньшим основанием кричавшие на весь белый свет о «русской угрозе» Индии.

Острота обстановки определялась, однако, вовсе не теоретическими рассуждениями. Как раз в это время британский посол в Тегеране Томсон начал переговоры с шахским правительством о передаче Ирану Гератского оазиса в обмен на усиление в Иране влияния Британской империи¹⁰⁰. В случае успеха этой комбинации позиции России на Среднем Востоке были бы существенно подорваны. Стремление помешать этому стимулировало подготовку царских властей к новому наступлению на текинские племена.

⁹⁸ ЦГВИА, Главный штаб, Азиатская часть, ф. 400, д. 43 за 1880 г., л. 1. Записка от 27 марта 1880 г.

⁹⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 307, «Н. И. Гродеков», д. 25, л. 1.

¹⁰⁰ См. об этом: Н. А. Халфин, *Английская колониальная политика...*, стр. 111—116, а также D. K. Ghose, *England and Afghanistan...*, pp. 77—101.

31 января 1880 г. под председательством Ф. Л. Гейдена состоялось совещание высших военных чинов Российской империи. Оно было посвящено планам дальнейших операций в Ахал-Теке, разработанным Кавказским наместничеством. Необходимость таких мер мотивировалась экспансионистскими действиями Англии в Афганистане, ее стремлением захватить эту страну, включая прилегающий к Туркмении Гератский оазис¹⁰¹. Закрывая глаза на то, что основной причиной фактического поражения «непобедимых» войск его императорского величества в Ахал-Теке было героическое сопротивление местного населения, царские стратеги объясняли свою неудачу второстепенными причинами, в частности климатическими и дорожно-транспортными трудностями¹⁰².

Вопросы «закаспийской» политики продолжали находиться в центре внимания военного министерства и через 10 дней, 11—12 февраля, были снова подвергнуты рассмотрению при участии Д. А. Милютина. Вразрез с общим мнением Ф. Л. Гейден заявил о «невыгоде и бесплодности» каких-либо действий в Туркмении и предложил не только ничего там не предпринимать, но «даже совсем очистить Закаспийский край». Дорогостоящим «экспедициям в безводные пустыни» Гейден противопоставлял прокладку железной дороги из Оренбурга в Ташкент, считая это более целесообразным средством как «для противодействия проискам Великобритании», так и для торгово-промышленного развития Средней Азии¹⁰³.

Предложения начальника Главного штаба были отвергнуты его коллегами, которые доказывали, что «всякий шаг назад в Азии был бы гибельным, что даже остановиться нельзя без больших опасений в будущем ввиду предприимчивости и наступательной политики Англии».

---

¹⁰¹ Д. А. Милютин особо отмечал «невыгоды, которые могут нанести нам новые, ненасытные и ничем не стесняемые захваты англичан» («Дневник Д. А. Милютина...», т. 3, стр. 198); он высказывал опасения, что британские власти «очень хитро стараются втянуть персиян в сферу своих помыслов, явно направленных против нас» (там же, стр. 202).

¹⁰² ГИМ, ф. 307, д. 25, лл. 5—7. Докладная записка Гейдена — Милютину от 10 февраля 1880 г.

¹⁰³ ЦГВИА, ВУА, д. 6862, ч. 1, лл. 105—106.

В конечном итоге было решено на первых порах закрепить на линии Чат — Кизыл-Арват и обеспечить соединение последнего пункта железнодорожной линией с Красноводском¹⁰⁴. Командующим войсками в Закаспийском крае был назначен М. Д. Скобелев.

На новых обсуждениях закаспийских проблем 25 и 27 февраля присутствовали Александр II, наследник престола — будущий царь Александр III, Д. А. Милютин, Н. К. Гирс, все чаще заменявший престарелого канцлера А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел, советник дипломатического ведомства А. Г. Жomini, Ф. Л. Гейден, Н. Н. Обручев, вскоре ставший начальником Главного штаба, министр финансов Грейг и М. Д. Скобелев. За исключением Гейдена и Грейга¹⁰⁵, возражавших против активных операций в Туркмении, все присутствовавшие сочли необходимым предпринять «серьезные меры в Азии ввиду агрессивной политики англичан», как подчеркнул Милютин¹⁰⁶. Результатом всех этих обсуждений был доклад военного министра царю о походе в Ахал-Теке, утвержденный Александром II 1 марта 1880 г. Необходимость экспедиции Милютин мотивировал «систематическим» осуществлением Англией «наступательной против нас политики, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами, усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно угрожает и Каспийской области»¹⁰⁷.

Между тем новый командующий войсками Закаспийского военного отдела М. Д. Скобелев развил энергичную подготовку к новому наступлению. Он принадлежал к числу наиболее воинственно настроенных деятелей Российской империи, искавших «подвигов и славы» в своем понимании, предпочитая кровавые битвы мирным переговорам. Акад. М. Н. Тихомиров совершенно справедливо отмечает стремление Скобелева к полному военному разгрому текинцев, выдвигавшиеся им шовинистические

¹⁰⁴ «Дневник Д. А. Милютина...», т. 3, стр. 217—218.

¹⁰⁵ Министр финансов считал, что завоевание Туркмении еще более ухудшит и без того напряженное экономическое и политическое положение России (ЦГВИА. ВУА. д. 6862, ч. 1, л. 231).

¹⁰⁶ «Дневник Д. А. Милютина...», т. 3, стр. 224—226.

¹⁰⁷ ЦГВИА. ВУА. д. 6862. ч. 2, л. 3.

лозунги, провокационность требований, предъявленных населению Ахал-Текинского оазиса¹⁰⁸. Скобелев подверг разорению обширные районы Туркмении, чем сам открыто бахвалился¹⁰⁹.

Естественно, что такие действия усиливали враждебность местного населения к царским войскам. Этим умело пользовались агенты Британской империи, заинтересованной в том, чтобы Россия столкнулась с большими трудностями; обещаниями английской военной помощи они старались втянуть туркменов в длительную и кровопролитную борьбу. Феодалы и знать и фанатичное мусульманское духовенство вели подстрекательскую агитацию среди народных масс.

Текинцы готовились к обороне. В апреле 1880 г., после смерти Нурберды-хана, руководство над ними принял его сын Махтумкули-хан, пользовавшийся меньшим влиянием, чем отец, а также Тыкма-сардар и другие племенные вожди. Нехватка огнестрельного оружия, особенно отсутствие артиллерии, ослабляла возможности сопротивления туркменов несравненно лучше оснащенным и обученным войскам Российской империи. Несмотря на это, текинцы на протяжении всей второй половины 1880 г. совершали набеги на постепенно продвигавшиеся к Геок-Тепе скобелевские отряды. Остановить это наступление им, однако, не удалось. 23 декабря 1880 г. царская армия начала осаду геок-тепинских укреплений. Неоднократные героические вылазки, которые предпринимали осажденные, не могли существенно повлиять на ход событий. Используя артиллерию, Скобелев методически подавлял сопротивление. Под прикрытием огня пушек саперы вели подрывные работы у стен Геок-Тепе. Ожесточенная борьба продолжалась в течение трех недель. 12 января 1881 г., после взрыва мины под стеной крепости, был предпринят общий штурм, во время которого обе стороны понесли большие потери. В конце концов текинцы были вынуждены капитулировать.

Через неделю вслед за падением Геок-Тепе, 18 января 1881 г., царские войска беспрепятственно овладели крупным текинским селением — Ашхабадом. Официаль-

---

¹⁰⁸ М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 46.

¹⁰⁹ См., напр., его телеграмму российскому посланнику в Иране от 20 июня 1880 г. («Присоединение Туркмении к России...», стр. 478).

ный Петербург ликовал. Скобелев был произведен в генералы от инфантерии и получил орден Георгия 2-й степени. В царском дворце был назначен «большой выход с благодарственным молебствием». Милютин отметил, что овладение Геок-Тепе «несомненно поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии»¹¹⁰. Это было тем более важно, что на сей раз в роли неудачников оказались английские захватчики, потерпевшие ряд поражений в Афганистане и Южной Африке.

С завершением военных действий и постепенным возвращением в свои дома бежавших в пустыню жителей, в мае 1881 г. Ахал-Текинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область. Административным центром области стал Ашхабад. Желая ослабить впечатление от учиненного в Геок-Тепе побоища, царские власти объявили о «прощении» туркменских патриотов, сражавшихся в оазисе. Особое внимание было уделено привлечению на сторону Российской империи феодальной знати. Некоторые представители племенной верхушки получили звания офицеров местной «милиции». Пятеро из них во главе с перешедшим на сторону России вслед за капитуляцией Геок-Тепе Тыкма-сардаром прибыли в Петербург в качестве делегации туркменских старшин и были приняты царем и военным министром.

С образованием Закаспийской области лишь племена восточной Туркмении продолжали сохранять самостоятельность. Это были в основном жители Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов. Их положение представлялось крайне сложным. На селения Каахка, Душак и Серахс, прикрывавшие подступы к Теджену, предъявлял необоснованные требования Иран. Шахский наместник в Хорасане Алайр-хан систематически организовывал набеги на туркменские аулы. Чтобы заставить местное население подчиниться, иранские власти разрушали ирригационные сооружения, отводили воду с полей туркменов. В Ашхабад прибывали делегации жителей этого района, просившие защиты против произвола и насилий. Острота обстановки до некоторой степени была ослаблена в результате подписания 9 декабря 1881 г. русско-

¹¹⁰ «Дневник Д. А. Милютина...», т. 4. 1950, стр. 17.

персидской пограничной конвенции и добровольного присоединения Душака и Каахки к владениям Российской империи. Последнее обстоятельство играло для царских властей тем большую роль, что облегчало доступ в важную область Туркмении — Мервский оазис. Теперь один лишь Мерв отделял вошедшие в состав России территории от Бухарского ханства, вассала Петербурга.

Но это был Мерв! Мерв, привлекавший огромное внимание британских правящих кругов; пункт, значению которого влиятельный английский публицист и глашатай наступательной политики Чарльз Марвин посвятил специальную книгу под характерным названием: «Мерв — царица мира»! Для иллюстрации болезненного, нервного внимания влиятельных кругов Британской империи к Мервскому оазису в прессе 70—80-х годов XIX в. существовал даже особый шуточный термин — «мервозность». Выступая с многочисленными заявлениями по поводу того, что Мерв — «ключ к Индии», британские политики настойчиво старались подчинить его своему влиянию — непосредственно или косвенно, через Афганистан. Стоит отметить, что еще в апреле 1878 г., когда английские войска только готовились к вторжению в Афганистан, вице-король Индии Литтон в письме статс-секретарю по делам Индии Крэнбруку выдвигал план расчленения Афганистана и «создания западноафганского ханства, включающего Мерв, Меймене, Балх, Кандагар и Герат, под властью какого-нибудь выбранного нами правителя, который бы зависел от нашей поддержки»¹¹¹.

Прямой или косвенный захват Мерва представлялся Лондону тем более желательным и возможным, что, несмотря на ряд поражений, которые понесли английские войска во второй англо-афганской войне 1878—1880 гг., колонизаторам удалось ограничить независимость Афганистана и поставить его внешнюю политику под свой контроль. Используя данное обстоятельство, Британская империя под предлогом защиты афганских интересов стремилась утвердить свое влияние в различных районах Средней Азии, прежде всего в Туркмении и на Памире.

Цитированные выше документы вице-короля Индии Литтона и британского посла в Тегеране Томсона свидетельствуют, что в Англии разрабатывались конкрет-

¹¹¹ B. Balfour, *The history...*, p. 247.

ные, практические планы овладения Мервским оазисом. Подобная перспектива была весьма заманчивой. Захват Мерва позволил бы британским колонизаторам глубоко вклиниться в пределы Средней Азии, вести активную подрывную деятельность на флангах своего соперника — России — и усилить интриги и провокации в Бухарском и Хивинском ханствах, о которых периодически доходили известия до Ташкента и Петербурга.

На протяжении ряда лет «проблема Мерва» была ведущей темой многих английских газет и журналов. Инспирируемая правительством пресса всячески подчеркивала его роль для «защиты Индии», которой никто не угрожал, кроме британских колониальных хищников, превративших эту страну в объект разнузданного грабежа и насилия. Ссылаясь на требования «общественного мнения», английское правительство утверждало о своей «крайней заинтересованности» в «надлежащем решении» вопроса о Мерве.

Острота всей проблемы ставила царские власти перед необходимостью действовать с особой осторожностью, чтобы не дать Англии повод для активного вмешательства в туркменские дела. Тем более что в Мерве уже орудовали британские эмиссары. Один из них в отличие от своих коллег, ранее побывавших в Туркмении или на ее границах, был «штатским» — корреспондентом лондонской газеты «Дейли ньюс», по фамилии О'Донован.

После падения кабинета Биконсфильда и формирования Гладстоном правительства либералов в 1880 г. «Дейли ньюс», являвшаяся органом этой партии, стала важным центром шовинистической пропаганды. О'Донован, проникший в отряд генерала Лазарева, который готовился к походу на Геок-Тепе, был оттуда «выдворен»¹¹². В начале 1881 г. он через иранскую территорию пробрался в Мерв, где, как сообщал начальник Закаспийского отдела Рерберг, «возбуждает жителей против русских и обещает покровительство Англии и пособие оружием и деньгами»¹¹³. Чтобы привлечь к Британской империи симпатии феодальной верхушки и мусульман-

¹¹² ЦГВИА, Главный штаб, ВУК, ф. 401, д. 31-а за 1880 г., лл. 22—23. Донесение военного агента в Англии генерал-майора Горлова от 15 мая 1880 г.

¹¹³ ЦГВИА, Главный штаб, Азиатская часть, ф. 400, д. 35 за 1881 г., лл. 9—10. Телеграмма Рерберга от 12 июля 1881 г.

ского духовенства, он пытался играть на религиозных чувствах населения и заверял, что англичане «действуют с согласия турецкого султана»¹¹⁴.

Некоторое представление о провокационной деятельности этого британского агента дает рапорт начальника штаба войск Закаспийской области Аминова: «В Мерве О'Донован выдавал себя за лицо, уполномоченное английским правительством, обещая мервцам от имени этого правительства поддержку деньгами, оружием и даже войсками против русских. Кроме того, О'Донован обещал выписать для исправления оружия мерв-текинцев английских оружейных мастеров». По свидетельству прибывавших из Мерва в Закаспийскую область туркменоз, О'Донован «ежедневно в излишестве предавался употреблению спиртных напитков»¹¹⁵, что отнюдь не способствовало укреплению его авторитета. Разгульный образ жизни, который вел британский «полномочный представитель», привел к тому, что он многим задолжал в Мерве и в конечном итоге был посажен туркменами под стражу. Редактор «Дейли ньюс» оказался перед необходимостью обратиться к русскому послу с просьбой о содействии в вызволении своего незадачливого корреспондента¹¹⁶. В конечном счете О'Донован был под конвоем туркменских всадников доставлен в Мешхед, чтобы там с помощью английского консульского агента вернуть свои долги. Очевидцы рассказывали, что «в минуту отъезда О'Донован был в сильно возбужденном состоянии, махал саблей и угрожал возвратиться в Мерв во главе английского войска»¹¹⁷.

Возможно, не стоило бы уделять столько внимания действиям этого проходимца, если бы не следующее обстоятельство. Вскоре после изгнания О'Донована из Мерва «Дейли ньюс» напечатала его телеграмму из Стамбула, торжественно возвещавшую, что ее корреспондент везет новую карту и различные материалы об оази-

---

¹¹⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 6938, л. 38. Донесение начальника Катта-Курганского отдела начальнику Зеравшанского округа от 25 июля 1881 г.

¹¹⁵ ЦГВИА, Главный штаб, Азиатская часть, ф. 400, д. 35 за 1881 г., л. 19. Рапорт от 19 января 1882 г.

¹¹⁶ Там же, лл. 2—3. Телеграмма посла России в Лондоне Лобанова-Ростовского в министерство иностранных дел от 1 июля 1881 г.

¹¹⁷ Там же, л. 21. Рапорт Аминова от 1 января 1882 г.

се, а главное — будто мервское население поручило ему «принять на себя роль посланника к европейским державам»¹¹⁸, защитника интересов Мерва!

Некоторым лондонским политикам это сообщение пришлось по душе с точки зрения использования «документов О'Донована» для вмешательства в дела Мерва. Оно, впрочем, оказалось блефом. Попавший в плен к мервским туркменам и сдружившийся с ними русский канонир Кидяев свидетельствовал, что весной 1881 г. туда прибыл англичанин, который «склоняет текинцев установить с Англией дружественные отношения, но предложение его отвергнуто, а самого его задержали, так что он просидел в Мерве 6 месяцев и, уплатив за себя рублей 500, откупился и уехал в Мешхед»¹¹⁹. Таким образом, пропойца О'Донован не выполнил заданий своих хозяев, искавших предлогов для активизации их туркменской политики. К тому же в результате предпринятых русским командованием шагов создались предпосылки для мирного присоединения Мервского оазиса.

9 декабря 1881 г., как отмечалось, в Тегеране была подписана русско-иранская конвенция о разграничении к востоку от Каспийского моря. Заключенная в сложной и напряженной обстановке, эта конвенция способствовала укреплению фланговых позиций войск Российской империи. Необоснованные притязания иранских властей на туркменские земли, подогреваемые Англией, усиливали нервность Петербурга в его действиях в этом районе. Этим в свою очередь пользовались агрессивно настроенные царские генералы. Правда, конвенция не касалась Мервского оазиса, население которого хорасанский правитель периодически призывал принять иранское подданство, но все же урегулирование вопроса о границе Ирана с Россией облегчало более спокойный подход к проблемам туркменской политики, а пристальное внимание британского правительства и его представителей в Дели к Мерву подчеркивало необходимость соблюдения особой осторожности в отношениях с его населением. Поэтому на берегах Невы отвергли советы «знатока» Туркмении М. Д. Скобелева, который писал: «Вопрос о мирном подчинении Мерва нашей власти есть вопрос из

¹¹⁸ «Daily news», 26 XI.1881.

¹¹⁹ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 611.

области хороших, но праздных мечтаний... С Мервом можно вести переговоры только посредством пушек»¹²⁰. В противовес генералу, жаждавшему боевых лавров сомнительного свойства, министерство иностранных дел полному определяло ситуацию. «Наши интересы, — гласил подготовленный дипломатическим ведомством документ, — настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержания там партии мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие. Это представляет для нас весьма серьезную опасность, а потому вся цель наших будущих сношений к Мерву (так в документе. — Н. Х.) должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии»¹²¹.

Одним из важных шагов для развития торговых отношений с Мервом, которые должны были по замыслу царских властей подготовить условия и для политических связей, послужило прибытие в этот пункт в феврале 1882 г. каравана с товарами фирмы Н. Н. Коншина. Инициатива его посылки принадлежала правительству. С караваном следовал приказчик фирмы Северьян Косых. Хотя коммерческий эффект этой операции был незначителен, она способствовала развитию дальнейших сношений с туркменами Мерва. При караване находился переодетый торговцем офицер русской армии М. Алиханов. Он осмотрел местную крепость, вел длительные беседы с посещавшими его «кетхудами и аксакалами». Все это дало возможность царским властям более детально ознакомиться с настроениями мервцев.

Среди туркмен оазиса не было единства с точки зрения политической ориентации. Некоторые ханы и старшины во главе с Махтумкули-ханом склонны были устанавливать дружественные отношения с Россией, другие возражали против этого, стремясь к созданию независимого Мервского ханства. Стремление к сближению с Россией получило особенное распространение среди трудовых низов оазиса, заинтересованных в прекращении феодальных свар, раздоров и грабительских набегов. Некоторые

---

¹²⁰ «Россия и Туркмения в XIX веке...», стр. 198—199. Письмо М. Д. Скобелева военному министру от 9 ноября 1881 г.

¹²¹ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 547.

из туркменских тружеников даже покидали Мерв, переезжая в занятые Россией земли. Так, инженер П. Лессар, который провел в Средней Азии много лет на различных административных и дипломатических постах, посетив туркменские земли, писал: «В Атек и на Теджен переходят из Мерва люди бедные, примирившиеся с идеей о необходимости труда, все благосостояние которых зависит от спокойного состояния края и водворения в нем порядка и законности»¹²².

Сторонники Махтумкули-хана выдвигали существенный довод о необходимости объединения Мерва с другими туркменскими землями, уже вошедшими в состав России, в особенности с Ахал-Теке. Не случайно вскоре после утверждения над Ахал-Текинским оазисом господства Российской империи при поддержке царских властей к мервцам направилось несколько делегаций ахальцев. Они возвращались в Ашхабад с представителями Мерва, которые вели переговоры с начальником Закаспийской области Рербергом и даже заключили с ним несколько соглашений. Одно из них, подписанное 16 ноября 1881 г. группой «уполномоченных от живущих в Мерве теке-туркмен обществ»: Халлы-ханом Коушут-хан-оглы, Анна Мухаммед-ханом Беркели-хан-оглы, Чары-ханом Котур Мираб-оглы и др., содержало обязательство не воевать против России и «во всем слушаться приказаний и советов русских начальников, поставленных над туркменскими народами». Представители Мерва обещали также не допускать в оазис «агентов от других правительств», кроме русского.

В обмен на эти и другие обязательства царские власти заявляли, что будут покровительствовать мервским туркменам, и заверяли, что не будут облагать их податями, назначать «особых русских начальников» и «нарушать религию, обычаи и порядки управления» в Мерве¹²³.

Однако из-за царившего в оазисе соперничества различных ханов, старшин и вождей отдельных родов достигнутая договоренность фактически не приобрела реального значения. В то же время на Мерв продолжали

---

¹²² Там же, стр. 661. Донесение П. Лессара начальнику Закаспийской области от 18 декабря 1882 г.

¹²³ Там же, стр. 597—599.

предъявлять притязания персидские власти, агенты которых вели переговоры с некоторыми влиятельными лицами. Определенную активность проявляли представители Афганистана и даже Хивинского ханства¹²⁴.

Петербург в свою очередь рассматривал «мервскую проблему» как дело большой государственной важности. Она обсуждалась на двух «особых совещаниях», состоявшихся в июне — июле 1882 г. Их участники — министр иностранных дел И. Гирс, министр финансов Н. Бунге, начальник Главного штаба Н. Обручев и посланник в Иране И. Зиновьев — очень четко определили сущность вопроса: развитие связей с Мервом определялось ими как единственное средство «для мирного разрешения весьма серьезной и сложной задачи: связать Туркестанский край наш с Закаспийской областью».

Они подчеркивали, что от успешного решения этой проблемы зависит «будущее преуспеяние» всего края. Поскольку Мерв, указывалось в протоколе совещания, представляет собой «единственную серьезную преграду на пути между среднеазиатскими владениями нашими и Каспийским морем», укрепление в нем влияния России «мирными средствами если не навсегда, то во всяком случае надолго отстранит необходимость военной экспедиции в Мургабский оазис, экспедиции, которая потребует от нас огромных жертв»¹²⁵. На втором совещании было подтверждено, что «усилия» России должны быть направлены преимущественно «к развитию мирных торговых отношений с населенными, обитающими между Аму-Дарьей и Каспийским морем»¹²⁶.

Реализации этих «усилий» препятствовало царившее в Мерве безначалие, стремление феодальной знати к личному обогащению за счет грабительских набегов (аламанов). Именно среди родо-племенной верхушки и находились основные противники расширения связей с Россией. Акад. М. Н. Тихомиров обнаружил в архивах Ашхабада чрезвычайно любопытный документ, характе-

¹²⁴ См. об этом более подробно: М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 94—111.

¹²⁵ «Присоединение Туркмени к России...», стр. 639. Протокол «особого совещания» от 24 июня 1882 г.

¹²⁶ Там же, стр. 649. Протокол «особого совещания» от 17 июля 1882 г.

ризующий данное обстоятельство. Старшина из сел. Ка-
ахка сообщал в январе 1883 г.: «Хотя в Мерве бедный
класс народа и бай, занимающиеся лишь хозяйством
и скотоводством, не желают быть во враждебных отно-
шениях с русскими, кетхуды как должностные лица,
управляющие разными обществами, и аламанщики,
предпочитающие ремеслу разбойничество, думают быть
во вражде с русскими»¹²⁷.

Развитие событий в оазисе продолжало чрезвычайно
беспокоить царских чиновников и военных, тем более
что Мерв продолжал находиться в сфере пристального
внимания британских правящих кругов. В конце 1881 г.
русско-иранскую пограничную полосу посетил секретарь
английского посольства в Тегеране Стивен, побывав-
ший и в Ашхабаде. Иранские города Мешхед и Хаф
были превращены в опорные пункты подрывной дея-
тельности в Туркмении. Ее организаторами были англи-
чанин Стюарт и британский агент в Мешхеде Мирза
Аббас-хан, который призывал своих подручных «скло-
нить туркмен на сторону Англии»¹²⁸. Почти одновре-
менно с визитом Стивена в Ашхабад, оттуда был выслан
в Иран подданный этой страны Мирза Ибрагим, ули-
ченный в отправке Аббас-хану шпионских сведений¹²⁹.

Снова «мервская тема», как и некоторые другие воп-
росы политики в Средней Азии, послужила предметом
обсуждения государственных деятелей царской России,
собравшихся 25 августа 1883 г. еще на одно «Особое
совещание». К Гирсу, Обручеву и Зиновьеву примкнули
на этот раз управляющий морским министерством Ше-
стаков, генерал-губернаторы Степного края и Турке-
стана Г. А. Колпаковский и М. Г. Черняев, начальник
Закаспийской области А. В. Комаров, сменивший Рер-
берга, и генерал-майор Генерального штаба А. Н. Ку-
ропаткин.

Вновь в протоколе совещания появились сетования на
отсутствие в Мерве «прочной организованной власти»,
в результате чего «ханы каждого из четырех главных
отделений, составляющих население оазиса, не могут
быть ответственными за своих своевольных единомыш-

¹²⁷ М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 136.

¹²⁸ ЦГВИА, Главный штаб, Азиатская часть, д. 45, за 1884 г.,
л. 106—107.

¹²⁹ «Присоединение Туркмении к России...», стр. 601.

ленников». Совещание отвергло планы туркестанского генерал-губернатора, предлагавшего «оказывать влияние» на Мерв через хивинского хана и его представителей в этом оазисе. Генерал Комаров заявил о нецелесообразности предполагавшегося занятия русскими войсками укрепления на пути к Мерву, отметив, что намеченное на 1884 г. сосредоточение в Ашхабаде стрелковой бригады «произведет на мервцев известное (достаточное. — Н. Х.) впечатление и будет содействовать усилению нашего влияния на это население»¹³⁰.

Впрочем на мервцев уже оказало «известное впечатление» продвижение на Теджен тысячного отряда царских войск. Выступив из Ахал-Теке в ноябре 1883 г., этот отряд, которым командовал А. Муратов, в начале декабря вступил в Тедженский оазис, последний населенный район по пути в Мерв, на расстоянии 120 км от него. Муратову было поручено отправить к мервцам переводчика в сопровождении небольшого числа всадников с требованием прекратить набеги. Туда поехал кавказский горец штабс-капитан Алиханов, мусульманин по вероисповеданию. С ним был и Махтумкули-хан.

По дороге они были встречены представителями четырех основных туркменских родов, населявших оазис, — векиль, бахши, сычмаз и беки. В Мерве Алиханов и Махтумкули-хан начали переговоры с влиятельными лицами оазиса, в том числе с ханом рода беки Кара-Кули-ханом, считавшимся упорным противником укрепления связей с Россией. Большую роль в ходе этих переговоров сыграла вдова Нур-Вердыхана и мачеха Махтумкули-хана — Гюль-Джамаль. Она пользовалась огромным авторитетом в различных кругах населения Мерва; активная деятельность по развитию среди туркмен Мерва «русской ориентации» сближает ее с «алайской царицей» — Курбанджан-датхо. Гюль-Джамаль была одним из инициаторов созыва своеобразного «собрания народных представителей» — генгеша, или маслахата, для решения вопроса о дальнейшей судьбе Мервского оазиса; она же взяла на себя все расходы по проведению этого собрания родовых старшин, на которое прибыло до тысячи человек.

---

¹³⁰ М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 674, 681. Протокол «особого совещания».

Маслахат был открыт 1 января 1884 г. Перед ним выступил Алиханов, который потребовал прекращения набегов и работорговли, гарантировал внимательное отношение царских властей к религиозным убеждениям туркменов. Затем он удалился, а собравшиеся старшины приступили к обсуждению общего положения Мерва. В результате обмена мнениями было принято решение о добровольном присоединении Мервского оазиса к России. От имени всех присутствовавших участвовавший в обсуждении Махтумкули-хан заявил, что «мервский народ безусловно принимает русское подданство... и для управления собой желает иметь русского начальника»¹³¹.

В тот же день это решение было оформлено в виде «всепоподданнейшего прошения» маслахата, с которым вместе с Алихановым отправились в Ашхабад к начальнику Закаспийской области «четыре туркменских хана»¹³².

О происшедшем было немедленно сообщено в Петербург. Чрезвычайное известие из Туркмении обсуждалось на новом «Особом совещании». Хотя царское правительство, несмотря на все заверения о нежелании «расширять пределы» Российской империи, безусловно стремилось к поглощению Мерва, но оно желало подчеркнуть свою якобы «незаинтересованность» в этом. Как сформулировано в одном из официальных изданий министерства иностранных дел Особое совещание «пришло к заключению, что отказ в ходатайстве мервцев был бы ложно истолкован ими и повлек бы еще большие беспорядки, которые вынудили бы русское правительство прибегнуть в непродолжительном времени к военной экспедиции»¹³³. Через 30 дней после маслахата, 31 января 1884 г., мервская делегация в торжественной обстановке дала в Ашхабаде «клятвенное обещание» в верности Российской империи. Одновременно с этим генерал Комаров подписал специальное объявление «ханам, старшинам и всему народу мервскому» о принятии его в российское подданство, по которому Мерву предоставлялось некоторое внутреннее самоуправление,

¹³¹ Цит. по кн.: М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, стр. 149.

¹³² «Присоединение Туркмении к России...», стр. 689.

¹³³ «Афганское разграничение...», ч. 1, стр. 22.

сохранялось «неприкосновенным» вероисповедание, за-
прещались аламаты и работоторговля.

В начале марта 1884 г. Мервский оазис, как и со-
седний Иолотанский, вошли в состав Российской импе-
рии.

Утверждение России в Мерве породило бурную
реакцию в Англии. Наиболее агрессивные круги призы-
вали к немедленной войне. Либеральное правительство
Гладстона, демагогически заверявшее Петербург в
дружбе, не менее демагогически продолжало выдавать
себя за защитников интересов Афганистана, якобы на-
рушенных изменением статуса Мерва. Оно стремилось
подчинить Британской империи населенную туркмен-
скими племенами сарыков и салоров долину среднего
течения р. Мургаб, и прежде всего — Пендинский оазис.
Предлогом для этого должно было послужить установ-
ление северо-западных границ Афганистана. Как отме-
чалось выше, в результате англо-русских переговоров
1869—1873 гг. было достигнуто соглашение о принятии
в качестве рубежа афганского государства Аму-Дарья
в ее верхнем и среднем течении. Но от пункта Ходжа-
Сале, где Аму-Дарья поворачивала на север, до р. Ге-
рируд, игравшей роль ирано-афганской границы, на
расстоянии примерно 450—500 км пограничная черта
не была официально установлена.

Высокопоставленные военно-политические круги Лон-
дона, как и британская военщина в Индии, настойчиво
старались превратить центр северо-западного Афгани-
стана — Герат в форпост, опорный пункт своей агрес-
сивной деятельности в Средней Азии. От имени афган-
ского эмира Абдуррахман-хана они предъявляли необос-
нованные притязания на туркменские земли.

В 1882 г. между Англией и Россией начались пере-
говоры об установлении северо-западных пределов Афга-
нистана. Эти переговоры получили практическое разви-
тие в 1884 г., когда в спорный район отправилась сме-
шанная разграничительная комиссия. Ее английскую
часть возглавил генерал Лэмсен, русскую — генерал
Зеленой.

«Дипломатическую» миссию Лэмсена сопровождал
вооруженный конвой численностью до 5 тыс. человек.
Еще до начала переговоров англичане объехали многие
города и селения Северного Афганистана. За ширмой

изучения направления афганской границы они исследовали переправы через Аму-Дарью¹³⁴, осматривали местные укрепления, вели политическую пропаганду. Лэмсен раздавал деньги и подарки феодалам и старшинам. По его настоянию в район Кушки были стянуты афганские войска. Англичане хотели явочным порядком захватить Пендинский оазис, из-за которого велись дебаты в комиссии по разграничению, спровоцировать какую-нибудь стычку, конфликт, чтобы не допустить налаживания русско-афганских отношений и выступить в роли «благодетелей и защитников» Афганистана. В конечном итоге провокаторам удалось добиться своего: они вызвали столкновение с русскими отрядами, в ходе которого афганские войска, несмотря на свой численный перевес, были вынуждены покинуть занятый ими район и отступить.

Обгоняя отходивших афганцев, в паническом страхе бежали их британские «советники». Поведение британских офицеров в этом бою красочно описал Абдуррахман-хан: «Англичане бежали к Герату, не выждав ни одного момента... Английские войска и офицеры были до такой степени испуганы и нервозны, что бежали в диком замешательстве, не будучи в состоянии отличить друзей от врагов... некоторые английские офицеры были сброшены с лошадей во время бегства»¹³⁵.

Неудача в оазисе Пенде имела для Англии значительно большие последствия, чем этого можно было ожидать. Дело было не только в том, что британским империалистам не удалось отторгнуть у России важную в военно-стратегическом отношении территорию, но и в том, что, несмотря на все их усилия, столкновение в районе Кушки не получило дальнейшего развития. Этот конфликт вообще можно было избежать, если бы к нему не стремился кабинет Гладстона, на который, по справедливому утверждению современного индийского историка Д. К. Гхозы, «легла ответственность за этот вовсе не обязательный кризис»¹³⁶.

Правда, искусственно созданная «пендинская проб-

¹³⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 607. л. 112. Телеграмма туркестанского генерал-губернатора Розенбаха — министру иностранных дел Гирсу от 21 февраля (6 марта) 1885 г.

¹³⁵ «Автобиография Абдуррахман-хана...», т. I, стр. 328.

¹³⁶ D. K. Ghose, *England and Afghanistan...*, p. IX.

лема» послужила предлогом для раздувания в Англии воинственных настроений. Британская пресса и парламентарии единодушно заявляли, что только победоносная война с Россией может явиться удовлетворением и возместить урон, нанесенный престижу Британской империи в глазах народов Востока. Раздувая военный психоз, Гладстон требовал выделить 11 млн. ф. ст. на военные расходы.

Как отмечал В. И. Ленин, «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии»¹³⁷. Проводя обычную политику борьбы «чужими руками», английская буржуазия прилагала неимоверные усилия, чтобы возбудить в Афганистане вражду к России и втянуть его в войну против северного соседа. Но это было лишь частью значительно более обширного плана нанесения сокрушительного удара по России, который вынашивали военно-политические деятели Британской империи. Его автором был начальник штаба английских войск в Индии генерал Чарльз Мак-Грегор, известный нам по своим разведывательным поездкам в различные области Среднего Востока и на подступах к Средней Азии.

Разработанный в 1884 г. план Мак-Грегора носил дезориентирующее название «Оборона Индии». Ознакомление с этим сугубо секретным детальным документом, изданным генеральным штабом британской армии в Индии крайне ограниченным тиражом в правительственной типографии в Симле, свидетельствует, что английский генералитет думал не об обороне Индии, а о широких наступательных действиях против Российской империи на огромной территории. Настаивая на захватнической войне против России, агрессивные круги Британской империи фактически стремились свести ее к границам Московского княжества.

Стоит сослаться на предложенные Мак-Грегором методы, приемы и способы для достижения столь желанных для британской буржуазии целей: «1. Дипломатическое заигрывание с Россией. 2. Возобновление прерванного права обыска и уничтожение русской торговли. 3. Коалиция с Австрией, Германией, Турцией и пр. 4. Отправка комиссий для проведения северной и северо-

---

¹³⁷ В. И. Ленин, *О сепаратном мире*, стр. 186.

западной границы (Афганистан). 5. Передача в наше управление областей Вахан, Читрал и Ясин и организация племени сияхпушей. 8. Попытка привлечь на свою сторону Персию или по крайней мере парализовать содействие, оказываемое ей Россией. 9. Улучшение способов собирания сведений о русских передвижениях. 10. Немедленное сближение с Китаем. 11. Отправка эмиссаров для возбуждения беспорядков в ханствах (Средняя Азия) и среди туркменов. 12. Расчленение Русской империи посредством коалиции»¹³⁸.

Для нашей темы особенно интересны замыслы британской военщины относительно Средней Азии. Программа Мак-Грегора в данном случае гласила: «Приняв меры, что, я полагаю, в нашей власти, к поднятию восстания среди узбеков и туркмен, было бы возможно вытеснить русских из Средней Азии и отбросить их границу назад, по крайней мере до Аральского моря... Мы, может быть, не в состоянии будем для всех этих предприятий дать войска, но не следует забывать, что мы можем дать деньги, оружие и офицеров, чем и должны пользоваться в самых широких размерах»¹³⁹.

Как видим, на передний план выдвигается борьба чужой кровью — кровью узбеков и туркмен, казахов и таджиков — для увеличения прибылей британских капиталистов, укрепления их политических позиций. Английские агенты, в большом количестве появившиеся в те годы в туркменских оазисах, прилагали изрядные усилия, чтобы поставить на службу Британской империи местное население, предлагая ему «деньги, оружие, офицеров». План Мак-Грегора по существу отражал политику, уже проводившуюся в жизнь, и давал установки на будущее.

Отправка группы Лэмсдена в Афганистан была одним из шагов, предусмотренных британским правительством для втягивания эмира Абдуррахмана в борьбу против России. Об этом без обиняков писала английская пресса. Петербургское «Новое время» перепечатало заметку, опубликованную в одной из лондонских газет в начале апреля 1885 г. В ней говорилось, в частности: «Миссия сэра Питера Лэмсдена была с самого начала

---

¹³⁸ Мак-Грегор. *Оборона Индии*, ч. 1, вып. 43, стр. 207 и сл.

¹³⁹ Там же, ч. 2, вып. 54, стр. 114—115.

позорной интригой, придуманной и выдвинутой министром по делам Индии в Лондоне и секретариатом иностранных дел в Калькутте (т. е. при вице-короле Индии. — Н. Х.), чтобы спровоцировать русских демонстрацией военной силы и гигантской системой подкупа и коррупции».

В заметке подчеркивалось, что столкновение было вызвано исключительно действиями Лэмсдена и его подчиненных. «Если возникнет война, то ответственность за нее ляжет всецело на Англию, а не на Россию, — заключала газета. — Английский парламент не обсуждал вопроса о посылке миссии, и премьер-министр категорически отказался сообщить что-либо о ней»¹⁴⁰.

Британский министр иностранных дел лорд Розбери, беседуя в Лондоне с немецким посланником, многозначительно отметил, что война, которая может вспыхнуть между Англией и Россией, «не ограничится территорией Афганистана, а распространится на все доступные нам части России». Он намекал на то, что в ней «с радостью» примет участие турецкий султан, диверсионное выступление которого на русской границе «было бы для Англии очень желательным вытяжным пластырем»¹⁴¹.

Особенно настойчиво британское правительство стремилось втянуть в конфликт Афганистан. В той же беседе Розбери указал, что Англия немедленно откликнется на просьбу эмира о помощи. Между тем как раз этого добиться не удалось. Сообщение о конфликте застало Абдуррахман-хана в индийском г. Равалпинди, куда он был приглашен для встречи с вице-королем Даферином, который подарил ему 10 лакхов рупий (1 лакх равен 100 тыс.), 20 тыс. ружей, 3 артиллерийские батареи и различное военное снаряжение. Англия всячески старалась втянуть Афганистан в войну против России. Эмиру представляли искаженные и извращенные сведения о столкновении в районе Кушки, требовали его согласия на немедленный ввод в Афганистан британских войск. Но Абдуррахман-хан категорически отказался от каких-либо действий, которые могли привести к обострению отношений с Россией. Более того,

---

¹⁴⁰ Газ. «Новое время», 1885, № 3281.

¹⁴¹ «Die Große Politik...», S. 111—112. Цит. по кн.: Ф. Юлдашбаева, *Из истории английской колониальной политики...*, стр. 148.

к великой досаде вице-короля и его окружения, он заявил о полном отсутствии у Афганистана притязаний на спорные территории. Один из сотрудников Лэмсдена — полковник Риджуэй объяснял данное обстоятельство тем, что, по мнению Абдуррахман-хана, весь Пендинский оазис не стоил войны, а собиравшиеся там подати не окупали расходов на его управление ¹⁴².

Чрезвычайно интересно опубликованное в Афганистане описание переговоров в Равалпинди, где эмир Абдуррахман-хан заявил без всяких обиняков: «Афганский народ не питает доверия к вам... Необходимо сообщить членам вашей комиссии, чтобы они уступили России те части границ Афганистана, которые ныне являются предметом распри между нами и русскими. Я считаю необходимым поступить так потому, что земли и жилище туркмен-сарыков моими владениями, а они сами моими подданными в действительности никогда не были; и их делами я никогда не ведал... Та часть границы, которая теперь должна отойти к России, не принадлежит к территории Афганистана» ¹⁴³. Это свидетельство Абдуррахман-хана — человека, великолепно знавшего историю и географию своей страны ¹⁴⁴, которого никак нельзя заподозрить в отсутствии патриотизма, — начисто опровергает провокационные измышления английских поджигателей войны на Среднем Востоке.

Рапорт же британского разведчика Стюарта о Пендинском оазисе, который лежал в основе претензий британских правящих кругов на этот район, был фальсификацией. Изучавший этот документ в секретных архивах иностранного департамента правительства Британской империи в Индии Д. К. Гхоз обоснованно утверждает и доказывает, что заявления Стюарта расходятся с фактами ¹⁴⁵.

Попытки английского правительства толкнуть афганское государство на военный конфликт с Россией кончились крахом. Твердая позиция, занятая эмиром Аб-

¹⁴² Риджуэй, *Новая афганская граница...*, вып. XXIX, стр. 93.

¹⁴³ Мухаммед Неби-хан. *Государственные вопросы...*, стр. 4—5, 11—13.

¹⁴⁴ Находясь в изгнании в русском Туркестане, Абдуррахман-хан в 1870 г. написал для туркестанского генерал-губернатора «Историю Афганистана прошлых годов» (см. ЦГВИА, ВУА, д. 6821, лл. 72—86).

¹⁴⁵ D. K. Ghose, *England and Afghanistan...*, pp. 177—179.

Дуррахман-ханом, в немалой степени способствовала тому, что в сентябре 1885 г. была достигнута полная договоренность об определении направления северо-западной границы Афганистана и о его размежевании с туркменскими землями, вошедшими в состав Российской империи. Через два года, в 1887 г., был подписан окончательный протокол, по которому определялась русско-афганская граница от р. Герируд на западе до Аму-Дарьи на востоке.

Таким образом, в 80-х годах XIX в. с завершением присоединения Туркмении к России были окончательно определены рубежи последней в юго-западной части Средней Азии. Тогда на сцену выступила «памирская проблема» — последний сложный вопрос среднеазиатской политики Российской империи и англо-русских отношений в XIX в.

ГЛАВА VIII

ПАМИРСКИЙ ВОПРОС (1883—1895)

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. центр тяжести англо-русского соперничества в Средней Азии переместился на «крышу мира», как с давних времен именовали Памир.

Район Памира в политико-этнографическом отношении в последней трети XIX в. состоял из двух частей. Восточный Памир, населенный киргизами-кочевниками, общее число которых не было установлено¹, входил в состав Кокандского ханства. Им управляли ханские чиновники, снабженные особыми «ярлыками с печатями». Когда в середине 1892 г. правительству Российской империи понадобилось изучить положение жителей этого района, к ним был послан на правах «заведующего Памирским и Алтайским населением» подполковник Б. Л. Громбчевский, известный своими географическими исследованиями Кашгара, Памира и верховьев р. Инд².

Собранные Громбчевским в Мургабском урочище «старики и почетные представители от всех киргизских родов» перечислили беков, которых присылал Коканд для управления ими в течение последних 60—70 лет. Во время правления на Памире Нияз Алитаджика Кокандское ханство перестало существовать, будучи занято царскими войсками. Местные феодалы, «не сдерживаемые больше сильной ханской властью, — сообщал

---

¹ По более поздним (1896 г.) приблизительным данным, на Восточном Памире кочевало около 220 семей общей численностью 1200 человек (ЦГВИА, Главный штаб, Азиатская часть, ф. 400, л. 24, л. 15).

² См. B. Grabczewski, *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Warszawa, [S. a.].

Громбчевский, — начали прибегать к самосуду, кончавшемуся нередко кровавыми распрями»³.

Пользуясь тем, что Россия, в состав которой вошло Кокандское ханство, в тот период была отвлечена более важными для нее проблемами утверждения своего господства в Туркмении и не обращала внимания на заброшенные, малонаселенные и труднодоступные горные районы, на Восточный Памир периодически совершали набеги отряды Якуб-бека или цинских феодалов из Кашгара либо правителей соседних бекств Западного Памира-Шугнана и Вахана. Разграбив те или иные кочевья, они уходили восвояси.

Политическая обстановка на Западном Памире была несколько иной, чем на Восточном. Населенные горными таджиками или припамирскими народами Вахан, Шугнан и зависевший от него Рушан — глухие горные гнезда, — подобно аналогичным владениям в соседних краях Бальджуану, Кафирнигану, Мастуджу, Читралу, Хунзе, Нагару (Канджут) и др., до 70—90-х годов XIX в. сохраняли свою самостоятельность как мелкие государственные образования. Ими управляли наследственные родовые правители — шо. Последним независимым правителем Шугнана, например, был Шо-Юсуф-Али, от имени которого в Рушане распоряжался сын его — хаким Кубод.

Царское правительство считало себя преемником кокандского хана в его правах на старое владение Коканда — Восточный Памир. Что же касается западнопамирских бекств, то они отходили в сферу влияния России по неоднократно подтверждавшемуся англо-русскому соглашению 1873 г., которое признавало Аму-Дарью в ее верхнем и среднем течении разграничительной чертой между зонами господства Британской империи и России. Лежавшие на правом берегу р. Пяндж, притока Аму-Дарьи, Рушан, Шугнан и Вахан, таким образом, без дальнейших обсуждений должны были быть признанными сферой влияния Российской империи⁴.

Между тем район Памира явился ареной интриг и

³ ЦГИА УзССР, ф. Ферганское областное правление, д. 3342, лл. 472—477. Доклад Б. Л. Громбчевского — начальнику Памирского отряда М. Ионову от 28 июня 1892 г., а также: ф. КТГГ, оп. 34, д. 755, лл. 10—11. Показания киргизских представителей Памира.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 451, л. 45.

провокаций британских правящих кругов, стремившихся втравить в борьбу за раздел Памира со своей соперницей Россией Афганистан и цинский Китай. Они учитывали при этом, как и царские власти, географическое положение Памира.

Однако Россия не проявила в те годы особой активности в овладении обеими частями Памира. Помехой тому была и русско-турецкая война 1877—1878 гг., которая, несмотря на победу Российской империи, втянула ее в серьезные политические и экономические трудности, и более насущные «туркменские дела» вкупе с нежеланием царизма в сложных экономических условиях нести дополнительные материальные затраты.

Обоснованно трактуя сложившуюся в то время обстановку, Громбчевский в докладе, сделанном им 8 сентября 1891 г. в Николаевской Академии Генерального штаба, говорил: «Заняв Кокандское ханство, Россия, естественно, имела полное право принять и Памир. Кауфман не занял Памир, руководствуясь... следующими соображениями: а) движение русских в глубь Центральной Азии... нередко не только не одобрялось центральным правительством, но подчас и шло вразрез с указаниями из Петербурга. Занятие Памира и появление русских на Гиндукуше, естественно, должно было встревожить английское правительство, чего по обстоятельствам того времени желательно было бы избежать; б) Памир в то время был почти пустым, так как редкое кочевое население подвергалось непрерывным нападениям разбойничьих шаек... Заняв Памир, Россия вынуждена была бы охранять своих новых подданных»⁵.

Аналогичным образом в одном из документов, составленном в военном министерстве Российской империи, подчеркивалось, что дипломатическое ведомство государства «руководствовалось мыслью», что «памирский вопрос, несмотря на свою важность, не имеет преобладающего значения для Азии». Автор доклада, начальник Азиатской части Главного штаба Проценко, отмечал далее: «Бедность и малонаселенность Памиров лишает их всякой важности в экономическом отношении. Военные авторитеты наши единогласно признают не-

---

⁵ Б. Л. Громбчевский, *Наши интересы на Памире*, Новый Маргелан, 1891, стр. 19.

пригодность сего края для передвижения сколько-нибудь значительных отрядов, вследствие чего он никогда не может сделаться театром серьезных военных действий»⁶. Однако, временно воздерживаясь от реализации своих прав на Памирский район, царское правительство никогда не отказывалось от них. Уже Алайский поход 1876 г. свидетельствовал о наличии «тенденций» движения на Памир.

Значительно больший интерес проявляла к далекой «крыше мира» научная общественность России. В июле 1881 г. по ходатайству Русского географического общества член общества наманганский уездный врач А. Регель был командирован для ботанических исследований в Бухарское ханство⁷, а в следующем, 1882 г. также и в пределы Шугнана и Бадахшана. Эта экспедиция послужила предлогом для афганского вторжения в западнопамирские бекства. В конце 1882 г. Регель прислал сообщение на имя начальника Ферганской области, в котором писал о своем «благополучном прибытии в главное место Шугнанских владений в сопровождении двух казаков 2-го Уральского полка, четырех русско-подданных туземцев и двух бухарских чиновников». Как видим, состав экспедиции не мог вызвать каких либо опасений местного населения или самых подозрительных правителей. Так оно и было. Регель извещал, что шугнанский владетель Шо-Юсуф-Али принял его с почетом и оказал всестороннее содействие при проезде через Рушан. «В настоящее время, — писал Регель, — я ожидаю ответа афганских властей на заявление шаха, позволят ли мне продолжать свои научные исследования в Шугнана и затем в Бадахшане»⁸.

Но разрешения на производство научных исследований в Бадахшане, находившемся под властью афганского эмира, Регель не получил. А через несколько месяцев под предлогом предотвращения сближения Шо-Юсуф-Али с Россией эмир Абдуррахман-хан нарушил договоренность 1873 г. и двинул военные отряды на правый берег Пянджа. Что побудило его сделать этот

⁶ ЦГВИА, ВУЛ, оп. 1, д. 127, л. 5. Цит. по: Б. И. Искандаров, *Англо-русское соглашение...*, стр. 129.

⁷ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 533, лл. 1—4.

⁸ ЦГИА УзССР, ф. Ферганское областное правление, оп. 2, д. 34а, л. 537. Рапорт А. Регеля от 12 октября 1882 г.

шаг? С точки зрения внутривосточной, успешный завоевательный поход против небольшого бекства, которое не могло оказать серьезного сопротивления, должен был укрепить авторитет и престиж эмира у себя в стране. Но дело было не только в этом, а вернее — не столько в этом. Приняв на себя обязательство согласовывать афганскую политику с Британской империей, Абдуррахман-хан вряд ли пошел бы без их ведома на открытое нарушение международного соглашения 1873 г.

Можно было бы предположить, что на эти действия его толкнули английские агенты, санкционировавшие их. Правильнее, однако, писать не о «предположениях» и «санкционировании», а о прямом давлении британских властей на эмира, чтобы заставить его осуществить выгодное для Англии мероприятие: опередить Россию в реализации ею своих прав на Западный Памир. Это подтверждается документальными материалами. Абдуррахман-хан ввел войска в западнопамирские бекства во второй половине 1883 г. С большим опозданием доходили известия о событиях в этих отдаленных местностях до царских чиновников в Туркестане. Но 13 апреля 1884 г. управляющий нагорными тюменями Зеравшанского округа уже сообщал туркестанскому генерал-губернатору полученные им сведения о прибытии к эмиру Афганистана английских посланцев «с предложением покорить самостоятельные ханства и города, граничащие с Ферганской областью и Кашгаром. Абдуррахман, — докладывалось в этом рапорте, — для этой цели командировал шурина своего Абдулладжана, которым и был взят Шугнан, откуда он перешел к городу Рухшан, занял его и двинулся в Сарыкуль»⁹.

Прямую заинтересованность Британской империи в таких действиях откровенно признают английские политики и писатели. Так, бригадный генерал Перси Сайкс, сменивший под старость оружие, которым он действовал на Востоке, на перо историка, с солдатской прямоотой утверждал, что «в интересах Индийской империи (т. е. английских колонизаторов. — Н. Х.) было желательно не оставлять промежутка между владениями Китая и Афганистана»¹⁰. А это могло быть осуществлено лишь по-

⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 549, л. 231.

¹⁰ P. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. II, p. 179.

средством раздела перешедших к России земель на Памире между указанными государствами, за спиной которых стояла Англия. Сам Абдуррахман-хан в своей очень любопытной, хотя и несколько сумбурной «Автобиографии» так рисует ход дела: «я послал войска против правителя Шугнана и Рошана — Юсуфа-Али. Он провозгласил себя независимым, но не желал удовольствоваться этим, так как опасался, что я в будущем могу присоединить его владения к моим. Ввиду этого он завязал переговоры сначала с ханом Кокандским, а затем с русским правительством. Он пригласил русского доктора Регеля в Шугнан и изложил ему свои следующие жалобы: „Эмир афганский желает подчинить его своей власти, а он между тем считает себя под русским покровительством“».

Далее Абдуррахман-хан утверждал, что ему «надоели беспорядки, которые Юсуф учинял на афганской территории», что содержавшиеся эмиром «соглядатан и шпионы в разных городах Коканда, Шугнана и Бухары» донесли ему «о намерениях Юсуфа, что он уже подчинился русской власти и что он призывает русских на свою территорию... Мол, обеспокоенный этими сообщениями, правитель Афганистана и направил своих солдат на Западный Памир»¹¹. Это высказывание противоречиво и неточно. Вначале Абдуррахман говорит о Шугнane как о владении Шо-Юсуф-Али, а затем негодует по поводу беспорядков на «афганской территории»; он совершенно безосновательно приписывает ученому А. Регелю политическую миссию, а шугнанскому правителю — «намерения подчиниться русской власти», которых тот отнюдь не проявлял.

Переводчик «Автобиографии» Абдуррахман-хана, эмира Афганистана», видный дореволюционный специалист в области международных отношений на Востоке М. Грулев с полным основанием отмечал, что трактовка «Автобиографией» событий представляет собой «детский лепет, не дающий, конечно, никакого понятия о народившемся тогда так называемом Памирском вопросе»¹². В самом деле, Абдуррахман-хан пытался в ней задним числом оправдать незаконный поступок.

¹¹ «Автобиография Абдуррахман-хана...», т. I, стр. 317.

¹² Там же, стр. 318 (прим. пер.).

Стоит отметить, что уже через несколько страниц он признает, что единственным «правом» на вторжение в припамирские бекства было для него стремление опередить Россию (кстати сказать, и не помышлявшую тогда о Памире) и «занять Шугнан и Рушан прежде, чем туда вступил русский офицер»¹³.

✓ Царское правительство и его представители на месте на первых порах довольно пассивно отнеслись к вестям с Памира. М. Г. Черняев, достаточно инициативный, как известно, военно-политический деятель, находившийся в то время на посту туркестанского генерал-губернатора, т. е. на авансцене среднеазиатской политики, весьма равнодушно расценил факт оккупации Шугнана. В докладе от 7 декабря 1883 г. он писал, что видит в «приближении Афганистана к Ферганской области» опасность лишь с точки зрения «идеологического воздействия» на «очаг смут» — Ферганскую долину. Черняева смущал не самый захват Шугнана эмиром Афганистана, в чем генерал-губернатор видел «результат обычной распри, возникающей время от времени между соседними мусульманскими владетелями», а то обстоятельство, что это был «один из этапов в целой цепи событий», нарушение установленной договоренности о разграничении, «значительный переворот в политическом положении Средней Азии и, конечно, во вред русскому здесь влиянию»¹⁴.

Остановившись мимоходом на этом вопросе, Черняев не предлагал никаких конкретных практических мероприятий. Вскоре «проблема Памира» попала в «большую печать». Во влиятельных «Петербургских ведомостях» появилась редакционная заметка, в которой отмечалось, что «дело с Шугнаном не таково, чтобы к нему относиться хладнокровно». Газета резко обрушивалась на «успокоительные телеграммы из Ташкента» и подчеркивала: «До сих пор в нашем государстве все пограничные дела велись с величайшим вниманием, и прошедшая практика совсем не приучила нас в этом случае к распущенности и к пренебрежению, даже в малом виде, государственных интересов»¹⁵.

¹³ Там же, стр. 325.

¹⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 576, лл. 5—15.

¹⁵ «Петербургские ведомости», 1883, № 264.

Через несколько дней после выступления «Петербургских ведомостей», 19 декабря 1883 г., министерство иностранных дел передало великобританскому послу в Петербурге ноту, в которой предупреждало, что вторжение войск Абдуррахман-хана в Шугнан может вызвать «прискорбные последствия». Министерство напоминало о соглашении 1873 г. и заявляло: «Ханство Шугнан и Рушан, граничащее не только с Бухарой, но и с русской областью Ферганской... не переставало находиться под управлением туземных начальников... Захват Шугнана... есть произвольное действие, явно противное смыслу означенного соглашения, могущее послужить исходным пунктом недоразумений и осложнений между Афганистаном и Бухарой» (т. е. между странами, границы которых были гарантированы соответственно Англией и Россией. — Н. Х.)¹⁶.

Британское правительство сделало попытку отмотаться. Подчинив своему контролю внешнюю политику Афганистана, оно тем более не желало оказывать какое-либо давление на Абдуррахман-хана, так как в тот период вело активные захватнические действия в долинах Зхоба, Гумала, Точи, населенных афганскими племенами, и было крайне заинтересовано, чтобы внимание эмира было отвлечено «делами Шугнана». Не получив ответа на свою ноту в течение пяти месяцев, царское дипломатическое ведомство в июне 1884 г. «воспользовалось случаем, — как гласило его заявление, — чтобы напомнить г. великобританскому послу содержание мемуара по предмету предприятий... нарушивших целостность и независимость Шугнана и Рушана»¹⁷. Хранить молчание долее было нельзя. Посол Британской империи Эдуард Торнтон от имени своего правительства попытался тогда сделать вид, будто вообще не произошло ничего заслуживающего внимания. Лицемерно отметив, что английские власти «как нельзя более расположены способствовать поддержанию спокойствия на шугнано-дарвазской границе», Торнтон решил «усомниться» в бывшей независимости захваченных бекств; «как кажется, — утверждал он, — афганский эмир считает Шугнан

¹⁶ «Афганское разграничение...», ч. 2, л. 29, док. 1.

¹⁷ Там же, лл. 65—67, док. 8. «Меморандум, переданный имп. министерством иностранных дел великобританскому послу от 9 июня 1884 г.».

и Рушан частью Бадахшана, который в 1872—1873 гг. был формально признан афганским владением»¹⁸. В хорошем «английском» стиле Лондон пытался «утопить» возникшую проблему, создав комиссию по ее изучению. И посол, сославшись на недостаточную полноту сведений, предложил отправить комиссаров заинтересованных держав для соответствующего расследования дела на месте.

Министр иностранных дел Российской империи Н. К. Гирс, съязвив в ответной ноте по поводу «нерешительности, с которой правительство ее величества королевы высказывается по вопросу, служащему предметом обсуждения», убедительно доказал, что оккупация Абдуррахман-ханом Шугнана и Рушана представляет собой прямое нарушение англо-русского соглашения. Он согласился в принципе с предложением об отправке на спорную территорию смешанной комиссии, но подчеркнул, что она обязана только провести установленную в 1872—1873 гг. демаркационную линию, а не исследовать «притязания афганского эмира»¹⁹. Отправке комиссии, по Гирсу, должен был предшествовать вывод войск эмира из Шугнана.

Однако, следуя своей линии, лондонские политики наотрез отказались удовлетворить требования России, заявляя, что до отправки комиссии и «изучения вопроса» они не могут окончательно высказаться, «совершилось ли какое-либо отступление от статус кво ante по отношению к афганской юрисдикции» в Шугнана и Рушане²⁰.

Этот отказ вынуждал царские власти перейти к более действенным мероприятиям, чем бесплодная дипломатическая переписка, либо примириться с утверждением зависевшего от Англии государства на подступах к Ферганской долине, на юго-восточных подступах к Туркестанскому краю. Такое положение шло вразрез с соглашением 1872—1873 гг., узаконивая переход под контроль Абдуррахман-хана территории на правом берегу

¹⁸ Там же, ч. 2, л. 69, док. 10. Нота Торнтон — Гирсу от 13 июня 1884 г.

¹⁹ Там же, лл. 79—83, док. 16. Нота Гирса — Торнтону от 23 июня 1884 г.

²⁰ Там же, л. 91, док. 20. Нота Торнтон — Гирсу от 13 августа 1884 г.

Аму-Дарьи и нарушая интересы Российской империи. Но первый путь — переход к активным наступательным действиям на Памире — был временно закрыт. В западной части Средней Азии происходили события, которые отодвигали на задний план разрешение спорного вопроса. В ту пору англо-русские отношения были и без того весьма обострены из-за разногласий по определению северо-западных пределов Афганистана. К этому району было приковано основное внимание Лондона и Петербурга. «Туркменские дела», кушкинское столкновение — все это временно сняло с повестки дня «памирскую проблему». В объемистом сборнике документов «Афганское разграничение» не содержится больше ни одного слова, относящегося к Памиру, да и в архивных материалах второй половины 80-х годов также почти не встречается официальная переписка по этому поводу. Царское правительство оставляло вопрос открытым, выжидая благоприятной ситуации для его разрешения. Отмалчивание могло лишь затянуть ликвидацию спорной проблемы, но не снимало ее с повестки дня.

Эта отсрочка длилась до 90-х годов XIX в., когда положение России в туркменских землях полностью стабилизировалось и когда активная британская экспансия в районе Памира вызвала острое беспокойство царских властей и их переход к энергичным действиям для утверждения своего господства на Памире. Такова была внешнеполитическая сторона проблемы. Пока развивалась дипломатическая переписка Лондона и Петербурга, на самом Памире разворачивались драматические события.

Захватнические действия Абдуррахман-хана в Шугнанах были облегчены острой классовой борьбой в этом княжестве, осложненной межфеодальными распрями. Разноречивые сведения о происходивших на Западном Памире событиях, отсутствие точно датированных материалов позволяет восстановить фактическую сторону дела лишь в общих чертах. Известно, что одним из последних самостоятельных правителей Шугнана был Абдуррахим-хан, отец многочисленного семейства, состоявший в родственных связях со многими соседними правителями. Одна из его дочерей была женой кокандского хана Худояра, другая — кашгарского правителя Якубека. После его смерти между сыновьями вспыхнула

борьба за престол, тяжело отражавшаяся на экономическом положении и без того бедной страны.

На первых порах верх одержал Мухаммед-хан. Придя к власти, он усилил налоговый гнет, заставляя трудовое население отдавать в казну значительную часть собиравшегося ими скудного урожая. В Шугнane зрело и развивалось недовольство правителем. Этим воспользовался брат и соперник Мухаммед-хана — Юсуф-Али-хан. В результате заговора правитель был отравлен, и в управление страной вступил Юсуф-Али-хан. По требованию населения он был вынужден дать родовой знати торжественное обещание: «Я не буду таким тираном, каким был мой отец и мои предки, но буду поступать соответственно вашим желаниям»²¹. Это обещание, однако, вскоре было забыто. Беспощадно расправляясь со своими возможными конкурентами, Юсуф-Али-хан с не меньшим рвением, чем его предшественники, эксплуатировал и без того голодавших шугнанцев и даже участвовал в тайной работоторговле. Возмущенные жители пытались оказать ему сопротивление. В Шугнane начались крестьянские волнения, подрывавшие власть Юсуф-Али-хана. Единственной опорой была небольшая группа придворных да маленький военный отряд численностью около ста сарбазов. Все это играло на руку афганскому эмиру Абдуррахман-хану, войскам которого почти без сопротивления удалось овладеть Шугнаном; правитель бекства был отправлен под конвоем в Кабул. По утверждению краеведа Г. А. Арандаренко, занимавшего видные посты в русской администрации Туркестанского края, стычки между шугнанцами и вторгшимися в их страну по распоряжению Абдуррахман-хана отрядами бадахшанского губернатора продолжались в течение пяти дней. Потеряв трех человек убитыми и пятнадцать ранеными, «бадахшанские стрелки» заняли Шугнан²².

Вслед за тем удар эмира был направлен на Вахан. Правителю этого княжества, Шо-Али-Мардону, удалось заблаговременно узнать о планах Абдуррахман-хана, и он созвал в своем главном селении Калаи-Пяндже собрание родовых старшин. На нем было принято реше-

---

²¹ А. А. Семенов, *История Шугнана*, стр. 13.

²² Г. А. Арандаренко, *Досуги в Туркестане...*, стр. 535.

ние бежать из страны, поскольку отбить нападение не было сил. Этот малоизвестный эпизод — исход ваханцев во главе со своим шо из Вахана — описан руководителем русской географической экспедиции капитаном Путятой, исследовавшим в это время слабо изученные районы Памира²³. На своем пути экспедиция Путяты встретила и самого Шо-Али-Мардона, заявившего, что он бежал от грабежей, насилия и убийств, которыми сопровождалось вторжение войск Абдуррахман-хана.

Когда ша (по терминологии капитана Путяты) объявил о своем намерении покинуть страну, «аксакалы и ханские слуги быстро разнесли известие по отдаленным кишлакам. Народ не пожелал оставаться в стране... и все без исключения выразили желание следовать за ша; жители отправляются теперь на сборный пункт в Ак-Таш, где ша примет меры разместить их по разным местностям... Он сам на первое время поселился в Ташкургане и обратился затем с письменной просьбой к русскому правительству о разрешении ему поселиться в России»²⁴.

Интересно отметить, что Путята был в курсе политики царского правительства в неожиданно возникшем памирском конфликте, политики, которая в связи с тем, что внимание Петербурга в тот период было полностью поглощено проблемами Туркмении, может быть названа «политикой временного вынужденного игнорирования». Он отказался от посещения Шугнана, чтобы его появление не породило у местных жителей «несбыточных ожиданий» немедленного вмешательства России, но все же до него дошло, что население тяготится установленным интервентами режимом и желает присоединения «к Бухарскому ханству или отдаться под покровительство России»²⁵. Путята объективно отражал сложившуюся обстановку. Когда шугнанцы узнали о пребывании в районе перевала Тахта-Корум, вблизи Рушана, русской экспедиции, они прислали туда двух делегатов, вручивших Путяте специальное прошение. Оно содержало ходатайство о помощи и гласило: «...все рушанские и шугнанские жители с Саибом-Бурукта (так

²³ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 78523. «Отчет капитана Путяты...». Печатный текст отчета см.: Путята, *Очерк экспедиции в Памир...*

²⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 78523, «Отчет капитана Путяты...», лл. 29—30.

²⁵ Там же, л. 28.

в документе; точнее: Сеид Фаррух-шо, поршневикий ишан. — Н. Х.) во главе соединились для совета и придумали послать Вам это письмо с просьбой передать наши желания туркестанскому генерал-губернатору. Укрепления Бар-и-Пяндж и Орошор мы отдадим Вам своими руками»²⁶. Путята посоветовал не очень рассчитывать на поддержку царского правительства, ссылаясь на отдаленность и труднодоступность Памира. Он предложил делегатам обратиться за содействием к беку соседней бухарской области Дарваз, желая, видимо, втянуть в это дело бухарского эмира. Шугнанцы воспользовались рекомендацией и направили через рушанского аксакала Худояра-минбаши два письма бухарским сановникам в Дарвазе с просьбой о разрешении «подчиниться высокостепенному эмиру»²⁷.

Пока шли эти переговоры, осенью 1883 г. в Шугнane вспыхнуло восстание свободолюбивых горцев против гнета интервентов, «непосильных налогов», «употребления людей для работ вместо лошадей и ишаков при доставке провианта», как сообщается в архивных материалах²⁸.

Абдуррахман-хан, обманутый той легкостью, с какой он овладел Шугнаном, вывел большую часть своих войск, оставив лишь при назначенном им правителе Гульзор-хане, племяннике плененного им Юсуф-Али-хана, небольшой отряд. Воспользовавшись этим, шугнанцы убили нескольких наиболее жестоких сборщиков податей и бежали на север, в Рушан, захватив Гульзор-хана и его приближенных. Укрепившись на немногочисленных горных перевалах, связывавших Рушан с Шугнаном и почти непроходимых зимой, они рассчитывали продержаться до весны, надеясь, что за это время придет помощь из Бухары или Ташкента.

Стремясь ускорить ход событий, повстанцы отправили к царским властям новое посольство. В начале февраля 1884 г. в г. Новый Маргелан (ныне г. Фергана) к военному губернатору Ферганской области прибыли шуг-

²⁶ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 575, л. 32. Рапорт начальника Памирской экспедиции капитана Путята от 25 сентября 1883 г.

²⁷ Там же, лл. 67, 69.

²⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 608, л. 467. «Путевая записка коллежского регистратора Ирзабекова по поездке в пограничные афганские и бухарские владения».

нанцы Мухаммед Насыр и Мухаммед Назар-бек. В нем сообщалось, что жители Шугнана «зимой бросили свои дома и скитаются по степи; они единственное спасение находят в лице Белого царя и прибегают к его покровительству и защите»²⁹.

Сосредоточивая силы для борьбы с восставшими, Абдуррахман-хан вместе с тем предпринимал политические маневры, отправив в Рушан своих представителей. Он предлагал «почетный мир» и обещал дать Шугнанцам и рушанцам некоторые права самоуправления. До получения ответа царского правительства повстанцы продолжали оказывать вооруженное сопротивление. Но 17 февраля 1884 г. туркестанские власти получили депешу начальника Главного штаба Обручева, в которой излагалось «высочайшее повеление отклонить ходатайство шугнанцев о принятии их под покровительство России и ограничиться обещанием, что мы употребим наше нравственное содействие в видах обеспечения их от притеснений». Обручев отмечал, что в последнем плане «императорский кабинет» еще в ноябре 1883 г. «сделал представление английскому правительству»³⁰.

10 марта 1884 г. из Петербурга была получена новая депеша, в которой предлагалось «воздерживаться от всякого шага, который мог бы привести нас к вооруженному вмешательству». Подчеркнув, что «заботы о Шугнанах» являются «дипломатическим вопросом», Обручев предлагал «удерживать бухарцев от военных действий», выжидая результатов переговоров министерства иностранных дел³¹. Царское правительство, едва закрепившись в Мерве и обеспокоенное обострением положения в Пендинском оазисе, опасалось быть втянутым в конфликт еще и на востоке Средней Азии. Повстанцы были вынуждены принять мирное соглашение с представителями эмира. Они согласились прекратить вооруженное сопротивление в обмен на предоставление им самоуправления (шугнанский бек должен был назначаться Абдуррахман-ханом из числа местных жителей). Шугнанцы вернулись к себе на родину. В ключевых пунктах их страны были размещены эмирские войска,

²⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 575, л. 85.

³⁰ Там же, л. 91.

³¹ Там же, л. 100.

и обе стороны придерживались позиции вооруженного нейтралитета, который мог быть нарушен в любой момент.

Власть Абдуррахман-хана была навязана населению припамирских бекств силой, и при первой возможности оно старалось избавиться от нее. В 1888 г. на севере Афганистана, в Чор-Вилайте, против эмира поднял восстание его двоюродный брат, местный правитель Исхак-хан³², рассчитывая занять кабульский престол. Это привело к резкому ослаблению центральной власти в Бадахшане и оккупированных припамирских странах, чем немедленно воспользовались местные жители. Они изгнали гарнизоны интервентов и в конце 1888 г. предложили находившемуся в бухарском Дарвазе потомку их родовых правителей Мухаммеду Акбар-шо занять пост правителя Шугнана³³.

Мухаммед Акбар-шо принял это предложение. Вслед за тем он обратился к бухарскому эмиру и царским властям с просьбой об оказании ему военной поддержки. Снова полились обоснованные жалобы на террор и гнет войск Абдуррахман-хана, на грабительские действия его сборщиков податей, на то, что интервенты доводят памирских таджиков «до крайнего разорения и нищеты: убивают невинных, отнимают жен, насилюют девиц, отнимают имущество, накладывают разорительные подати, забирают в рабство, где погибают безвозвратно или возвращаются лишь опозоренные дочери к разоренным родителям»³⁴. Новый шугнанский правитель очень оптимистически расценивал общую обстановку и пытался заверить царские власти, хотя это их крайне мало интересовало, что «его шахство впредь [будет] служить твердым, неизменным постом Белого царя». Положение, однако, было значительно сложнее, чем это пытался представить Мухаммед Акбар-шо. Осенью 1888 г. Абдуррахман-хану удалось подавить восстание своего родственника. Для руководства расправой с участника-

³² См. Н. А. Халфин, *Восстание Исхак-хана...*, стр. 107—126.

³³ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 680, лл. 6—8. Письмо российского политического агента в Бухаре Н. В. Чарыкова — и. д. туркестанского генерал-губернатора А. М. Яфимовичу от 2 декабря 1888 г.

³⁴ Там же, лл. 14—16. «Копия сведений, сообщенных посланцами шугнанского правителя Акбар-Али-хана» от 27 января 1889 г.

ми восстания эмир лично прибыл в Чор-Вилайет, оставившись в Мазари-Шерифе. Доставившие письма Акбар-шо в русский Туркестан посланцы заявили, что жители Шугнана, ожидая приезда Абдурахман-хана к ним и беспощадных репрессий, поручили «просить у русского правительства защиты бессильным шугнанцам, всегда искавшим покровительства в подобных несчастиях у правителей Ферганы, никогда им не отказывавших в помощи»³⁵. Лишнее доказательство тесных связей припамирских княжеств с Кокандским ханством!

Шугнанцы ходатайствовали о высылке в соседние с ними районы хотя бы символического отряда русских войск. Во время беседы с ними Генерального штаба капитана Васильева, которому военный губернатор Ферганской области Н. Н. Корольков поручил собрать «расспросные сведения» о Шугнанах, гонцы всячески старались расписать природные богатства своей страны, стремясь, видимо, вызвать особую заинтересованность царских властей в оказании им поддержки. «Как на особое богатство своей страны шугнанцы указывают на золото, серебро, железо и каменный уголь, — докладывал Васильев. — Пользуются этими богатствами они очень осторожно и скрывают их от афганцев, боясь, что будут обложены новым видом и без того тяжелых податей. „Придут русские, мы все им укажем“, — говорят шугнанцы»³⁶. Несмотря на это, общий вывод Васильева о целесообразности оказания активной помощи Шугнану, Рушану и Вахану был отрицательным. Отметив «полное расположение населения» к России, он вместе с тем писал: «Для наших интересов Шугнан в отдельности не может, конечно, иметь никакого значения. Бедность его населения, отдаленность от наших границ и затруднительность путей сообщения уничтожают с ним всякие торговые сношения жителей русского Туркестана»³⁷.

И снова не получившие желанного содействия шугнанцы, рушанцы и ваханцы были вынуждены собственными силами отбиваться от более сильного врага. «Усмирив» в течение первой половины 1889 г. Чор-Вилайет, куда он назначил нового губернатора, Гулям Хайдар-

---

³⁵ Там же, л. 15.

³⁶ Там же, л. 26.

³⁷ Там же, лл. 29—30.

хана, Абдуррахман-хан снова двинул против Шугнана свои отряды во главе с братом Гулям Хайдар-хана — Дост-Мухаммед-ханом, которому он предоставил пост правителя Шугнана. После непродолжительной, но ожесточенной борьбы Мухаммед Акбар-шо должен был искать спасения в бегстве. Дост-Мухаммед-хан овладел припамирскими княжествами. Вновь начались казни. Население было обложено огромной контрибуцией. Множество жителей были вынуждены покинуть свои родные селения и переехать в пределы Бухарского ханства или Российской империи. Путешествовавший в 1889—1890 гг. в районе Гиндукуша Б. Л. Громбчевский сообщал, что после его вступления в долину Мургаба в течение трех дней пути ему попадались толпы шугнанских беженцев, спасавшихся от жестокостей завоевателей³⁸. Несмотря на массовый террор и репрессии, Шугнан, Вахан и Рушан продолжали быть очагами острого недовольства правлением Абдуррахман-хана и его ставленников. Архивные дела того периода насыщены огромным количеством всевозможных сообщений о царившем там «глухом брожении», периодически перераставшем в открытые восстания, которые организовывало местное население, «не рассуждая о последствиях», по выражению политического агента в Бухаре В. О. Клемма³⁹. Эмир постоянно был вынужден держать в припамирских княжествах сравнительно крупные воинские силы, но и эта мера не помогала. Шугнан, Рушан и Вахан, являвшиеся инородным телом в составе афганского государства, были неизменным районом недовольства, отвлекавшего внимание Абдуррахман-хана от британской агрессии по отношению к восточноафганским племенам. С этой точки зрения английская политика натравливания эмира на припамирские области полностью оправдывала себя. Но — только до определенного времени. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в., завершив присоединение Туркмении и переговоры по установлению северо-

³⁸ См. Б. Л. Громбчевский, *Доклад о путешествии в 1889—1890 гг. для исследования горных долин Гиндукуша, восточных склонов Гималаев и окраин северо-западного Тибета, зачитанный в «экстренном собрании» Российского географического общества 10 января 1891 г.*, стр. 9.

³⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 716, л. 41. Письмо Клемма туркестанскому генерал-губернатору от 20 апреля 1890 г.

западных границ Афганистана, а вместе и своих владений, как и территории Бухарского ханства, царское правительство приступило вплотную к решению памирского вопроса.

Перед этим, однако, Петербургу пришлось определить свою позицию в связи с новой миссией, прибывшей из Индии, а точнее — из Непала. 9 апреля 1890 г. к властям Закаспийской области, в Ашхабаде, обратился бедно одетый дервиш, попросивший помочь ему познакомиться с главой местной администрации, Дервиш оказался полковником Гулям Хайдар-ханом, представителем непальского раджи Шах Джехан Бахадура. Он был принят исполнявшим обязанности командующего войсками Закаспийской области Фишером, которому предъявил рекомендательные письма от раджей индийских княжеств Бопала и Буджи, непальского главнокомандующего и других влиятельных и авторитетных лиц. Выступая от имени феодальной знати Непала и ряда полусамостоятельных индийских государств, Гулям Хайдар-хан говорил о широком недовольстве местных князей деятельностью британских колонизаторов, их вмешательством во все стороны жизни народов страны, насильственным изъятием крупных материальных ценностей и т. п. По словам приехавшего, раджи Непала, Буджи и Бопала заключили союз с бывшим навабом Лакхнау и некоторыми видными политическими деятелями Пенджаба и Кашмира о противодействии Англии, отправив его с неофициальной просьбой о «принятии указанного союза княжеств под покровительство России»⁴⁰.

Гулям Хайдар-хан подчеркнул, что важнейший пункт договора индийских князей предусматривал «приглашение русских занять британские владения в Индии с тем, чтобы навсегда изгнать англичан из этой страны»⁴¹.

По распоряжению начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина основные сведения о миссии Гулям Хайдар-хана были в виде «всепо-

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 51. См. П. Расуль-Заде, *Из истории среднеазиатско-индийских политических взаимоотношений во второй половине XIX в.*, — сб. «Взаимоотношения народов Средней Азии...», стр. 206.

⁴¹ Там же, л. 25. «Всепоподданнейшая записка» от 12 мая 1890 г. См. П. Расуль-Заде. *Из истории...*, стр. 207.

даннейшей записки» представлены на рассмотрение Александру III. Сам Куропаткин считал целесообразным дать посланцу письменное подтверждение о выполнении его сложного задания.

Министерство иностранных дел Российской империи подошло к полученным сообщениям из Ашхабада с большой осторожностью. По его поручению крупный востоковед В. Г. Тизенгаузен занялся изучением доставленных материалов. Его выводы были неутешительными для посольства. Они гласили, что Гулям Хайдар-хан выступает от имени сравнительно мелких и слабых князей и ссылается на обстановку как раз в тех провинциях, где англичане чувствуют себя более или менее прочно, как, например, Пенджаб и Ауд. Но и без таких неутешительных соображений царское ведомство внешней политики не собиралось, как это бывало и прежде, использовать прибытие посольства для каких бы то ни было активных шагов. Оно вообще выразило ему недоверие, предположив, что Гулям Хайдар-хан мог быть послан с провокационной целью британскими властями, а заключение князьями союза против Англии является фикцией. Поэтому министр иностранных дел Н. К. Гирс предложил «воздержаться от вручения названному индийцу письменного ответа», ограничившись словесным заявлением начальника Закаспийской области, что полученные сведения будут использованы, «когда в том встретится потребность»⁴². Подтвердив, таким образом, еще раз нежелание вмешиваться в индийские дела, царское правительство с особой настойчивостью занялось разрешением «памирской проблемы».

Это вызывалось острой необходимостью. Основной соперник и противник Российской империи на Среднем Востоке — Британская империя своими действиями в районе Памира создавала серьезную угрозу для владений России в Средней Азии. Уже в 1886 г. хорошо подготовленная английская военно-топографическая миссия во главе с полковником Локкартом предприняла всестороннее изучение перевалов, ведущих через Гиндукуш на Памир⁴³. Отряд Локкарта сделал своей ба-

⁴² Там же, лл. 17—21. Письмо Гирса от 3 июля 1890 г. См. П. Расуль-Заде, *Из истории...*, стр. 208.

⁴³ А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, ч. 1, стр. 126.

зой Гильгит, в Северной Индии. Отсюда он пересек небольшое полусамостоятельное княжество Хунзу, Гиндукушский хребет и Вахан и вышел к р. Пяндж. Летом следующего, 1887 г. британские власти в Индии направили к гиндукушским проходам подполковника Алджернона Дюранда. В течение 1888—1889 гг. А. Дюранд продолжал военно-разведывательную деятельность Локкарта, а затем возглавил специальное политическое агентство, созданное в Гильгите для укрепления английского влияния в пригиндукушской области⁴⁴.

Как в свое время в Туркмении, не проходило и года, чтобы какая-нибудь памирская область не служила объектом пристального внимания военно-политических деятелей Англии. В середине 1889 г. Тагдумбаш-Памир посетили майор Кумберленд и лейтенант Боуэр⁴⁵. В 1890 г. под предлогом охоты на Памир отправился Литтльдэль. Летом того же года из военного центра Британской Индии Симлы выехала в припамирские страны специальная экспедиция в составе капитана Френсиса Юнгхезбенда, занимавшегося до того военно-политической работой в Северной Индии, и Джорджа Маккартнея, назначенного вскоре на пост помощника по китайским делам при английском резидентстве в Кашмире⁴⁶, а затем ставшего британским консулом в Кашгаре. Имеющиеся документы позволяют восстановить картину деятельности английской агентуры на Памире, о чем старался умолчать Френсис Юнгхезбэнд, написавший «Сердце континента» — книгу о своих поездках.

Так, российский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский информировал министерство иностранных дел о том, что Англия желает, «войдя в тайное соглашение с китайцами, отдать афганцам более половины Памира»⁴⁷.

В июле 1891 г. оба британских агента выехали из Кашгара на Памир. Они стремились охватить рекогносцировочными операциями возможно большую террито-

⁴⁴ А. Дюранд, *Созидание границы...*, стр. 3—5.

⁴⁵ F. E. Younghusband, *The heart of a continent*, p. 234.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. Главный штаб, Азиатская часть, д. 116 за 1893 г., л. 19. Письмо секретаря англо-индийского правительства по иностранным делам резиденту Кашмира от 14 апреля 1893 г.

⁴⁷ См. Зайченко, *Памиры и Сарыкол*, стр. 50—51.

рию. У Булункуля английские офицеры разделились. Дэвисон отправился на Аличур-Памир, к перевалу Ак-Берды, ведущему к оз. Рангкуль. Юнгхезбенд двинулся мимо оз. Кара-Куль на Тагдумбаш-Памир, к проходам через Гиндукуш. Эти действия способствовали отказу царского правительства от политики выжидания и «дипломатического воздействия», которой оно придерживалось немногим менее десяти лет. На этом настаивали прежде всего представители туркестанской администрации, отвечавшие за безопасность Средней Азии. Так, А. Б. Вревский сообщил в Петербург о необходимости «оградить интересы русскоподданных киргиз, кочующих на Памире» от проникновения на Памир Англии, что могло, по выражению туркестанского генерал-губернатора, «подорвать обаяние России». В связи с этим Вревский решил летом 1891 г. посетить соседнюю с Памиром территорию Алайской долины, чтобы по выяснении дальнейших действий Юнгхезбенда принять соответствующие меры.

«Памирская проблема» все более властно стучалась и в двери петербургских кабинетов. В результате обмена мнений между министрами — военным и иностранных дел — и начальником Главного штаба была достигнута договоренность об отправке на Памир в рекогносцировочную поездку казачьего отряда. Своим появлением он должен был символизировать, что Россия считает территорию Памира входящей в состав своих владений и вовсе не намерена от нее отказываться⁴⁸. Начальником отряда был назначен командир II Туркестанского линейного батальона полковник М. Ионов, не раз бывавший на Памире⁴⁹. К нему были прикомандированы опытные топографы — капитан Генерального штаба Скерский и военный топограф Бендерский. В июле 1891 г. отряд ИONOва, численностью 120 человек, собрался у мазара Бор-Даба в Кызылартском ущелье. 10 июля он двинулся в путь и оказался в обширной до-

⁴⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 742, л. 6 (Письмо Вревского министру иностранных дел и начальнику Главного штаба от 14 декабря 1890 г.) и там же, л. 7 (Письмо начальника Главного штаба туркестанскому генерал-губернатору от 6 февраля 1891 г.)

⁴⁹ После Великой Октябрьской социалистической революции М. Ионов сразу же перешел на сторону Советской власти и активно участвовал в строительстве Красной Армии.

лине, которая через перевал Иши (Бода) привела его к оз. Ранкуль. Это был «червый поход Ионова». Следующая далее в глубь намирских земель, Ионов объявлял населению, что эта область принадлежит России. Он посетил Ак-Таш, пройдя в Баш-Гумбезе мимо развалин старого рабага, поставленного там кокандским ханом Абдуллой. Эти развалины свидетельствовали о былой власти Кокандского ханства над районом Ак-Таша, что имело особое значение, поскольку через Ак-Таш и перевал Нейза-Таш (Шинда) шла вся торговля Вахана и Бадахшана с Сарыколом, Тагармой и Кашгаром.

Затем отряд Ионова побывал у местечка Бозай-и-Гумбез — узла дорог, связывающих Аксу, Большой Памир, Тагдумбаш-Памир, Вахан и Канджут. Он исследовал перевалы Бейк, Вахджир, Барогиль и др. При проходе через ваханское сел. Сархад и в других местах жители настойчиво просили Ионова остаться у них с отрядом. Как писал Ионов в своем отчете, «...чувствуя себя в безопасности ввиду присутствия русского отряда, столь явно пренебрегающего их притеснителями, [они] изъявляли свою преданность нам, русским»⁵⁰. На обратном пути Ионов встретил в Бозай-и-Гумбезе капитана Юнгхезбенда. Возвращаясь из Кашгара в Индию, тот шел от устья р. Бейк вслед за Ионовым, намереваясь затем через перевал Даркот добраться до Читрала.

Пока казаки и солдаты Ионова в исключительно тяжелых природных условиях совершали беспримерный по своему героизму и мужеству поход, к югу от района их действий — в Ферганской долине и на Алае — громадный кортеж сопровождал туркестанского генерал-губернатора А. Б. Вревского. Основные задачи визита главного начальника Туркестанского края в предгорья Памира хорошо отразил врач генерал-губернатора К. К. Казанский, взявший на себя функции историко-географической поездки. «За Заалайским хребтом ходил в это время дозором отряд под начальством полк. Ионова. Задача его заключалась в том, чтобы прекратить поползновения соседей на занятие русской территории, принявшие за последние годы благодаря недостаточной охране

---

⁵⁰ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 742, л. 13. Отчет о движении рекогносцировочного отряда, представленный Ионовым генерал-губернатору примерно в сентябре — октябре 1891 г.

этого отдаленного края слишком значительные размеры, тем более, что бесцеремонность захватов находила себе объяснение только в поддержке, оказываемой английскими офицерами, участвовавшими за последнее время свои посещения наших памирских границ»⁵¹.

Само собой разумеется, что Казанский изрядно «снижал» сущность проблемы, говоря только об «английских офицерах», выступавших фактически в роли исполнителей указаний своего правительства, но общий «дух», сущность дела он уловил правильно. Продолжая далее свое повествование, Казанский подчеркивал: «Молва об экспедиции, во главе которой стоит сам командующий войсками округа, быстро, разумеется, дошла до соседей, и все они поняли, что действия Памирского округа, подкрепляемые личным присутствием начальника края поблизости от Памиров, представляют вполне определенное и решительное намерение русского правительства отстаивать свою территорию от всяких дальнейших на нее посягательств. В этом смысле пребывание командующего войсками в Алайской долине имело и политическое значение»⁵².

Политическая сторона поездки генерал-губернатора в Алайскую долину неожиданно приобрела и дополнительное звучание. Когда он прибыл в сел. Уч-Курган, оказалось, что его ожидают там посланцы небольшого горного княжества Канджуд, на южных склонах Гиндукуша. Этому княжеству, состоявшему из двух областей — Хунзы и Нагара, грозила британская агрессия. Его правитель Сафдар-Али направил своих представителей в пределы Российской империи, рассчитывая заручиться поддержкой царских властей в борьбе против нападения Англии. Однако верное своей политике невмешательства в дела Индии правительство Российской империи предпочло и на этот раз остаться в стороне. По его указанию Вревский уклонился от каких-либо обещаний содействия канджудцам⁵³.

За две недели до встречи Ионов с Юнгхезбендом, 17 июля 1891 г., туркестанский генерал-губернатор получил шифрованную телеграмму российского консула

⁵¹ К. К. Казанский, *Вблизи Памиров*, стр. 2.

⁵² Там же, стр. 2—3.

⁵³ Там же, стр. 198—199. Подробно об этом см. содержательное исследование: У. А. Рустамов, *Пригиндукушские княжества...*

в Кашгаре о намерении этого британского офицера, которого Петровский именовал «начальником секретной английской миссии», пройти без санкции русских властей на территорию Российской империи, в район Большого Кара-Куля⁵⁴. В письме тому же адресату консул добавлял, что капитан Юнгхезбенд, будучи в Сарыколе, «послал на Памиры лейтенанта Дэвисона, который и следовал сзади нашего отряда почти до самого перевала Беик, а затем или отправился к Юнгхезбенду на Тагдумбаш-Памир, куда этот англичанин намерен был поехать из Сарыкола, или ушел в Вахан»⁵⁵.

Стараясь отвлечь внимание от активности английских агентов на Памире, один из идеологов британского империализма, лорд Керзон, опубликовал статью под громким и тенденциозным названием: «Индия между двух огней». Он пытался доказать в ней, что Россия предъявила свои права на Памирский район только для того, чтобы в своем «стремлении к Индии» обойти «афганский буфер» наступлением через Памир.

30 августа 1891 г. отряд Ионова вернулся в Новый Маргелан, проделав за 67 дней труднейший поход расстоянием 1900 км. Экспедиция показала, что Россия не отказывается от своих прав на Памир. Она была сигналом перехода царского правительства от бесплодной, дипломатической переписки и обмена ничего не дававшими нотами к более решительным действиям. Эта инициатива заставила Англию занять позицию «обороняющейся стороны». 16 сентября и 21 декабря 1891 г. британский посол в Петербурге Р. Морьер дважды обращался в министерство иностранных дел Российской империи с нотами протеста по поводу высылки Юнгхезбенда и Дэвисона с территории, принадлежность которой России «еще не доказана»⁵⁶. Правящие круги Англии тем временем захватили Канджут (Хунза и Нагар). Эта область еще в середине 80-х годов была предметом вожделений британских империалистов, добивавшихся договора, по которому местный правитель в обмен на субсидию должен был «закрывать свою страну для рус-

⁵⁴ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 742, л. 36.

⁵⁵ См. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азину», вып. 54, СПб., 1893, стр. 184.

⁵⁶ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 753, лл. 351—356 и др.

ских»⁵⁷. Успеха они не добились. Больше того, в 1888 г. старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Ферганской области Б. Л. Громбчевский был командирован Русским географическим обществом для «исследования стран, лежащих за Памиром»⁵⁸ и встретил теплый прием в Канджуте, отправившем, как отмечалось выше, своих делегатов к туркестанскому генерал-губернатору.

Английские экспансионисты с большим вниманием следили за развитием событий, чтобы воспользоваться любым предлогом для вторжения в едва ли не последнее полусамостоятельное княжество Северной Индии. В 1889 г. в непосредственной близости от Канджута, в Гилгите, было организовано английское политическое агентство. Во главе его был поставлен Алджернон Дюранд, который в течение 1888—1891 гг. провел ряд военных рекогносцировок в этом районе. «Когда я был в Гилгите, то услышал новость, что русский офицер только что был в Хунзе. *Охота началась*»⁵⁹. Действительно, британские правящие круги вскоре предприняли вооруженное нападение на Канджут, «деликатно» поименованное Дюрандом «охотой».

11/23 ноября 1891 г. подполковник Дюранд по поручению своего правительства обратился с письмом к правителю Канджута Сафдар-Али-хану, в котором заявил, что его княжество находится на английской территории (!), и потребовал улучшения местных дорог для облегчения быстрой переброски британских войск. Заканчивалось это весьма своеобразное «дипломатическое послание» угрозой: «Никаких отговорок от вас не будет принято. Если вы тотчас же не исполните желания правительства, войска вступят в ваши владения»⁶⁰.

Сафдар-Али-хан отказался выполнить предъявленные требования, а в ответ на новый ультиматум отправил короткое, но энергичное письмо, завершившееся словами: «Приди, мы готовы, ждать нечего»⁶¹. В этих

⁵⁷ Зайченко. *Памиры и Сарыкол*, стр. 48.

⁵⁸ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 681, лл. 2—6.

⁵⁹ А. Дюранд, *Созидание границы...*, стр. 102 (подчеркнуто мною.— Н. Х.).

⁶⁰ Цит. по рук.: А. В. Станишевский, *Материалы к памирскому вопросу*, стр. 3.

⁶¹ Зайченко, *Памиры и Сарыкол*, стр. 53.

условиях, как выражается Дюранд, «больше ничего не оставалось делать»⁶², кроме ничем не вызванного, неспровоцированного нападения мощного британского отряда на небольшую горную страну, кроме совершения «одного из грязных, темных дел, которыми так богата история завоеваний Англии»⁶³. 1 декабря 1891 г. полуторатысячный английский отряд с пятью пушками перешел границу Канджута. После нескольких дней боев с местным ополчением, вооруженным дедовскими ружьями и ножами, была взята канджутская крепость Нилт, а еще через несколько дней все княжество полностью перешло под британский контроль.

Захват Англией Канджута еще более обострил ситуацию в районе Гиндукуша и Памира. 12 января 1892 г. в Петербурге было созвано Особое совещание для обсуждения сложившейся обстановки. Его участники приняли решение немедленно вступить в переговоры с Англией и Китаем по памирскому вопросу, выслав одновременно на Памир небольшой разведывательный отряд. Министр иностранных дел Гирс предписывал послу России в Лондоне Стаалю «твердо отстаивать права на Памирский район, который, несмотря на свою безлюдность и пустынные горные свойства, имеет для России бесспорное значение... Занятие некоторой части этого края англичанами явилось бы постоянной угрозой для нашей Ферганской области. Не вмешиваясь в действия англичан по ту сторону Гиндукуша, мы не можем в то же время относиться равнодушно к распространению их господства на север от этого хребта»⁶⁴.

В соответствии с решениями январского Особого совещания с февраля по июнь 1892 г. на Восточном Памире находилась небольшая (30 человек) разведывательная партия поручика Ю. Бржезицкого. Действуя в исключительно суровых природно-климатических условиях, он совершил объезд основных восточнопамирских районов и сообщил об остром недовольстве населения местной властью и о стремлении жителей переехать в Алайскую долину Ферганской области.

Что касается западнопамирских территорий, то их

⁶² А. Дюранд, *Созидание границы...*, стр. 225.

⁶³ Зайченко, *Памиры и Сарыкол*, стр. 47.

⁶⁴ Цит. по рук. А. В. Станишевский, *Материалы к Памирскому вопросу*, стр. 4.

продолжал занимать эмир Абдуррахман-хан, а «правительство ее величества королевы» продолжало толкать его на подобные действия, ссылаясь на «неосведомленность в вопросе», на «географические тайны», на «неизученность того, что произошло» и т. д., и т. п. Снова в Петербурге было созвано Особое совещание, посвященное «возникшим относительно Памирского края вопросам» (15 и 29 апреля 1892 г.). В нем участвовали военный министр Ванновский, influentialный дипломат, посол России в Вене Лобанов-Ростовский, начальник Главного штаба Обручев, товарищ министра иностранных дел Шишкин, директор Азиатского департамента Капнист, заведующий Азиатской частью Главного штаба Проценко, ответственные сотрудники: МИДа — Зиновьев и военного министерства — Куропаткин. Совещание протекало довольно бурно, и его участники отметили серьезность положения, создавшегося на Памире, и единодушно признали необходимым при первой возможности отправить «в сторону Памирского края» военный отряд. Но бурные споры разгорелись относительно назначения этого отряда. Представители дипломатического ведомства, поддержанные Обручевым и Куропаткиным, настаивали на соблюдении «крайней осторожности» при посылке отряда «как с политической, так и с военной точки зрения». Они указывали, что «слишком энергичные» действия нежелательны, поскольку могут «отразиться на европейском течении наших дел». Сотрудники министерства иностранных дел предложили путь «мирного улажения памирского вопроса посредством дипломатических переговоров». По их мнению, военный отряд следовало не отправлять далеко в глубь Памирского района, а расположить в Алайской долине или вблизи оз. Кара-Куль, что само по себе должно было произвести «довольно внушительное впечатление» на соседей⁶⁵.

Более энергичную позицию заняли военный министр Ванновский и руководитель Азиатской части Главного штаба Проценко. Поскольку признается, говорили они, что Памир имеет для России большое значение, обещивая безопасность Туркестанского края, и уступить

---

⁶⁵ ЦГИЛ УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 753, л. 153. Протокол Особого совещания от 15 и 29 апреля 1892 г.

его кому бы то ни было невозможно, то следует принять твердые меры для укрепления там власти Российской империи. Нельзя ограничиться одним лишь объявлением о включении его в состав империи и «отдаленным наблюдением»; необходимо занять важнейшие памирские пункты и «прочно установить нашу границу у подножья Гиндукуша»⁶⁶.

В конечном итоге был достигнут компромисс. Принятое решение предусматривало, что посланный на Памир отряд будет размещен не южнее местной реки Мургаб, будет избегать «движения к гиндукушским проходам» и каких-либо вооруженных столкновений, но его командиру предоставлялось право высылать на юг разъезды для «охраны спокойствия на Памире»⁶⁷.

На совещании было решено вести переговоры о разграничении. В основу переговоров с Британской империей было намечено положить соглашение 1873 г., подчеркивавшее незаконность захвата Абдурахман-ханом западнопамирских районов, опротестованного Россией.

«Нашему правительству, — говорится в журнале совещания, — нет никакой выгоды или важной причины отступать от условленной в 1873 г. разграничительной черты. Долговременное пребывание афганцев в Шугнане и Рушане остается опротестованным с нашей стороны и не дает им права считать произвольное присоединение этих округов к их владениям, утвержденным за ними навсегда. Отступление от границы по Пянджу (т. е. по договоренности 1873 г. — Н. Х.) было бы нарушением разграничения нашего с Англией в Средней Азии, приносящего свою долю пользы в общих наших отношениях с этим государством»⁶⁸. Участники совещания приняли к сведению заявление английского правительства, что Гиндукушский хребет должен явиться границей сфер влияния обеих держав.

Начальником нового отряда, выступившего 2 июня 1892 г. на Памир, опять был назначен полковник Ионов («второй поход Ионова»). Количество следовавших с ним войск было увеличено.

Перейдя перевал Ак-Байтал, Ионов 30 июня разбил свой лагерь на р. Мургаб. Возникшее здесь селение по-

⁶⁶ Там же, л. 154.

⁶⁷ Там же, лл. 154—155.

⁶⁸ Там же, л. 157.

лучило впоследствии название «Пост Памирский» (ныне кишлак Мургаб). Как и было решено, от р. Мургаб отправились в различные районы рекогносцировочные партии. В августе 1892 г. полковник Ионов двинулся в обратный путь, оставив на зимовку в урочище Шаджан, на Мургабе, отряд из 200 пехотинцев и 50 казаков. Начальнику отряда поручалась охрана русской территории, причем в случае возникновения каких-либо конфликтов он должен был «употреблять все меры к мирному решению дела»⁶⁹. По отношению к местному населению начальнику шаджанского отряда предоставлялись права уездного начальника и возможность назначать управителей из местных жителей. Население освобождалось от всех податей, кроме зякета — налога со скота, который собирался в размере 1% на содержание старшин. Сохранялись местные обычаи и местный суд, но наложенные им взыскания подлежали утверждению начальника отряда. На продукты местного производства, поставлявшиеся отряду, устанавливались так называемые справочные цены. Таким образом, население Восточного Памира сразу должно было почувствовать облегчение от введенной системы управления.

С оставлением на Памире русского военного отряда памирский вопрос вступил в новую стадию своего развития. Эта мера была безусловно более радикальной и действенной, чем периодические рекогносцировки и объезды различных районов.

Основной инициатор раздела Памира между Китаем и Афганистаном — Англия не могла, естественно, противостоять там России собственными силами. Да и выступать в этом районе открыто против Петербурга, предъявлявшего права преемственности на Памир, британские власти не решались. После того как там расположился русский отряд, вопрос мог быть окончательно разрешен лишь с помощью переговоров.

Как и было предусмотрено Особым совещанием, царское дипломатическое ведомство дало указания своим представителям в Пекине и Лондоне приступить к конкретным переговорам. Первыми завершились успешно беседы, которые вел российский посланник в Пеки-

---

⁶⁹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 755, лл. 289—292. Инструкция начальнику Шаджанского отряда.

не с местным правительством. В апреле 1894 г. между Россией и Китаем состоялся обмен нотами, которыми обе страны обязывались не нарушать создавшегося на Памире положения и строго соблюдать целостность занимаемых там державами позиций⁷⁰. Достигнутое русско-китайское соглашение по памирскому вопросу было принято к сведению правительственными кругами Российской империи: военный министр обменялся с министром иностранных дел специальными письмами по этому поводу⁷¹.

Ведя переговоры с Китаем, которые завершились впоследствии указанным соглашением, Россия стремилась добиться урегулирования проблемы и с более опасным и опытным противником — Британской империей. Когда на Памире утвердился русский отряд, роли переменялись по сравнению с 1883 г.: теперь уже английское правительство проявляло повышенный интерес к памирской проблеме, а не отделивалось отговорками об «отсутствии надлежащей осведомленности»; теперь уже со стороны царизма можно было наблюдать определенную «индифферентность».

Британское правительство добилось согласия России на отправку для «разграничения Памиров» смешанной англо-русской комиссии. Но до выезда такой комиссии Лондон попытался навязать Петербургу свои представления о направлении ее действий. 15/27 февраля 1893 г. английский посол Р. Морьер обратился в российское министерство иностранных дел с нотой, излагавшей британскую точку зрения «на те основания, на которых могло бы быть достигнуто разрешение недоразумений между обоими правительствами касательно стран, лежащих в верховьях Аму-Дарьи»⁷².

В этой ноте предпринималась попытка пересмотра соглашения 1872—1873 гг. Стремясь во что бы то ни стало сохранить за Афганистаном (а стало быть — под своим контролем) бекства Западного Памира, британские политики охотно «брали на себя вину» за недостат-

---

⁷⁰ ЦГИА, УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 761, л. 40 и 42. Нота китайского посланника в Петербурге от 6/18 апреля 1894 г. министру иностранных дел России.

⁷¹ Там же, л. 30. Письмо Ванновского от 9 апреля 1894 г.

⁷² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, л. 754, лл. 219—221. Нота Р. Морьера.

ки этого соглашения, так как, мол, русское правительство еще во время его заключения «откровенно призналось, что не имеет средств узнать истину» (т. е. не имело достаточных данных о рассматриваемом районе: если припомним, представленные в свое время Кауфманом материалы были признаны неполными и неточными).

Как на пример «запутанного порядка вещей, который был создан соглашением 1872—1873 гг.», в ноте указывалось на то, что ряд областей (Шугнан, Вахан, Бадахшан) разрезается Аму-Дарьей (Пянджем). Отмечая, что Бухара тоже нарушила договоренность 1872—1873 гг., заняв в 1877 г. левобережную часть Дарваза, Морьер высказывал пожелание, чтобы предполагаемое англо-русское соглашение как можно меньше нарушало создавшееся положение.

Иными словами, английское правительство поднимало вопрос о пересмотре соглашения 1872—1873 гг., допуская возможность сохранения за Бухарой южной части Дарваза, лежащей на левом берегу Аму-Дарьи, в обмен на передачу под юрисдикцию Абдурахман-хана Шугнана, Рушана и Северного Вахана, находящихся на правом берегу реки. И по размерам территории, и по ее стратегическому значению подобный обмен был явно невыгодным для России. Проблема была слишком важна и сложна, чтобы ее решало только царское дипломатическое ведомство. Для обсуждения английских предложений снова было создано Особое совещание. Оно приобретало первостепенное значение.

Близился к разрешению десятилетний спор. Близилось к завершению установление окончательных границ Российской империи в Средней Азии. Необходимо было остановиться на наиболее правильном выборе дальнейших шагов в политике. Поэтому на состоявшемся 8 марта 1893 г. заседание были приглашены не только члены предыдущих «памирских совещаний», но и другие лица, имевшие отношение к «памирскому делу»: русский посол в Лондоне Стааль, много ездивший по Памиру полковник Генерального штаба Путята, начальник штаба Туркестанского военного округа, а затем военный губернатор Ферганской области Повало-Швейковский, полковник Ионов и российский политический агент в Бухаре Лессар.

Обсудив английские предложения, участники совещания пришли к выводу о необходимости добиваться точного и полного соблюдения соглашения 1872—1873 гг. «ввиду удобств, представляемых столь определенной пограничной чертой, как значительная река». Совещание подтвердило, что памирский район имеет крайне важное значение для России, особенно Западный Памир, «пригодный для жизни круглый год». Поэтому первоочередной задачей было признано установление именно там сферы влияния России. Англия должна была дать «настоятельный совет» эмиру Абдуррахман-хану «не препятствовать возвращению прежних ханов Шугпана и Рушана в свои владения». Это обеспечило бы за царским правительством важнейшую часть памирской территории и позволило бы «воздержаться от действительного и полного занятия края, сопряженного с большими расходами». Обсуждавшие проблему заявили о целесообразности уступки Афганистану южной, левобережной части Дарваза, занятого Бухарским ханством, в качестве вознаграждения за передачу западнопамирских бекств России и для полного соблюдения договоренности 1872—1873 гг.⁷³

Основные выводы совещания легли в основу ноты министерства иностранных дел, переданной 18 марта 1893 г. Р. Морьеру⁷⁴; к ней была приложена обширная памятная записка⁷⁵, содержавшая географические и исторические сведения о Памирском районе и о соглашении 1872—1873 гг. Твердая позиция России, основанная на международном праве, в конечном итоге вынудила Британскую империю признать свое поражение в спорном вопросе. После длительных переговоров англичане согласились с предъявленными им аргументами.

Англия попала в довольно щепетильное положение: в течение десяти лет она энергично добивалась от Афганистана активных действий на Памире, обещая всемерную поддержку, а в конечном итоге оказалась перед необходимостью нового нажима на афганские правящие круги, но уже в противоположном направлении. Чтобы

⁷³ Там же, лл. 213—218. Протокол совещания от 8 марта 1893 г., утвержденный царем 15 марта.

⁷⁴ Там же, лл. 226—229.

⁷⁵ Там же, лл. 230—240.

ослабить впечатление от своего политического поражения, британские власти привлекли лучшие силы своей дипломатии. В Кабул отправился секретарь англо-индийского правительства по иностранным делам Генри Мортимер Дюранд. В октябре 1893 г. миссия Дюранда прибыла в Кабул. Наряду с «памирским вопросом» ей было поручено добиться признания эмиром отторжения Британской империей так называемой полосы независимых племен. Как деликатно выражается английский официальный историограф Эйчисон, Дюранду было дано задание «разъяснить эмиру необходимость эвакуации восточных районов Шугнана и Рушана, чего требовала Россия, а также прийти к дружескому соглашению по поводу индо-афганской границы»⁷⁶. Определяя позицию царского министерства иностранных дел, его глава Н. К. Гирс 24 октября 1893 г. в записке руководителю Главного штаба Н. Н. Обручеву заявил о приемлемости предложенной Англией ияметки разграничительной линии от оз. Зор-Куль до китайской территории. Гирс считал возможным оставить в руках Афганистана восточную часть Ваханской долины. Таким образом, между территорией Индии и России создавалась буферная полоса афганских земель [«Ваханский язык»]. Эмир Абдуррахман-хан должен был вывести свои войска из Рушана, Шугнана и Вахана, получая в обмен Запанджский Дарваз⁷⁷. Об этом было информировано английское правительство, принявшее предложенную схему.

Во время переговоров в Кабуле Дюранд сравнительно легко добился успеха по первой — памирской — части своей программы. Отдаленный и заброшенный горный район не представлял для эмира Абдуррахман-хана особого интереса, тем более что он получал компенсацию в виде левобережного Дарваза. 12 ноября 1893 г. между эмиром и Дюрандом было подписано соглашение, зафиксировавшее достигнутую договоренность. Затем последовало еще несколько месяцев дипломатической переписки, и наконец 27 февраля (11 марта) 1894 г. конфликт был окончательно разрешен: англий-

⁷⁶ С. U. Aitchison, *A collection of treaties...*, p. 218.

⁷⁷ М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 3, стр. 411.

ский министр иностранных дел Кимберлей и посол России в Лондоне обменялись нотами, подтверждавшими направление пограничной линии и задачи смешанной разграничительной комиссии, а также передачу эмиру территории между памирской границей и Гиндукушем⁷⁸. Теперь дело было за технической стороной. По царскому указу от 7 июня 1895 г. русскую часть разграничительной комиссии возглавил военный губернатор Ферганской области генерал Повало-Швыйковский. В июле того же года представители России встретились с делегатами Англии во главе с британским военным атташе в Петербурге полковником Джерардом, получившим на время деятельности комиссии звание генерала. В течение июля — августа работа на Памире была завершена⁷⁹.

Не обошлось без «исторических фраз». 27 августа 1895 г. состоялось последнее заседание комиссии, был врыт последний пограничный столб и Джерард торжественно заявил: «Здесь конец памирскому вопросу»⁸⁰. По докладу министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского, сменившего умершего Гирса, в январе 1896 г. новая государственная граница была утверждена царем⁸¹. Памирская проблема была решена и снята с повестки дня. Российская империя завершила присоединение Средней Азии. Ее пограничная линия приняла окончательный характер.

Вскоре, однако, выяснилось, что памирская проблема решена лишь в международном плане. После ликвидации чужеземных притязаний на территорию Памира царское правительство занялось ее внутренним устройством. Восточные районы, населенные киргизскими кочевниками, были разделены на две волости — Памирскую и Орошорскую, вошедшие в состав Ферганской области. Что же касается Западного Памира, то Рушан, Шугнан и Северный Вахан были переданы бухарскому эмиру. Это мотивировалось их отдаленностью и бедностью, требовавшими больших расходов на управление

---

⁷⁸ С. U. Aitchison, *A collection of treaties...*, pp. 381—382.

⁷⁹ См. «Report on the proceedings...»

⁸⁰ М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 3, стр. 422.

⁸¹ ЦГИА УзССР, ф. Ферганское областное правление, л. 4546, л. 42. Письмо туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Ферганской области от 19 февраля 1896 г.

(об экономическом и культурном развитии занятых земель царские чиновники заботились меньше всего), а главное — необходимостью «компенсировать» главу Бухарского ханства. Ведь он понес ущерб: лишился Запянджского Дарваза, говорили политические деятели Ташкента и Петербурга.

Но, оказавшись под господством бухарских феодалов со всей их средневековой системой эксплуатации, памирские таджики поднялись на решительную борьбу за переход под управление России. Эта борьба, отдельные стороны которой хорошо раскрыты таджикским историком Б. Искандаровым⁸², носила исключительно упорный и напряженный характер.

В конечном итоге царское правительство, опасаясь серьезной дискредитации своей политики в соседних странах Востока (ведь речь шла о пограничных территориях), в первом десятилетии XX в. было вынуждено пойти на фактическое установление на Западном Памире своей власти, которая лишь маскировалась формальным присутствием там бухарского бека; роль его сводилась к пустому представительству.

---

⁸² См. Б. И. Искандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России*, [Душанбе], 1960.

ГЛАВА IX

ЦАРИЗМ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В течение ряда лет в дореволюционной русской печати появлялись различные статьи, а порой и целые книги, авторы которых недоумевающе вопрошали: «Почему, на каком основании Бухара и Хива, побежденные на поле боя», продолжают сохранять определенную независимость в своих внутренних делах? В течение длительного времени неоднократно поднимался вопрос (главным образом представителями буржуазных кругов Российской империи) о ликвидации «этих анахронизмов», государств в государстве, и о полном включении ханств в состав Российской империи.

Одним из наиболее плодотворных писателей, посвятивших ряд исследований этому вопросу, был долгое время живший в Средней Азии Д. Н. Логофет, автор книг «Бухарское ханство под русским протекторатом», «В забытой стране» и др. Логофет занимал в Туркестанском крае важные административные посты и имел возможность детально ознакомиться с общим положением в Бухарском ханстве. «Вследствие каких непонятных причин, — писал он в 1913 г., — Бухара, большая часть территории которой была завоевана силой русского оружия и обильно полита русской кровью, не была в то время присоединена к русским владениям, а, напротив, усмирив непокорных правителей, не признавших эмира, мы создали из маленькой Бухары значительное государство и опять-таки отдали его эмиру в наследственное владение... русское дело оказалось отодвинутым куда-то далеко на задний план...»¹.

---

¹ Д. Н. Логофет, *В горах и на равнинах Бухары...*, стр. 24—25.

Проблема полного присоединения Хивинского и Бухарского ханств к Российской империи являлась злободневной и животрепещущей в течение всего колониального периода истории Средней Азии. Десятилетия подряд царские чиновники отмечали в своей переписке, что, например, вопрос об окончательном слиянии Бухарского ханства с Российским государством в принципе решен положительно, однако практическое претворение в жизнь этого мероприятия требует соответствующей обстановки. Подобная обстановка, кстати говоря, так и не сложилась вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Характерно в этом отношении высказывание туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова, относящееся к 1910 г. Этот царский администратор, отнюдь не проявлявший гуманности по отношению к трудящимся массам подведомственного ему Туркестанского края, был вынужден констатировать необходимость кардинальных преобразований в бухарском государственном устройстве, чтобы предоставить населению ханства «более сносные условия материального существования, личную и имущественную безопасность, устранить произвол и вымогательства чиновников». Самсонов руководствовался при этом вовсе не стремлением улучшить жизнь местного населения: его беспокоила лишь возможность революционного взрыва народных масс. «Откладывать дальше реформы в Бухарском ханстве нельзя, — продолжал он. — Недовольство народа растет и может очень скоро окончиться мятежом, для подавления которого придется прибегнуть к вооруженной силе»².

Чем объясняется особая политика, проводившаяся царским самодержавием в отношении побежденных в войне и подписавших кабальные договоры Бухарского и Хивинского ханств? Чем было вызвано явное нежелание царизма ликвидировать власть бухарского эмира и хивинского хана и превратить их земли в «Бухарскую» и «Хивинскую» области Туркестанского края и почему это было проделано с Кокандским ханством, которое

---

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 12, д. 1367. «Всеподданнейший доклад» туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г., лл. 52—53.

вошло в состав Российской империи в виде Ферганской области?

Хотя история взаимоотношений Российской империи со среднеазиатскими ханствами в колониальный период разработана в имеющейся по этому вопросу литературе, особенно дореволюционной, довольно детально³, в ней, насколько нам известно, нет ответа на поставленный таким образом вопрос⁴.

Еще за тридцать лет до Д. Н. Логофета, в 1882 г., туркестанский генерал-губернатор М. Г. Черняев выдвинул предложение о ликвидации Бухарского и Хивинского ханств, обсужденное на Особом совещании по среднеазиатским делам 24 июня 1882 г. Значение этого совещания определялось его составом. Здесь присутствовали министр иностранных дел Н. К. Гирс, министр финансов Н. Х. Бунге, начальник Главного штаба Н. Н. Обручев, товарищ министра иностранных дел А. Г. Влангалц, первый советник этого министра А. Г. Жомини, товарищ министра финансов И. В. Николаев, посланник Российской империи в Персии И. А. Зиновьев, М. Г. Черняев, вице-директор департамента торговли и мануфактур министерства финансов Н. А. Ермаков и другие влиятельные представители царского правительства. Одна из проблем, рассматривавшаяся на совещании, была сформулирована так: «Наши политические отношения с независимыми среднеазиатскими ханствами».

М. Г. Черняев изложил записку, представленную им в министерство иностранных дел⁵. Туркестанский генерал-губернатор отмечал, что «из-за отсутствия руководящего плана» в действиях Российской империи в Тур-

³ Кроме указанных работ Д. Н. Логофета, см., в частности, также: А. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк Бухары и Туниса...*; М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, тт. 1—3 (особенно т. 2), и др.

В советское время этими проблемами занимались А. Л. Попов (*Из истории завоевания Средней Азии*), А. М. Рябинский (*История колониального порабощения...*, стр. 175—221) и др.

⁴ Отдельные замечания по вопросу о введении русского управления в Бухарском ханстве содержатся в кн.: А. И. Ишанов, *Создание Бухарской Народной Советской республики*, стр. 34—37.

⁵ См. ЦГВИА СССР, ф. ВУА-с, оп. 1, д. 73, «О наших политических отношениях к независимым среднеазиатским ханствам...», лл. 20—23.

кестане у нее образовалась «крайне неудобная граница». Между главным военно-политическим центром Туркестанского края — Ташкентом — и Закаспийской областью находятся независимые владения: Бухара и Хива. Поскольку опорным пунктом русского Туркестана является Оренбург, «сообщения с которым в течение пяти месяцев в году невозможны», этот край «как бы отрезан от России, постоянно требует от нее материальных пожертвований и остается мало полезным даже в стратегическом отношении». По мнению М. Г. Черняева, для укрепления экономики и развития торговли Туркестана надлежало связать его с Каспийским морем, включив в состав империи Бухарское и Хивинское ханства. Туркестанский генерал-губернатор обосновывал свое предложение, в частности, внутривнутриполитическим положением Бухарского ханства: опасением, что в случае смерти эмира ханство станет ареной междоусобной войны, в которой примет активное участие бежавший в 1868 г. из Бухары и поселившийся в Северной Индии сын эмира — Абдулмалик, «приверженец Англии».

Утверждение Российской империи в Бухарском ханстве, по Черняеву, не представляло особых затруднений, ибо при этом возможно было рассчитывать «на сочувствие и содействие так называемой „русской“ партии, которая, состоя из земледельцев и торговцев видит в русском владычестве надежный залог личной и имущественной безопасности, уже давно желает присоединения ханства к России и в случае внутренних замешательств не преминет обратиться к нам с просьбой о водворении в Бухаре русской власти». Для этого не понадобится увеличивать войска в Туркестане: они всегда могут быть переброшены с Кавказа. В то же время к Российской империи будет присоединен, таким образом, «край густонаселенный, превосходящий плодородием и богатством все остальные приобретения наши в Средней Азии».

Черняев подсчитал, что бухарский эмир ежегодно собирает подати и налоги в сумме около 6 млн. руб. золотом, которых хватило бы на покрытие ежегодного дефицита по всему Туркестанскому краю, оплату расходов, необходимых для улучшения дорог из России в Среднюю Азию, «в коих нуждается наша торговля, и на водворение русского населения».

Генерал-губернатор предлагал назначить в Бухару особого «правительственного резидента» для наблюдения за политической жизнью и принятия мер «на случай беспорядков», а также, чтобы подготовить население к переходу под власть Российской империи. Что же касается хивинского хана, то он, по выражению Черняева, «считает себя не более, как нашим уездным начальником; сами мы к нему относимся не иначе», поэтому (!) «было бы нелогичным оставлять безраздельно в пользу него все доходы страны, простирающиеся до 300 тыс. руб. в год, тем более, что содержание Аму-Дарьинского отдела стоит нам немалых расходов. Хивинский хан мог бы гораздо удобнее и спокойнее проживать на привычном иждивении в Казани или Калуге».

Изложенные взгляды туркестанского генерал-губернатора носили чисто колонизаторский характер: ограбление населения Бухарского и Хивинского ханств в пользу господствующих классов Российской империи, облегчение капиталистической эксплуатации трудящихся Средней Азии, ее русификация и колонизация, да при этом осуществление всего этого без особых затрат, — такая программа, казалось бы, должна была вполне устраивать остальных участников совещания. Между тем она не встретила среди них поддержки: ее почти единодушно отклонили. Оппоненты М. Г. Черняева выдвинули следующие доводы⁶.

Установившиеся взаимоотношения со среднеазиатскими ханствами представляют существенные выгоды и преимущества. Правительство не должно затрачивать средства «на обеспечение в краях этих спокойствия и на поддержание обаяния нашего в глазах как местного населения, так и его правителей». И в то же время царское правительство через Ташкент полностью контролирует эмиров и ханов, заставляя их действовать по своему усмотрению. Следует тем паче сохранять существующий порядок вещей в ханствах, ибо «самая своеобразность этих стран исключает по большей части возможность их переустройства, и что поэтому почти неизбежным последствием всякого изменения условий их существования является далеко не всегда желательное присоединение независимых владений к России, тер-

---

⁶ Там же, лл. 24—32. Протокол совещания от 24 июня 1882 г.

ритория которой в Средней Азии и без того уже весьма обширна и требует от нее значительных и по большей части непроезжих затрат». Другим нежелательным последствием попыток включения Бухарского и Хивинского ханств в состав Российской империи может стать беспокойство и даже «сильная тревога» в Англии. Ухудшение же англо-русских отношений грозило опасностью срыва намечавшегося тогда соглашения по среднеазиатским делам, в котором была заинтересована и Российская империя «ввиду как ощущаемой нами потребности вообще избегать затруднений, так и возможности больших осложнений на европейском Востоке» (т. е. на Балканах и в Турции. — Н. Х.).

Совещание полагало, что только чрезвычайные и особо важные обстоятельства могут оправдать какой-нибудь рискованный шаг, влекущий за собой ухудшение отношений с Англией. Возможная междоусобица в Бухарском ханстве не являлась для этого достаточным основанием. Любой претендент на трон бухарского эмира, будь это даже связанный с Англией Абдулмалик, окажется перед необходимостью заручиться поддержкой царских властей в борьбе за власть, а тем более — для ее упрочения. Британское сочувствие мало поможет в таком деле, поскольку только от царского правительства «будет зависеть принять более деятельное участие в судьбах ханства и дать событиям оборот, более согласный с нашими воззрениями». Экономические выгоды, какие обещает Черняев, легко могут оказаться фикцией. «Свои» 6 млн. руб. золотом эмир «извлекает при помощи деспотических мер и приемов, благодаря которым никто в Бухаре... не уверен ни в целости собственной головы, ни в завтрашнем дне». В случае присоединения ханства к Российской империи для привлечения симпатий местного населения придется «значительно облегчить тяготеющие над ним гнет и поборы» и ввести более современную администрацию, которая «весьма дорого обходится в Средней Азии и нелегко создается». Аналогичные соображения в еще большей степени применимы и к Хивинскому ханству. Если местный хан примирился с положением уездного начальника, то чего надо больше желать? Этим положением надо дорожить, тем более что его доходов — 300 тыс. руб. — вряд ли хватит на содержание аппарата управления в ханстве.

Совещание согласилось лишь с мнением М. Г. Черныева о первостепенной необходимости устройства пути между низовьями Аму-Дарьи и Каспийским морем для ликвидации изолированного положения Туркестанского края. Однако ввиду отсутствия средств на создание «усовершенствованных и дорогостоящих путей сообщения» оно предложило искать решение этой проблемы «не в коренном изменении оснований, на которых держится наше территориальное положение в Средней Азии, а в условиях, направленных к развитию наших мирных торговых сношений с среднеазиатским населением и в особенности с Мервом».

Окончательное заключение Особого совещания гласило:

1. В данное время нет необходимости изменять сложившееся положение. 2. При возникновении в Бухарском ханстве междоусобной борьбы царскому правительству следует воздержаться от вмешательства в нее для сохранения свободы действий и признать эмпиром того из претендентов, который обяжется соблюдать установившиеся взаимоотношения с Российской империей. 3. Вместе с тем надо быть готовыми к активным действиям в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств, и туркестанский генерал-губернатор должен доставлять в министерства иностранных дел и военное «по возможности частые и регулярные отчеты», на основании которых можно было бы заранее выяснить вопрос о наследнике бухарского престола и оказать ему поддержку для предупреждения внутренних раздоров. 4. Следует стремиться к развитию торговых сношений с населением, обитающим между Аму-Дарьей и Каспийским морем, используя для этого влияние русского правительства в Бухаре и Хиве.

Предложение туркестанского генерал-губернатора о назначении в Бухарское ханство русского резидента было отклонено по тем же мотивам, а именно: его осуществление привело бы к более тесному участию Российской империи во внутренних делах ханства и могло заставить царское правительство волей-неволей активно вмешиваться в эти дела. Протокол совещания, подписанный Гирсом, Бунге, Обручевым и Зиновьевым, был утвержден Александром III, не встретив с его стороны никаких возражений.

Этим министерство иностранных дел не ограничилось. Учитывая прежнюю военно-политическую деятельность М. Г. Черняева, допускавшего не раз самостоятельные действия в Средней Азии и выходившего за пределы даваемых ему полномочий, Н. К. Гирс считал необходимым снабдить его особой инструкцией от ведомства иностранных дел⁷. В ней (зачастую в тех же выражениях, что и в протоколе Особого совещания) вновь и вновь подчеркивалась удовлетворительность созданной системы взаимоотношений Российской империи с Бухарским и Хивинским ханствами, ибо правители ханств прониклись сознанием своей вассальной зависимости и всякое изменение сложившегося положения вещей принесло бы только вред.

В дальнейшем министерство иностранных дел неустанно продолжало напоминать об этом принципе своей среднеазиатской политики.

Так, в мае 1884 г. сменивший М. Г. Черняева на посту туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбах получил от Н. К. Гирса своего рода инструкцию о порядке дипломатических сношений. В ней подчеркивались «несомненные и немаловажные удобства», которые предоставляло для царизма положение Бухарского ханства: полная зависимость эмира в области внешней политики и относительная самостоятельность в вопросах внутреннего управления. Благодаря этому, как писал министр иностранных дел, «мы обеспечены от необходимости принимать непосредственно на себя обязанности, сопряженные с поддержанием порядка на пространстве, отделяющем Туркестанский край от Афганистана». Гирс призывал к укреплению авторитета бухарского эмира «в глазах как его подчиненных, так и соседей», чему должна была способствовать политика полного невмешательства царизма во внутреннюю политическую жизнь Бухары⁸. Аналогичного мнения придерживался и военный министр П. С. Ванновский. На одном из донесений конца 1886 г. по поводу борьбы различных политических группировок в Бухарском ханстве он сделал

---

⁷ См. там же, лл. 33—39. «Начала», которыми должен руководствоваться туркестанский генерал-губернатор, от 29 июля 1882 г.

⁸ См. там же, лл. 48—68. Письмо Гирса — Розенбаху от 4 мая 1884 г.

весьма характерную пометку: «Лишь бы не пришлось присоединить Бухару»⁹.

Еще более характерна «Записка о политическом и экономическом положении Бухарского ханства»¹⁰, составленная в конце XIX в. российским политическим агентом в Бухаре П. М. Лессаром. Этот активный проводник политической линии царского самодержавия в Бухарском ханстве высказывался весьма цинично и недвусмысленно. Констатируя, что основное содержание политики царизма в отношении ханства заключается в «полном невмешательстве» в его внутренние дела, Лессар отмечал: «Мы заботимся исключительно об обеспечении бухарского рынка и о выполнении политических и стратегических задач на случай осложнения в Средней Азии; эмир же и его сановники делают с народом, что им угодно. Таким образом, не затрачивая никаких средств или трудов, мы получаем от Бухары все, что нам нужно». Подобная система, по мнению политического агента, была весьма выгодна для царского самодержавия, но, как отмечается в записке, она характерна также «тяжелым положением народа и общим неудовольствием, вызываемым невыносимыми поборами сборщиков податей, гаремными излишествами эмира, обремененностью военной службы, подкупностью казнев, одним словом, общим крайне неудовлетворительным управлением ханством». Все это, как писал Лессар, серьезно отражается на престиже русской власти, поддерживающей эмира, возлагая на царское правительство «нравственную ответственность» за все беззакония и безобразия, творящиеся в Бухарском ханстве.

С другой стороны, правящие круги Российской империи, взгляды которых выражал Лессар, опасались и за свои материальные интересы, с точки зрения которых было совершенно «невозможно допустить разорение бухарского народа», поскольку в таком случае «Бухара как рынок потеряет значение в случае обеднения населения... Необходимо помнить, — отмечал далее Лессар, — что если эмиру легко в несколько лет разорить свой народ, то России впоследствии придется при-

⁹ ЦГВИА СССР. ВУЛ, д. 556-с, л. 1.

¹⁰ ЦГИА УзССР, ф. Российское императорское политическое агентство в Бухаре, д. 20, лл. 109—124. Это политическое агентство было открыто в Бухаре в 1885 г.

нести серьезные жертвы, чтобы восстановить его благосостояние до такой степени, чтобы платежные силы сделали возможным безубыточное управление страной»¹¹.

Казалось бы, и с политической, и с экономической стороны целесообразно было бы ликвидировать эти пережившие себя и все же продолжавшие существовать феодальные деспотии — Бухару и Хиву. Но эта мера продолжала вызывать серьезные опасения, вытекавшие из основных принципов колониальной политики русского самодержавия. Царские власти опасались увеличения расходов по управлению присоединенными территориями, когда без этой аннексии можно было обойтись. Так, тот же Лессар высказывал мысль, что присоединение Бухарского ханства к Российской империи неизбежно заставит создать «сложный и дорогостоящий административный и судебный механизм и ляжет тяжелым бременем на государственное казначейство». Вместе с тем такой шаг порождал опасения и с внешнеполитической стороны, поскольку мог вызвать протесты со стороны Англии и толкнуть ее, по мнению Лессара, в объятия «среднеевропейских держав», т. е. Тройственного союза. Подобное же нежелательное впечатление могла произвести аннексия Бухарского и Хивинского ханств на зарубежном Востоке: в Индии, Афганистане, Персии.

Резюмируя все отрицательные моменты, Лессар приходил к твердому выводу, что присоединение Бухарского ханства не только не укрепило бы положение России в Средней Азии, но и оказало бы «прямо противоположное действие». Это положение подкреплялось чрезвычайно характерным и выразительным доводом колонизатора: «Для нашего положения в Туркестане весьма выгодно существование независимых ханств, как Бухара и Хива; что бы ни делалось для улучшения их управления, всегда население их будет в худшем положении, нежели в Туркестане; всегда они будут желать подчинения России, и туземцы наших владений будут ценить преимущества русского подданства. С прекращением независимости ханства исчезнет единица сравнения, и это неблагоприятно отразится на успешности примирения туземных рас с нашим господством»¹².

¹¹ Там же, лл. 110.

¹² Там же, лл. 115—116. Записка П. М. Лессара.

С Лессаром перекликался и К. Скальковский, торгово-промышленный деятель и низкопробный литератор, претендовавший на роль одного из глашатаев захватнической политики царского самодержавия. В своей обширной книге с претенциозным и громким заглавием «Внешняя политика России и положение иностранных держав» он почти дословно повторил независимо от Лессара его высказывание. «Бухарский народ, — писал Скальковский, — сравнивая постоянно порядки, существующие в их автономной области, с порядками в соседних Туркестанском и Закаспийском краях, невольно убеждается в большем удобстве жить под русским владычеством; это мнение разделяется даже старшинами и другими лицами, которые имеют пока интерес поддерживать статус-кво. Окончательно присоединить Хиву и Бухару нам нет, однако, расчета не только по высказанным выше соображениям, но и потому, что такая аннексия произвела бы дурное впечатление на Афганистан и на полузависимые государства Индии. Последние усмотрели бы в России не возможного для них, в случае разрыва с англичанами, покровителя, а скрытого врага»¹³.

Аналогичные мысли содержатся и в «Справке о Бухаре и Хиве»¹⁴, составленной дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе А. Калмыковым в конце XIX в. В ней отмечается стремление царского правительства сохранять «в неприкосновенности Хивинское и Бухарское ханства», чтобы «дать возможность населению завоеванных и присоединенных к России земель воочию убедиться в преимуществе нашей системы управления перед ханской, где жизнь, честь и имущество каждого были в полном распоряжении у любого ханского фаворита, бека или сборщика податей».

«Уважение» к бухарским и хивинским эмирам и ханам, по мнению Калмыкова, способствовало популярности царской власти «далеко за рубежом», что, с его же точки зрения, учитывалось Англией и отражалось на ее восточной политике. Не последнее место в рассуж-

---

¹³ К. Скальковский. *Внешняя политика России...*, стр. 396—397.

¹⁴ ЦГИА УзССР, ф. Российское политическое агентство в Бухаре, д. 8. лл. 65—69. Недатированная записка Калмыкова.

денных Калмыкова занимали финансовые соображения: сохранение внутренней зависимости ханств избавляло от расходов, «сопряженных с содержанием там нашей администрации». Неизменность этих взглядов подтверждала спустя десятилетие инструкция временно управляющего министерством иностранных дел Российской империи А. А. Нератова политическому агенту в Бухаре А. С. Сомову. В ней также отмечается нежелание царских властей «расширять без нужды площадь вновь присоединенных владений, на которой нам предстояло вести и поддерживать порядок, а равно не увеличивать расходов, с этим сопряженных», а также стремление избежать «серьезных осложнений политического характера»¹⁵.

Изложенные материалы свидетельствуют о наличии в основном трех мотивов, по которым царское правительство отрицательно относилось к включению Бухарского и Хивинского ханств в состав Российской империи. Это — нежелательность внешнеполитических осложнений (в основном с Англией), боязнь увеличения расходов «на управление» и — последнее по счету, но не по значению — стремление содействовать «примирению» сотен тысяч трудящихся Туркестанского генерал-губернаторства «путем сравнения» с колонизаторским капиталистическим режимом, который был все же прогрессивнее феодального деспотического строя, бытовавшего в ханствах Средней Азии. Все это не означало, однако, что царское самодержавие совершенно отказалось от полного поглощения ханств. Данное мероприятие лишь откладывалось до тех пор, когда «по политическим или иным соображениям императорское правительство признает это своевременным»¹⁶.

Подобная же политика применялась не только по отношению к Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству, но и к другим областям Средней Азии. В качестве примера напомним о «подарке», сделанном туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом бухарскому эмиру Сеид Музаффару в августе 1870 г., когда власть над только что разгромленным генералом

¹⁵ ЦГИА УзССР, ф. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе, д. 480, лл. 9—18. Инструкция от 25 февраля 1912 г.

¹⁶ Там же, л. 10.

Абрамовым бекствами Шаарским и Китабским была передана бухарскому эмиру. Ведь до того оба эти бекства были фактически независимыми от эмира, с которым они находились в состоянии непрерывных феодальных войн. Как видим, царскому правительству ничего не стоило «подключить» их к соседним русским владениям Зеравшанского округа Туркестанского края. Другим образом такой политики может служить отношение царского правительства к так называемым приамирским бекствам — Рушану, Шугнану и Вахану. В 1895 г. после долгих дипломатических переговоров, сопровождавшихся военными столкновениями, эти бекства перешли к Российской империи из-под управления Афганистана, занявшего их по указке и при поддержке империалистических кругов Англии в 1883 г. Однако власть над ними, несмотря на отчаянные протесты со стороны населения, была также передана бухарскому эмиру. Основным доводом в целесообразности этого шага выдвигалось уже отмечавшееся соображение о необходимости экономить средства, не растрачивая их на организацию управления в бедной и малопродуктивной стране, а также стремление сохранить «прокладку» между владениями Российской империи и Англии. Аналогичной политики царские власти упорно стремились придерживаться и в отношении третьего ханства — Кокандского, о чем уже говорилось в соответствующем разделе работы. И только местная политическая обстановка — непрерывные народные волнения, которые в 1875—1876 гг. феодальная знать стремилась (и в ряде районов ей это удавалось) перевести в русло националистического реакционного «газавата», полная дискриминация ханской власти, — а также реальная внешнеполитическая угроза со стороны соседних государств, за которыми стояла Англия, — все это обусловило отказ царского правительства от устраивавшей его формы косвенного господства, характерной для Бухарского и Хивинского ханств.

Рассмотрев причины, вызывавшие различную политику царского правительства в отношении среднеазиатских ханств — Бухарского, Хивинского и Кокандского, можно прийти к следующему выводу.

Фактическое положение трех упомянутых ханств (как до, так и после покорения Коканда и присоедине-

ния его к царской России) было принципиально одинаковым, но различным по своим формам. Хивинское и Бухарское ханства, обладавшие относительной внутренней самостоятельностью, на деле целиком зависели от царского самодержавия в основном вопросе о рынках сбыта и источниках сырья. То же самое можно сказать и об аннексированном Кокандском ханстве. Однако положение трудящихся масс в них было различным. Восточная феодальная деспотия типа Бухарского эмирата или Хивинского ханства несомненно была значительно тяжелее для широких слоев населения, чем власть Российской империи. Специфика политики царского правительства в отношении Бухарского эмирата и Хивинского ханства, с одной стороны, и Кокандского ханства, с другой, объясняется общими установками: стремлением обеспечить за собой с наименьшими материальными затратами рынки сбыта и источники сельскохозяйственного сырья для российской фабрично-заводской промышленности и нежеланием обострять взаимоотношения с Англией. При этом совершенно не учитывались интересы трудящихся масс Бухары и Хивы, изнывавших под гнетом средневекового феодального деспотизма. Больше того, их интересы служили царскому самодержавию разменной монетой для осуществления своих политических целей. Царских реакционеров вполне устраивала консервация в этих ханствах отсталых феодальных отношений.

В более перспективной с точки зрения экономического развития Ферганской долине царское правительство, подталкиваемое конкретной обстановкой, сложившейся в Кокандском ханстве и на его границах, избрало иной путь — путь ликвидации ханской власти и преобразования Кокандского ханства в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

60—90-е годы XIX в. были периодом окончательного перехода Российской империи на капиталистический путь развития. В стране появлялись новые заводы и фабрики, возникали новые отрасли промышленности, расширялась внешняя и внутренняя торговля. Однако рост капиталистических отношений сдерживался, тормозился наличием в России феодально-крепостнической системы, а после отмены крепостного права в 1861 г. — ее пережитков.

В этих условиях особое значение приобретало развитие капитализма вширь. Царское правительство, потерпев поражение в борьбе со своими западноевропейскими соперниками — Англией и Францией — за господство на Балканах и Ближнем Востоке, уделило основное внимание Средней Азии.

Утверждение господства Российской империи в Средней Азии, осуществлявшееся дворянско-помещичьим царским правительством, расширяло налоговые, фискальные возможности самодержавия, расширяло фонды обрабатываемых земель, в чем были весьма заинтересованы помещики, давало возможность дворянской знати «отличиться» в военных походах, способствовало, по мнению царизма, увеличению его влияния и авторитета. Оно укрепляло позиции российского «военно-феодального» империализма. Успешная наступательная политика соответствовала также интересам молодой буржуазии Российской империи, обеспечивая ей монопольное положение на важных рынках сбыта и источниках сырья и создавая предпосылки для расширения фабрично-заводской промышленности. Присоединение сред-

неазиатских земель к России предотвратило их захват сильнейшим и опаснейшим конкурентом и врагом России на Востоке — Британской империей.

Исследование секретных для своего времени документов и материалов царского правительства с неопровержимой убедительностью свидетельствует, что оно не имело никаких планов и стремлений к «походу на Индию», а тем более к овладению этой английской колонией. Дополнительным подтверждением этого вывода является неизменно пассивное отношение царских властей к различным посольствам, миссиям и гонцам, прибывавшим в русский Туркестан из индийских княжеств — Индура и Кашмира, из Непала, к представителям религиозно-политических кругов Индии и т. д.

Несмотря на политическое тяготение некоторых государств Индии к России и попытки с их стороны заручиться ее поддержкой в борьбе против английских порабитителей, Петербург воздерживался от оказания им какого-либо содействия. Россия Индии не угрожала. Развернутая правящими кругами Великобритании, ее политическими деятелями и публицистами пропагандистская кампания о «русской угрозе» Индии на деле маскировала и обосновывала активную политическую, экономическую, а подчас и военную экспансию самой Британской империи в Средней Азии.

Приводимые в книге многочисленные сведения по этому вопросу дают все основания для четкого заключения: английская угроза Средней Азии была вполне конкретной, реальной и проявлялась на деле. В течение рассматриваемого периода в Индии побывали из России 4—5 человек (П. И. Пашино, И. П. Минаев и др.), ехавших открыто, официально, под надзором местной администрации. В то же время Среднюю Азию посетили десятки британских агентов. Они детально и всесторонне изучали среднеазиатские ханства, плели всевозможные интриги, занимались подкупам местной правящей верхушки, провоцировали вооруженные выступления, старались сколотить в этом районе антирусские группировки. Английские колонизаторы продвигались из Индии к границам Средней Азии, создавая прямую угрозу вторжения в эту область. Когда в России стал известен план Мак-Грегора (это произошло спустя семь лет после его подготовки, в 1891 г.), он вызвал формаль-

ный протест царских властей по поводу его характера и появления на свет, по поводу его резко выраженного агрессивного духа и русофобских идей. Британский посол в Петербурге Роберт Морьер в ответном послании министру иностранных дел Гирсу был вынужден признать, что «сочинение это, действительно, может произвести на русских военных тяжелое впечатление».

Посол ссылаясь при этом на «неофициальный характер» этого документа¹. Однако в авторитетных военно-политических кругах царизма вовсе не склонны были относиться к нему как к досужему баловству выжившего из ума генерала. Сопоставляя положения плана с реальной действительностью, там приходили к выводу, что он представлял собой реальную, осуществлявшуюся программу. Так, консул Российской империи в Кашгаре Н. Ф. Петровский 17 мая 1891 г. писал в Главный штаб: «Пробежал книгу Мак-Грегора и горжусь тем, что все, что я писал и доносил о политике англичан на Гиндукуше, о попытках сблизиться с недовольными в русском Туркестане, о Кашгаре и пр., — всему этому я нашел подтверждение в этой книге»².

Его коллега по Средней Азии А. Н. Куропаткин, непосредственный участник почти всех важнейших акций царского правительства в этой области, находясь на посту начальника Закаспийской области, в своем отчете за 1890—1891 гг. подверг план Мак-Грегора детальному анализу. «Есть полное основание думать», отмечал он, что этот план «был принят английским правительством и с тех пор уже шесть лет неуклонно приводится в исполнение»³.

Кто-то из штудировавших в военном министерстве на рубеже XIX и XX вв. отчет Куропаткина оставил на полях характерную карандашную помету: «Это продолжается и поныне: 1895 год Памиры, 1897 Читрал, 1899 г. Вах[ан] и Раскем». То были отмечены дальнейшие наступательные шаги Британской империи в Средней Азии и на ее границах.

Развивая далее свою мысль, начальник Закаспийской области, занявший через несколько лет один из

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 357, лл. 71—72. Нота Р. Морьера от 10/22 февраля 1892 г.

² ЦГВИА, ВУА, д. 78267, л. 15.

³ ЦГВИА, ВУА/с, д. 828, л. 9.

важнейших в Российской империи постов — пост военного министра, указывал, что Англия готовится «к переходу в благоприятную минуту в наступление», возлагая «большие надежды на своих эмиссаров, „снабженных, как говорит Мак-Грегор, — мешками золота“, и которые в Закаспийском крае, Бухаре и Туркестане в требуемую минуту вызовут если не восстание против нас, то по крайней мере волнение»⁴.

Царские власти в Туркестанском генерал-губернаторстве действительно частенько сообщали в Петербург об аресте то в одном, то в другом районе Средней Азии подозрительных иностранцев, объяснявших свое появление разнообразнейшими причинами: поисками пропавших многие десятилетия назад родственников, сбором средств среди мусульман на строительство Хиджазской железной дороги, особой любознательностью и т. д., и т. п.

Британские колонизаторы создали в Северной Индии, Иране, Афганистане свои опорные пункты, выжидая удобного момента для вторжения в Среднюю Азию. Британское правительство прилагало серьезные усилия, чтобы толкнуть соседние со Средней Азией государства — Иран, Афганистан и Китай — на овладение отдельными среднеазиатскими областями, их расчленение и раздел.

Само собой разумеется, что этими действиями английские империалисты стремились воспользоваться в своих собственных интересах. Исторические факты убедительно свидетельствуют о невозможности для среднеазиатских ханств сохранить свою самостоятельность в условиях борьбы капиталистических держав за овладение рынками сбыта и источниками сырья, за захват колоний, за раздел мира — борьбы, особенно обострившейся во второй половине XIX в. Включение Средней Азии в состав России предотвратило ее поглощение (прямо или косвенно) британскими колонизаторами.

Внешняя политика Российской империи в рассматриваемое время в этом районе может быть разбита на два этапа. Во-первых, всесторонняя разведка обстановки в Средней Азии, попытки установить там свое господство дипломатическим и экономическим путем (1857—

---

⁴ Там же, л. 15.

1863 гг.); во-вторых, широкое военно-политическое наступление (1864—1895 гг.), которое привело к включению среднеазиатских земель в состав России.

Переход на втором этапе к более активной внешней политике был тесно связан как с внешнеполитической обстановкой, так и с внутренним положением Российской империи. В первом плане — это сочетание сравнительно благоприятного для России развития европейских дел с резким, угрожающим усилением деятельности британских соперников на Востоке, в том числе в Средней Азии. Во втором — и на нем следует остановиться более подробно — это определенный рост веса и влияния в стране буржуазных кругов, связанный с реформами 60-х годов XIX в.

Хотя чуть ли не до самых последних минут существования Российской империи дворянско-помещичьи круги продолжали сохранять в ней господство, царское правительство, как об этом свидетельствуют документы, все более внимательно учитывало требования и запросы предпринимателей, заводчиков и фабрикантов, банкиров и крупных торговцев. Недаром ведущим мотивом почти всех военно-политических акций царских властей выдвигалось желание создать условия для развития «правильной торговли» в стране, обеспечить за собой рынки сбыта и сырьевые ресурсы и наконец предотвратить в Средней Азии столь опасное «иностраниое совместничество», в значительной степени лишившее российские промышленные предприятия европейских и американских рынков.

С этой точки зрения политика царского самодержавия в Средней Азии вполне соответствовала интересам российской буржуазии, хотя — это надо повторить и подчеркнуть — от нее получали несомненные выгоды и дворянско-помещичьи круги в виде расширения фискальных возможностей, всевозможных служебных повышений и наград участникам военных походов из их среды, а в дальнейшем — в результате использования среднеазиатских земель для переселения крестьян из различных районов России — для разрядки крайне напряженной внутренней ситуации.

Торгово-промышленные слои страны с удовлетворением расценивали подчинение ханств Средней Азии и расширение там владений Российской империи. В 70-х

годах XIX в., когда в общем уже определилось ее полное владычество в Средней Азии, торговцы и промышленники для лучшего освоения местных рынков выдвигали перед правительством по сути дела лишь частные задачи. Так, например, «Общее собрание Московского промышленного съезда 1872 г.» ходатайствовало о прокладке телеграфной линии в Ташкент и предоставлении различных льгот частным лицам и акционерным обществам в их деятельности по развитию хлопководства и шелководства⁵. Общество для содействия русской промышленности и торговле в конце 1872 г. призывало назначить в Коканд, Бухару, Кашгар и Яркенд торговых агентов «по выбору московского купечества» для расширения «нашего коммерческого влияния на азиатском рынке»⁶.

Через год это же «Общество» ставило перед министерством финансов вопрос о публикации «торгово-промышленных сведений», которые собирали агенты министерства в Ташкенте и Красноводске⁷.

Правда, наиболее агрессивные «военно-буржуазные элементы» (если допустимо такое словосочетание), как, например, М. А. Терентьев, настаивали на самых решительных мерах по обеспечению за Россией среднеазиатских рынков. Так, в обширном трактате «Как устранить торговое соперничество англичан в Средней Азии» (1873) он указывал на необходимость не только соединить Среднюю Азию с Россией телеграфом и железнодорожной линией и улучшить культуру среднеазиатского хлопка, но и «занять рынки», «охранять их от вторжения английских мануфактур»⁸. В следующем году М. А. Терентьев опубликовал статью «Торговая политика Англии. Исторический очерк», в которой подчеркивал энергичное противодействие Англии промышленному развитию России, значение Средней Азии для русской торговли и опасность английского соперничества в этой области⁹.

В «чрезвычайных мерах», однако, не было особой

---

⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 32, д. 422, л. 3. Резолюции общего собрания Московского промышленного съезда 1872 г.

⁶ «Труды Общества...», ч. 2, 1873, стр. 19—21.

⁷ Там же, стр. 21—23.

⁸ Там же, стр. 182—183.

⁹ «Вестник Европы», 1874, № 9, стр. 73—108.

1863 гг.); во-вторых, широкое военно-политическое наступление (1864—1893 гг.), которое привело к включению среднеазиатских земель в состав России.

Переход на втором этапе к более активной внешней политике был тесно связан как с внешнеполитической обстановкой, так и с внутренним положением Российской империи. В первом плане — это сочетание сравнительно благоприятного для России развития европейских дел с резким, угрожающим усилением деятельности британских соперников на Востоке, в том числе в Средней Азии. Во втором — и на нем следует остановиться более подробно — это определенный рост веса и влияния в стране буржуазных кругов, связанный с реформами 60-х годов XIX в.

Хотя чуть ли не до самых последних минут существования Российской империи дворянско-помещичьи круги продолжали сохранять в ней господство, царское правительство, как об этом свидетельствуют документы, все более внимательно учитывало требования и запросы предпринимателей, заводчиков и фабрикантов, банкиров и крупных торговцев. Недаром ведущим мотивом почти всех военно-политических акций царских властей выдвигалось желание создать условия для развития «правильной торговли» в стране, обеспечить за собой рынки сбыта и сырьевые ресурсы и наконец предотвратить в Средней Азии столь опасное «иностранное совместничество», в значительной степени лишившее российские промышленные предприятия европейских и американских рынков.

С этой точки зрения политика царского самодержавия в Средней Азии вполне соответствовала интересам российской буржуазии, хотя — это надо повторить и подчеркнуть — от нее получали несомненные выгоды и дворянско-помещичьи круги в виде расширения фискальных возможностей, всевозможных служебных повышений и наград участникам военных походов из их среды, а в дальнейшем — в результате использования среднеазиатских земель для переселения крестьян из различных районов России — для разрядки крайне напряженной внутренней ситуации.

Торгово-промышленные слои страны с удовлетворением расценивали подчинение ханств Средней Азии и расширение там владений Российской империи. В 70-х

годах XIX в., когда в общем уже определилось ее полное владычество в Средней Азии, торговцы и промышленники для лучшего освоения местных рынков выдвигали перед правительством по сути дела лишь частные задачи. Так, например, «Общее собрание Московского промышленного съезда 1872 г.» ходатайствовало о прокладке телеграфной линии в Ташкент и предоставлении различных льгот частным лицам и акционерным обществам в их деятельности по развитию хлопководства и шелководства⁵. Общество для содействия русской промышленности и торговле в конце 1872 г. призывало назначить в Коканд, Бухару, Кашгар и Яркенд торговых агентов «по выбору московского купечества» для распространения «нашего коммерческого влияния на азиатском рынке»⁶.

Через год это же «Общество» ставило перед министерством финансов вопрос о публикации «торгово-промышленных сведений», которые собирали агенты министерства в Ташкенте и Красноводске⁷.

Правда, наиболее агрессивные «военно-буржуазные элементы» (если допустимо такое словосочетание), как, например, М. А. Терентьев, настаивали на самых решительных мерах по обеспечению за Россией среднеазиатских рынков. Так, в обширном трактате «Как устранить торговое соперничество англичан в Средней Азии» (1873) он указывал на необходимость не только соединить Среднюю Азию с Россией телеграфом и железнодорожной линией и улучшить культуру среднеазиатского хлопка, но и «занять рынки», «охранять их от вторжения английских мануфактур»⁸. В следующем году М. А. Терентьев опубликовал статью «Торговая политика Англии. Исторический очерк», в которой подчеркивал энергичное противодействие Англии промышленному развитию России, значение Средней Азии для русской торговли и опасность английского соперничества в этой области⁹.

В «чрезвычайных мерах», однако, не было особой

⁵ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 32, д. 422, л. 3. Резолюции общего собрания Московского промышленного съезда 1872 г.

⁶ «Труды Общества...», ч. 2, 1873. стр. 19—21.

⁷ Там же, стр. 21—23.

⁸ Там же, стр. 182—183.

⁹ «Вестник Европы», 1874, № 9, стр. 73—108.

необходимости. Присоединение среднеазиатских земель, установление над Бухарским и Хивинским ханствами полного военно-политического господства царского самодержавия, введение в конце 60-х годов ограничений на ввоз британских товаров в Среднюю Азию — все это давало полную возможность закрыть доступ соперникам без таких мэр. В связи с этим российская буржуазия уже не проявляла в 70—80-х годах такого острого беспокойства об обеспечении для себя местных рынков и источников сырья, какое было характерным для 50—60-х годов XIX в. После же 1894 г., когда в общегосударственную таможенную черту были включены Бухарское и Хивинское ханства, российским предпринимателям и вовсе не было причин опасаться за свои позиции в Средней Азии.

На три десятилетия растянулось присоединение среднеазиатских земель к России. Во многих случаях царские власти подчиняли эти территории насильственным путем, военной силой. Не следует, однако, преуменьшать значение того обстоятельства, что в ряде районов Южного Казахстана и Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении местное население, возмущенное жесточайшей феодально-байской эксплуатацией, всевозможными обложениями и насилием, грабежом и поборами соответственно кокандскими, бухарскими или хивинскими властями, порой открыто отказывалось противодействовать русским войскам.

Это относится прежде всего к позиции торговых кругов, а подчас и ремесленников, городской бедноты. Яркий пример тому — поведение населения Икана в 1865 г., участие казахских и киргизских отрядов на стороне России в военных действиях против Коканда. Даже в городах собственно Кокандского и Бухарского ханств (в первую очередь в крупных торговых центрах — Ташкенте, Самарканде, Коканде и др.) имелись довольно сильные и влиятельные сторонники русской ориентации, главным образом среди купечества, связанного торговыми интересами с Россией. Но не только среди торговцев. В предыдущем изложении нам пришлось столкнуться с фактами прямого обращения, скажем, дехканской бедноты отдельных районов Кокандского ханства к царским властям с просьбами о приеме их в русское подданство, с недовольством населения

Шахрисябзского и Китабского бекств по поводу передачи управления над ним бухарскому эмиру.

Очень характерна также позиция, занятая жителями отдельных районов Туркмении, относившимися равнодушно к военным усилиям феодально-племенной верхушки либо добровольно принявшими подданство Российской империи (Марыйский, Пендинский и другие оазисы). Наконец можно сослаться на длительные, настоячивые и упорные попытки подавляющего большинства населения западноазиатских бекств заручиться поддержкой России против чужеземной агрессии. Разве можно игнорировать эти исторические события?

Невзирая на захватнические, колонизаторские цели царского самодержавия, дворянско-помещичьих и буржуазных кругов Российской империи, присоединение Средней Азии к России объективно имело безусловно прогрессивное значение. Прогрессивным было начавшееся здесь после присоединения развитие капиталистических отношений, несмотря на все отрицательные, кровавые и мрачные стороны капитализма¹⁰.

Несравненно более быстрыми темпами двинулось экономическое развитие Средней Азии, хотя царизм упорно стремился законсервировать в ханствах отсталый, феодальный уклад жизни. Стали возникать предприятия по первичной обработке сырья, ибо интенсивно расширялась добыча полезных ископаемых. Вслед за сооружением Закаспийской железной дороги Красноводск—Ташкент, которая, по известному определению В. И. Ленина, «стала „открывать“ для капитала Среднюю Азию»¹¹, были созданы железнодорожная магистраль Оренбург—Ташкент и другие важные пути сообщения¹². Все это, естественно, приводило к росту производительных сил, к развитию пролетариата.

Рабство было отменено, прекращены разорительные и кровопролитные междоусобные войны, феодальные раздоры. Началось серьезное и всестороннее изучение географических условий и природных ресурсов Средней Азии, ее истории, археологии, этнографии и т. д.¹³.

¹⁰ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, стр. 597.

¹¹ В. И. Ленин, *Уроки кризиса*, стр. 82.

¹² См. работы З. Ахмеджановой по этой тематике, а также: Н. А. Халфин, *Из истории железнодорожного строительства...*

¹³ См. труды Б. В. Лунина, Г. Н. Чаброва и др.

Основное, определяющее при оценке прогрессивного значения включения народов Средней Азии в состав Российской империи заключается в том, что они, помимо воли и желания царизма, «вступили в общение с русским народом, русским рабочим классом — могучей революционной силой»¹⁴.

Хотя на данную тему за последние годы написано несколько специальных монографий (особенно историками среднеазиатских республик) и она в той или иной форме затрагивается почти во всех работах, посвященных истории Средней Азии в новое и новейшее время¹⁵, на некоторых сторонах этого вопроса необходимо остановиться подробно.

Прежде всего хотелось бы попытаться оценить позицию имущих слоев Средней Азии по отношению к установлению там господства царизма. Как уже отмечалось, торговые элементы, исходя из своих интересов, благожелательно рассматривали ликвидацию эмирско-байской власти на большей части среднеазиатской территории. Освободившись от средневекового произвола, торговцы и ремесленники, несмотря на определенные ограничения, при помощи которых казенно-чиновный Петербург стремился обеспечить особые привилегии для «своей» буржуазии, все же оказались в безусловном выигрыше.

Ну, а как обстояло дело в данном плане у феодальной аристократии ханств? Ведь ей пришлось изрядно «потесниться»! В Туркестанском генерал-губернаторстве ее возможности эксплуатировать местных трудящихся были почти полностью ликвидированы, перешли под контроль в распоряжение крепостников-помещиков Российской империи. Многие земли были захвачены «в казну», в собственность царской семьи, как, например, Мургабское государево имение, для нужд переселенческой политики и т. д. Естественно, что это — на опре-

---

¹⁴ Ш. Рашидов, *Нивеки вместе с русским народом...*, стр. 39.

¹⁵ Б. Д. Джамгерчинов, *К вопросу о присоединении...*; *Присоединение Киргизии к России*; С. Раджабов, *К вопросу об исторических корнях дружбы...*; *Роль великого русского народа...*; И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Ромодин, *К вопросу о значении присоединения...*; А. В. Пясковский, *Приобщение среднеазиатских народов...*; см. также труды И. М. Муминова, З. Ш. Раджабова и Г. Қ. Бейсембиева по истории общественной мысли Средней Азии и Казахстана и др.

деленных этапах — вызывало острое недовольство феодальной знати Средней Азии, проявлявшееся в феодально-клерикальных движениях, вспышки которых характерны для этой области в последней трети XIX в. Вскоре, однако, эмиры и ханы, сохранившиеся в Бухаре и Хиве, их многочисленная челядь, беки, баи, бии и иже с ними убедились в том, что царские сатрапы являются их союзниками, а не врагами, что, поступившись некоторыми льготами, они сохранили основное — безбедное, «нетрудовое» существование. Штыки самодержавия надежно охраняли их от гнева народных масс, неоднократно поддерживали шатавшийся трон бухарского эмира, хивинского хана.

В противовес блоку «верхов» в Российской империи складывался блок «низов» — союз русского трудового народа с народными массами национальных районов огромной страны, в том числе Средней Азии.

Присоединение Средней Азии к России завершило длительный процесс их тесного и взаимовыгодного экономического общения. Средняя Азия была включена в общерусский рынок, что положительно сказалось на ее хозяйственном развитии.

Переход под владычество британских колонизаторов лишил бы народы Средней Азии той важнейшей перспективы, какую они приобретали, сближаясь с русским народом и другими народами России. Дело было, конечно, не в том, что царизм был хуже или лучше английского империализма. В. И. Ленин ставил обе эти системы на одну доску, хотя и подчеркивал, что «русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели», а представители английской и американской буржуазии «душить умеют и душат до конца»¹⁶.

Дело было в специфике общей обстановки в Российской империи, в специфике политических и экономических отношений между народными массами метрополии и колонии, в территориальном соседстве русского народа с народами окраин.

Жители Индии не видели у себя простых людей Англии — рабочих или крестьян. Из метрополии приезжали «белые господа» — чиновники, дельцы, представи-

---

¹⁶ В. И. Ленин, *Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря*, стр. 398.

тели технической интеллигенции. «В Индию едут не представители трудящейся Англии, а лишь отпрыски владеющих и господствующих классов последней, — писал дореволюционный русский историк Д. Сатурин, — едут затем, чтобы „владеть и править“ сотнями миллионов безответных индусов, которых слепая судьба отдала в их безжалостные руки. Они приезжают туда в качестве чиновников, банкиров, фабрикантов и купцов и, наживши миллионы и выслуживши княжеские пенсии, возвращаются на свою северную родину...»¹⁷.

Вся история Индии в колониальный период не знает случаев, когда бы англичанин работал батраком на какой-нибудь плантации или чернорабочим на фабрике в колонии. Этого бы не допустили английские власти из опасений дискредитации «господства белых» и всей системы британского колониального владычества.

Проводившаяся в Англии в течение многих десятилетий пропаганда расистской идеи о «белом господине» и «коричневом (черном, желтом и т. д.) рабе» глубоко проникла и в среду сравнительно широких слоев населения метрополии. «Даже английские рабочий и фермер в какой-то степени подпали под ее влияние и, несмотря на подчиненное положение у себя на родине, испытывали гордость владельцев и властелинов. Тот же рабочий или фермер, приехав в Индию, неизбежно был бы причислен здесь к правящему классу»¹⁸, — писал Джавахарлал Неру.

В середине XIX в. английская буржуазия твердо перешла к системе «свободной торговли» и превратила свою страну в гигантскую «мастерскую мира», «мировую фабрику», извлекая громадные сверхприбыли. Британские капиталисты смогли достичь такого положения главным образом потому, что они выкачивали грандиозные материальные средства из своих колоний, в первую очередь из Индии.

Это давало британским господствующим слоям широкую возможность для подкупа определенной части пролетариата. Так была создана рабочая аристократия, в дальнейшем поддерживавшая хищническую политику

¹⁷ Б. Гиббинс и Д. Сатурин, *История современной Англии*, стр. 205.

¹⁸ Дж. Неру, *Открытие Индии*, стр. 310, 349, стр. 43.

бриганского колониализма. Это ослабляло остроту классовых противоречий и классовой борьбы в стране, способствовало стабилизации определенной консервативности английского пролетариата. «Так называемая свобода английских граждан поконит на угнетении колоний»¹⁹, — писал Ф. Энгельс К. Марксу 23 мая 1856 г. Через два года Ф. Энгельс с горечью отмечал: «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»²⁰.

Снова и снова возвращались основоположники научного коммунизма к этому вопросу, который их очень волновал. В письме Ф. Энгельса А. Бебелю от 30 августа 1883 г. можно прочесть, что «участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической ничтожности английских рабочих»²¹.

За несколько лет до своей кончины, в 1892 г., Ф. Энгельс подчеркнул в предисловии ко второму немецкому изданию своей книги «Положение рабочего класса в Англии»: «Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распространялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам хоть изредка что-то перепало»²².

Мы видим, таким образом, что на протяжении всей своей политической и научной деятельности К. Маркс и Ф. Энгельс неизменно и настойчиво подчеркивали важное обстоятельство, специфическую черту, присущую рабочему классу Англии, порожденную определенными объективными условиями развития этой страны: участие в дележе колониальной добычи, пусть даже незна-

---

¹⁹ Ф. Энгельс, *Энгельс — Марксу в Лондон, от 23 мая 1856 г.*, стр. 43.

²⁰ Ф. Энгельс, *Энгельс — Марксу в Лондон, от 7 октября 1858 г.*, стр. 293 (курсив Ф. Энгельса).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Об Англии*, стр. 458.

²² Там же, стр. 28.

чительное, пагубно отражалось на революционных способностях, революционной энергии английского пролетариата.

К сожалению, эта характерная черта наложила серьезный и длительный отпечаток на политическую деятельность рабочего класса Англии.

На протяжении всего XIX в. господствующие слои Англии, которые проявляли чрезвычайную гибкость в укреплении своей власти, старались «приручить» рабочий класс Англии, заразить его колониальным шовинизмом.

Эти явления на империалистической стадии развития капитализма отмечал В. И. Ленин. «Класс немущих, но не трудящихся, — писал он, — не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий *отчасти* попадает в такое положение, что *не* его трудом содержится все общество, а трудом почти поработанных колониальных туземцев. Английская буржуазия, напр., извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом»²³.

В. И. Ленин решительно и последовательно разоблачал колониальный шовинизм, призывая к его искоренению и созданию единого антиимпериалистического фронта пролетариата метрополий и трудящихся колоний. На Втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 г. В. И. Ленин приводил слова члена Британской социалистической партии Квелча о том, что «рядовой английский рабочий счел бы за измену помогать поработанным народам в их восстаниях против английского владычества. Верно, — продолжал В. И. Ленин, — что настроенная джингоистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собой величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с

²³ В. И. Ленин, *Международный Социалистический конгресс в Штутгарте*, стр. 69 (курсив В. И. Ленина).

величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к этому буржуазному Интернационалу»²⁴.

«Лейбористская партия, как таковая, никогда не была антиимпериалистической, — отмечает видный современный публицист и общественный деятель А. Ротштейн. — Ее лидеры упорно обходили молчанием или искажали подлинный смысл особенно острой для Великобритании колониальной проблемы и значения ее правильного разрешения для развития социализма»²⁵.

Правосоциалистические деятели подходили к колониальному вопросу так же, как крайние реакционеры типа лорда Эмери, писавшего, что «политика экспансии Британской империи... могла воспламенить воображение трудящихся и способствовать удовлетворению их непосредственных нужд»²⁶.

Итак, историческая действительность свидетельствует, что определенная часть английского народа, рабочего класса Англии в течение длительного времени была заражена колониальным шовинизмом и непосредственно заинтересована в эксплуатации трудящихся масс колоний Британской империи.

Было бы неверно говорить на основании изложенного об особой реакционности английского народа в целом. В. И. Ленин отмечал, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры»²⁷.

Это ленинское положение о двух нациях в каждой буржуазной нации, о двух национальных культурах в каждой буржуазной национальной культуре вскрывает

²⁴ В. И. Ленин, *II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 17 августа 1920 г.*, стр. 246—247.

²⁵ А. Ротштейн, *Британский реформизм...*, стр. 8—9.

²⁶ Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 73.

²⁷ В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, стр. 120—121 (курсив В. И. Ленина).

сущность политической обстановки в Англии во второй половине XIX — начале XX в. В этой стране буржуазная идеология господствовала над пролетарской, была значительно сильнее «элементов демократической и социалистической» идеологии.

Политически, экономически и территориально английский пролетариат был отделен от далеких заморских территорий, где десятки и сотни миллионов жителей Индии и Цейлона, Бирмы, Малайи и других стран испытывали жесточайший колониальный гнет. Порабощенные британскими империалистами колониальные массы в своей освободительной борьбе не могли рассчитывать на помощь трудящихся Англии, на заимствование опыта революционного движения английского пролетариата, ибо это движение имело в те годы очень ограниченные размеры.

Более того, в тех немногочисленных, в общем, случаях, когда английские рабочие попадали в колониальные владения Британской империи, они, как правило, держались особняком от местных пролетариев и относились к ним отнюдь не как к братьям по классу. Акад. И. М. Майский, который длительное время жил в Англии, приводит интересные факты, с которыми он ознакомился в 1913 г. во время беседы с участниками собрания районного отделения профсоюзной организации металлистов в Шеффилде ²⁸.

«Двое из присутствующих, — рассказывает И. М. Майский, — раньше работали в Бомбее и Калькутте и стали делиться своими воспоминаниями. Они рассказывали о стране, о народе, об условиях жизни и труда в этой величайшей колонии Великобритании. Было очень интересно. Но что меня страшно поразило и шокировало, — так это их отношение к индийцам. Чувствовалось, что они смотрят на них свысока, почти с презрением, как на представителей низшей расы. Даже когда речь шла об индийцах — рабочих на той же текстильной фабрике, на которой один из рассказчиков прослужил несколько лет в качестве монтера, я не мог открыть в его словах никаких следов, казалось бы столь естественной, классовой солидарности. А ведь передо мной сидел настоящий английский рабочий, с мозолистыми руками

---

²⁸ И. М. Майский, *Путешествие в прошлое*, стр. 236—237.

и фабричной копотью на лице. Закончил он свое повествование так:

— Эти индийцы только сбивают заработную плату.

Далее И. М. Майский приводит слова другого своего собеседника, работавшего четыре года на железной дороге в Калькутте. Тот старался заверить, что всем европейцам, проживающим в Индии, присуще «чувство цвета», т. е. органическое отвращение к людям с черным или коричневым цветом кожи. Он с убеждением восклицал:

«— Тут уж ничего не поделаешь... Это от бога!

Я был глубоко возмущен и стал возражать, — отмечает И. М. Майский, — но чувствовал, что слова мои падают на каменную почву».

Естественно, что эти и многие аналогичные наблюдения привели цитируемого автора к важному выводу о том, что «полудосянанный империализм» представляет собой одну из цепей, сковывающих английское рабочее движение. «Лишь очень немногие из английских рабочих становятся принципиальными противниками империализма и переходят на марксистскую точку зрения. Еще большую роль играет тот факт, что английский рабочий, особенно квалифицированный рабочий, является в известной мере „соучастником“ английского капиталиста в эксплуатации колониальных народов. Ведь именно наличие колониальных сверхприбылей позволяет британской буржуазии время от времени делать экономические уступки высшим слоям британского пролетариата»²⁹.

Как бы перекликаясь со свидетельствами Джавахарлала Неру, И. М. Майского и др., видный современный историк и политический деятель К. М. Паниккар подчеркивал: «В результате доктрины престижа и расового превосходства европейцы в Индии, как бы долго они там ни жили, оставались чужеземцами в стране. Непроходимая пропасть существовала между ними и народом, сохранявшаяся вплоть до конца британского господства в Индии... Они жили в двух странах — в Английской Индии и в Индии, они никогда не встречались. Одни управляли другими»³⁰.

---

²⁹ Там же, стр. 241—242.

³⁰ К. М. Panikkar, *Asia and Western dominance...*, p. 153.

Все это неопровержимо и убедительно приводит к заключению о том, что в системе Британской империи не было предпосылок для создания объединенного фронта народных масс, эксплуатируемых трудящихся метрополии и колоний в борьбе против общего врага — капиталистов, помещиков, феодалов и прочих порабощителей всех мастей.

Иным было положение в Российской империи.

Во второй половине XIX в. в Россию постепенно начал перемещаться центр мирового революционного движения. С этим периодом совпало присоединение Средней Азии к Российской империи.

На положении русского Туркестана отражались революционные события, которые переживала вся страна. В Среднюю Азию, как и на другие окраины государства, наряду с сатрапами, царскими чиновниками, искателями легкой наживы, «господами ташкентцами» приезжала российская беднота. Нищие крестьяне из Воронежской, Харьковской, Рязанской, Владимирской и других губерний пытались обрести здесь клочок земли для пропитания. Многие, так и не найдя этого клочка, устраивались батраками у местных баев, разделяя горькую участь узбекских, таджикских, казахских и иных бедняков. Высокопоставленные царские сановники задумывались даже над тем, «не следует ли особыми мерами организовать приток сюда русских рабочих», хотя и полагали, что подобная мера «не произведет хорошего морального впечатления на азиатской окраине»³¹.

По мере развития железнодорожного строительства, местной промышленности, разработок месторождений полезных ископаемых в Среднюю Азию потянулись русские трудящиеся.

Довольно знаменательны следующие цифры. В начале XX в. на трехсотмиллионное население Индии приходилось 170 тыс. англичан, т. е. примерно 0,05%. По-

---

³¹ {Кривошеин}, *Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году*, стр. 13—14.

ловину из них — 85 тыс. человек — составляли солдаты³². В то же время в семимиллионном Туркестане находилось 400 тыс. приезжих из России (численность войск не превышала 20—25 тыс.), или почти 6%. Это были в основном ремесленники, рабочие, безземельные крестьяне, батраки.

Иными словами, простых трудовых людей — выходцев из метрополий — было в Туркестане неизмеримо больше, чем в Индии. Они устраивались на хлопкоочистительные заводы, многие из которых принадлежали местным промышленникам³³ — Муминбаевым, Азимбаевым, Ходжаевым, Вадьяевым, Потеляховым и др., на нефтяные промыслы, на строительство дорог и трудились здесь рука об руку с представителями коренного населения. В процессе совместного труда крепла дружба русского народа с трудящимися окраин империи, расширялось взаимопонимание между ними, цементировался боевой союз, проявившийся с такой силой в годы революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками.

Немалое значение также имела деятельность прогрессивной интеллигенции, революционных демократов, народовольцев. Наряду с мракобесами, реакционерами, колонизаторами в стране существовали и активно боролись представители «другой» России — демократы, сторонники коренных преобразований царской империи, друзья и единомышленники пламенных революционеров В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других.

Среди непосредственных участников военно-политических и дипломатических действий Российской империи в Средней Азии были лица, придерживавшиеся прогрессивных взглядов. Так, например, Н. В. и Я. В. Ханыковы сочувствовали петрашевцам; их брат А. В. Ханыков (вместе с А. В. Спешневым), был самым решительным сторонником крестьянской революции в кружке Петрашевского. По свидетельству Н. Г. Чернышевского, А. В. Ханыков стоял за ликвидацию крепостнических отношений революционным путем и резко критиковал ут-

---

³² Ж. Шейе, *Современная Индия*, ч. II, стр. 3.

³³ «История народов Узбекистана», т. I, кн. 2, стр. 245.

верждавшийся в России капиталистический строй³⁴. Самого Н. В. Ханькова чувство протеста против российской действительности в конечном итоге вынудило эмигрировать во Францию.

Выдающийся путешественник-исследователь Н. А. Северцов горячо сочувствовал народам Средней Азии, ратовал за более гуманное отношение к «инородцам», призывал к улучшению условий их жизни. Северцов выступал с разнообразными проектами экономического развития Средней Азии³⁵.

Политические взгляды Н. А. Северцова характеризует подготовленная им докладная записка о крестьянских волнениях в Оренбургской и Самарской губерниях в 1859 г., т. е. еще до отмены крепостного права. «Глухое беспокойство, брожение умов в ожидании возмущенных, частью вытребованных (! — Н. Х.) общим мнением реформ, — писал он, — неудовольствие масс, тяготящихся порядком вещей, уже явно отживших и несостоятельных, объясняют и легкое распространение беспорядков, и, так сказать, эпидемический их характер»³⁶.

Такое же понимание нужд и чаяний простых людей проявлял Н. А. Северцов во время своих путешествий и многочисленных поездок по Туркестану, по казахским и киргизским селениям. Он, в частности, настаивал на том, чтобы в Средней Азии земли для переселенцев из России выделялись не за счет местного населения. Северцов всегда по достоинству отмечал заслуги сопровождавших его узбеков, таджиков, казахов или киргизов.

Взгляды русских демократических кругов отражали известный путешественник по Востоку Г. Н. Потанин, сосланные царским правительством в Среднюю Азию петрашевцы Р. Черносвитов и поэт А. Плещеев, который участвовал во взятии Ак-Мечети в 1853 г. Прогрессивные идеи оказали безусловное воздействие и на начальника Аральской флотилии А. Бутакова, которому

---

³⁴ Н. Г. Чернышевский, *Дневник второй половины 1848 г.*, стр. 188, 196.

³⁵ См., напр., его проект обводнения обширной территории, изложенный в записке «Об устройстве дороги между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей путем восстановления течения Джаны-Дарьи» (Н. А. Северцов, *Сборник документов*, стр. 89—109).

³⁶ ЦГВИА, ф. 67, д. 118. л. 1. Докладная записка Н. А. Северцова от 11.X.1859.

еще в 1850 г. был сделан «строжайший выговор за упущения по наблюдению за рядовым Шевченко»³⁷. «Упущения» Бугакова выразились в том, что он, зная о царском запрете Тарасу Шевченко писать и рисовать, поручил ему составление «гидрографических видов», а также оказывал «всяческое послабление».

Такие примеры можно было бы значительно расширить³⁸.

Царское правительство не смогло воспрепятствовать проникновению в Среднюю Азию демократических идей. Прогрессивные мыслители Туркестана были хорошо знакомы с выдающимися произведениями русской классической литературы и популяризовали ее среди своих соотечественников. Характерным примером является перевод Абаем Кунанбаевым на казахский язык романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Подчеркивая близость русского и казахского народов, выдающийся казахский ученый, общественный деятель и мыслитель Чокан Валиханов писал: «Мы... связаны с русскими историческим и даже кровным родством». Он писал далее о судьбах миллионов людей — казахов, «которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно»³⁹.

Крупные ученые, философы и писатели народов Средней Азии — Ахмади Дониш, Мукими, Фуркат, Завки, Отар и др. — испытывали большое влияние демократических традиций лучших слоев русского народа. Это также способствовало сближению народов страны, созданию прочной основы в их борьбе с реакционными силами Российской империи.

Народные массы Средней Азии видели не только царских сатрапов, но могли близко познакомиться и с представителями прогрессивной России, деятельность

³⁷ ЦГА ВМФ СССР, ф. 283, оп. 5, д. 51, л. 4. Письмо управляющего морским министерством А. Меньшикова — военному министру А. Чернышеву от 9.XII.1850.

³⁸ В сложившейся обстановке «крамольные» мысли порой одолевали лиц, вовсе не придерживавшихся прогрессивных взглядов. Так, генерал Черняев, характеризуя в частном письме Александра II, именовав его «человеком сентиментальным, без воли, без малейшего понимания русского народа и русской жизни. Благотель для всех, паче всех для себя и для немцев» (ГИМ, ф. «М. Г. Черняев», св. 8, письмо Савелию Константиновичу (?) от 13.II.1897).

³⁹ Ч. Ч. Валиханов, *Статьи. Переписка*, стр. 44.

которых, несмотря на их классовую принадлежность, содействовала укреплению взаимопонимания между народами империи.

Само собой разумеется, что складывавшийся постепенно «союз низов» Российской империи приобретал значительно более прямые и четкие формы в результате непосредственного общения русского пролетариата и беднейшего крестьянства с трудящимися массами Туркестана (как и других окраин страны), однако нет оснований недооценивать значения и роли деятельности передовых людей России в этом благородном деле.

Сближение интересов эксплуатируемых масс протекало параллельно с образованием «блока верхов», блока царизма, русских капиталистов и помещиков с эксплуататорскими слоями национальных меньшинств государства.

Классовая борьба в Российской империи носила в этот период исключительно острый характер. 27 сентября 1877 г. К. Маркс писал Зорге, что Россия «давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели». «Революция начнется на этот раз на Востоке...»⁴⁰.

Как бы в ответ на это точное предсказание, в России стали возникать политические организации пролетариата: в 1875 г. — «Южно-Российский союз рабочих», в конце 1878 г. — «Северный союз русских рабочих». В стране начали создаваться марксистские группы и кружки, объединенные в 1895 г. в Петербурге В. И. Лениным в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Образование в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партии явилось переломным моментом в истории не только русского, но и мирового социалистического движения.

Характернейшей особенностью деятельности демократических и социалистических организаций России было то, что они не стремились отгородиться от народов окраин, национальных меньшинств огромной империи, а, наоборот, всячески старались вовлечь их в совместную борьбу с царским самодержавием, с русскими национальными капиталистами, помещиками и феодалами.

---

⁴⁰ К. Маркс, Маркс — Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен от 27 сентября 1877 г., стр. 229—230.

Руководимая В. И. Лениным РСДРП разработала единственно правильную марксистско-ленинскую программу разрешения национально-колониального вопроса, рассматривая его как неотъемлемую часть общей освободительной борьбы пролетариата.

Своеобразие исторической роли великого русского народа, русского пролетариата заключается в том, что только в России в результате огромной работы лучших сынов и дочерей народа, объединенных в марксистско-ленинскую партию, требование о равноправии наций, их праве на самоопределение и самостоятельное существование исходило от партии рабочего класса господствующей нации.

Царскому самодержавию не удалось разложить революционный русский пролетариат, отравить его национальным шовинизмом, разобщить с эксплуатируемыми слоями национальных меньшинств империи. Русские рабочие и крестьянская беднота, переселявшиеся на окраины, передавали местному населению опыт политической борьбы.

Автор недавно опубликованной содержательной статьи «Сближение наций и возникновение интернациональной общности народов в СССР» Н. В. Мансветов обоснованно отмечает, что русский народ «не только не был тюремщиком» в созданной царизмом «тюрьме народов» в России, но выступал в качестве главного разрушителя этого застенка. «Русским рабочим и крестьянам, то есть подавляющему большинству господствующей русской нации, были чужды великодержавный шовинизм и национальное высокомерие. В условиях российской действительности не получила сколько-нибудь широкого распространения система подкупа и национальных привилегий за счет колониального грабежа (характеризующая методы колониального господства западного империализма), которая так развращала трудящихся метрополий, культивировала среди них чувство расового и национального превосходства, препятствовала интернационально-классовому сплочению трудящихся метрополий и колоний. Правящие классы России наряду с угнетением нерусских народов не менее жестоко эксплуатировали и русских трудящихся». Не менее справедливо также замечание Н. В. Мансветова, что «на заре революционного движения на освободи-

тельном знамени великорусской нации в качестве одного из основных лозунгов выдвигалась борьба за ликвидацию национального гнета»⁴¹.

Царские сатрапы, капиталисты, помещики грабили, терзали, мучили нерусские народности и народы империи — в этом нет и не может быть сомнений. Но с не меньшей издевкой относились они и к русскому народу, русским трудящимся, к своей собственной «опоре» — армии. Старый моряк Н. П. Ядров писал в своих воспоминаниях: «...нас считали людьми низшего сорта. В Кронштадте у входа в сад и в Летнем саду в Петербурге, да и в других садах были надписи: „Строго воспрещается вход нижним чинам и собакам“. Нижним чинам не разрешалось ходить по правой стороне Невского проспекта»⁴².

И разве не является символической частностью уже упоминавшийся вовсе не единичный факт: царский офицер, активный участник подчинения Кокандского ханства Меллер-Закомельский заливал Москву и Подмосковье кровью восставших русских, украинских и иных рабочих во время революции 1905—1907 гг.

Вместе с тем зажиточные слои нерусских народов пользовались не только уважением, но и решительной поддержкой правивших кругов России. Путешествовавший по Индии и Бирме крупный русский ученый И. П. Минаев 2 марта 1886 г. выражал в своем дневнике удивление по поводу наблюдавшегося им третиrowания англичанами богатого гуджератского купца на пароходе, следовавшем из Рангуна в Калькутту.

«Мыслимо ли что-либо подобное у нас в России, — спрашивал себя Минаев. — Каким тузом расхаживал бы какой-нибудь татарский князь среди русских пассажиров?»⁴³.

А роскошные виллы и дворцы бухарских эмиров, азербайджанских и иных нефтяных магнатов в лучших уголках Крыма и Кавказа, куда не только среднеазиатским или кавказским, но и русским трудящимся нельзя было показываться?! Аналогичных фактов можно было бы привести великое множество.

⁴¹ Н. В. Мансветов, *Сближение наций...*, стр. 39—40.

⁴² Цит. по кн.: И. Андроников, *Я хочу рассказать вам...*, М., 1962, стр. 259.

⁴³ И. П. Минаев, *Дневники путешествий...*, стр. 165.

Не случайно поэтому, что русские пролетарии находили очень быстро общий язык с эксплуатируемыми тружениками во всех уголках огромной империи, поднимая их на решительную борьбу за свои права, за лучшую долю.

В Средней Азии работали сосланные и приехавшие сюда социал-демократы В. Д. Корнюшин, А. Р. Бахарев, М. В. Морозов, В. В. Быховский, Н. В. Шумилов и др. Они распространяли здесь ленинскую «Искру», агитационные издания туркестанских организаций РСДРП. В Средней Азии на активную борьбу против царского самодержавия выступили воинские части. Все это укрепляло союз русского пролетариата с трудящимися национальных меньшинств, обуславливало их совместные действия против царизма и в революции 1905—1907 гг.⁴⁴ и в 1917 г.

Простой русский народ не был заражен расистской «идеологией господ». Он подвергался такой же эксплуатации со стороны русской буржуазии, помещиков и их государственного аппарата, что и так называемые инородцы. Русские рабочие и крестьяне в своей массе не ощущали никакого «превосходства» над родственными им по классу тружениками — узбеками, таджиками, казахами, туркменами, киргизами, каракалпаками.

Джадиды, панисламисты, пантюркисты и другие буржуазные националисты и реакционеры стремились разжечь среди народов Туркестана враждебные чувства, ненависть к другим народам России, в первую очередь к русскому. Они старались оклеветать русский народ, приписать ему вину за страдания, какие пришлось выносить народам Средней Азии, попавшим в колониальное ярмо царизма.

Это было явной подтасовкой фактов, искажением исторической действительности.

Исторически сложилось так, что в Российской империи по сравнению с Британской империей классовая дифференциация была значительно более резко выражена, чем национальная. Царское правительство активно поддерживало эмиров и ханов, грабивших узбеков, таджиков, туркменов, старательно охраняя феодалов от

---

⁴⁴ См. об этом: А. В. Пясковский. *Революция 1905—1907 гг. в Туркестане*.

гнева эксплуатируемых масс (вплоть до применения военной силы).

Вместе с тем дискриминационная политика царизма в отношении национальных меньшинств, «инородцев», в подавляющем большинстве случаев не воспринималась, а тем более не использовалась в личных интересах русских трудовых слоев. Трудящиеся России в отличие от довольно широких кругов английского народа не пользовались никакими выгодами от колониальной политики, они не сочувствовали этой политике и не поддерживали ее.

Это облегчало создание классового союза угнетенных масс Российской империи независимо от их национальной принадлежности, направленного против общего врага независимо от его национальности, будь то русский царь, капиталист, помещик или бухарский эмир, или грузинский феодал, или украинский магнат.

Боевой союз эксплуатируемых масс всех национальностей России, который настойчиво спланировался членами ленинской партии, привел к победе трудящихся в 1917 г.

Подобно тому как трудовые слои национальных меньшинств окраин Российской империи участвовали в борьбе русского народа против ига царского самодержавия, капиталистов и помещиков, так и русский народ и другие народы страны в 1920 г. помогли труженикам Бухарского и Хивинского ханств свергнуть господство местной феодальной знати.

Присоединение среднеазиатских народов к России, сплочение их с русским и другими народами нашей Родины неизмеримо ускорило проведение социалистической революции в Средней Азии. В этом важнейшее прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К., Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 18, изд. 2.
- Маркс К., Маркс — Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен от 27 сентября 1877 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 34, изд. 2.
- Маркс К. и Энгельс Ф., Об Англии, М., 1948.
- Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, изд. 2.
- Энгельс Ф., Действительно спорный пункт в Турции, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2.
- Энгельс Ф., Протекционизм и свобода торговли, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2.
- Энгельс Ф., Энгельс — Марксу в Лондон от 23 мая 1856 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 29, изд. 2.
- Энгельс Ф., Энгельс — Марксу в Лондон от 7 октября 1858 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 29, изд. 2.
- Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г., — Полное собрание сочинений, т. 41.
- Ленин В. И., Гонимые земства и Аннибалы либерализма, — Полное собрание сочинений, т. 5.
- Ленин В. И., Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря (VII Всероссийский Съезд Советов), — Полное собрание сочинений, т. 39.
- Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
- Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, — Полное собрание сочинений, т. 20.
- Ленин В. И., Критические заметки по национальному вопросу, — Полное собрание сочинений, т. 24.
- Ленин В. И., Международный Социалистический конгресс в Штутгарте, — Полное собрание сочинений, т. 16.
- Ленин В. И., О separatum мире, — Полное собрание сочинений, т. 30.
- Ленин В. И., Первые итоги политической группировки, — Полное собрание сочинений, т. 12.
- Ленин В. И., Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3.
- Ленин В. И., Уроки кризиса, — Полное собрание сочинений, т. 5.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Абаза К. К., *Завоевание Туркестана*, СПб., 1902.
- Абаковский, *Краткий исторический очерк торговли России с Северо-Западным Китаем*, Омск, 1886.
- «Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана», т. 1—2, СПб., 1901.
- Азадаев Ф., *Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономической и политической истории*, Ташкент, 1959.
- Алекторов А. Е., *История Оренбургского края*, Оренбург, 1883.
- Алиханов М., *Мервский оазис и дороги, ведущие к нему*, СПб., 1883.
- Алиханов-Аварский М., *Закавказские воспоминания, 1881—1885*, — «Вестник Европы», 1904, № 9—10.
- Амин-и-Бухари, Мир Мухаммед, *Убайдулла-наме*, пер. с тадж., Ташкент, 1957.
- Аминов А. М., *Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России*, — «Звезда Востока», Ташкент, 1955, № 10.
- Аминов А. М., *Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX столетия до первой мировой войны*, Ташкент, 1959.
- Арандаренко Г. А., *Досуги в Туркестане, 1874—1889*, СПб., 1889.
- [Аргайльский], *Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет*, пер. с англ., СПб., 1908.
- «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885», СПб., 1886.
- Бабков И. Ф., *Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859—1875 г. Разграничение с Западным Китаем 1869 г.*, СПб., 1912.
- Бекмаханов Е. Б., *Присоединение Казахстана к России*, М., 1957.
- Беллю, *Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашмире в 1873—74 г.*, пер. с англ., СПб., 1877.
- Бенедиктов А. А., *Индийское крестьянство в 70-х годах XIX века. Экономическое положение и борьбы против феодалов и колониального гнета*, [Душанбе], 1953.
- Березин И., *Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия*, — «Вестник промышленности», т. X, М., 1860, № 12.
- Бернштам А. Н., *Проблемы истории Восточного Туркестана*, — «Вестник древней истории», 1947, № 2.
- [Бетгер Е. К.], *Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг.*, Ташкент, 1953.
- «Биография М. Г. Черняева. Очерк истории Ташкента», {б. м.}, {б. г.}.
- Бларамберг И. Ф., *Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году*, — «Записки Русского географического общества», кн. IV, СПб., 1850.
- Бларамберг И. Ф., *Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством*, — «Записки Русского географического общества», кн. IV, 1850.
- Бларамберг И. Ф., *Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана*, — «Записки Русского географического общества», кн. IV, 1850.

- ✠ Богданов М. Н., *Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г.*, СПб., 1875.
- Бодэ К., *О туркменских поколениях*, — «Записки Русского географического общества», кн. II, 1842.
- ✠ Бондаревский Г. Л., *Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток*, Ташкент, 1955.
- [Борнс А.], *Путешествие в Бухару*, пер. с англ., ч. 1—3, М., 1848—1849.
- Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. Л., *К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России*, — «Вопросы истории», 1953, № 8.
- Бродовский М., *Колониальное значение наших средне-азиатских владений для внутренних губерний*, М., 1891.
- Бунаков Е. В., *К вопросу о политических связях России с Восточным Туркестаном в правление Якуб-бека 1865—1877 гг.*, — «Бюллетень АН Уз.ССР», 1945, № 5.
- ✠ Бунаков Е. В., *К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.*, — «Советское востоковедение», т. II, М.—Л., 1941.
- Бунаков Е. В., *Тенденции развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения ее к России*, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 6.
- Бунге Н. Х., *Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии*, — «Русский вестник», М., 1867, № 10—11.
- Бутаков А., *Эпизод из современной истории Средней Азии*. — «Отечественные записки», 1875, ноябрь.
- Бутыркин В., *Самый удобный путь для развития морской торговли на Каспии и торговли с Средней Азией*. — «Морской сборник», 1864, № 9.
- Бушуев С. К., *Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX века)*, М., 1955.
- Быков Г., *Английский рабочий класс во второй половине XVIII века и в первой половине XIX века*, — «Борьба классов», М., 1933, № 2.
- Быков Е., *Беглый рассказ о медленном путешествии в Ташкент и несколько светлых мыслей о темной стороне нашего положения в Средней Азии*, — «Военный сборник», СПб., 1869, № 4.
- В., *Русский Туркестан*, — «Русская мысль», кн. II, М., 1890.
- [Валиханов Ч. Ч.], *Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова*, — «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXIX, [б. г].
- Валиханов Ч. Ч., *Статьи. Переписка*, Алма-Ата, 1947.
- Вальская Б. А., *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, М. Вамберга А., *Путешествие по Средней Азии*, М., 1874.
- [Вартенбург], *Рост России в Азии*, Ташкент, 1900.
- Вахабов М. Г., *Формирование узбекской социалистической нации*, Ташкент, 1961.
- Вахидов А. П., *Политические взгляды просветителей народов Средней Азии второй половины XIX в.*, — «Советское государство и право», 1955, № 7.

- Вельяминов-Зернов В. В., *Исторические известия о Коканском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-Хана*, — «Труды Восточного отделения археологического общества», ч. II, СПб., 1856.
- Вельяминов-Зернов В. В., *Сведения о Коканском ханстве*, — «Вестник Русского географического общества», ч. I, 1856.
- [Венюков М. И.], *Из воспоминаний*, т. 1—3, Амстердам, 1895.
- Венюков М., *Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их*, — «Военный сборник», 1872, № 2.
- Венюков М., *Опыт военного обозрения русских границ в Азии*, СПб., 1873.
- Венюков М., *Очерк географических исследований в Азиатской России*, — «Военный сборник», 1877, № 7.
- Венюков М., *Очерки Заилийского края*, СПб., 1861.
- Венюков М. И., *Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией*, — «Сборник государственных знаний», т. 3, СПб., 1878.
- Венюков М. И., *Поступательное движение России в Средней Азии*, — «Сборник государственных знаний», т. 3, СПб., 1877.
- Венюков М. И., *Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них*, СПб., 1868.
- [Венюков М. И.], *Россия и Восток. Собрание географических и политических сведений М. Венюкова*, СПб., 1877.
- Венюков М. И., *Туркестанские вопросы*, — «Русская мысль», 1899, № 9.
- [Вережагин В. В.], *На войне в Азии и в Европе. Художника В. В. Вережагина*, М., 1898.
- [Вережагин В. В.], *Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В. В. Вережагина*, — «Русская старина», СПб., 1888, № 9, 11, 12.
- Вернадский И. В., *Политическое равновесие и Англия*, М., 1855.
- [Веселовский Н. И.], *Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881*, СПб., 1887.
- Веселовский Н. И., *Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае*, СПб., 1894.
- Веселовский Н. И., *Новые материалы для истории Коканского ханства*, — «Журнал министерства народного просвещения», ч. ССХVIII, 1886, ноябрь.
- Веселовский Н. И., *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего*, СПб., 1877.
- Веселовский Н., *Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошова*, СПб., 1909.
- Вессель Н. Х., *Стратегия и торговля*, — «Исторический вестник», СПб., 1885, июль.
- «Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока, в XVIII — начале XX в.», Ташкент, 1963.
- «Взятие Ташкента», — «Военный сборник», 1865, № 9.
- «Виды на торговлю с Азией в нач. XIX в.» («Русская старина», № 3, 1904).
- «Волнение русской власти в Средней Азии», — «Военный сборник», 1868, № 8—9.
- Водопьянов В., *Оренбуржцы в Туркестане*, — «Военно-исторический сборник», Пг., 1915, № 2—4; 1916, № 1—2.

- Вучетич Н. Г., *Воспоминание о М. Г. Черняеве*, — «Исторический вестник», 1913, апрель.
- Гагемейстер Ю. А., *Взгляд на промышленность и торговлю России*, — «Русский вестник», 1857, № 1.
- Гагемейстер Ю. А., *О торговом значении Средней Азии в отношении к России*, — «Русский вестник», 1962, № 10.
- Гагемейстер Ю., *Об увеличении сбыта русских произведений за границу. Мысли по поводу Лондонской всемирной выставки*, — «Журнал министерства государственных имуществ», 1852, ч. XII—XIII.
- Галкин М. Н., *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*, СПб., 1868.
- Гартевельд, *Среди сыпучих песков и отрубленных голов*, М., 1914.
- Гафуров Б. Г., *История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.*, т. I, изд. 3, М., 1955.
- Гафуров Б. и Прохоров П., *Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана*, [Душанбе], 1944.
- [Гейнс А.], *Железные дороги в Среднюю Азию. Сборник статей и проект по проведению железных дорог в Среднюю Азию. С 23.III. 1854 по 27.V.1874 гг.*, [б. м.], [б. г.].
- Гейнс А. К., *О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае*, — «Известия Русского географического общества», т. II, СПб., 1866.
- Гельмерсен Г., *Хива в нынешнем своем состоянии*, — «Отечественные записки», т. 8, 1840, разд. 2.
- Гиббинс Б. и Сатурн Д., *История современной Англии*, СПб., 1901.
- Гиндин Н. Ф., *К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX века*, — «Вопросы истории», 1959, № 5.
- [Глуховской А. М.], *Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии*, СПб., 1867.
- Гневущева Е. И., *Забывтый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино*, М., 1958.
- «Государственные финансы России накануне реформы 1861 года», — «Исторический архив», 1956, № 27.
- [Григорьев В. В.], *Записки Мирзы Шемса Бухари. О некоторых событиях с Бухаре, Коканде и Кашгаре*, Казань, 1861.
- Григорьев В. В., *О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии*, — газ. «Москва», 1867, № 23, 24, 32, 53, 54.
- Григорьев В. В., *Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сирайчиковской крепости*, — «Записки Русского географического общества», кн. II, 1861.
- [Григорьев В. В.], *Проект товарищества для развития торговли России с Средней Азией*, — газ. «Народное богатство», 1863, № 40.
- Григорьев В. В., *Разбор сочинения «Очерки торговли России с Средней Азией» П. Небольсина*, — «Отчеты о XXV присуждении Демидовских наград», СПб., 1856.
- Григорьев В. В., *Русская политика в отношении к Средней Азии*, — «Сборник государственных знаний», т. I, СПб., 1874.

- Гримм Э., *Основы афганской политики Англии*, — «Новый Восток», 1929, № 26—27.
- Гродеков Н. И., *Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.*, т. I—III, СПб., 1883.
- Гродеков Н. И., *Хивинский поход 1873 г.*, изд. 2., СПб., 1888.
- Грулев М., *Соперничество России и Англии в Средней Азии*, СПб., 1909.
- Губаревич-Радобыльский А. Х., *Значение Туркестана в торговле России с определяемыми странами*, — «Материалы для изучения хлопководства», вып. II, СПб., 1912.
- Губаревич-Радобыльский А., *Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората*, СПб., 1905.
- [Данилевский Г. И.], *Описание Хивинского ханства*, — «Записки Русского географического общества», кн. V, 1851.
- Данилова Е. Н., «Завещание» Петра Великого, — «Труды Историко-архивного института», т. 2, М., 1946.
- Джамгерчинов Б. Д., *Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России*, Фрунзе, 1957.
- Джамгерчинов Б. Д., *К вопросу о присоединении Киргизии к России*, — «Известия Киргизского филиала АН СССР», вып. VII, Фрунзе, 1947.
- Джамгерчинов Б. Д., *О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России*, Фрунзе 1963.
- Джамгерчинов Б. Д., *Присоединение Киргизии к России*, М., 1959.
- «Дневник Д. А. Милюткина. 1873—1882», тт. I—4, М., 1947—1950.
- «Договоры России с Востоком, политические и торговые», СПб., 1869.
- Долинский В., *О путях сообщения России с Средней Азией*, — «Экономист», СПб., кн. 2, 1859.
- Долинский В., *Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи*, СПб., 1865.
- Долинский В., *О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. Статьи и заметки, касающиеся этого предмета*, СПб., 1871.
- Джолгоруклой Дм., *Пять недель в Кокане*, — «Русский вестник», 1871, № 1.
- Дониш Ахмад, *Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное*, Таджикгосиздат, 1960.
- Дружинин М. Н., *В страну туркмен и узбеков*, Л., 1927.
- Думан Л. И., *Аграрная политика царского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века*, М.—Л., 1936.
- Думан Л. И., *Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг.*, — «Записки института Востоковедения АН СССР», т. VII, 1939.
- [Дюгамель А. О.], *Автобиография А. О. Дюгамеля*, — «Русский архив», кн. 2, 1885.
- Дюранд А., *Созидание границы (Северная Индия)*, пер. с англ., СПб., 1905.
- Ерофеев Н. А., *Колониальный вопрос о политической жизни Англии 30—40-х годов XIX в.*, — «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. II, 1956.
- [Жигарев С.], *Русская политика в Восточном вопросе, ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи*, т. I, М., 1896.

- Жуковский И., *Азия*, — «Библиотека для чтения», т. 128, разд. III—IV, СПб., 1854.
- Жуковский С. В., *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие*, Пг., 1915.
- Зайончковский А. М., *Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой*, т. 1—2, СПб., 1908.
- Зайончковский П. А., *Архив Д. А. Милютина*, — «Вопросы истории», 1946, № 5—6.
- Зайончковский П. А., *Военные реформы 1860—1870 годов в России*, М., 1952.
- Зайцев В. Н., *История 4-го Туркестанского линейного батальона с 1771 по 1882 год, как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию*, Ташкент, 1882.
- Зайченко, *Памиры и Сарыкол*, Ташкент, 1903.
- Залесов Н. Г., *Записки Н. Г. Залесова*, — «Русская старина», 1903, № 4—10.
- Залесов Н., *Письмо из степи*, — «Военный сборник», 1858, № 8.
- Залесов Н., *Письмо из Хивы*, — «Военный сборник», 1859, № 1.
- Залесов Н., *Письмо из Бухары*, — «Военный сборник», 1860, № 4.
- Залесов Н. Г., *Посольство в Хину и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году*, — «Русский вестник», 1871, № 2—3.
- Захаров С., *Маркс и Энгельс о некоторых вопросах истории Англии*, — «Историк-марксист», 1940, № 10.
- Зинovieв М. А., *Осида Ура-Тюбе и Джизаги (Воспоминания об осенней экспедиции 1866 года в Туркестанской области)*, — «Русский вестник», 1868, № 3, 4, 6.
- Зиссерман А. Л., *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879*, т. 1—3, М., 1891.
- Зияев Х., *Урта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX асрлар)*, Тошкент, 1962.
- Зыков С., *Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 год*, — «Морской сборник», 1862, № 6.
- Маклиф (Н. Я. Бичурин), *Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана*, СПб., 1829.
- Иванов М. И., *Хива и река Аму-Дарья*, — «Морской сборник», 1864, № 8—9.
- Иванов Д. Л., *Очерк военных действий в Средней Азии, с 1847 до 1869 года. Материалы для истории Хивинского похода 1873 года*, вып. II, Ташкент, 1881.
- Иванов Д., *Туркестанские походы*, — «Военный сборник», 1873, № 3—5, 7, 9, 10.
- Иванов П. П., *Казахи и Кокандское ханство. К истории их взаимоотношений в начале XIX в.*, — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, 1939.
- Иванов П. П., *Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.)*, М., 1958.
- Игнатьев Н. И., *Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника И. Игнатьева*, СПб., 1897.
- Идаров С. А., *Значение Индии в политике России с Турцией и Англией*, — «Русский вестник», 1884, № 6.
- «Из воспоминаний о походе под Самарканд в 1868 г.», — «Военный сборник», 1885, № 1.
- Ильясов А., *Авантюрная деятельность английских агентов в Мургаб-*

- ском оазисе в момент его присоединения к России, — «Ученые записки Марыйского женского педагогического института», вып. 1. Мары, 1957.
- Искандаров Б. И., *Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире*, — «Труды Таджикского госуниверситета им. В. И. Ленина», т. XXVII, сер. истор. наук, вып. 1, Душанбе, 1960.
- Искандаров Б. И., *Из истории Бухарского эмирата*, М., 1958.
- «История дипломатии», т. 1—3, М.—Л., 1939—1945.
- «История дипломатии», изд. 2, т. 1, М., 1959, т. II, М., 1963.
- «История Казахской ССР, с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции», т. 1, Алма-Ата, 1957.
- «История Киргизии», т. 1—2, Фрунзе, 1956.
- «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947.
- «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2. — «Эпоха феодализма 1800—1861 гг.», М., 1958.
- «История Туркменской ССР, с начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957.
- «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, Ташкент, 1956.
- Ишанов А. И., *Создание Бухарской Народной Советской Республики, (1920—1924)*, Ташкент, 1955.
- Казаиский К. К., *Вблизи Памиров*, Ташкент, 1895.
- «„Казенный турист“. Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией», — «Современник», 1864, № 11—12.
- Каменский Г., *Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности*, — «Вестник промышленности», т. I, 1859, № 2.
- Карзин И. И., *Скорбный путь*, — «Русская старина», № 3, 1907.
- Карриев А., *Вхождение Мургабского оазиса в состав Российской империи*, — «Известия Туркменского филиала АН СССР», Ашхабад, 1951, № 3.
- Кастельская З. Д., *К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX в. по 1907 г.)*, — «На зарубежном Востоке», 1934, № 2, стр. 57.
- [Катенин А. А.], А. А. Катенин. *Биографические данные и копии из бумаг бывшего видного государственного деятеля, особенно на средне-азиатском военном фронте*, — «Военно-исторический сборник», 1915, № 3—4; 1916, № 1—2.
- «Кауфманский сборник», М., 1910.
- Кафаров Палладий, *О торговых путях по Китаю и подвластным ему владениям*, — «Записки Русского географического общества», кн. IV, 1850.
- Килевейн Е. Я., *Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид Мухаммед хана 1856—1860*, — «Этнографический сборник», вып. 5, 1862.
- Кисляков Н. А., *Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана*, [Душанбе] — Ленинград, 1941.
- Клейнборт Л., *Русский империализм в Азии*, СПб., 1906.
- [Ковалевский Е.], *Путешествие в Китай Е. Ковалевского*, СПб., 1853.
- Ковалевский Е. П., *Собрание сочинений*, т. 1—5, СПб., 1871—1872.
- Ковалевский Е. П., *Странствователь по суше и морям*, кн. 1—2, СПб., 1843.
- Ковалевский П., *Встречи на жизненном пути. Егор Петрович Ковалевский*, — «Исторический вестник», февраль 1882.
- Кокорев В., *Взгляд русского на европейскую торговлю*, М., 1857.

- Кокорев В. А., *Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 г.*, СПб., 1887.
- Корнилов А. А., *Общественное движение при Александре II, 1865—1881*, М., 1909.
- Костенко Л. Ф., *Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г.*, СПб., 1871.
- Костенко Л. Ф., *Средняя Азия и подвороние в ней русской гражданственности*, СПб., 1871.
- Костенко Л. Ф., *Экспедиция в Алайские горы*, — «Туркестанский сборник», т. 150.
- Костенко Л. Ф., *Экспедиция на Алай и Памир*, — «Военный сборник», 1879, № 3.
- [Кошелев А. И.], *Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)*, Берлин, 1884.
- Крестовский В., *В гостях у эмира бухарского. Путевой дневник*, — «Русский вестник», 1884, № 2—3, 5—8.
- [Кривошеин], *Записка главноуправляющего землеустройством и земледелением о поездке в Туркестанский край в 1912 году*, СПб., 1919.
- Кумар В., *Англо-американский заговор против Кашмира*, М., 1954.
- Кун А., *Очерк Коканского ханства*, — «Известия Русского географического общества», т. XII, 1877.
- Куропаткин А. Н., *Очерки Кашгарии*, СПб., 1878.
- Кушева Е. Н., *Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии*, — «Проблемы источниковедения», сб. III, М.—Л., 1940.
- Кушева Е. Н., *Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века*, — «Исторический сборник», вып. 3, Л., 1934.
- Лаврентьев В., *Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии*, Л., 1930.
- Левин Ш. М., *Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века*, М., 1958.
- Лежай Г., *Русские в Средней Азии*, — «Записки для чтения», кн. 10—11, 1867.
- Лени Р., *Исследования в Восточной Персии и в Хератском владении*, СПб., 1868.
- Лобачев Н., *Возникновение промышленных кризисов капитализма и первые кризисы в России в 1847—57 г.*, Саратов, 1940.
- Лобысевич Ф. И., *Описание Хивинского похода 1873 г.*, СПб., 1898.
- Лобысевич Ф. И., *Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях*, СПб., 1900.
- Логофет Д. Н., *Бухарское ханство под русским протекторатом*, т. 1—2, СПб., 1911.
- Логофет Д. Н., *В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии)*, СПб., 1913.
- Логофет Д. Н., *Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние*, СПб., 1909.
- Лунин Б. В., *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*, Ташкент, 1958.
- Лунин Б. В., *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в.*, Ташкент, 1962.
- Лыко М., *Очерк военных действий 1868 года в Зарявшанской долине*, — «Военный сборник», 1871, № 5—8.

- Львов И., *Завоевание Туркестана*, — «Русский вестник», 1868, № 7.
- [Любимов Н. А.], *М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н. А. Любимова*, СПб., 1889.
- Лященко П. И., *История народного хозяйства СССР*, т. I, М., 1947.
- М. С., *Николай Владимирович Ханыков. Некролог*, — «Вестник Европы», 1878, № 12.
- Майский И. М., *Путешествие в прошлое*, М., 1960.
- Мак-Гахан, *Военные действия на Оксусе и падение Хивы*, пер. с англ., М., 1875.
- Мак-Грегор, *Оборона Индии*, ч. 1—2, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 43—44, СПб., 1891.
- Мак-Грегор, *Хоросан. Путешествие по северо-восточным провинциям Персии*, пер. с англ., ч. 1—2, СПб., — Киев, 1882—1886.
- Мак-Колль М., *Султан и державы*, пер. с англ., СПб., 1897.
- Макшеев А. И., *Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае*, — «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. II, 1871.
- Макшеев А. И., *Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских*, СПб., 1890.
- [Макшеев А. И.], *Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева*, СПб., 1896.
- Маннапов Б., *К вопросу о влиянии присоединения Средней Азии к России на сопредельные страны Востока (Иран)*, — «Научные работы и сообщения», кн. 2, Ташкент, 1961.
- Манпанов Б., *Присоединение Средней Азии к России и Иран*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1962, № 39.
- Мансветов Н. В., *Сближение наций и возникновение интернациональной общности народов в СССР*, — «Вопросы истории», 1964, № 5.
- Маркус, *Выписка из дел о видах и распоряжениях нашего правительства относительно восточного берега Каспийского моря*, [б. м.], [б. г.].
- Мартенс Ф. Ф., *Император Николай I и королева Виктория*, — «Вестник Европы», 1896, № 11.
- Мартенс Ф. Ф., *Россия и Англия в Средней Азии*, СПб., 1880.
- Масальский В. И., *Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее*, СПб., 1892.
- Маслов А. Н., *Россия в Средней Азии. Очерк наших новейших приобретений*, — «Исторический вестник», 1885, май.
- «Материалы для описания Хивинского похода 1873 г.», вып. V, Ташкент, 1881.
- «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию», СПб., 1869.
- «Материалы по истории туркмен и Туркменин», т. I, М.—Л., 1939.
- «Международные отношения на Дальнем Востоке, 1870—1945 гг.», М., 1951.
- [Мейендорф], *Статистический взгляд на Бухарию*, — «Северный архив», октябрь 1826, № 19, 20.
- Мендельсон Л. А., *Экономические кризисы и циклы XIX века*, М., 1949.
- [Меньков П. К.], *Записки Петра Кононовича Менькова*, т. 1—3, СПб., 1898.

- Мещерский В. П., *Мои воспоминания. Часть первая (1850—1865)*, СПб., 1897.
- Минаев И. П., *Дневники путешествий в Индию и Бирму*, М., 1955.
- Мицк И. И., *Международное значение победы социализма на Советском Востоке. К 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции*, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5.
- Мирза Абдал Азиз Сами, *Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангитских государей)*, М., 1962.
- «Мировые экономические кризисы. 1848—1935», т. 2—3, М., 1937—1939.
- Мороховец Е. А., *Крестьянская реформа 1861 г.*, М., 1937.
- Мортон А. Л., *История Англии*, пер. с англ., М., 1950.
- Муминов И., *Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века*, Самарканд, 1949.
- [Муравьев Н.], *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в эти страны для переговоров*, ч. 1—2, М., 1822.
- Мухамеджанов А., *Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Бухарского ханства с Россией в 20—50-х годах XIX в.*, Ташкент, 1955 (автореферат).
- Мухаммед Неби-хан, *Государственные вопросы и ответы и укрепление государства*, пер. с перс., Ташкент, 1899.
- Мухаммед Юсуф мушин, *Мушим-ханская история*, пер. с тадж., Ташкент, 1956.
- ✓ Мушкетов И. В., *Туркестан*, СПб., 1906.
- И. В., *Коканское ханство по новейшим известиям*, — «Военный сборник», 1869, № 7.
- ✓ Назаров П., *Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару*, — «Военный сборник», 1864, № 4.
- [Назаров Ф.], *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии*, СПб., 1821.
- [Наливкин В.], *Краткая история Кокандского ханства*, СПб., 1886.
- «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг. Сборник статей к столетию восстания», М., 1957.
- Нарочницкий А. Л., *Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895*, М., 1956.
- Нарочницкий А. Л., *Русские документальные публикации по вопросам внешней политики России и международных отношений нового времени, изданные до 1917 года*, — «Исторический журнал», 1943, № 1—2.
- «Наша китайская торговля», СПб., 1868.
- «Наши соседи в Средней Азии: Хива, Туркмения», СПб., 1873.
- ✓ Небольсин Г. П., *Статистические записки о внешней торговле России*, ч. 1—2, СПб., 1835.
- ✓ Небольсин Г. П., *Статистическое обозрение внешней торговли России*, ч. 1—2, СПб., 1850.
- Небольсин П. И., *Очерки торговли России с Средней Азией*, — «Записки Русского географического общества», кн. X. 1865.
- Неведенский С., *Катков и его время*, СПб., 1888.
- Нейманн К., *Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах*, пер. с нем., М., 1848.
- Неру Дж., *Открытие Индии*, пер. с англ., М., 1955.
- [Нессельроде К. В.], *Всеподданнейший отчет министра иностранных*

- дел графа Нессельрода, за 25 лет царствования императора Николая I, — «Сборник Русского исторического общества», т. 98, СПб., 1896.
- [Нессельроде К. В.], *Записка канцлера графа К. В. Нессельроде о политических соотношениях России*, — «Русский архив», кн. 2, 1872.
- Нигматов Т. П., *Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Хивинского ханства с Россией в 20—50-х годах XIX века*, Ташкент, 1955 (автореферат).
- [Никитенко А. В.], *Моя повесть о самом себе и о том, «чем свидетелем в жизни был»*. Записки и дневник 1826—1877 А. В. Никитенко, т. 1—2, СПб., 1893.
- Никитников Ф., *Нужен ли консул в Бухаре*, — газ. «Москва», 1867, № 96.
- Нольде Б. Э., *Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II*, Прага, 1925.
- Носков И. А., *О сухопутной торговле с Китаем*, СПб., 1871.
- «О возмущениях, бывших в Дзюнгари и Малой Бухарии», — «Сибирский вестник», ч. 3—4, СПб., 1823.
- «Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии», — «Записки Русского географического общества», кн. III, 1849.
- «Обозрение промышленности и торговли», — «Вестник промышленности», т. XI, 1861, № 2.
- «Общий очерк Киргизской степи», — «Военный сборник», 1865, № 12.
- Омелин Н. Е., *Из истории колонизации Средней Азии царской Россией*, — «Научные записки Ташкентского финансово-экономического института», Ташкент, 1948, № 3.
- [Остроумов Н.], *Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова*, Ташкент, 1899.
- «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г.», — «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», ч. 22. СПб., 1893.
- «Отчеты о действиях Хорасанской экспедиции», — «Вестник Русского географического общества», ч. 25, 1859; ч. 28, 1860.
- «Очерк распространения русского владычества в Средней Азии в 1847—1862 гг.», — «Морской сборник», 1862, № 6.
- [П. М. К.], *Русское знамя в Средней Азии*, — «Исторический вестник», 1899, апрель — май.
- П. Р., *Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре*, — «Военный сборник», 1870, № 7—8.
- [Пашинно П. И.], *Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки П. И. Пашино*, СПб., 1868.
- Перепелицына Л. А., *Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии*, Ташкент, 1960.
- Перцев В. Т., *Экономическое развитие Англии в XIX в.*, Минск, 1924.
- «Письмо адмирала Бутакова к князю А. И. Барятинскому с замечаниями М. Г. Черняева», — «Русский архив», 1899, № 11.
- Пичугин П., *Вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 году*, — «Военный сборник», 1872, № 5.
- Погребинский А. П., *Экономическое развитие Англии в эпоху промышленного капитализма*, М., 1947.

- ✱ Покровский М. Н., *Дипломатия и войны царской России в XIX столетии*, М., 1923—1924.
- ✱ Покровский С. А., *Внешняя торговля и внешняя торговая политика — России*, М., 1947.
- Покровский С. П., *Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти — до национального размежевания среднеазиатских республик*, Ташкент, 1927.
- [Полторацкий В. А.], *Воспоминания В. А. Полторацкого*, — «Исторический вестник», 1893, январь — октябрь; 1895, январь — июль.
- ✱ [Попов А. Л.], *Борьба за среднеазиатский плацдарм*, — «Исторические записки», 1940, № 7.
- Попов А. Л., *Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского*, — «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, М.—Л., 1940.
- ✱ Попов А. Л., *Из истории завоевания Средней Азии*, — «Исторические записки», 1940, № 9.
- Попов А., *От Босфора к Тихому океану*, — «Историк-марксист», 1934, № 3.
- «Посмертные бумаги М. Д. Скобелева», — «Туркестанский сборник», т. 330.
- [Потанин], *Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина 1830 года*, — «Вестник Русского географического общества», кн. VI, 1865.
- Предтеченский А. В., *Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века*, М.—Л., 1957.
- «Присоединение Туркмении к России (Сборник документов)», Ашхабад, 1960.
- «Протоколы и стенографические отчеты заседаний I Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью. 1870», СПб., 1872.
- Путята, *Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г.*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. X, СПб., 1884.
- Пясковский А. В., *К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России*, — «Вопросы истории», 1959, № 8.
- Пясковский А. В., *Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России*, — «Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России», Ташкент, 1959.
- ✱ Пясковский А. В., *Революция 1905—1907 гг. в Туркестане*, М., 1958.
- Р., *История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином*, — «Русский вестник», 1879, № 7.
- ✱ Раджабов З. Ш., *Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв.* [Душанбе], 1957.
- Раджабов С., *К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом*, [Душанбе], 1954.
- ✱ Раджабов С., *Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии*, Ташкент, 1955.
- Рашидов Ш., *Навеки вместе с русским народом (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России)*, — «Коммунист», 1959, № 10.

- Ресалэ-и-Якуби, *Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана*, — «Историк-марксист», 1940, № 3.
- Риджуэй, *Новая афганская граница*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 39, СПб., 1889.
- Риттер К., *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственном сношении с Россией, Восточный или Китайский Туркестан*, вып. 1—2, СПб., 1869—1873.
- Риттер К., *Иран*, ч. 1, СПб., 1874.
- Риштия С. К., *Афганистан в XIX веке*, пер. с перс., М., 1958.
- Робертс Кандагарский, *Сорок один год в Индии. От субалтерна до главнокомандующего*, СПб., 1902.
- Рожкова М. К., *Из истории торговли России со Средней Азией в 60-х годах XIX в.*, — «Исторические записки», т. 67, 1960.
- Рожкова М. К., *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия*, М.—Л., 1949.
- Рожкова М. К., *Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века*, М., 1963.
- Рой П. Ч., *Посольство Баба Рам Сингха в русский Туркестан (1879)*, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 4.
- Романовский Д. И., *Заметки по средне-азиатскому вопросу*, СПб., 1868.
- «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркменин в состав России (Сборник документов)», Ашхабад, 1946.
- Савицкий А., *Саттархан Абдул Гафаров*, — «Звезда Востока», № 11, 1960.
- Ротштейн А., *Британский реформизм и колониальный вопрос*, — «Советское востоковедение», 1957, № 6.
- Руир, *Англо-русское соперничество в Азии в XIX в.*, пер. с франц., М., 1924.
- «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. 3, СПб., 1872.
- Рустамов У. А., *Прииндуишские княжества Северной Индии в конце XIX — начале XX в.*, Ташкент, 1956.
- Рябинский А. М., *История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией*, — «Труды Военно-Политической орден Ленина академии Красной Армии им. В. И. Ленина», сб. 4 М.—Л., 1940.
- Рябинский А. М., *Царская Россия и Бухара в эпоху империализма*, — «Историк-марксист», 1941, № 4.
- Савельев П. С., *Бухара в 1853 г., с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 года включительно*, СПб., 1836.
- Самойлович А. Н., *Отклики хивинской придворной хроники XIX в. на приезд английского майора Эббот*, — «Сборник статей к столетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», Л., 1934.
- Самсонов Арс., *Очерки Киргизской степи*, — «Записки для чтения», 1869, кн. 8.
- «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. 1, СПб., 1902.
- Северцов Н. А., *Заметка о наших среднеазиатских владениях*, — «Слово», 1880, № 8.

- Северцов Н. А., *Месяц плена у кокандцев*, — «Русское слово», 1859, № 10.
- Северцов Н. А., *Путешествия по Туркестанскому краю*, М., 1947.
- Северцов Н. А., *Сборник документов*, Ташкент, 1958.
- Семенов А., *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год*, ч. I—III, СПб., 1859.
- Семенов А. Л., *История Шугнана*, Ташкент, 1916.
- Семенов А. А., *Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства*. — «Труды Среднеазиатского государственного университета», вып. I, Ташкент, 1929.
- Семенов А. А., *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885)*, Ташкент, 1909.
- Семенов А., *Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон Кауфман I*, — «Кауфманский сборник», М., 1910.
- [Семенов П. П.]. *История полувсковой деятельности Русского географического общества, 1845—1895*, ч. I—III, СПб., 1896.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П., *Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг.*, М., 1948.
- Симонова Л. Х., *Рассказы очевидцев, о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении*, — «Исторический вестник», 1904, сентябрь.
- Синха Н. К., Банерджи А. Ч., *История Индии*, М., 1954.
- Скальковский К. А., *Внешняя политика России и положение иностранных держав*, СПб., 1897.
- Скальковский К. А., *Воспоминания молодости (По морю житейскому)*. 1843—1869, СПб., 1906.
- Скальковский К. А., *Наши государственные и общественные деятели*, СПб., 1890.
- Скальковский К. [А.], *Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной деятельности*, т. I—2, СПб., 1891.
- Скрин А., *Китайский Туркестан*, Ташкент, 1911.
- Скрин Ф. Г., *Рост России с 1825 по 1900 г.*, пер. с англ., СПб., 1904.
- Смирнов Н. А., *Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.*, М., 1958.
- Снесарев А. Е., *Северо-Индийский театр*, ч. 1—2, Ташкент, 1903.
- «Современная летопись», — «Московские ведомости», 1866, № 10—11.
- Соколов А. Я., *Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских торговых отношений*, — «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», вып. 229, 1964.
- Стрельбицкий И., *Земельные приобретения России в царствование императора Александра II с 1865 по 1881 год*, СПб., 1881.
- Стремоухов Н. П., *Поездка в Бухару. Извлечение из дневника*, — «Русский вестник», 1875, № 6.
- Субботин А. П., *Россия и Англия на среднеазиатских рынках*, СПб., 1885.
- Сярковский Г., *Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864—1865 гг.*, — «Военный сборник», 1891, № 2—3.
- Тарасенко-Отрепков Н. И., *Обзор внешней торговли России последних двадцати пяти лет*, СПб., 1859.
- Тарасов С. А., *Очерк торговли с Западным Китаем*, — «Журнал мануфактур и торговли», т. VI, 1859, кн. 4, отд. V.

- Тарле Е., *Английская политика от Крымской кампании до наших дней*, — «Литературный современник», 1940, № 7.
- Тарле Е., *Англо-французская дипломатия и Крымская война*, — «Военно-исторический журнал», 1940, № 4.
- Тарле Е. В., *Вторая мировая война в кривом зеркале*, — «Большевик», 1949, № 21.
- Тарле Е. В., *Крымская война*, т. 1—2, М.—Л., 1950.
- Татариннов А., *Семимесячный плен в Бухарии*, СПб., 1867.
- Татищев С. С., *Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны*, СПб., 1887.
- ✓ Татищев С. С., *Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи*, СПб., 1890.
- Татищев С. С., *Император Александр II, его жизнь и царствование*, т. 1—2, СПб., 1911.
- 12 Терентьев М. А., *История завоевания Средней Азии*, т. 1—3, СПб., 1906.
- Терентьев М. А., *Как устранить соперничество англичан в Средней Азии*, — «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», вып. II, СПб., 1873.
- Терентьев М. А., *Россия и Англия в борьбе за рынки*, СПб., 1876.
- Терентьев М. А., *Россия и Англия в Средней Азии*, СПб., 1875.
- Терентьев М. А., *Статистические очерки Среднеазиатской России*, — «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. IV, 1874.
- Терентьев М. А., *Торговая политика Англии*, — «Вестник Европы», 1874, № 9.
- 1 Терентьев М. А., *Туркестан и туркестанцы*, — «Вестник Европы», 1875, № 9—11.
- [Тернер Ф. Г.] *Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера*, ч. I—II, СПб., 1910—1911.
- Тернер Ф. Г., *Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 гг.*, СПб., 1856.
- 1 Тихомиров М. Н., *Присоединение Мерва к России*, М., 1960.
- Тихонов Д., *Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане*, — «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948.
- Толбухов Е., *Устроитель Туркестанского края*, — «Исторический вестник», 1913, июнь.
- «Торговые договоры России с Китаем», СПб., 1909.
- «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле», ч. 22, СПб., 1893.
- Туманский А., *На память 25-летия взятия Самарканда 1868—1893*, СПб., 1893.
- «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, собрал полковник А. Г. Серебrenников», т. 1—8, 17—22, Ташкент, 1912—1916.
- Уальполь С., *Иностранная политика Англии*, СПб., 1885.
- «Улучшение пароходства на Сыр-Дарье», — «Современная летопись», 1866, № 41.
- Усенбаев К., *Присоединение Южной Киргизии к России*, Фрунзе, 1960.
- Усманов К., *Восстание в Кашигаре 1864 г.*, — «Труды Московского института востоковедения», сб. 6, М., 1947.

- Усмаиов К., *Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года*, — «Вопросы истории», 1947, № 2.
- Фадеев А., *Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии*, — «Вопросы истории», 1951, № 9.
- Фадеев А. В., *О некоторых чертах внешней политики царской России в период разложения крепостнической системы*, — «Вопросы истории», 1958, № 1.
- Фадеев А. В., *Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века*, М., 1958.
- Федоров М. П., *Соперничество торговых интересов на Востоке*, СПб., 1903.
- Федченко А. П., *Путешествие в Туркестин*, СПб., М., 1875.
- Федченко А. П., *Сборник документов*, Ташкент, 1956.
- [Феокистов Е. М.], *Воспоминания Е. М. Феокистова. За кулисами политики и литературы*, Л., 1929.
- Халфин Н. А., *Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)*, Ташкент, 1957.
- Халфин Н. А., *Британская экспансия в Средней Азии в 30—40 годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира*, — «История СССР», 1958, № 2.
- Халфин Н. А., *Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма. 1888 г.*, — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина», нов. сер., вып. 68, кн. 9, Ташкент, 1955.
- Халфин Н. А., *Из истории железнодорожного строительства в до-революционном Туркестане*, — сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. К 70-летию М. Н. Тихомирова», М., 1963.
- Халфин Н. А., *Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии*, — «Советское востоковедение», 1958, № 4.
- Халфин Н. А., *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.)*, М., 1959.
- [Ханыков Н. В.], *Герат*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 16, СПб., 1885.
- Ханыков Н., *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.
- [Ханыков Я. В.], *Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями, составленной д. ч. Я. В. Ханыковым*, — «Записки Русского географического общества», СПб., кн. V, 1851.
- Хасанов А., *Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 годах XIX века*, Фрунзе, 1961.
- Хасанов А., *Экономические и политические связи Киргизии с Россией*, Фрунзе, 1960.
- Х[ороши]н А. П., *Весны 1858 года в Средней Азии. Воспоминания казачьего офицера*, — «Военный сборник», 1875, № 9.
- Хромов П. А., *Экономическое развитие России в XIX—XX веках, 1800—1917*, М., 1950.
- [Хрулев С. А.], *Записка о походе в Индию*, — «Русский архив», 1882, № 5.
- Хрулев С., *Проект устава товарищества для развития торговли с Среднею Азиею*, — «Журнал мануфактур и торговли», 1863, № 1.

- Чарыков Н. В., *Мирное завоевание Мерва*, — «Исторический вестник», 1914, № 11.
- Черкасов, *Защита Самарканда в 1868 году*, — «Военный сборник», 1870, № 9.
- Черпосвитов Р., *Мысль об устройстве водяных путей в Среднюю Азию*, — «Экономический указатель», вып. 45, 1857.
- Чернышевский Н. Г., *Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г.*, — «Полное собрание сочинений», т. 1, М., 1939.
- Шавров Н. А., *О путях для торговли России с Азией*, СПб., 1873.
- Чернявский В. И., П. П. Семенов-Тянь-Шанский и его труды по географии, М., 1955.
- «Черняев. К туркестанским боевым юбилеям. 1865—1915», — «Военный сборник», 1915, № 11—12; 1916, № 1.
- Черняев М. Г., *Султаны Кенисара и Садык*, — «Русский вестник», 1889, № 8.
- Ч[ернышев] А., М. Г. Черняев в Средней Азии. На Сыр-Дарьинской линии 1857—59, — «Исторический вестник», 1915, июнь.
- Ч[ихачев Платон], *Записка о возможности осуществления Россией экспедиции в Индию*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 23, СПб., 1886.
- Чихачев П., *О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир*, — «Записки Русского географического общества», кн. III, 1849.
- Шейс Ж., *Современная Индия*, пер. с франц., ч. I—II, СПб., 1913.
- Ш[емянский] А., *Туркестанские боевые юбилеи 1865—1915*, — «Военно-исторический сборник», 1915, № 2—4; 1916, № 1—2.
- Шепелев А., *Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1873 г.*, ч. 1, Ташкент, 1879.
- Шипилов А., *Русский отряд на китайской границе в 1863 г. Из воспоминаний артиллериста*, — «Военный сборник», 1865, № 2.
- Шипов А. П., *О значении внутренней и внешней торговли*, М., 1861.
- Шипов А. П., *О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений*, СПб., 1866.
- Шипов А. П., *Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России*, вып. 1—2, М., 1857—1858.
- Штейнберг Е. Л., *Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.*, — «Исторические записки», т. 33, 1950.
- Штейнберг Е. Л., *История британской агрессии на Среднем Востоке*, М., 1951.
- Шубинский П. П., *Очерки Бухары*, СПб., 1892.
- Эвальд А. В., *Воспоминания о К. П. фон-Кауфмане*, — «Исторический вестник», 1897, октябрь.
- Эмери Л., *Моя политическая жизнь*, пер. с англ., М., 1960.
- Эсадзе Б. С., *Скобелев в Закаспии. Очерк Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг.*, М., 1914.
- Юдин М. Л., *Памяти М. Г. Черняева*, — «Исторический вестник», 1914, сентябрь.
- Юлдашбаева Ф., *Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70—80 годы XIX в.)*, Ташкент, 1963.
- Юлдашев М., *Ключи Ташкента*, — «Звезда Востока», 1959, № 5.
- Яковлев А. Ф., *Экономические кризисы в России*, М., 1955.

- Яковлев Н., *О так называемом «завещании» Петра Великого*, — «Исторический журнал», 1941, № 12.
- Янжул И., *Исторический очерк русской торговли с Средней Азией*, — «Московские университетские известия», 1869, № 5.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- A dye J., *Indian frontier policy*, London, 1897.
- Aitchison C. U., *A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries*, vol. XIII, Calcutta, 1933.
- Atkinson Th. W., *Oriental and Western Siberia: a narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and part of Central Asia*, London, 1858.
- «Autobiography and reminiscences of Sir Douglas Forsyth, ed. by his daughter», London, 1887.
- Baker Val., *Clouds in the East. Travels and adventures on the persoturkoman frontier*, London, 1876.
- Baker Val., *Military geography of Central Asia*, — «Journal of the Royal united service institution», 1875, № 18.
- Balfour Betty, *The history of lord Lytton's Indian administration*, New York — Bombay, 1899.
- Bellew H. W., *Afghanistan and Afghans*, London, 1879.
- Bellew H. W., *Journal of a political mission to Afghanistan in 1857, under major (now colonel) Lumsden; with an account of the country and people*, London, 1862.
- Beveridge A. J., *The Russian advance*, New York, London, 1862.
- Boulger D. Ch., *Central Asian questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia*, London, 1885.
- Boulger D., *The life of Yakoob-Beg*, London, 1878.
- Burnaby Fred., *A ride to Khiva: travels and adventures in Central Asia*, London—Paris—New York, 1877.
- Burrows M., *The history of the foreign policy of Great Britain*, Edinburgh — London, 1895.
- Burslem R., *A peep into Toorkistan*, London, 1846.
- «The Cambridge history of the British empire», vol. I—II, Cambridge, 1929—1930.
- «The Cambridge history of British foreign policy, 1783—1919», vol. I—III, Cambridge, 1922—1923.
- Capur A. Ch., *Disraeli's forward policy on the North-West of India, 1874—1877*, — «The research bulletin (arts) of the University of the Panjab», Panjab, 1951, № 4.
- Chaudhuri M., *Power-politics in Afghanistan, past and present*, — «The modern review», vol. LXXXV, Calcutta, 1949, № 2.
- «Correspondence respecting the relations between the British government and that of Afghanistan since the accession of the Ameer Shere Ali Khan», London, 1878.
- Costin W. C., *Great Britain and China (1833—1860)*, Oxford, 1937.
- Curzon G. N., *Persia and the Persian question*, vol. 1—2, London — New York, 1892.
- Curzon G. N., *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question*, London—New York, 1889.

- Datta Kalikinkar, *The Indian movement of 1857—9 and its reactions abroad*, — «The Journal of the Bihar research society», vol. XXXIX, Patna, 1953, December.
- Davis H. W. C., *The great game in Asia (1800—1844). The Ralleigh lecture on history. Read November 10, 1926*, — «Proceedings of the British academy», London, 1926.
- «Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. 4, «Die Dreibundmächte und England», Berlin, 1923.
- Dobson G., *Russia's railway advance into Central Asia*, London—Calcutta, 1890.
- Edwards H. S., *Russian projects against India*, London, 1895.
- Fisher F. H., *Afghanistan and the Central Asian question*, London, 1878.
- Fraser J. B., *Narrative of journey into Khorasan in the years 1821 and 1822*, London, 1825.
- Fraser-Tytler W. K., *Afghanistan. A study of political developments in Central Asia*, London—Oxford, 1950.
- Ghose D. K., *England and Afghanistan. A phase in their relations*, Calcutta, 1960.
- Grąbczewski B., *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus*, Warszawa, [S. a.].
- Greaves R. L., *Russia and the defence of India 1884—1892. A study in the foreign policy of the third marquis of Salisbury*, London, 1959.
- Habberton W., *Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837—1907*, Urbana, 1937.
- «Hansard's parliamentary debates», third ser., vol. CXLIX, CXCVII—CXCXVII, London, 1858, 1868.
- Hellwald F., *Die Russen in Zentralasien*, Augsburg, 1878.
- Hutton J., *Central Asia: from the Aryans to the Cossacks*, London, 1875.
- Imlah A. H., *Economic elements in the Pax Britannica. Studies in British foreign trade in the nineteenth century*, Cambridge (Mass.), 1958.
- Kasturi N., *History of the British occupation of India*, Calcutta, [S. a.].
- Kemp P. M., *Bharat-Rus. An introduction to Indo-Russian contacts and travels from mediaeval times to the October Revolution*, — ISCUS, Delhi, 1958.
- Ker D., *On the road to Khiva*, London, 1874.
- Khanikoff N., *Mémoire sur la partie meridionale de l'Asie centrale*, Paris, 1861.
- Korff S. A., *Russia's foreign relations during the last half century*, New York, 1922.
- Krahmer G., *Die Beziehungen Russlands zu Persien*, Leipzig, 1903.
- Krahmer G., *Russland in Mittel-Asien*, Leipzig, 1898.
- Lansdell H., *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*, vol. 1—2, London, 1885.
- Lansdell H., *Through Central Asia*, London, 1887.
- Lenczowsky G., *Russia and the West in Iran. 1918—1948*, Ithaca, 1949.
- Lerch P., *Khiva oder Kharesm, seine historischen und geographischen Verhältnisse*, SPh., 1873.

- Lilienthal A., *There goes the Middle East*, New York, 1957.
- Lobanov-Rostovsky, *Russia and Europe 1789—1825*, Durham, 1947.
- Lobanov-Rostovsky A., *Russia and Europe 1825—1878*, Ann Arbor.
- Macmunn G., *Afghanistan. From Darius to Amanullah*, London, 1929.
- Markham C. R., *A memoir on the Indian surveys*, 2 ed., London, 1878.
- Marvin Ch., *Reconnoitring Central Asia*, London, 1886.
- Marvin Ch., *The Russian advance towards India. Conversation with Skobeleff, Ignatieff*, London, 1882.
- Menon K. S., *The «Russian bogey» and British aggression in India and beyond*, Calcutta, 1957.
- Meyendorff G., *Voyage d'Orenbourg à Boukhara*, Paris, 1826.
- Mollesworth W. N., *The history of England from the year 1830—1874*, vol. 1—2, London, 1880.
- Monypenny W. T. and Buckle G. E., *Life of Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield*, vol. I—VI, New York, 1913.
- Mosse W. E., *England and the Polish insurrection of 1863*, — «English history review», vol. 71, 1956, January.
- Panikkar K. M., *Asia and the Western dominance. A survey of the Vasco de Gama epoch of Asian history 1498—1954*, London, 1954.
- Panikkar K. M., *A survey of Indian history*, 2 ed., Bombay—Calcutta, 1954.
- Panikkar K. M., *The Himalayas and Indian defence*, — «Indian quarterly», New Delhi, vol. 3, 1947, April—June, № 2.
- Pierce R. A., *Russian Central Asia. 1867—1917*, Berkeley and Los Angeles, 1960.
- Prasad B., *The foundations of India's foreign policy*, vol. I, 1860—1882, Bombay—Calcutta—Madras, 1955, London, 1956.
- Rawlinson H., *England and Russia in the East*, London, 1875.
- «Report on the proceedings of the Pamir Boundary comission, by major-general Gerard...», Calcutta, 1897.
- Roberts of Kandahar, *Forty one years in India, from subaltern to commander-in-chief*, vol. I—II, London, 1897.
- Ronaldshay, *The life of lord Curzon*, vol. 1—2, London, 1927.
- Sumner B. H., *Russia and the Balkans*, Oxford, 1937.
- Sykes P., *A history of Afghanistan*, vol. I—II, London, 1940.
- Sykes P., *A history of Persia*, vol. 1—II, London, 2 ed, 1921; 3 ed., 1938.
- Trench F., *The Russo-Indian question*, London, 1869.
- Trevelyan G. M., *British history in the nineteenth century and after (1782—1919)*, 2ed., London, 1937.
- Urquhart D., *England, France, Russia and Turkey*, London, 1834.
- Urquhart D., *Progress and present position of Russia in the East*, London, 1838.
- Urquhart D., *Progress of Russia in the West, North and South*, London, 1853.
- Urquhart D., *The portfolio; or a collection of state papers, etc., illustrative of the history of our own times*, vol. 1—6, London, 1835—1837.
- Urquhart D., *The portfolio, new series*, London, vol. 1—6, 1843—1844.
- Walpole Sp., *The history of 25 years 1856—1880*, vol. 1—4, London—New York—Bombay.
- Walsh W. B., *Russia and the Soviet Union. A modern history*, Ann Arbor, 1958.

Wolff J., *A narrative of a mission to Bokhara in the years 1843—1845*,
Edinburgh — London, 1848.
Younghusband F. E., *The heart of continent*, New York, 1904.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Центральный Государственный Военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР). Фонд 67 «А. Л. Данзас», фонд 400 «Главный штаб», фонд 431 «Великобритания», фонд 483 «Военные действия в Средней Азии», фонд «Военно-ученого архива», «Большие номера», фонд 38 «Департамент генерального штаба», фонд 401 «Военно-ученый комитет».
- Архив Внешней политики России (АВПР). Фонд 6 «Политический архив», фонд 40 «Миссия в Персии», фонд 347 «Санкт-Петербургский Главный архив министерства иностранных дел», 1—1 и 1—9, фонд «Посольство в Лондоне».
- Центральный Государственный Исторический архив СССР в Москве (ЦГИАМ). Фонд 730 «Н. П. Игнатьев», фонд 959 «В. А. Кокорев», фонд 1722 «Мраморный дворец».
- Центральный Государственный Исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИА). Фонд 40 «Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности и торговые договоры с иностранными государствами» (коллекция), фонд 101 «Пароходное общество „Кавказ и Меркурий“», фонд 853 «В. В. Григорьев», фонд 893 «Н. А. Безак», фонд 954 «Кауфманы», фонд 967 «Г. А. Колпаковский», фонд 1001 «Неболсины», фонд 1072 «Э. Э. Ухтомский», фонд 1173 «Особый комитет для рассмотрения предположений о торговых сношениях России с Англией».
- Центральный Государственный архив Военно-Морского флота СССР (ЦГА ВМФ СССР). Фонд 283 «Инспекторский департамент Морского министерства», фонд 410 «Канцелярия Морского министерства».
- Центральный Государственный Исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР). Фонд 1 «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора» (КТГГ), фонд 2 «Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе», фонд 3 «Российское императорское Политическое агентство в Бухаре», фонд 715 «Подготовительные материалы к составленной полковником Серебrenниковым публикации документов „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания“», фонд 19 «Ферганское областное правление».
- Центральный Государственный Исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА ГрузССР). Фонд 4 «Канцелярия наместника кавказского», фонд 11 «Дипломатическая канцелярия наместника кавказского», фонд 15 «Чиновник министерства иностранных дел при наместнике кавказском», фонд 416 «Кавказская Археографическая комиссия», фонд 548 «Главный штаб Кавказской армии», фонд 1087 «Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа».
- Архив Академии наук СССР. Фонд 2 «Архив Конференции Академии наук», фонд 25 «Н. В. Ханьков», фонд 56 «А. И. Леман», фонд 66 «А. А. Бунге».

Архив Всесоюзного Географического общества (ВГГО). Фонд 1
«Канцелярия имп. Русского Географического общества».
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел руко-
писей (БЛ ОР). Фонд 169 «Д. А. Милютин».
Государственный Исторический музей, Отдел письменных источни-
ков (ГИМ ОПИ). Фонд 208 «М. Г. Черняев», фонд 307 «Н. И. Гро-
деков».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Международные отношения Средней Азии с начала XIX в. до Крымской войны.	52
Глава II. Подготовка царской России к экспансии в Средней Азии (1857—1862)	81
Глава III. Присоединение Южного Казахстана (1863—1864)	138
Глава IV. Ликвидация независимости Кокандского и Бухарского ханств (1865—1868)	182
Глава V. Активизация английской экспансии на Среднем Востоке	242
Глава VI. Утверждение России в западной части Средней Азии (1869—1873)	262
Глава VII. Присоединение Кокандского ханства и Туркменин (1874—1885)	310
Глава VIII. Памирский вопрос (1883—1895)	371
Глава IX. Царизм и среднеазиатские ханства в колониальный период	406
Вместо заключения	420
Библиография	445

